Лис-Арден

Алмаз темной крови

Н-ПРО

от автора «Мастера Теней»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Эльфийский лорд и плясунья… сюжет для пошлейшей, завиральной баллады, от которой тошно эльфам и стыдно людям».

Странно уютный, замкнутый на себе самом мирок, похожий на осколок когда-то огромного, настоящего мира. Неправдоподобно маленькие государства, невеликие расстояния, да и богов — раз-два, и обчелся. Все положенные этому мирку войны откипели, населяющие его народы поделили земли и зажили спокойно и беспечально… как в заповеднике. Однако в Обитаемом Мире побратимом эльфа становится орк. То, что везде несет волю и перемены, оборачивается здесь медленным ядом. А обученная в храмовой школе танцев девушка с цветочным именем становится хозяйкой опасного артефакта.

- Пролог
- Глава первая. В гостях у Черного Лиса
- Глава вторая. Дети Лимпэнг-Танга
- Глава третья. «Стойка и пауза» — и еще пять правил школы Нимы
- Глава четвертая. Дети Лимпэнг-Танга. Продолжение
- Глава пятая. Подарочек
- Глава шестая. Праздники Третьего Лета
- Глава седьмая. Ветряки Эригона
- Глава восьмая. Планы господина ратмана
- … И удача чернокнижника-недоучки
- Глава девятая. Мудрость господина ратмана
- Глава десятая. Под иными ливнями
- Глава одиннадцатая. Побратимы
- Глава двенадцатая. Милость господина ратмана
- … и неслыханное везение чернокнижника-недоучки
- Глава тринадцатая. Ночной огонь
- Глава четырнадцатая. Камень преткновения
- Глава пятнадцатая. Благодарность господина ратмана
- …и еще одна удача чернокнижника-недоучки
- Глава шестнадцатая. Амариллис, боль моя
- Глава семнадцатая. Линьяж
- Глава восемнадцатая. Обретение
- Глава девятнадцатая. Коронация
- Эпилог

Пролог

— А-а-апчхи!!!

Для молоденькой девушки она чихала чересчур громко и звонко; помнится, мама ее, еще когда была жива, в таких случаях всегда говорила: «Детка, ты хоть чуточку сдерживай себя, а то чих уж очень оглушительный получается, как будто ангел в серебряную трубу пукнул». На что она неизменно отвечала: «Мамуля, если я буду сдерживаться, то действительно пукну… да только не в ангельскую серебряную трубу!» После чего они дружно смеялись.

— А-а-апчхи!!!

Она выполаскивала в воде холодной лесной речки свое белье и неосторожно ткнулась лицом в какое-то водяное растение с невероятно пахучей пыльцой. В носу немедленно засвербело, защекотало… она несколько раз судорожно втянула в себя воздух и…

— А-а-апчхи!!! — и чихнула, что называется, от всей души.

Он торопился. Хотелось поскорее оказаться под благословенной сенью леса, услышать дыхание листьев, почувствовать под пальцами шершавую кожу деревьев, омыть слух птичьими трелями… да и важные новости задерживать не стоило. Хоть он и принадлежал к Вольным Лесным Стражам, не подчиняющимся никому из официальных иерархов, сознание долга было в нем очень сильно. Как, впрочем, и в любом из эльфов. Он быстрым шагом пересек редколесье, отметив про себя непонятный шум, доносившийся со стороны луга, примыкавшего к замковому саду, подошел к берегу Быстрицы — речки, протекавшей как раз по опушке пограничного леса. Она сильно разлилась в этом году, будет, пожалуй, не по колено, как всегда, а и по пояс. На тот берег вели несколько камней, выставивших из воды свои блестящие мокрые спины. Он привычным, легким движением шагнул па первый камень, так же легко перепрыгнул на второй, ступил на третий, как вдруг…

— А-а-апчхи!!! — так чихнуть могла разве что серьезно простуженная драконица.

От неожиданности он вздрогнул, подошва его тонкого сапога предательски заскользила по мокрому камню и…

— Плюх!!! — он полетел в воду… некрасиво, неизящно, совсем уж по-дурацки дрыгнув ногами.

Почти сразу он нащупал дно, встал (воды оказалось действительно по пояс), протер глаза, откинул с лица мокрые волосы. И тут его острых (во всех отношениях) ушей достиг

злорадный, звонкий хохот.

— Ха-ха… Ха-ха-ха-ха-ха!!!

Она смеялась, показывая неизвестно кому на него пальцем и почти что всхлипывая. Невысокая, коротко стриженная, с мальчишески легкой фигуркой, одетая в просторную полотняную рубаху и короткие, до колен, узкие штаны. Внезапно она хлопнула в ладоши, подбоченилась и запела на какой-то глумливый мотив видимо только что сочиненный куплет:

— Эльф-воитель через речку
Припустился во весь дух.
Но, узрев в кустах овечку,
В воду кверху пузом — плюх!

Весьма довольная собой, она снова захохотала, прислонясь в изнеможении к стволу старой ивы. Продолжая смеяться, нахальная особа выкрикнула начало второго куплета:

— На ушах повисла тина,
На башке — лягушка…

Тут и пение, и смех оборвались, а зубоскалка с изумлением уставилась на эльфийскую стрелу, пронзившую широкий рукав ее рубахи и пришпилившую ее саму к дереву.

Эльф усмехнулся, опустил лук и неторопливо пошел уже вброд посмотреть поближе на ту, что осмелилась сказать что-то о его ушах. Он промок насквозь, с длинных волос ручейками стекала вода, в сапогах хлюпало… но он ничего этого не замечал, поскольку был слишком зол и заинтересован. А девушка тем временем пыталась вытащить стрелу, бормоча невнятные ругательства и посекундно оглядываясь на приближавшегося неприятеля. Вот уже заскрипел песок под его шагами…

— *Яншансинг инсыньятинг, у-у-у… порлог истигболи!!! Куш хелепсиз азис дустлар!!!* -. От таких слов, достойных вусмерть пьяного наемника-орка, эльф сначала покраснел, а потом хмыкнул. Уж что-что, а ругаться девчонка умела.

— Так-так, и что же это за королеву сквернословия я подстрелил? И что мне с тобой делать, негодница? Отстегать, что ли, лозой, да и отправить обратно в твой хлев?

— Только попробуй прикоснуться ко мне… *порлог истигболи укк фургат!* От такого эльф даже поперхнулся, но не отступил. Он подошел вплотную к шипящей как камышовая кошка девчонке, легким мановением одной руки выдернул стрелу и, не глядя,

точным движением опустил ее за спину, в колчан.

— М-да, стегать тебя, пожалуй, поздновато… а вот целовать — самое время…

Пытаясь вырваться из тонких стальных обручей эльфийского объятия, девушка слишком сильно дернулась, ударилась локтем о дерево и с присвистом втянула воздух сквозь оскаленные зубы — красивые, белые… вот только клычки у нее выдавались чуть больше, чем это положено обычным людям.

— Ого… — протянул эльф, — орчатская порода вылезла? Интересно, кто он был — дед, прадед?

Она уставилась на него глазищами, обычно изысканно-серыми, как нильгайская замша, теперь же от злости бледно-голубыми, и промолчала. Эльф не стал развивать тему происхождения обидчицы, взял ее тонкими, сильными пальцами за подбородок…

— Не смей, ты…

… наклонился… и уже через мгновение забыл обо всем на свете. Ее губы были похожи на лепестки розовых осенних георгин — такие же прохладные, нежно-упругие. Он целовал их, стремительно забывая о том, что это, по правде говоря, не входило в его первоначальные планы — он собирался всего лишь обидно шлепнуть ее пониже спины; а поцелуй затягивал его, искушал, дразнил… Он закрыл глаза, светло-синие и колючие, как мартовское небо, вздохнул, позволил своим губам стать ласковыми и чуть-чуть ослабил объятия. И тут же об этом сильно пожалел.

Ибо извернувшаяся змейкой девчонка весьма чувствительно пнула его коленкой в запрещенное всеми правилами честного боя место, а когда он со вполне понятным стоном согнулся вдвое, толкнула изо всех сил, повалив на траву, подхватила свое бельишко и была такова.

Уже давно стихли ее легкие, торопливые шаги, растревоженные ее чихом и хохотом речные птахи снова расселись по местам и завели свои нескончаемые разговоры, все дальше и дальше несла свои воды Быстрица… А эльф все лежал на пологом песчаном берегу и плечи его слегка вздрагивали.

Хэлдар, лорд Лотломиэль, Вольный Лесной Страж, лежал на земле весь мокрый и смеялся, смеялся так легко и весело, как будто снова стал беззаботным ребенком.

Глава первая. В гостях у Черного Лиса

— Я очень рад, дядя Хэлдар, что ты все-таки успел на юбилей к барону. Жаль, почти все интересное пропустил; сегодня последний день… Ну ничего, постараемся наверстать.

— Ты ничуть не изменился, Хадор. Все такой же неугомонный и восторженный; и о каком интересе ты говоришь? Как будто не видел я человеческих праздников… Напились, объелись, по кругу потопали — это у них называется танцами, а для полноты картины подрались. Что, разве не так?

— Представь себе, нет. Старик Гэлвин много что умеет, например, подбирать гостей. Суди сам. Первыми прибыли цверги, делегация от кланов Железа, Меди и Серебра.

— Ого…

— Вот именно, в большем составе — со спесивцами из клана Золота — они бывают разве что на королевских свадьбах… Слушай, а почему такая честь старому барону?

— Гэлвин сумел склонить престол Одайна на сторону цвергов в самый тяжелый период их войны с гномами; они уже голодали, всех летучих мышей успели приесть, — а он привел обоз с продовольствием… такое не забывается.

— Это уж точно. Потом явились велигоры — целых четыре штуки, важные такие, ожерелья до пупа, дубинки все в резьбе.

— Это не дубинки, это парадные жезлы старейшин. Боевые дубины в три раза больше.

— Да?!.. Ничего себе… Ну, потом кое-кто из соседей: или такие же старые пройдохи, понимающие толк в увеселениях, или молодые прожигатели батюшкиных денежек. Несколько придворных остолопов с семействами — для смеху, очевидно; какие-то родственники. Как всегда, самыми последними явились наши — я и еще кое-кто из Стражи, Ливайна со свитой поклонников, Геран… слушай, а ты здесь какими судьбами?

— Случайно встретил Герана, а от него не отвяжешься.

— Ага. В общем, общество подобралось — что надо, угощение — выше всяких похвал, а самое главное — старик Гэлвин сумел зазвать к себе на целых четыре дня храмовую труппу Лимпэнг-Танга — всех до единого!

— Вот это интересно… Я ни разу не видел их выступлений, но слышал о них… многое. Ну и как они тебе?

— Потрясающе. И не делай такого скучного лица, дядя Хэлдар, вот увидишь — это такое… такое… Представь себе — ни

один номер не повторяется, артисты — само совершенство…

— Будет тебе, Хадор. Позволь мне хоть немного отдохнуть с дороги, вечереет уже… увидимся на пиру.

— Подчиняюсь… — молодой эльф склонил голову в шутливо-почтительном поклоне и вышел из комнаты.

Хэлдар закрыл дверь за своим болтливым племянником и огляделся. Отведенная ему комната была не слишком просторна, по вполне удобна. Она находилась в третьем этаже западной башни старого замка Гэлвинов, одного из самых старинных (по людским меркам, конечно) родов королевства Одайн; располагался замок на границе с эльфийским лесом Молодой Листвы и в былые времена не раз выполнял роль пограничного гарнизона. Теперь же, когда войны людей и эльфов канули в прошлое и старые обиды поросли быльем, он стал родовым гнездом баронского рода и гордо нес на фасаде герб Гэлвинов — черный лис на серебряном поле, по углам — пучки копий. Замок был построен из серого с черными прожилками камня, так что казалось, будто стены его — сплошь в трещинах, и вот-вот рухнут на головы беспечным обитателям. Куда как обманчивое впечатление… Гэлвины строили с умом: во время оно в раствор, скрепляющий камни, щедро добавляли сырые яйца, и даже, по совету мастеров, купили — не пожадничали — несколько бутылей густого и белого, как хорошая сметана, вяжущего сока какого-то неведомого южного растения (одна бутыль снадобья стоила как доброе стадо в сотню коров, правда, и разводили его на целую бочку…) Раствор с добавлением заморской диковины схватывал камни намертво, не выкрашивался и плевать хотел на любые потопы, а если уж до конца верить россказням смуглолицего и краснобородого купца, умудрившегося за три дня пребывания в старом доме Гэлвинов распродать весь свой запас бус, а также обрюхатить двух служанок, еще и защищал от ударов молнии… Насчет этого проверить пока не удавалось — боги миловали, а во всем остальном логово Черных Лисов удалось на славу.

Эльф расчесал волосы, заплел их на висках и закрепил низко на затылке легкой серебряной пряжкой: еще до прихода мальчишки Хадора он успел умыться и сменить привычную одежду Вольного Стража (серебристо-зелено-бурую, в обиходе именуемую «лесная тень»), на более парадный камзол темно-красного атласа, штаны и рубаху белою шелка, серые сапоги нильгайской замши; сел в кресло, стоящее у окна, опустил подбородок на переплетенные пальцы рук, и попытался разобраться в том беспорядочно спутанном клубке, в каковой превратилось его такое дисциплинированное сознание.

Как назло, перед самым уходом из общей резиденции

Вольных, куда стекались все новости и откуда все важные вести отправлялись в столицу, он наткнулся на прилипалу Герана и не успел притвориться старым, замшелым пнем; грубить же другу не хотелось — в результате пришлось тащиться вместе с ним па это нелепое празднество. Немало повеселило его и прочитанное по дороге письмо от матери, вновь умоляющей его памятью отца вернуться домой, признать оскорбление — досадным недоразумением и занять достойное лорда Лотломиэль место при дворе Четырех Королей; в конце письма матушка с рвением, достойным подкупленной свахи, перечисляла достоинства его невесты Нианы… Хэлдар не нуждался в напоминаниях, он очень хорошо помнил Ниану — высокую, божественно сложенную, с длинными волосами цвета воронова крыла, синеглазую и грациозную, и безразличную ко всему на свете, кроме своего достоинства и фамильных драгоценностей. Да еще это давешнее купание в ледяной воде Быстрицы…

Именно оно, и ничто другое. А все остальное не имеет ни малейшего значения, сказал Хэлдару внутренний голос. На самом деле тебя беспокоят мысли о той негоднице; и важно даже не то, что они… чересчур… их попросту не должно было быть, не так ли? Эльф думает о человеческой девушке? Рыбки в облачках порхают, гном весь трактир пивом за свой счет угостил… И при всем том они есть, эти мысли. И прогнать их тебе не под силу. Даже не пытайся.

Хэлдар резко встал, распахнул окно — пусть комната проветривается, и, заперев за собой дверь, направился по коридору к лестнице, ведущей вниз, в пиршественный зал. На последних ступенях он задержался, поскольку впереди него, в полутемном холле кто-то разговаривал.

— Ты все сделал, как я велела? Смотри у меня, недоумок, если перепутал стол… — такой переливчатый, серебристый выговор мог быть только у эльфийки.

— Не извольте сумлеваться, госпожа, все сработано в чистом виде. Так как насчет денюжек? — второй голос был хриплый и гнусавый, как у пьяного конюха.

— На, получи. И проваливай.

Две фигуры разошлись: одна — стройная, изящная — в ярко освещенный зал, вторая — приземистая, угловатая — в темный боковой коридорчик, и Хэлдар, недоумевая, какой же стол так заинтересовал красавицу Ливайну, неслышно прошел вслед за ней.

В пиршественный зал он вошел одним из последних; почти все гости уже расселись за столами, расставленными полукругом вдоль невысокого помоста, на котором должны были выступать

приглашенные артисты, о которых Хэлдару уже приходилось немало слышать. Дети Лимпэнг-Танга были самой необычной труппой во всем обитаемом мире. Начать хотя бы с того, что они никому не принадлежали. Не было у них хозяина, который набивал бы свою мошну, богатея их трудами; своего главу, призванного от имени труппы вести переговоры и заключать контракты, они выбирали сами, открыто и честно. Стать членом этого актерского братства мог стать только очень талантливый, незаурядный артист; любой из Детей Лимпэнг-Танга мог заменить собою целый цирк или театр, мастерски владея несколькими видами искусств и имея свой неповторимый номер, который более никто не мог исполнить. Летом они колесили по королевствам и княжествам обитаемого мира, останавливаясь на ярмарках или в замках(случалось, что бароны и герцоги серьезно ссорились, выясняя, чья очередь принимать артистов у себя дома), а ни зиму оседали в каком-нибудь большом городе, арендуя здание театра или цирка.

И один раз в году, перед тем как начать повое странствие по градам и весям, артисты отправлялись в паломничество к храму своего легкого и веселого божества — Лимпэнг-Танга. Они недаром называли себя его детьми: всех их судьба приводила однажды на широкие белые ступени, ведущие в святилище тихо смеющегося бога, и всех их он отметил особой милостью, призвав в свою труппу. Актеры везли Лимпэнг-Тангу цветы, благовония и свои новые номера, чтобы порадовать его взор и развеселить сердце. Они любили своего бога, хотя и знали, что в горькие дни помощи от него ждать бесполезно, ибо над темными силами он не властен; да и может ли кто-нибудь, кроме людей, справиться с горем и болью?! Но Лимпэнг-Танг разворачивал крылья вдохновения за их спинами, давал им радость творить — на радость… он выходил к своим детям — вечно юный, рассыпающий смех бубенчиков, вплетенных в несчитанные косички — и плясал вместе с ними, и его узкие босые ноги не оставляли следов на высокой траве… И в такт его божественному дыханию вздрагивали, позвякивали серебряные колокольчики, которые он собственноручно вдевал каждому из своих артистов в левое ухо.

* * *

За центральным столом сидел хозяин замка, старый Черный Лис Гэлвин — невысокий сухопарый старик; на его загорелом морщинистом лице выделялись молодые, веселые глаза, словно

бросающие вызов белоснежным сединам; на темно-зеленом камзоле тускло поблескивала баронская цепь черного золота — других драгоценностей Гэлвин не признавал. По левую руку от барона сидели две хорошенькие близняшки — его племянницы, по правую — его лучший друг и ближайший сосед, известный на все королевство врач и ученый Альвиц. За отдельными столами, уставленными внушительного вида утварью, сидели велигоры, разодетые ради торжественного случая в парадные меховые безрукавки: их длинные, обычно всклокоченные волосы были заплетены в множество косичек, каждая из которых заканчивалась деревянной бусиной; резные жезлы покоились у них на коленях. Рядом расположилась делегация цвергов, в серых, коричневых и серебристых одеждах, у каждого оба запястья были украшены массивными браслетами из металла клана; их прославленные усы, кое у кого спускавшиеся до середины груди, были щедро умащены благовониями. За другими столами сидели какие-то люди; эльфы расположились справа от баронского стою.

— Ну наконец-то, — приветствовал Хэлдара Геран, его давний знакомый по столице. — я было решил, что ты заснул. Усаживайся поудобнее, да не забудь возблагодарить судьбу, она к тебе более чем благосклонна: все поздравления уже сказаны, ответные благодарности высказаны, и все могут спокойно наслаждаться гостеприимством барона, не скребя в затылке, вымучивая цветистые речи.

В это время хозяин замка встал и поднял правую руку, призывая к вниманию. Гул в зале затих.

— Мои дорогие, достославные гости, — обратился к собравшимся Гэлвин, — сердечно благодарю вас за то, что вы почтили мой праздник своим присутствием. Не путайтесь. — он снова, на этот раз успокаивающе поднял руку, — я не собираюсь услаждать ваш слух долгой и нудной речью, скажу только, что сегодня, в последний день праздника, я желаю вам отменно повеселиться. Для вас, и только для вас, я представляю особую самое лучшее от Детей Лимпэнг-Танга!..

Гости ответили барону восторженным ревом и рукоплесканиями. Ну еще бы — ведь «самое лучшее» состояло именно из тех номеров, каковые кроме артистов, носящих в левом ухе два маленьких позвякивающих колокольчика, исполнить не мог ннкто. Это были их коронные номера, за которые их похвалил сам Лимпэнг-Танг.

На дощатый помост-сцену из-за сооруженных для такого случая кулис вышел высокий темнокожий мужчина с белоснежными, коротко стриженными волосами, одетый в просторный темно-зеленый плащ.

— Это Лиусс, — зашептал на ухо Хэлдару Геран, — их нынешний глава, музыкант и великолепный фокусник.

— Ты что, все их знаешь? — поразился Хэлдар.

— Друг мой, в своем лесу ты невероятно отстал от жизни… нельзя же так! *Я* видел их выступления дважды, между прочим, приезжал специально для этого на ярмарки — да-да!!! Ну ничего, я обо всем тебе расскажу… невежа.

Темнокожий Лиусс поклонился публике и сказал звучным, глубоким голосом:

— Господин барон и вы, досточтимые гости! Сегодняшнее наше выступление мы посвящаем славному хозяину замка Черного Лиса, да не умалится его пышный хвост!.. — и он резко вскинул руки, словно разбрасывая что-то из горстей, и вдруг из кончиков его пальцев вырвались десять снопов маленьких фейерверков. Тут же Лиусс сложил ладони вместе, развел их, и под потолком, прямо над головами гостей заклубилась совсем настоящая грозовая туча размером с небольшой ковер, глухо прогремел гром, сверкнула молния; фокусник дунул на тучку и она разразилась настоящим дождем, однако капли, не долетая до пола, исчезали. Затем он очертил руками в воздухе полукружие — и на месте тучи заискрилась всеми своими семью цветами радуга. Барон Гэлвин улыбнулся: его покойная матушка очень любила рассказывать, что ее любимый сыночек появился на свет в бурную грозовую ночь, под раскаты грома и перестук дождевых капель. Лиусс поклонился, благодаря за аплодисменты, и объявил:

— Рецина и ее стальные кружева!

— О, это должен быть потрясающий номер. — снова зашептал Геран, — Рецина, по слухам, владеет любым оружием со всего обитаемого мира: она с острова Мизоан, а тамошние женщины одолеют конного рыцаря даже вязальной спицей. Смотри, смотри!

— Слушай, отвяжись… дай поесть спокойно… Ничего себе!

— А я что говорил!!!

На сцену вышла высокая, смуглая женщина, одетая в короткие штаны, безрукавку змеиной кожи и легкие сандалии, на поясе, украшенном устрашающего вида клыками, висел длинный кинжал; ее ярко-синие волосы были заплетены в толстую недлинную косу, такого же цвета глаза окружала затейливая татуировка; подобные рисунки были и на кистях рук воительницы, и на лодыжках. Она остановилась в центре помоста, невозмутимо рассматривая публику. Вышедший следом Лиусс нес целую охапку настоящего боевого оружия, превосходно отточенного и отбалансированного. Он раздал его всем желающим (увы, на всех не хватило), подав хозяину замка

редкостные в этих краях серпы смерти; когда-то один из таких серпов оставил длинный тонкий шрам на правой щеке барона, вставшего в свои неполные семнадцать лет под знамена Одайна в войне Безумного Солнца; молодой Гэлвин сумел тогда посчитаться с владельцем серпов, выпустив содержимое его смуглого живота на раскаленный песок пустыни… По условиям номера, зрители сами кидали Рецине оружие, без предупреждения — кто когда захочет. (Не все разом, разумеется).

Пока зрители рассматривали оружие, проверяя его подлинность и боевую готовность, из-за кулис вышел рыжий тип с деревянным барабанчиком. Он уселся, скрестив ноги, на краю сцены и принялся выстукивать ритм — сперва тихо и невнятно, затем все громче и громче… та-там… та-та-там… та-там… та-та-там… Огромные люстры, щедро поливавшие зал светом белых восковых свечей, несколько поугасли, светильники, расставленные по окружности сцены, разом лизнули воздух красными языками пламени. Голоса в зале умолкли.

Первым не выдержал какой-то цверг, запустивший в голову циркачке боевым топором, который она поймала без малейшего усилия, почти не двинувшись с места… Рецина стояла, гордо выпрямившись, держа массивную рукоять в вытянутых над головой руках; дав публике пару секунд полюбоваться сим зрелищем, она резко присела, подпрыгнула, и, выкрикнув наиболее непристойную версию боевого клича гномов, принялась вертеть тяжеленным топором словно тросточкой.

Чуткое ухо эльфа уловило глухой стон воздуха, вспарываемого ятаганом — Рецина отбила его, перехватила в воздухе толстую, удобную только для орка рукоять, а отслуживший топор отшвырнула, вогнав лезвие чуть ли не на половину в деревянный пол сцены. Грубое орочье уханье — и широкое лезвие превратилось в порхающего мотылька, кружащегося вокруг смуглой красавицы. Выпад… и на руке циркачки повисла, обвившись на запястье, разбойничья цепь. Она раскрутила ее, так, что шипастые шары со свистом рассекали воздух; зрителям казалось, будто над ее головою парит блестящий зонтик.

А затем почти одновременно в пол воткнулся ятаган, вокруг него, тускло зазвенев, обвилась цепь, а Рецина, взлетев в воздух, поймала глефу, отправленную в полет эльфийской рукою, приземлилась, перекувырнувшись через голову… и тут, нарушая ритм барабанной дроби, кто-то из гостей швырнул на сцену дротик, явно метя в сторону рыжего. Удар был отбит мастерски, быстро и точно; а барабанщик, подхватив один из обломков дротика, тут же изменил рисунок мелодии, дополнив глухие

удары ладонью звонким постукиванием палочки. А глефа порхала в руках Рецины, взлетала и кружилась. Потом в руки циркачки словно сами собой прилетели серпы смерти и, встреченные гортанным криком-клекотом, заплясали, повинуясь ее мастерству. И, наконец, пришел черед меча — серпы поймали его, словно два когтя; в помощь ему заблистал выхваченный из-за пояса кинжал. Вместе, в руках неутомимой воительницы, они действительно ткали в воздухе стальные кружева, неуловимый, звенящий и убийственный узор. Последний выпад, свистящий — «ха-а-ах…» — выдох, и меч дрожит, воткнувшись в пол, и замирает барабанная дробь, и огненные языки светильников вновь взлетают над бронзовыми чашами, осыпая тысячами искр замершее на краю сцены смуглое тело… а зрители, восхищенные и наэлектризованные, орут от восторга и неистово рукоплещут…

Пока гости барона Гэлвина приходили в себя и заливали возбуждение содержимым его винных погребов, Лиусс вместе с каким-то верзилой («это их силач, Орсон» — пояснил Геран) убрали со сцены оружие, вбили в пол несколько железных штырей для крепления растяжек и принялись устанавливать необычную трапецию: два высоких шеста, и на каждом поблескивают металлические скобы, с которых свисают серебристые веревки. Работа была закончена как раз тогда, когда зрители созрели для нового номера.

Оставшийся на сцене Лиусс повел руками и расположенные перед сценой светильники сами по себе несколько поугасли, зато ярко полыхнули другие — на стене позади помоста.

— Досточтимые гости, я с гордостью представляю вам «Паутину» — новый *лучший* номер Криоллы. Вы будете первыми, кто увидит и оценит его.

Как только фокусник покинул сцену, из-за кулис полилась негромкая, тягучая мелодия. Вскоре перед затаившими дыхание зрителями появилась девушка в костюме акробатки, словно облитая черным мерцанием; ткань обтягивала и голову Криоллы, полностью скрывая ее лицо. Под музыку, похожую на вечерние лесные шорохи, девушка принялась плести настоящую паутину, словно перепархивая с одного шеста на другой. Вскоре сеть была готова — серебристые концентрические круги, пересеченные прямыми линиями, гостеприимно светились в воздухе; в центре же застыло тело Криоллы — изящное и невесомое. В этот момент из-за кулис, с разных сторон появились еще два участника номера — двое мужчин, оба в костюмах, очень похожих на одеяния Вольных Лесных Стажей. Они приблизились к паутине и замерли, околдованные опасной красотой. А Криолла, изгибаясь и принимая немыслимо соблазнительные позы, начала спускаться

вниз. Вот она ступила на пол и подошла к одному из них; он раскрыл ей свои объятия и она не уклонилась от них, и, увлекая его все ближе и ближе к паутине, обвила тело мужчины тонкой нитью и он замер, спутанный ее смертоносной любовью. Второй Лесной Страж предпринял попытку подчинить хозяйку паутины своей воле; он наступал на нее, пока она покорно не отдалась в его руки, но подчиняясь и уступая, она незаметно вела мужчину в свою сеть. Артисты не сказали ни слова, только блестели их глаза и тела ткали музыку танца, но Хэлдар отчетливо слышал бьющиеся в воздухе властный голос и нежный шепот…

«Ты только моя!… О да, мой повелитель… Ты не смеешь!.. Никогда, о господин… Подчинись, забудь обо всем, кроме меня!… Я принадлежу тебе вся, навсегда… и поэтому… ты… принадлежишь… мне…» Тонкая нить падает на плечи возжелавшему хозяйку паутины, и все его попытки освободиться бесполезны — каждый отчаянный рывок лишь позволяет ей накинуть новую петлю на его тело. И вот наконец вторая жертва бессильно повисает в серебристом сплетении, запутавшись в собственных желаниях и нитях паутины, а госпожа паучиха поднимается наверх, где и застывает, распластавшись в зовущей, провоцирующей позе, — поджидать новых охотников за своей любовью.

Завороженные волшебным зрелищем, зрители не сразу опомнились, но невнятные вначале хлопки переросли в поистине оглушительное одобрение. Артисты подошли к краю сцены, поклонились и Криолла сняла с головы капюшон. Хэлдар увидел миниатюрное, почти треугольное личико, раскосые желтые глаза и прямые черные волосы, подстриженные лесенкой; один из актеров оказался очень похож на Криоллу — только выше ростом и длинные волосы собраны в хвост, скрепленный несколькими золотыми кольцами.

— Шонно, — протягивая ему руку, сказала зрителям Криолла и, повернувшись ко второму партнеру, засмеялась (было видно, что она очень радуется успеху) — и Лорка!

У этого были огненно рыжие волосы, вьющиеся вокруг головы лоскутами лесного пожара, зеленые, как молодой крыжовник, глаза, задорный нос и большой рот, любящий смеяться и целовать. Артисты еще раз поклонились и скрылись за кулисами. Вскоре на сцене оказался небольшой трон, украшенный с нелепой, бьющей через край роскошью. Зрители, переговариваясь и опустошая тарелки и кубки, запоглядывали на кулисы, гадая, кто же сейчас появится. И вот па сцену вышел высокий, стройный юноша; обратив к публике свое слишком красивое для человека, бесстрастное лицо, он негромко объявил:

— Его величество Хвергельмир Сокрушитель!

В тот же миг артист невероятным образом преобразился: все в нем вроде бы осталось прежним, но походка, осанка, выражение лица, взгляд… Вместо стройного юноши на сцене оказался кряжистый, приземистый старик с хитрым, упрямым лицом и бегающими прищуренными глазками. Под хохот публики, в котором выделялись всхрюкивания цвергов, он величественно прошествовал к трону и уселся, предварительно скинув на пол невесть откуда взявшуюся дохлую крысу.

— Э-э-э… тык-скыть, эта… ну, как эта… э-э-э… в общем, мое велицтво желает всем бла-ародным гостям процветать и зра… сва… вава… вать, — и он оглядел собравшихся с нескрываемым торжеством, весьма довольный своим красноречием.

Казалось, что от дружного хохота вздрагивают каменные стены замка и покачиваются люстры, смеялись все, даже эльфы, настолько злой и точной была эта пародия на короля гномов. Велигоры от восторга молотили своими жезлами по столам, грозя превратить их в щепу, снежно-седой Альвиц утирал выступившие от смеха слезы; прикрывая лицо рукой, постанывал насмеявшийся до икоты Геран, но солонее всех пришлось цвергам — они уже не в состоянии были смеяться, только повизгивали и похрюкивали, держась за бока. А шут Лимпэнг-Танга все поддавал и поддавал: он потребовал пива и выхлебал поднесенную кружку (разумеется, воображаемую) с неописуемой жадностью, булькая и давясь; затем принялся радушно угощать невидимого посла невиданным лакомством — целым яйцом всмятку, и при этом все бубнил про себя, что авось этот посол не такой обжора, как предыдущий, оставит и ему чуток угоститься…

Наконец, король гномов ушел за кулисы, волоча за собою дохлую крысу и объявив напоследок, что из нее выйдет недурной воротник на домашнюю мантию… Несмотря на все рукоплескания довольной публики, он так и не вышел на сцену.

— Геран, кто это был? — наклонившись к соседу, спросил всерьез заинтересованный Хэлдар.

— Это Арколь, их шут. Мог бы стать великим артистом, если бы обратил свой дар па что-нибудь более серьезное. Но он предпочитает смешить…

— Но ведь он… эльф?

— Полукровка, — дернув щекой, ответил Геран, — какая-то из наших высокородных дам развлеклась с человеком… ребенка, как водится, подбросила в приют Дочерей Добродетели… м-да…

Пир продолжался своим чередом. Гости развлекались в свое удовольствие: желающие напиться — опрокидывали бокал за бокалом, заливая вином парадные одеяния; желающие

накушаться про запас — опустошали тарелки и подносы, распуская пояса; жаждущие общения

— беседовали, и все без исключения ждали следующего выхода кого-нибудь из храмовой труппы Лимпэнг-Танга. Бесшумно сновали слуги, внося все новые и новые перемены блюд, меняя чересчур запачканные скатерти, опрыскивая пол душистой водой; праздник определенно удавался на славу. Хэлдар давно уже отодвинул от себя серебряный столовый прибор и, прихлебывая отменное баронское вино, рассматривал гостей. Все шло своим чередом, как и должно, но внутренний голос нашептывал ему, что вряд ли сегодняшний вечер закончится тихо и мирно, что-то назревало в воздухе… но вот что именно? Порой он ощущал, как мимо него проносятся дуновения чьих-то чувств — ревности? страха? радости? Вот и Геран как-то озабоченно потер лоб кончиками пальцев… На сцену снова вышел Лиусс.

— Гости славного барона, представляю вам Орсона и всю силу его рук!

А затем на подмостках снова появился Арколь. На этот раз его сопровождал Лорка, переодетый в женское платье; он следовал за шутом по пятам, вздыхая и охая. Сделав круг по смене, «девица» обратилась с жалобою к зрителям:

— И угораздило же меня, несчастную, втюриться в ельфа! Ну что ты будешь делать с эдаким кавалером, и добро бы я ему не ндравилась, так ведь нет, говорит, что мила я ему…

Хэлдар вздрогнул, Геран удивленно глянул на него.

А на сцене тем временем артисты разыгрывали настоящую комедию. В otbet на все улыбки и томные взгляды девицы, Арколь-«ельф» принимал изысканные позы, словно срисованные из придворного трактата о хороших манерах, и начинал воспевать достоинства своей избранницы… Она недвусмысленно подмигивала ему, а он распевал серенады. Она задирала подол чуть ли не до подбородка, демонстрируя полосатые чулки и кружевные панталоны, а он с изысканным подвыванием читал ей стихи. Сидящие *за* столом эльфы помрачнели и с деланным недоумением переглядывались, Хадор так и вовсе покраснел от негодования, и все порывался встать и вмешаться… Но вот артисты скрылись в кулисах: под конец «ельф» почти что убегал от своей ретивой красавицы, а она, перед тем, как скрыться окончательно, обернулась к зрителям и крикнула, обращаясь явно к Хадору:

— *Эй,* мастер эльф, может, ты не такой недотепа, а?! Приходи нынче на сеновал, проверим! — и под одобрительный смех публики нырнула под занавес. А уже через несколько секунд оттуда вышла ужа другая пара: на этот раз Арколь изображал

влюбленного цверга, который отнюдь не утомлял девушку чтением стихов, но стремился без лишних слов уволочь ее в ближайшие кусты… Хэлдар все более поражался незаурядному актерскому мастерству шута — настолько полно перевоплощался он в своего персонажа, доводя до зудящей оскомины самые характерные его черты. Ему не было нужды прибегать к сложному гриму или каждый раз переодеваться: он изменялся с а м — и этого было довольно.

А на сцене бедная девушка не знала, как ей отбиться от чересчур назойливого кавалера Она то принималась просить его спеть любовную песню, то предлагала полюбоваться на восходящую луну, то требовала стихов в свою честь… Влюбленный же цверг в ответ на все ее инсинуации не мог связать и двух слов, мялся, мямлил и поминутно распускал руки … получал оплеухи и, под подбадривающие крики зрителей, снова лез на приступ. В конце концов, девушка посулила ему немалую трепку и принялась кричать караул. Цверг ие дожидаясь, пока сбежится вся ее мужская родия, дал тягу во все лопатки, не забыв напоследок пригласить ее выйти ночью в сад…

Вдоволь, от души насмеявшиеся гости все еще хлопали актерам, когда на сцепе снова появился Лиусс.

— Самые лучшие номера обычно приберегают напоследок, не так ли, досточтимые гости? Но для вас мы не станем скупиться. Вскоре вы увидите то, ради чего многие из вас переезжают из города в город, удостаивают своим посещением ярмарки… — тут он мельком, почти незаметно (но не для эльфа…) глянул на Герана.

— У Детей Лимпэнг-Танга еще найдется, чем удивить вас, наша особая программа закончится не скоро. Однако мы не будем испытывать ваше терпение. Высокочтимые гости, после небольшого антракта для вас будет танцевать Амариллис!

И, поклонившись, фокусник скрылся за кулисами.

— Геран?

— Ни слова, Хэлдар, ни слова, пока ты сам не увидишь этого. Пойдем, выйдем на балкон, здесь уже становится слишком душно, — и он потянул вниз расшитый ворот камзола.

Они встали и, раскланиваясь с другими прохаживающимися по залу гостями, прошли к высоким, распахнутым в ночной сад дверям. Нельзя сказать, чтобы барон уделял саду особое внимание, он почти не вмешивался во внутренние дела цветов и деревьев и не навязывал им посредством ретивого садовника свое представление о естественной красоте; возможно, именно поэтому сад и был так хорош, что даже эльфы одобряли его… Хэлдар и Геран прошли немного по едва заметной тропке вглубь

и остановились под огромной, цветущей липой; они поздоровались с деревом, на мгновение прижавшись лбом к прохладной коре, и заговорили.

— Ты вовсе не должен мне что-то объяснять, Геран. Если только не хочешь рассказать сам.

— Не знаю… боюсь, ты неверно истолкуешь мои слова.

— Несказанные слова толковать еще труднее. Мы как-никак друзья, или ты забыл об этом в столице?

— Нет, не забыл. Да и рассказывать вроде не о чем. Мне действительно небезразличен этот театр и эта девушка… Амариллис. Я увидел ее на коронационных праздниках, в Арзахеле, она танцевала во дворце… Это невозможно описать словами, Хэлдар, нужно было видеть, как избалованные столичные зрители, более чем пресыщенные, сидели, разинув рот… Кто погрубее — облизывались от вожделения; рядом со мною сидел какой-то герцог, так он — да и не один — готов был при всей высокородной публике рукоблудием заняться… А я, как и полагается утонченному «ельфу», затосковал, и думал только о том, какое это счастье — любить… просто и только — любить…

— Неужели? И она — вернее, ее искусство — настолько пленили тебя, что ты переезжаешь теперь с места на место, вслед за труппой?

— Если бы… Его величество Воды не жалует праздных гуляк; но я с особой охотой берусь за поручение, если место моей миссии совпадает с местом выступления некоей храмовой труппы… Тебе это кажется нелепым?

— Нет, нелепым не кажется… но вот неразумным…

— Брось, Хэлдар. Мы живем в драгоценных коконах всю свою жизнь, настолько длинную, что людям она даже представляется бесконечной. Туда не пойди — недостойно, с тем не заговори — не принято, этого не делай — невместно… Ты вот в Лесную Стражу ушел, а я театром увлекся… Вольный воздух, свежий ветер…

— М-да… Скажи, а кроме тебя, у этой… Амариллис есть поклонники, я имею в виду, из эльфов?

— Есть. Равно как и завистницы.

— Даже так?

— Именно. Одна из них сидит сегодня с нами за одним столом… да-да, Ливайна Златовласая собственной персоной. Тогда в Арзахеле один из ее верных рабов, украшение ее свиты, Гвальмай…

— Гвальмай из Северной Гавани?

— Он самый… он так увлекся любимой танцовщицей Лимпэнг-Танга, что и думать позабыл о своей прежней даме.

Принялся всячески ухаживать за циркачкой, что только не делал, прямо-таки из кожи вон лез… — все напрасно, — не без злорадства сказал Геран, — и все это на глазах у Ливайны, каково?!

— И она его не отравила? Я знаю Ливайну, добрым нравом она никогда не отличалась…

— Это верно. Теперь она даже имени Гвальмая не выносит, страшно подумать, что она сделала бы с Амариллис… при возможности.

— Ты все-таки заставил меня заинтересоваться, Геран. Что ж… пойдем, посмотрим на эго чудо.

— О глубины и волны! Как я мог так заболтаться! Скорее, я не могу пропустить ни минуты! — с этими словами Герам схватил друга за руку и почти бегом потащил его в залу.

Они сели за свой стол; за время их отсутствия слуги поменяли скатерть, поставили новые приборы и, судя по стоявшим в огромных плоских вазах фруктам, готовились подавать десерт. Рядом с местом барона Гэлвина двое слуг установили еще один стол, длинный и пустой, соединивший хозяйский стол со сценой. При взгляде на одного из них — низкорослого, кривобокого — Хэлдару вспомнился уродливый силуэт в полутемном холле… «стол не перепутал?., не извольте сумлеваться…» Эльф досадливо тряхнул головой. На сцену вышел Лиусс, неся гитару из поющего дерева, и вслед за ним — невысокая, изящная женщина в длинном черном платье, на лице ее выделялись ярко-карие глаза и чувственный, сладкий рот. В ответ на недоуменный взгляд Хэлдара Геран поспешил пояснить:

— Это Венона, певица… она всегда поет для Амариллис.

И в этот миг па сцене появилась та, о которой Хэлдар уже столько успел услышать. Но такого он не ожидал.

На ней был необычный парик — недлинные, прикрывающие плечи волосы самых разных цветов: черного, красного, синего, фиолетового, изумрудного, оранжевого… они переливались как драгоценные птичьи перья из лесов Нильгау. Из похожей ткани — темно-синей в основе, расшитой разноцветными блестящими нитями — была и одежда танцовщицы: короткий лиф, украшенный прозрачными, негромко позвякивающими подвесками, и длинная, в пол, плотно облегающая бедра и широкая книзу юбка; на маленьких босых ножках Амариллис поблескивали два резных серебряных браслета. Она походила на редкую певчую птичку, случайно залетевшую в распахнутое окно залы, или на невиданный цветок, украсивший гладь паркового озерца. И все же она оставалась той самой грубиянкой. которую промокший насквозь Хэлдар не так давно целовал па берегу

Быстрицы…

О да, дети Лимпэнг-Танга по праву считались лучшими артистами обитаемого мира: они знали свое дело… Только они могли так удивить, так развеселить, так очаровать зрителя. Томно покачивалось пламя в чашах светильников, заливая сцепу трепещущим золотистым зноем. Лиусс ласково перебирал струны и гитара откликалась ему удивительным, волнующим душу звоном, им вторил голос Веноны, глуховатый, исполненный подлинной страсти, и все это сливалось в чувственную, полную диковатой прелести мелодию…

… Только ночью ты по-настоящему открываешь глаза,
Только темнота поможет тебе увидеть меня…
Так сомкни же ресницы и открой свое сердце — и не проси пощады у Любви…

Амариллис танцевала — и зрителям казалось, будто перед ними сама душа этой песни, воплотившийся зов Любви. Плавные, манящие движения рук, завораживающие переливы юбки, обнажающей порой в резком повороте стройные ноги — никто не мог отвести от этого глаз, да никто и не хотел… Повинуясь голосу мелодии, танцовщица все ближе и ближе подходила к краю сцены, собираясь, по-видимому, перейти по пустому столу прямо под ясные очи господина барона и там закончить свое выступление.

… Ты счастлив и испуган, и песня твоя — как стон,
Это госпожа Любовь позвала тебя в свою страну.
Иди и ищи свое счастье,
И не проси пощады у Любви…

Амариллис закружилась, превратившись в диковинный цветок; неуловимое движение рук — и юбка, шелестя и волнуясь, опускается к ее ногам… по залу прокатывается согласный, стонущий вздох. Она же, оставшись в расшитом лифе и короткой, украшенной такой же хрустальной бахромою набедренной повязке, замирает на несколько секунд, словно милостиво позволяя собою полюбоваться.

Хэлдар был совершенно ошеломлен. Он не ожидал, что танец произведет на него такое впечатление… и понимал, что ничем не отличается сейчас от мальчишки Хадора, сидящего вцепившись руками в подлокотники кресла, вытаращив глаза и с трудом переводя дыхание. Его взгляд, с огромным трудом оторвавшись от

нежно-белой груди девушки, скользнул вниз, по ее животу, бедрам, щиколоткам…

Случайно. Необъяснимо. Беспричинно. Но его глаза опустились почему-то еще ниже, и он посмотрел на стол, стоящий у края сцены — сначала мельком, бессознательно, затем с тревожным недоумением. Тонкая линия на ножке, почти под столешницей, невидимая для всех, не обладающих эльфийской зоркостью, «…стол не перепутал?..» Стол?!!

Он повернулся в сторону Ливайны — на ее красивом лице застыла гримаска нетерпеливого ожидания, сквозь которую пробивалась злорадная, противная улыбочка… За считанные мгновения, прежде чем нога Амариллис ступила на подлость, он все понял и…

Застывшие в сладостном ожидании люди вздрогнули от грохота отброшенного Хэлдаром кресла. А он, перемахнув через стол, метнулся к краю сцены, и все-таки успел встать на колено и подставить свое плечо, взамен выбитой подпиленной ножки стола.

Нужно отдать должное артистам — они и бровью не повели, словно все произошедшее было давным-давно отрепетированным трюком. Песня плела свой прихотливый узор, танцовщица, без малейших колебаний пройдя по чуть накренившейся столешнице, продолжала искушать персонально Черного Лиса Гэлвина, а Хэлдар стоял, уставившись в пол, и не слыша ничего, кроме оглушительного стука собственного сердца.

Должно быть, странное это было зрелище: высокородный эльф, стоящий на колене, словно перед одним из четырех королей, и держащий на плече стол, на котором танцует полуобнаженная девушка… Наконец мелодия стала затихать.

> … Кто бы ты ни был, не отвергай зова Любви,
> Ибо только ради нее ты живешь на земле…

Хэлдар не увидел — почувствовал легкие шаги Амариллис. Он боялся поднять глаза, не знал, куда ему деваться от всего неминуемо последующего за его безумной выходкой; глубинная, хваленая эльфийская холодность, неизменно выручавшая в моменты сердечного волнения, покинула его, прихватив с собою эльфийское же невозмутимое достоинство. Он услышал, как Амариллис легко спрыгнула со сцены. Девушка наклонилась к нему, нежно провела пальцами по щеке, взяла склоненное лицо в ладони, приподняла его и, еле слышно прошептав: «Спасибо…», поцеловала эльфа в крепко сжатые, пересохшие губы. После этого она скрылась за кулисами под восторженный рев гостей Черного

Лиса.

Собрав воедино последние остатки воли, Хэлдар заставил себя подняться; стараясь не глядеть по сторонам, он прошел на свое место, сел и попытался изобразить спокойное величие. Получалось неважно. Рука, державшая резной хрустальный бокал, почти заметно дрожала, стиснутый в прямую линию рот наотрез отказывался улыбаться, а сердце… а сердце, словно вознаграждая себя за долгие годы молчания и уныния, рвалось на волю, расправляло крылья, готовилось взлететь, захлебываясь ликующей песнью…

— Лорд Лотломиэль, я от всего сердца благодарю вас и остаюсь вашим вечным должником. — звучный голос барона Гэлвина, поднявшегося с места, заставил эльфа оторвать свой взгляд от скатерти. — вы спасли меня и мой дом от худшего из унижений — от осуществленной подлости. Друзья мои, воздадим же хвалу эльфийской зоркости и истинному благородству лорда Хэлдара!

С этими словами он поднял свой баронский кубок, приглашая гостей присоединиться к нему. Отпив глоток, Гэлвин добавил вполголоса, пристально глядя на эльфа:

— И мне кажется, что все мои словеса не идут ни в какое сравнение с благодарностью Амариллис… Не так ли? — и опустился на свое место.

Обычай требовал, чтобы Хэлдар произнес ответные благодарственные реплики, но сейчас он ограничился одним только поклоном. Гости, еще не пришедшие в себя после случившегося, переговаривались, бросая на страдающего от всеобщего внимания эльфа любопытно-завистливые взгляды. Артисты мудро выдерживали паузу, дабы почтенная публика могла переварить увиденное и не мешали ей ненужными сейчас новыми впечатлениями.

— Хэлдар, очнись, — судя по голосу, Геран был встревожен, — не стоит так переживать. Ты только что спас девушку… ее могло убить этим столом, во всех смыслах! И как ты только заметил, что ножка сломана…

— Не сломана. Подпилена, — все так же не поднимая глаз, проговорил Хэлдар.

— Что?! Не может быть, неужели Ливайна… Какая гадость! Тем более, ты не должен сожалеть о том. что сделал. Это не было унижением, друг мой… Или, по-твоему, более благородно сидеть и смотреть, как по воле завистливой дамочки калечится бедная девушка?

Хэлдар бросил быстрый взгляд на собеседника: похоже, что Геран (да и многие другие) посчитали причиной его смущения

якобы пострадавшее достоинство, не допускающее преклонения колен перед особой некоролевской крови. Это соображение успокоило его и позволило дотянуть остаток вечера в относительном равновесии.

Хэлдар открывал дверь своей комнаты, не веря, что наконец-то останется в желанном одиночестве. Это застолье казалось нескончаемым, не раз ему хотелось просто встать и уйти, презрев все мыслимые приличия. Ключ тихо щелкнул, повернувшись в замке, и эльф со вздохом облегчения вошел в полутемную комнату. Закрыл за собою дверь, повернулся к окну и… замер, не веря своим глазам. В кресле, оставленном им у распахнутого окна, кто-то сидел, подобрав под себя ноги и сжавшись в комочек. И Хэлдар знал, кто этот кто-то.

— … Как ты попала сюда? — ничего более достойного такого случая как-то не пришло ему в голову.

— Через окно. Все просто: узнала у мажордома, где твоя комната; дверь была заперта, а отмычку я так быстро сделать не могу. Пришлось карабкаться по стене, благо плющ тут крепкий, что твоя лестница… а окно ты сам оставил открытым.

— Понятно… — эльф, неслышно ступая, прошел через комнату и уселся на широкий подоконник. Какое-то время они молчали, не в силах произнести ни одного разумного и связного слова. Первой решилась Амариллис.

— Я… я хотела поблагодарить тебя. Если бы не ты, я бы сегодня накрылась ногами при всем честном народе, а потом меня этим столом как муху бы прихлопнуло. И меня, и мою репутацию… позор и поношение! Это ведь выдра Ливайна все подстроила, верно?

— Да, — машинально ответил эльф, — это она… Послушай, не стоит благодарностей, я ведь не дракона сразил…

— Еще как стоит. Для вас легче дракона сразить, чем перед орчатской кровью на колено стать…

— Прости, это не мое дело…

— Да и не мое. Это дело моей прабабки: понесла ее нелегкая в лес по весне, сок успокой-дерева собирать. Вот и нарвалась она на костоломку… а та только проснулась, и была сильно не в духе спросонья. Ну и решила прабабкой закусить, чтобы настроение поднять. И если бы не проходил мимо орк, не было бы у Лимпэнг-Танга такой великолепной танцовщицы. Как любая нормальная девица, прабабка моя хлопнулась в обморок, при виде одновременно и костоломки, и орка. Хотя прадед был очень даже ничего, я его смутно, но помню — высокий, плечищи как коромысло, глаза золотые, на скулах — знаки клана… клыки, правда, не прятал. В общем, договорились они с костоломкой на

нескольких треснувших ребрах и одной свернутой шее — костоломкиной, разумеется; а засим стал он девицу в чувство приводить. Уж не знаю, какими способами… но пробабке, судя по всему, понравилось. Настолько, что она вскорости ушла к нему насовсем, получив в приданое крепкое родительское проклятие. Мужнина родня оказалась более благосклонной, не стала ее в котле варить, а наоборот, очень даже полюбила. Вот такая история. Ты не уснул?

— Нет, — усмехнулся в темноте эльф, — не уснул… Занятные у тебя предки…

— Да уж… Дедуля, так тот вообще к пиратам подался, командовал головным кораблем у Фрагга-Освободителя.

— Охотника за рабскими галерами?

— Ага. А на одном из муспельских кораблей он нашел мою бабулю, ее везли на торги в Пойолу. Видно, мужчинам в нашем семействе на роду написано обретать своих будущих жен в самый неподходящий момент. Так вот, выковырял он бабулю из вонючего трюма… слушай, что-то я увлеклась. Вряд ли высокородного лорда Цветущих Сумерек интересует моя родня. Да и моя скромная персона — тоже. Пожалуй, мне пора. И вообще я тут ни при чем, это все мамочкино воспитание, это она приучила меня всегда говорить «спасибо»…

— Ты приходила только для этого?

— Ну конечно. Лезла по плющу в окно, коленку ободрала… и все ради того, чтобы еще раз поблагодарить остроухого за проявленную доблесть! Она встала из кресла и выпрямилась во весь рост.

— Уже поздно. Пожалуйста, пропусти меня, я, пожалуй, удалюсь тем же путем, что и пришла. А не то, неровен час, кто-нибудь увидит меня, выходящей из твоей комнаты… Ты и без того уже в Вольных Стражах ходишь, куда ж после этого — за Край Света, что ли, подашься?.. — и она решительно шагнула к оконному проему.

— Не спеши, — Хэлдар встал и шагнул к Амариллис. — Я принимаю твою благодарность, но…что мне делать с твоей невежливостью?..

Почти полная луна безмятежно покоилась па темно-синем бархате небес, подобно слитку молодого серебра; ветер, пролетая над землей, старался не тревожить уснувшие деревья и лишь слегка поглаживал их пышные кроны. Замок Черного Лиса наконец-то затих, улеглись спать даже самые несносные гости; тишина затопила все вокруг, наполнила теплый воздух шорохами, вздохами, шелестами — вкрадчивая тишина летней ночи.

Хэлдар протянул руку и тихо тронул кончиками пальцев волосы Амариллис — короткие, непослушные и неожиданно мягкие. Его ладонь скользнула вглубь этого шелковистого беспорядка и плотно легла на затылок девушки, другой рукой он обнял ее, сильно и ласково привлекая к себе в объятия.

— *Фириэль Амариллис*…

Он шептал слова нежности, все больше и больше ужасаясь их пронзительной правде; Хэлдар со страхом и восторгом осознавал, что их рождает его сердце — надменное, гордое сердце эльфа; и после первого же прикосновения ее губ к его щеке он почти услышал, как треснула корка льда на этом сердце, и стала осыпаться мелкими осколками, безвозвратно тая, оставляя его беззащитным и счастливым…

— Мне страшно, Хэлдар…

— Мне тоже, фириэль…

— Ведь уже ничего не изменишь, правда? Это случилось… и я не знаю, что мне с ним делать. Как я буду теперь просто ходить, когда я могу летать?

Они стояли, крепко обнимая друг друга, словно ища поддержки и защиты. Остановилось время, пропали, истаяли каменные стены, притихли даже вечные звезды — они остались совсем одни, и их объятие стало на миг самым главным во всем мироздании.

… Амариллис лежала на животе, подпирая подбородок кулачком, накручивая на палец длинную серебристо-пепельную прядь эльфийских волос.

— Хэлдар, сделай милость, не откажи мне в одной маленькой просьбе…

— Сделать так, чтобы карета Ливайны опрокинулась в грязь?

— Вообще-то я имела в виду совсем не это, но идея неплохая. А что, ты на такое способен?

— И не только на такое… Иди сюда, — и он притянул ее к себе.

— Постой… да где же твоя хваленая эльфийская холодность?

— А я ее смыл… в воде Быстрицы… Не брыкайся, девочка… вот так… И что же это за просьба?

— Да так, мелочь… Но ты все-таки отпусти мне одну руку, ну пожалуйста… Я хотела попросить разрешения потрогать твои уши, они такие… забавные… и милые.

— Ах вот что… Разрешаю, — и Хэлдар, улыбаясь, наклонил голову. Но как только пальцы Амариллис приблизились к его уху, он сделал резкое движение, словно намереваясь куснуть дерзких пришельцев. Амариллис ойкнула и поспешно отдернула руку… и они оба засмеялись.

— Эй, не советую, — все еще смеясь, пригрозила девушка, — не буди во мне кровь предков!

После таких слов они какое-то время всерьез пытались выяснить, кто же из них сильнее и изворотливее: возились как дети, счастливо и бездумно пыхтя. В итоге Амариллис все же пришлось признать себя побежденной и сдаться на милость победителя. Она перевернулась на спину и потянулась, выгибаясь как ивовая веточка, навстречу его объятиям. Хэлдар смотрел на нее, залитую серебряным светом ночи, чувствовал, как впиваются ему в спину ее пальцы, слушал ее неровное, прерывистое дыхание… Девушка, всего только смертная девушка, и даже не принцесса, и даже правнучка орка — Амариллис дарила ему неведомое прежде наслаждение. Она представлялась ему то хрупким, белоснежным цветком, чьи лепестки он раскрывал ласковыми, осторожными прикосновениями; то вдруг ее тишина взрывалась яростным пламенем, в котором, как бабочка, горела его нежность…

Уже на исходе ночи она уснула, свернувшись клубочком в его объятиях, а он все медлил, гнал сон прочь, чтобы еще раз погладить нежное прохладное плечо, поцеловать теплый, взъерошенный затылок… *Фириэль Амариллис,* шептал он, засыпая…

Проснулся он как от резкого толчка в грудь, вздрогнув, рывком приподнялся — кроме него, в комнате никого не было. В распахнутое окно бесцеремонно врывался холодный предутренний ветерок, комнату заполнял невнятный, неверный предрассветный час. Хэлдар сел на постели, с силой провел ладонями по лицу, прогоняя остатки дремы. Это… было? — спрашивал он сам себя, и не знал, что ответить. Удивительное чувство, когда двое становятся одним прекрасным целым, счастье взаимного обладания, еще вчера представлявшееся ему невозможным, — уж не приснилось ли все это ему? Чудесный сон, навеянный танцем Амариллис… Эльф со вздохом опустился навзничь, повернул голову и… увидел на соседней подушке короткий, светло-золотистый волос… Это… было?!!

Хэлдар торопливо оделся в походную одежду Вольного Лесного Стража, не обращая ни малейшего внимания на валяющийся на полу роскошный камзол, который он немилосердно топтал. Бурого цвета штаны, легкие сапоги, зеленая рубаха и серебристо-зеленая куртка, серый плащ; резную фибулу в форме кленового листа он застегивал, уже спускаясь по лестнице. По-прежнему не понимая — и не принимая — своего порыва, но и не в силах противиться ему, он выбежал из замка и в растерянности остановился; постояв немного, но так и не

собравшись с мыслями, направился в сад.

Сад уже начинал просыпаться, поеживаясь в ледяной росяной ванне; пробовали голоса птицы, настраиваясь на долгий безоблачный день. Хэлдар, остановившийся возле той самой липы, недолго оставался в одиночестве. Его чуткий слух уловил шелест шагов, и через минуту рядом с ним появился Черный Лис Гэлвин.

— Доброго вам утра, господин эльф… Раненько же изволите вставать.

— Доброго утра и вам, господин барон.

— Вижу, вы тоже оценили мою красавицу липу. Я, знаете ли, частенько обременяю ее своим обществом, мне здесь как-то по-особенному думается. М-да… Делать выбор всегда трудно, тем более, когда столь многое ставится на кон, и вся прежняя жизнь встает на дыбы…

— О чем вы, барон?

— Да так, ни о чем… не обращайте внимания на мою старческую болтовню. И все-таки, согласитесь, что последовать за поманившей мечтой — крайне неразумно и как-то несолидно… однако только этот выбор и будет истинным, господин эльф… сердце не лжет. Конечно, всегда можно уйти в сторону с незнакомого пути, предпочесть традицию и правило — это разумно и достойно, но сделает ли это счастливым… хоть кого-то?

Барон тяжело вздохнул, словно припомнил что-то грустное и невообразимо далекое, и, по-прежнему не обращаясь к собеседнику, сказал:

— Они уехали еще до света, им нужно торопиться; и так задержались ради старинной дружбы с Черным Лисом. Храмовую труппу Лимпэнг-Танга ждут в Эригоне, на празднике Пятого Лета. Я велел оседлать вам коня. Прощайте, Хэлдар, и не просите пощады у Любви…

Эльф молча поклонился хозяину замка, повернулся — и уже через полчаса белогривый Искрень уносил его на восток, по старой дороге, в Эригон Баснословный.

…. Амариллис лежала, укутавшись в свое любимое пушистое одеяло, прислушиваясь к перестуку копыт лошадей, везущих их «девчоночий домик», из последних сил борясь с желанием сказать какую-нибудь грубость Рецине и Криолле, старательно притворявшихся спящими. В тот момент, когда она почти уже была готова поинтересоваться у Рецины, с каких это пор она перестала храпеть, как гнусавый мастодонт, в их повозку на ходу взобрался еще кто-то.

— Ами?.. — это был низкий голос Веноны.

— Да здесь я… А ты чего заявилась, Лиусс, что ли, вконец заездил? — раздраженно прошипела Амариллис.

— Возьми, — пропустив мимо ушей ее слова, сказала Венона, усаживаясь рядом и протягивая ей небольшой флакончик, — и сейчас же выпей. Это настойка горчухи.

Не возражая, Амариллис протянула руку, ощупью нашла в темноте флакон, поднесла к дрожащим губам и, запрокинув голову, выпила. Горькая, ароматная жидкость обожгла ее горло, растеклась вяжущим теплом внизу живота… Амариллис резко выдохнула, едва не закашлявшись, повернулась на живот и, словно развязав внутри себя какой-то узел, заплакала. Слезы, обжигающие не хуже горчухи, запутывались в ресницах, жгли щеки… На вздрагивающие плечи Амариллис легла рука Веноны.

— Плачь, моя девочка, плачь… слезы смывают печаль с сердца…

— Ничего подобного, — это был голос Рецины, — ничего они не смывают, только размазывают. Так что не реви, дружок… и ни у кого не проси пощады… даже у Любви.

А Криолла молча протянула руку, отыскала в теплой темноте возка голову подруги и погладила ее взъерошенные, не желающие расти волосы.

Глава вторая. Дети Лимпэнг-Танга

…Арколь хотел есть. Кроме этого, он был зол, смущен и растерян. Но все-таки больше всего он хотел есть. Мальчик знал, что если он как следует сосредоточится, забудет о невообразимом шуме, производимом горластыми продавцами, о допекающей его жаре, о всех своих тревогах и превратит свое желание в туго натянутую, звенящую струну — он получит этот горячий, истекающий сладким маслом пирожок. А потом еще один. И еще — сколько будет нужно. И никто ничего не заметит. Арколь прикрыл глаза. замер… и в этот момент почувствовал на своем плече чью-то руку. Он вздрогнул, оглянулся и увидел стоящего рядом шаммахита в невероятно белой — это в рыночной-то толчее! — джеллабе и небольшом белом же тюрбане; на золотисто-смуглом лице шаммахита сверкали синие глаза. Он успокаивающе сжал плечо Арколя и негромко промолвил:

— Мудрец говорит, что насыщение благородного мужа — в воздержании. Но я думаю, что ему или никогда не случалось по-настоящему проголодаться, или он страдал жестокими желудочными болями. Уважаемый, — и он кивнул продавцу сладостей — положите нам пяток пирожков с изюмом, пяток пончиков — тех, что на кунжутном масле, и пяток медовых булочек. Этого хватит, чтобы ты дотерпел пару часов до обеда?

Совершенно растерянный, Арколь молча кивнул, взял протянутый ему горячий сверток и, недолго думая, принялся уписывать за обе щеки. Шаммахит расплатился с продавцом и жестом предложил мальчику следовать за ним. Продолжая жевать, Арколь заспешил по пятам нежданного благодетеля, раздумывая о том, что тому от него может понадобиться и почему он, первый приютский пройдоха, не в силах даже подумать о том, чтобы попросту удрать.

Они миновали шумные торговые ряды и вышли на одну из тех улочек, что вытекают из площади, словно нитки из пестрого клубка. Шаммахит остановился перед входом в какую-то захудалую лавочку и обратился к своему жующему спутнику:

— Здешний хозяин, конечно, жулик и надувала, но сад свой обустроил замечательно. А кроме того, его жена бесподобно готовит розовую воду со льдом. Пока ты доедаешь пончики, я смогу удостовериться в качестве нужного мне товара, а потом мы посидим спокойно в тени и прохладе… и поговорим. Ты согласен?

— Угу. — более осмысленных звуков набитый рот Арколя издать не смог.

— Тогда прошу следовать за мной и не слишком таращиться на почтенного хозяина.

Когда аш-Шудах уладил свои дела с лавочником (жутко кривоногим, скособоченным обладателем носа, похожего на клюв аиста), он присоединился к Арколю, сидевшему под тенью старого раскидистого дерева на покрывале с множеством расшитых подушек. (Вообще изнутри дом, а особенно сад, оказались куда более привлекательными.) Устроившись поудобнее, он отпил глоток ледяной воды из узкого стеклянного стакана и с облегчением вздохнул.

— Слава Вседержителю, мои сомнения не оправдались. А иначе все труды пошли бы под хвост моему любимому коту.

— Вы — шаммахит? — ни с того, ни с сего и без малейшего намека на почтительность поинтересовался Арколь.(И это вместо благодарности!)

— Тебя так волнуют вопросы происхождения? Что ж, это понятно… Да, я шаммахит.

— А тогда почему у вас глаза синие? — еще более невежливо осведомился мальчишка.

— Дерзость, порожденная страхом, простительна… — усмехнулся аш-Шудах и опустил на мгновение веки. Когда же он поднял их, то глаза его были угольно-черными — как у любою природного шаммахита. И как у Арколя.

— Вот это да… — изумленно вытаращился Арколь. А аш-Шудах снова закрыл глаза и снова открыл — на этот раз прозрачно-зеленые.

— Ничего особенного, — сказал он, возвращая глазам черный цвет, — таким образом я добиваюсь избирательной отчетливости. Почувствовав тебя, я был поражен твоей стихийной силой и захотел увидеть ее более отчетливо. Отсюда и синий цвет — он позволяет лучше улавливать всевозможные магические эманации.

— Вы — маг? — уже гораздо более уважительно осведомился Арколь.

— На то была воля Вседержителя. А теперь позволь и мне задать тебе вопрос. Ты — эльф?

— Ага… и наследник престола Ирема впридачу… где это вы видели эльфов с черными глазами?

— Если честно, то никогда и нигде. Но и шаммахитов с острыми ушами тоже не встречал. Ты ведь полукровка, верно? По всей вероятности, сын эльфийки и шаммахита…

— Ну и что в этом такого? — буркнул Арколь.

— Да ничего особенного. Я, собственно, тоже полукровка. Мама была истинной дочерью Шаммаха…

— А отец? Эльфом, да?

— Нет, мой мальчик. Он был богом.

Вот так и получилось, что Арколь-остроухий, сбежавший из приюта Дочерей Добродетели — да вострепещет пред ними преисподняя, куда им давно пора провалиться!!! — попал в ученики к аш-Шудаху, величайшему из магов Шаммаха. Аш-Шудах нянчился с ним, как с собственным сыном. Он привел четырнадцатилетнего мальчишку в свой дом, вытряс из его головы остатки приютского убожества и страха, и поначалу позволял только есть досыта да дурачиться. И только когда Арколь перестал лазать по ночам на кухню, а также прятать куски пшеничных лепешек под подушки, маг приступил к его обучению, ставшем удовольствием как для учителя, так и для ученика. От матери-эльфийки Арколь унаследовал способность ощущать потоки природных сил и использовать их, а от отца-шаммахита — остроту реакции, точность удара и вспыльчивость. Аш-Шудаху пришлось изрядно поработать, прежде чем он привел весь этот хаос способностей и качеств в состояние относительной гармонии.

— … Успокой свое сердце и прохлади глаза, сын мой. Это была не самая ценная вещь в моем доме. Попробуй еще раз, и очень прошу тебя — престань представлять себе на месте левитируемой вещи сестру… как ее там?

— Толстуха Маго.

— Вот именно. В противном случае ты так и будешь вертеть объект воздействия волчком и выстукивать им стены. Пойми, Арколь, эмоции могут понадобиться при усилении заклинания, но не при его первичном осуществлении. А теперь попробуй поставить вот эту розу во-он в ту вазу.

— … Плохо, Арколь, никуда не годится. Если бы это был настоящий обессиливатель, ты давно уже лежал бы, уткнувшись носом в сапоги противника. Одной точности удара мало, это должен быть именно удар, а не касание.

— Учитель, ведь вы сами всегда мне говорили, что я должен сдерживать эмоции…

— Верно, сын мой. Но для чего, как ты думаешь?

— Наверное, для того, чтобы хоть одна ваза в доме уцелела.

— Хвала Вседержителю, сын мой, я в состоянии скупить все вазы Шаммаха и не обнищать. Сдерживай чувства, дабы стали они подобием натянутой тетивы, и тогда стрела твоей воли сокрушит любое препятствие. Ты ведь злопамятен, как эльф… Вспомни, например, как тебя пороли…

— Ха-а-аххх!!!… Ой… — вырвавшаяся из сузившихся глаз подростка черная молния разнесла в мелкие осколки стоящий на мраморном столике стеклянный шар… а заодно и сам столик.

— Ой… я не хотел, Учитель…

— Ничего, мой мальчик. На этот раз получилось не так уж плохо. Ступай-ка ты в сад, поработай с абрикосами, с теми, недозревшими…

— А вы, Учитель?..

— Я?! А я, пожалуй, займусь подсчетами, хватит ли моих скромных средств на все мраморные столики…

— … Клянусь каменными клыками Краглы, Арколь, что ты себе позволяешь?! Ты уже не ребенок, чтобы так дурачиться! И кроме того, я еще не давал тебе разрешения самостоятельно пользоваться Залой Большого Пантакля! Ну чем тебе не угодили эти несчастные паломницы, что ты перенес весь странноприимный дом на место самого дрянного марутского борделя… кстати, а куда ты отправил сам бордель? Неужели?.. Негодник!!! На площадь перед Святилищем Десяти Добродетелей!.. О священные длани Вседержителя! Но зачем, сын мой?!

— Не сердитесь. Учитель, я не хотел вас огорчать… Просто я шел вчера мимо сбродного дома и увидел…

— Уж не толстуху ли Маго?!

— Ага, ее… И еще сестру Цинеллу, она так любила добавлять соль в воду для вымачивания розог… В кои — то веки выбрались бедняжки из своего захолустья, решили попутешествовать…

— А ты добавил им остроты ощущений… подсолил, так сказать… Только одно, Арколь: ты перенес дом утром или на ночь глядя?

— Помилуйте, Учитель, кто же идет в бордель утром?

— О небо… Ладно, иди уж… — аш-Шудах не мог сдержать смеха, — сделай ночью обратный перенос, да поаккуратнее!

…Прошло восемь лет. Арколь вырос, превратившись из голодного приютского мальчишки в молодого талантливого мага. Все это время он провел под кровом аш-Шудаха: он много занимался, с искренним удовольствием помогал учителю в его теоретических разысканиях или небезопасных опытах, и таким же удовольствием развлекался в Маруте Скверном…

— Вот ты где, Арколь, — сказал аш-Шудах, входя в библиотеку, занимавшую добрую половину его дома, — отложи сей пыльный фолиант, сын мой. Поверь мне, его автор — редкостный зануда, поставивший перед собой грандиозную задачу: доказать осуществимость межвидового скрещивания без магического воздействия.

— Учитель, но ведь это бред какой-то…

— Вот и я ему то же самое говорил, ослу нильгайскому…

— Как говорили? Он же умер пятьсот лет назад! Вот уж не

думал, что вы такой древний… неплохо выглядите для своих лет. А то, может, прикажете поддерживать вас под ручку?

— Я тебе поддержу… Оставь свои штудии и собирайся: мы едем в Миср, там скоро большой торг и я хочу сделать тебе подарок.

Миср, центр шаммахитской работорговли, был похож на просыпанную на побережье горсточку сахарного песка — крыши домов, купола храмов, полотняные палатки рынков — все было ослепительно белым. От Пойолы, где муспельские ублюдки разгружали, сортировали и оценивали свой живой товар, город отделял узкий пролив, именуемой проливом Слез — обычная морская вода была в нем настолько соленой (возможно, от пролитых здесь бесчисленных слез), что в ней невозможно было утонуть, она силком выталкивала тело на поверхность. И перевозимые на огромном пароме вчерашние вольные люди с тоской и укоризной смотрели на воду, отказавшую им в последней надежде на смерть в свободе…

Аш-Шудах и Арколь пробирались между рядами и палатками рабского рынка, наконец, маг остановился и сказал своему приемному сыну:

— Мы пришли. Это место краснобородого Коатля, а у него всегда самые красивые рабыни. Молчавший до этого времени, Арколь заметно смущаясь, ответил:

— Учитель, я… простите, я не хочу вас обидеть, но мне все это не нравится…

— Так оно и должно быть, сын мой. Мы не в силах изменить весь миропорядок… пока… но ты можешь распорядиться участью одной из них. Выбирай.

И они вступили под белый полотняный навес. На невысоком помосте сидели и стояли девушки, почти все красивые и испуганные. Арколь внимательно огляделся и сказал магу:

— Отец мой — да будет на все ваша воля — она стоит третьей справа. Аш-Шудах глянул в указанном направлении и недоуменно воззрился на Арколя.

— Сын мой, чем ты смотришь? Ведь она похожа на облезлого бельчонка! Может, ты имел в виду ее соседку, ту, что сидит?

— Нет, учитель, именно ее… бельчонка.

— Но почему, Арколь? — допытывался аш-Шудах, — Думаю, ты давно догадался, что я привез тебя сюда затем, чтобы ты выбрал себе наложницу, красивую и послушную, и прекратил, наконец, тратить все свои деньги на марутских девиц.

В этот момент к ним подошел — вернее сказать, подкатился — краснобородый Коатль собственной персоной.

— Хвала небу за столь высокочтимых покупателей! Чем я

могу вам услужить, о достойнейший?

— Послушай-ка, Коатль, — обратился к нему аш-Шудах, — что ты скажешь вон о той девчонке в голубеньком хитоне, а?

— Не могу не удивиться вашему выбору, о светлейший, прошу вас, подойдемте поближе, может, вы измените его… Рума, выйди вперед! Рума, я кому сказал! Ах ты дрянная девчонка!…

— Не напрягайся так, достопочтенный Коатль, — насмешливо заметила облезлая и дрянная, — не то удар хватит. Пора бы тебе уже запомнить мое имя, равно как и то, что я не откликаюсь на наспех данные клички.

— А каково твое подлинное имя, дева? — улыбаясь, спросил аш-Шудах.

— Меня зовут Амариллис. — задрав нос чуть не до потолка, ответила она.

— Вот видите, досточтимые, — искрение пожаловался Коатль. — ведь она меня эдак всю дорогу шпыняет… Да что это я говорю! Это она так, притворяется… а на самом деле — смирнее курочки, нежнее лани, словечка поперек не скажет! А волосы у нее растут очень быстро, оглянуться не успеете, как снова коса будет до пояса!

— Ну ты и врать, Коатль, — с восхищением протянула Амариллис, — даже я так не смогу! И как тебе только не стыдно так бессовестно обманывать покупателей! Нет, я конечно, могу притвориться курочкой — и она скорчила преглупую рожу — но вот насчет волос ты перегнул…

На торговца было жалко смотреть — он напоминал индюка в момент любовного упоения: раздувшийся, натужно пыхтящий красный шар в пестрой шапочке…

Аш-Шудах внимательно — внимательнее, чем прежде — смотрел на девушку. Невысокая, сероглазая, на голове — волнистый беспорядок коротких волос, голубенький хитон обрисовывает легкую фигурку.

— Почему она, Арколь? — спросил он на одном из тайных наречий, вряд ли знакомом девушке.

— Она не такая, как все. Посмотрите, отец мой — да осенить вас длань Вседержителя! — как смотрит ее соседка: она ищет себе хозяина, ее глаза заискивают и боятся. А эта глядит так, будто не ее покупают, а она сама выбирает, с кем пойти. Она особенная, учитель, я это вижу…

— Сын мой, вы с ней подружитесь, но не больше. Вы слишком похожи…

— Учитель! Если вы не выкупите ее сейчас же, то я… я не знаю, что сделаю! И потом, ну чем вам так не угодили марутские девицы?! Лично меня они вполне устраивают!

Аш-Шудах засмеялся и похлопал Арколя по плечу.

— Так что же у тебя с волосами, дева?

* * *

— Нам пришлось их остричь, детка… и вряд ли они отрастут снова.

— Это… не… самое страшное, правда?.. — речь все еще с трудом давалась Амариллис, даже такое ничтожное усилие, как шевеление губами, отзывалось короткими, болезненными судорогами во всем теле, измученном жестокой болезнью.

— Тебе лучше помолчать, моя дорогая, — сестра Тилита осторожно убрала со вспотевшего лба девушки непослушную прядь светлых волос, — твое выздоровление только началось, и понадобятся все силы, которыми снарядила тебя природа, дабы оно успешно завершилось. Постарайся уснуть… — она укрыла Амариллис одеялом, благословила се и неслышно отошла.

Прошло несколько недель. Силы возвращались к Амариллис, и обычная прогулка по обители перестала требовать от нее мучительных усилий; теперь она могла позволить себе удовольствие хоть чуточку помогать тем, кто вернул ее к жизни: подать прищепки сестре, развешивающей белье, почистить фасоль или потолочь пряности в поварне, заправить душистым маслом кадильницы в Храме Добродетелей… Иногда Амариллис выходила за широкие, вечно распахнутые ворота монастыря, усаживалась на почерневшую и окаменевшую от времени деревянную скамейку и смотрела туда, где совсем недавно была вся ее жизнь.

…Теперь там была вода. Нижний Город (не самую плохую часть Свияра, разрезанного пополам бесноватой Каджей) словно накрыли огромным зеркалом ртутно-серого цвета. Порой Амариллис казалось, что так было всегда — только застывшая водная гладь, расшитая блестками солнечных бликов; прошлая жизнь представлялась уютным предутренним сном: дом… отец, мама, старшие братья и глупый щенок Облай, высокие потолки и светлые стены… внизу — ювелирная мастерская, где обжигает ноздри запах нагретого металла, наверху — мамино царство натертых полов, накрахмаленных скатертей и свежеиспеченных булочек. Будто и не с ней это было: заглядывание под руку отцу, вьющему морозные узоры из серебряных проволочек, шумные драки и нежнейшие примирения с братьями, пререкания с мамой по поводу плохо выглаженного белья, глупая болтовня с подружками, первый вышитый воротник — отцу в подарок…

Даже на совесть построенные дамбы не выдержали двух подряд лавин с Безымянного хребта; жаркое весеннее солнце превратило снег в воду, и она смела весь Нижний Город, как чистоплотная хозяйка аккуратно сметает крошки с обеденного стола. Амариллис спаслась чудом; почти треть суток она провела в холодной воде, вцепившись в невесть откуда взявшийся стул со старым, пропахшим дрянным супом засаленным сиденьем. Она не помнила ничего — ни как попала в воду, ни где ее родные… память сохранила только бесконечный холод, боль в мучительно скрюченных пальцах, да тошный суповой запах. Как и других немногих выживших в наводнении, ее поставили на ноги Дочери Добродетели.

— Как я понимаю, хоть и небольшой, но выбор у меня все-таки есть — или остаться здесь и принять постриг, или найти работу и положить конец этому дармоедству.

— А как понимаю я, выбор этот ты уже сделала.

— Ага… но как я буду искать эту самую работу?! Я хоть и не графская дочь, но в батрачки идти как-то не хочется. Что я умею? Первым делом — вышивать, шью тоже не худо… в доме прибираться, не так хорошо, как мама, но все ж таки… готовить… не, не люблю, жарко больно и руки вечно в каком-нибудь жире. А больше всего я люблю танцевать. Вот так.

— Не так плохо, дитя мое, — выходившая девушку сестра Тилита отхлебнула глоточек травяного чая и откинулась на спинку стула. — Но с танцами придется подождать. Срок траура еще не истек.

— Если я буду носить траур по всем правилам, то моя портниха испортит себе зрение неизбывно черным цветом, а лавка, поставляющая траурные ткани, безбожно обогатится на моих заказах, — Амариллис резко встала, отошла к окошку и остановилась спиной к собеседнице. — Я знаю, что моей семье вряд ли понравится, если я стану изображать из себя похоронную лошадь: вся в черном, а остатки волос сойдут за белый плюмажик… Фрон и Трай терпеть не могут, когда я плачу… и папа с мамой всегда говорили, что я родилась им на радость. Разве могу я их разочаровать?! Вот она я, живая… а смерть пусть подавится… — плечи ее предательски задрожали, и она замолчала.

— Знаешь, на прошлой неделе у нас в странноприимном доме остановился один мой оч-ч-чень дальний родственник. Он советник магистрата Маноры, — снова заговорила через несколько минут сестра Тилита, — и скоро выдает замуж свою единственную дочушку. Поэтому ей срочно понадобилась своя, личная горничная, умеющая хорошо шить — чтобы побыстрее

управиться с приданым, и согласная ехать вместе с хозяйкой в Арзахель — она идет за какого-то тамошнего барончика, там этого добра — как грязи в распутицу. Все расходы на гардероб и дорожные издержки он берет на себя; плата тоже неплохая — пять золотых в месяц. Если подобные условия тебя устраивают, он будет ждать завтра, сразу после первой утренней трапезы… Да погоди ты обниматься, может, он тебе и не глянется…

— Если он глянулся вам — а иначе вы бы мне ни словечком о нем не обмолвились — то уж мне грех нос воротить! Спасибо вам, спасибо!… за все.

— Не за что, дитя мое. Признаться, я привязалась к тебе… может, даже больше, чем позволяет наше Правило Беспристрастия. Я буду молиться за тебя… ну, будет, будет тебе…

Советник магистрата Маноры оказался пожилым, благопристойным господином; с Амариллис он обращался вежливо, с расспросами о прошлой жизни не лез, с неприличными предложениями — тоже. Чего же еще? Его дочь, Литана — пышный, роскошный цветок, обласканный солнцем Юга — приняла новую горничную очень даже приветливо, а когда узнала о ее незаурядном даре вышивальщицы, так и вовсе отдала в ее руки весь свой гардероб, и почти каждый вечер угощала пирожными и чувствительными разговорами. Чего же еще? Манора, похожая на пестрого и крикливого попугая, сумела согреть сердце Амариллис в своих смуглых, прокаленных солнцем ладонях, безалаберные песни под бренчание гитар вытеснили из ее памяти утробные звуки булькающей под сиденьем стула воды, и море здесь было такое теплое, отрадно-зеленое… Чего же еще?

На третий день плавания по морю Покоя их корабль был с поразительной легкостью взят на абордаж муспельскими пиратами (возможно, легкость была обусловлена тем, что накануне ночью помощник капитана, соблазненный звонким золотом, вышвырнул все содержимое крюйс-камеры за борт). Амариллис вместе с вцепившейся в ее руку мертвой хваткой Литаной, потерявшей от вполне понятного страха всякую способность к рассуждению, отправилась в душное брюхо трюма. Потом была Пойола — самое отвратительное место во всем Обитаемом мире, разве только за Краем Света, в Незнаемых Землях, найдется что-нибудь похлеще — несколько огромных бараков для живого товара, ждущего отправки в Нильгау или в Шаммах, кучи гниющего мусора, а в качестве украшения — пара заблеванных трактиров возле паромной пристани. Потом — предварительный торг в Мисре, где Амариллис купил краснобородый Коатль. Сказать по правде, это была

незапланированная покупка, поскольку девушка даже наполовину не соответствовала его идеалу красивой рабыни (маленькая грудь, короткие волосы, насмешливый взгляд — безнадежное сочетание…); вот только купленная в жарком торге пышногрудая, длинноволосая и волоокая Литана никак не желала отпускать руку своей горничной. Коатль очень быстро понял, что придется либо оторвать эту руку, либо купить уж еще одну девицу… в качестве довеска. Немного поразмыслив и кое-что сообразив («А в знак нашего безграничного почтения к достойнейшему покупателю мы бесплатно отдаем ему любимую служанку красавицы!»), торговец снова запустил руку в кошель. И каково же было его удивление, когда действительно достойнейший (Коатль такие вещи просекал очень четко) покупатель остановил свой выбор именно на этой белке с облезлым хвостом…

— Ты знаешь, а ведь я даже не очень удивилась тому, что ты решил меня вызволить. Как будто только так и должно было произойти. Нет, я довольно честно настраивала себя на роль служанки-вышивальщицы при какой-нибудь толстой шаммахитке — и это было самым лучшим из рассматриваемых мною вариантов! О худших вспоминать не хочу. И все равно будто ждала чего-то… да бабулю вспоминала.

— Да уж, предки у тебя занятные. Будь добра, подкинь мне персик и ходи уже, сколько можно думать!

— Лови… и не торопи меня, не люблю.

Арколь и Амариллис сидели в одном из покоев дома аш-Шудаха и играли в махшит — игру, заключавшуюся в передвижении трехцветных агатовых фигурок по довольно сложному узору, нарисованному на деревянной доске, целью игроков было достижение той точки, из которой начинал виться узор. Амариллис научилась этой игре сравнительно недавно, но это не мешало ей раз за разом обыгрывать своего более опытного партнера. Прошло уже более трех месяцев с того дня, когда аш-Шудах, отсчитав не слишком большое количество золотых монет в бездонный кошель Коатля краснобородого, стал хозяином «облезлой белки». Сразу же по прибытии в Ирем — а надо сказать, что во время этого путешествия Амариллис и Арколь болтали столько, что переплюнули всех манорских попугаев, вместе взятых: она впервые за много месяцев называла имена родителей и братьев, и взахлеб рассказывала о своем доме, он — впервые не стесняясь и почти без злости — описывал ей свое сиротское детство и, только что не лопаясь от важности, повествовал о своих успехах в магии («А Учитель и говорит мне: „Немедленно верни статую на место! она хоть и сомнительное, но все ж таки единственное украшение храмового фронтона!“»); а

потом они начинали спорить, до хрипоты и до взаимных оскорблений — и все из-за смиренных Дочерей Добродетели, тогда в беседу (вернее, в ругань) вступал аш-Шудах и переводил ее в более безопасное русло, кстати сказать, его предсказание сбылось — Арколь и Амариллис подружились… но и только — да, так вот по прибытии в Ирем маг дал девушке вольную и оставил в своем доме.

Амариллис снова пришлось привыкать к новому городу, вернее, к новой стране. Шаммахитский язык она освоила с магической помощью Арколя за пару недель, и говорила с милым северным акцентом, превращяя все гортанные звуки в твердые согласные и иногда проглатывая сдвоенные гласные. Опять же с помощью — но уже не магической — Арколя она освоилась в Иреме Многодивном; поглазела на все достопримечательности Харута Высокого и, несмотря на неодобрение аш-Шудаха, сделала несколько вылазок в Марут Скверный (эти два квартала столицы Шаммаха, разделенные неторопливой Лаолой, единоводной сестрой Лиала, вот уже несколько столетий подряд замечательно сосуществовали рядом друг с другом — вероятно, благодаря разводным мостам, неизменно размыкавшимся с наступлением темноты…). Она загорела, посвежела, научилась с изяществом носить джеллабу и головную накидку, и почти перестала плакать по ночам.

— Арколь, я, пожалуй, спасу тебя от неминуемого поражения. Пожалуйста, пойди присмотри за приготовлением стотравного эликсира, не перегрелся бы, как в прошлый раз, — аш-Шудах выразительно посмотрел на ученика и тот, отвесив наипочтительнейший поклон, удалился.

— Угодно партию в махшит? — осведомилась Амариллис, ставя фигурки в первоначальный порядок.

— Угодно поговорить с тобой, дева. Не красней, о твоем ночном визите я не скажу более ни слова. Речь пойдет о твоей дальнейшей судьбе.

— Вот как, ни больше, ни меньше?

— Именно так. И за что только Вседержитель ниспослал тебя на мою голову…

— За грехи, наверное…

— Я столько не грешил. С Арколем было понятно сразу — он маг, маг по рождению и призванию. А что мне делать с тобою — ума не приложу. Замуж тебе еще рано, к магии нет ни малейших способностей…

— Зато я хорошо вышиваю… а танцую еще лучше.

— Что ж… давай проверим. Сегодня вечером нас ждут в школе танцев при храме Нимы. Не струсишь?

— Еще чего… — и Амариллис задрала подбородок вверх. На самом же деле она не на шутку испугалась. При храме Нимы Сладкогрудой, одной из наиболее почитаемых в Иреме второстепенных богинь, была знаменитая школа танцовщиц, попасть в которую было едва ли не сложнее, чем в сокровищницу властителей Шаммаха.

Глава третья. «Стойка и пауза» — и еще пять правил школы Нимы

Храм Нимы находился на одном из многочисленных холмов Харута; изящное, невесомое здание бело-розового мрамора окружал тщательно ухоженный сад. Амариллис шла по дорожке, посыпанной золотистым песком, рассматривала затейливый узор на плаще идущего впереди аш-Шудаха и тщетно старалась побороть дрожь в коленках. Наконец они оказались перед фронтоном храма, украшенном скульптурными изображениями нежнорукой Нимы и ее весьма многочисленных возлюбленных в самых замысловатых позах… некоторые из них были вполне пристойными, а некоторые входили в прямое противоречие с законом земного тяготения. Они поднялись по гладким каменным ступеням и оказались в прохладной зале, где их уже ждала госпожа Эниджа, хозяйка школы танцев. Эниджа — немолодая, сухопарая, прямая как спица шаммахитка — почтительно поздоровалась с аш-Шудахом, не обратив ни малейшего внимания на замершую у входа девушку. Обменявшись с магом несколькими фразами, она ненадолго вышла и тут же вернулась, неся в ладони прозрачный кристалл размером с каштан. С поклоном передав его аш-Шудаху, танцмейстерша подошла к Амариллис и приветливо обратилась к ней:

— Добро пожаловать, дитя мое. Твой господин сказал мне, что ты никогда не училась танцу специально, и это даже хорошо — не придется устранять ненужные навыки…Пожалуйста, просто покажи мне, как танцуют у тебя на родине… но сначала напой мелодию, под которую ты хочешь танцевать.

— Здравствуйте, госпожа Эниджа… а кому напеть, вам?

— Нет, не мне, а вот этому камешку, — и Эниджа указала на кристалл, который рассматривал маг.

Амариллис подошла к аш-Шудаху, приняла от него сверкающий камень и ободряющую улыбку, смущенно улыбнулась в ответ и, подумав немного, пропела припев одной песенки, которую слышала еще от бабушки.

— *Ми-а-мо… ла-ла-лей… ми-а-мо-ла…*

Кристалл неожиданно задрожал в ладони Амариллис и мгновенно взлетел в воздух, застыв на уровне глаз девушки. От неожиданности она ойкнула и отпрянула в сторону.

— Не бойся… — это говорил аш-Шудах, — Хранитель Мелодий принял тебя, это очень хороший знак. Теперь надо лишь вспомнить и почувствовать ту музыку, которая тебе нужна… и

танцевать.

Амариллис собралась с духом, вышла на середину залы; кристалл же следовал за нею, слегка покачиваясь в воздухе. Девушка вздохнула, расправила плечи, повела перед собой руками, словно раздвигая невидимый занавес — и в этот момент зазвучала напетая ею мелодия, и она, не в силах сопротивляться ее нежной силе, начала двигаться. Сначала несмело, потом все легче и быстрее; ее руки действительно становились похожи на ивовые ветви, о которых пелось в песне, — гибкие, манящие, тонкие, а тело словно клонилось под порывами весеннего ветра… Совершенно забыв о двух своих зрителях (да и о цели визита тоже), Амариллис порой начинала подпевать кристаллу и самозабвенно кружилась по зале, как когда-то кружилась по зеленым лугам Свияра. Она действительно очень любила танцевать… еще в той, прошлой, жизни ее не раз выбирали королевой хоровода и любой парень мечтал встать с нею рядом под задорные звуки музыки, чтобы крепко, обеими руками взяв за талию, поднимать ее высоко-высоко, и принимать затем в свои объятия… а потом, под финальные переливы колокольчиков, всласть накружить на руках… Музыка затихла, и девушка остановилась, растерянно опустив руки.

— Вы были совершенно правы, о многославный. Я принимаю вашу воспитанницу в школу, — госпожа Эниджа улыбалась и выглядела очень довольной. — Прошу вас, пройдем во внутренние покои.

Втроем они прошли через незаметную боковую дверь, миновали тенистый дворик и оказались перед небольшим двухэтажным домом, с белоснежными стенами, увитыми темно-зеленым плющом с крупными пурпурными цветками. Из распахнутого окна нижнего этажа доносилась тягучая музыка Шаммаха.

— Вечерние занятия закончатся через несколько минут, — обратилась к своим спутникам Эниджа, — и я смогу познакомить тебя с твоими будущими подругами, — и она ласково дотронулась до плеча Амариллис.

— Ты можешь не бояться, в школе Нимы никто и никого не обижает, за агрессию и нетерпимость наказание одно — исключение. Так что наши девушки предпочитают дружить.

— Я останусь здесь насовсем? — и Амариллис посмотрела на аш-Шудаха чуть ли не жалостно, — Отсылаете, да?

— Не совсем, — усмехнулся в ответ маг, — ты будешь жить здесь, поскольку занятия в школе проводятся каждый день по два раза и из дому ты просто не набегаешься. Но раз или два в неделю ты сможешь приходить домой, и уж так и быть, на это

время я буду отпускать Арколя, дабы вы не умерли в разлуке. Но на ночь будешь возвращаться сюда. Мне так будет спокойнее.

— Учитель… — и Амариллис мучительно покраснела.

- Итак, решено. Благодарю вас за оказанное доверие, о достойнейший, — и госпожа Эниджа раскланялась с аш-Шудахом, — Проходи, Амариллис. Школа Нимы ждет тебя. — И она жестом пригласила Амариллис войти.

Уже после того, как девушка прошла в дверь, шаммахитка обернулась к магу и укоризненно сказала:

— Ты мог бы быть с нею поласковей. И уж тем более обойтись без намеков при посторонних. Ладно уж, не извиняйся… я прослежу за девочкой, — и она вошла в дом.

Амариллис стояла на пороге довольно большой залы, занимавшей почти весь первый этаж школы. Одна стена была сплошь зеркальная, и в ней отражалась зелень кустов, заглядывавших в окна на противоположной стене, пол был деревянный, отполированный до блеска, и на нем, на маленьких шелковых подушечках сидело несколько девушек, одетых в одинаковые светло-желтые туники до середины бедра и легкие неширокие шаровары. При появлении госпожи Эниджи они встали.

— Девочки, урок закончен. Присядьте и отдохните, — и она легонько подтолкнула Амариллис вперед.

— Принимайте новую подругу. Назовитесь, как того требуют наши правила, и ступайте все вместе в купальню. Лалик, присмотри за новенькой на первых порах.

Эниджа уселась на одну из подушек, подтолкнув к Амариллис такую же.

— Меня зовут Гинивара, я из северного Нильгау, — у этой девушки была ярко-бронзовая кожа, резкие и красивые черты лица, длинные черные волосы забраны в два хвоста высоко над ушами, глаза смотрели приветливо и проницательно, — я будущая жрица Калима, и обучаюсь священному искусству танца, дабы достойно исполнять свои обязанности. Добро пожаловать, сестра.

— А я — Лалик, — улыбнулась Амариллис изящная смугленькая шаммахитка с волосами, заплетенными в десять кос (каждая до пояса) и симпатичным веселым личиком, — дочь Ирема Многодивного. Я здесь, чтобы суметь порадовать своего господина, первого советника Властителя Шаммаха, да продлит Вседержитель его век и да сохранит его расположение к моему ан-Нуману!

— Я — Муна, родом из Краглы, — говорившая была высокой, статной северянкой с прозрачно-зелеными глазами и светлыми,

почти белыми косами, закинутыми на грудь, — сюда меня привела судьба и не скажу, что я ей поначалу не сопротивлялась. Мое предназначение пока не ясно, но скорее всего я буду выступать на сцене, и невероятно прославлюсь, и мой неблагодарный жених от досады сожрет свои вонючие сапоги! — она улыбнулась и подмигнула Амариллис, отчего ее лицо необыкновенно похорошело.

— Привет тебе, сестра. Меня зовут Ксилла, я из Суртона, из великого города Иссы, — это была похожая на фарфоровую статуэтку, черноглазая девушка, самая молоденькая из присутствующих, — я очень хочу выступать в Императорском Саду, в Жасминовой Беседке — как моя мама… и надеюсь достичь желаемого под руководством госпожи Эниджи.

Настала очередь Амариллис.

— Мир вам, сестры. Я — Амариллис, родом из Свияра, что на Кадже Бесноватой. Вся моя семья погибла в наводнении год назад, а мне судьба, видно, еще не отмеряна. Сюда меня привел мой… господин, великий маг аш-Шудах, потому что я объела все зимние персики в его саду и он решил сохранить для себя хотя бы летние.

— Ну что ж… а я, как ты уже знаешь от своего всеведущего господина, Эниджа — хозяйка школы танца и жрица Нимы Мягковласой. Меня не надо бояться, но прислушиваться ко мне необходимо. Ступайте, девочки, поплавайте… и расскажите Амариллис о здешней жизни.

Здешняя жизнь оказалась нескучной, когда напряженной, а когда и расслабленной. Жили девушки в одной общей комнате, большой и светлой, обставленной почти роскошно. Кровати застелены вышитыми покрывалами, повсюду зеркала в резных позолоченных рамах, туалетные столики просто завалены всевозможными благовониями, декоративными красками, безделушками… В углу комнаты столик, а на нем — принадлежности для письма, рядом невысокий шкафчик с книгами на разных языках Обитаемого Мира. Шкаф для хранения одежды был невелик, поскольку все девушки носили либо простую пару для занятий, либо легкие светлые джеллабы; время пышных нарядов для них еще не наступило… Позади школы был большой бассейн голубоватого мрамора, где ученицы могли плескаться в любое время сколько душе угодно, опустошать фруктовые деревья тоже не возбранялось. Сами занятия проходили в зеркальном зале и, изредка, на травяной лужайке возле бассейна.

Девушки поднимались довольно рано, быстренько совершали утренний туалет (несмотря на обилие косметики, ею почти не

пользовались — все равно от пота размажется) и бегом спускались в купальню, поплавать и размяться в воде. Потом был завтрак; в основном учениц кормили коричневым рисом, овощами с острыми приправами, всевозможными фруктовыми муссами и запеканками, а в обеденный час — нежным птичьим мясом или рыбой. Затем следовал книжный час, когда приглашенная учительница рассказывала о городах и государствах Обитаемого Мира, об их истории и обычаях, читала вместе с девушками книги и учила их писать стихи. (Все ученицы знали — кроме всеобщего — еще хотя бы один язык, и, постоянно общаясь, узнавали наречия друг друга). Ну а потом, смеясь и охая, они шли в зеркальный зал.

— … Лалик, выпрями спину. Амариллис, прекрати стискивать зубы, расслабь лицо. Ксилла, не жмись. Итак, мы начинаем.

И они начинали. В первой половине урока девушки разучивали начерно какие-нибудь совсем несложные па, осваивали красивые жесты и позы. Потом начиналось мучение — растяжка мышц и сухожилий. В общем хоре постанываний, мычания, охов и вскриков не было слышно только Ксиллы, от природы гибкой, как ивовая веточка. Все остальные терпели и страдали.

— Где твое милосердие, Муна? Может, ты оставила его под подушкой? Сбегай, глянь, а? А-а-а… — и Гинивара, сидящая на полу с раскинутыми ногами, которым не давали сдвинуться ступни Муны, которая еще и наклоняла ее вперед и вниз, давя на плечи руками, застучала по полу кулаками.

— Не стони… лучше подумай о том, как ты сделаешь то же самое со мной. Что, уже лучше?

— Лалик, душенька, может хватит? — Амариллис умоляюще глядела на подругу, несущую очередную гирьку. Девушка сидела выпрямив спину, сжимая сложенные подошва к подошве ступни руками, а на ее разведенных коленках лежали плоские гирьки, под тяжестью которых колени опускались все ниже и ниже.

— Ну вот еще две штучки, и все… Потерпи, а?……?! Амариллис! И где ты только понабралась таких слов!

— В Пойоле слышала……..!!!!

После небольшого отдыха, во время которого они лежали на полу, расслабленные, как тряпочки, снова приходил черед осваивать танцевальные па и линии, на этот раз — тщательно и безупречно.

— Девочки, перенесите вес на левую ногу, — Эниджа оглядывала их, словно полководец свою личную гвардию. — Правой полшага вперед, так, стоп… А теперь смотрите: бедро

идет вверх и вперед, как-будо вы отталкиваете мячик, и назад… попы подожмите, ступня на носке и выгнута, голень не крутить! Еще раз! Еще! Еще! Плохо. Ксилла, не дергайся так резко, плавнее, мягче надо… понимаешь? Амариллис! Не вихляй так бедрами, завяжи их в один узел соблазна… ясно? Лалик… танцевать — это не значит крутить задом напропалую, как жаждущая кота кошка. Запомните все — когда танцевала великолепная Яшма, то даже у евнухов загорались глаза… глаза! а не шаровары пучились, как в скабрезных историях, над которыми вы хихикаете! Какое наше первое правило? *Танцовщица школы Нимы славит Любовь, а не предлагает себя на ночь!*

И движение повторялось еще и еще, становясь поначалу ненавистным, затем — привычным, а в какой-то прекрасный момент — естественным; и ученицы начинали понимать, что в это движение они могут вложить любой нужный им смысл…

После утреннего урока снова был бассейн, смывавший боль и усталость, и обед. Откушав, девушки принимались вовсю отдыхать — кто прятался в тени сада и дремал, кто устраивался поудобнее с книгой, а кто предпочитал поболтать. Амариллис легко нашла общий язык со всеми ученицами Нимы, но более всего ей было приятно общество Лалик и Муны. Ксилла была чересчур молчалива и утонченна, и Амариллис не могла отделаться от ощущения, что ее не всегда пристойные выражения и вольный юмор шокируют или даже пугают маленькую суртонку. Гинивара же оказалась весьма целеустремленной особой, все свое сознательное (то есть проведенное не во сне) время она отдавала подготовке к будущему жречеству: если не танцевала или не упражнялась, то читала, медитировала, учила наизусть огромный священный календарь Калима… словом, она всегда была занята. А вот с Лалик можно было славно поболтать — о шаммахитских нравах, о придворных обычаях (Амариллис хохотала не меньше получаса, когда узнала, что приветствующий властителя Шаммаха должен опуститься на колени, голову уткнуть в пол, и задрать зад выше макушки своего тюрбана… она долго не могла угомониться и все выкрикивала сквозь слезы: «Моя задница приветствует тебя, о Светлейший!.. Мой… ой… пук прославляет тебя, о Величайший!..»), и о мужчинах. Лалик рассказывала подружке о своем ан-Нумане, которого любила легко и весело, хвасталась его ласками и подарками, а Амариллис в один особенно жаркий полдень наконец смогла облегчить свое сердце и поделилась с нею нежной тайной…

— Если бы ты только увидела его, то поняла бы меня. В него невозможно не влюбиться… Глаза, как черные алмазы, на сердце вырезают слово страсти, и пальцев легкое прикосновенье

рассудок повергает ниц…

— Это ты сама сочинила?

— Нет… это один поэт с Белого Острова.

— Неплохо для северянина. И что же было дальше? Ты стала вздыхать и грустить, ему это надоело, и он отправил тебя сюда?

— Нет… Я, видно, совсем спятила от этой любви и решила сама сделать первый шаг.

— Да ты что?!

— Именно. Взяла и заявилась к нему в покои на ночь глядя, вся такая решительная и дрожащая… если буду часто вспоминать об этом, умру со стыда. О Нима Сладкоязыкая, и кем я себя тогда возомнила?!

— А он?

— Он?.. Он взял меня за руку, отвел в сад и велел попробовать еще незрелый персик. Откусила я — фу, кислятина-то какая! Жую, морщусь, а плюнуть боюсь… проглотила кое-как и молчу, глазами хлопаю, как дура… А он спрашивает — понравилось, мол? Какое там, отвечаю, кому ж такое понравится?! Вот именно, отвечает он, мне это тоже не по вкусу. Я, когда поняла, хотела заплакать, а он взял мое лицо в ладони, в глаза посмотрел и сказал что-то… не знаю, на каком языке. Я потом Арколю попыталась повторить, он, кажется, понял, но переводить не стал, сколько я не просила. Вместо этого завел высокоученую скучищу о чувствах истинных и мнимых, и… как это он сказал?.. ах, да — о нетерпении сердца. Хорошо ему рассуждать — сбегает к марутским прелестницам, и готово дело.

— А потом аш-Шудах отослал тебя в школу?

— Ну что сразу «отослал»! Если бы аш-Шудах захотел, так хоть в Арр-Мурра отправил бы, чтобы я его «черные алмазы» не мозолила. Он желает мне добра…

— А ты желаешь его самого…

— Ох, Лалик, я и сама иногда не знаю, чего же я желаю… Ого, кажется в колокол брякнули. Ну что, встаем? пойдем дальше руки-ноги выкручивать во имя искусства…

Второй урок начинался сразу с мучений: опять растяжка, бесконечные приседания на цыпочках, вытягивающий жилы «закат-рассвет» (это упражнение было придумано легендарной Яшмой и заключалось в медленном — очень медленном! — приседании при расставленных ногах, вывернутых наружу носках, прямой спине и красиво раскинутых руках, а потом таком же медленном вставании), тренировка гибкости спины в нырках под палку, высоту которой регулировала госпожа Эниджа, и множество других способов причинить сладкую боль телам будущих танцовщиц.

— Медленнее, Лалик, ты не под куст присаживаешься! Так… а куда это ты глаза опустила? А ну-ка, подбородок вверх… глаза на меня… и взгляд соколицы, а не курицы-несушки! Хорошо… Девочки, вспомним наше правило: *танцовщица Нимы никогда не опускает очей своих ниже локтей зрителя, паче же зрит ему в лицо, или на герб, ниже иной знак достоинства, на груди пребывающий!* Иначе зрители решат, что вы сравниваете наполненность их гульфиков!

— Госпожа Эниджа, а с моим мучением вы какое правило свяжете?

— Твое, как ты выражаешься, мучение, Гинивара, связано вот с каким правилом… *Никто да не прикоснется к танцовщице Нимы руками вожделения!* А поэтому давай старайся, иначе тебя облапают на первом же выступлении! Уклоняйся мягче, не шарахайся, как испуганная девственница, перетекай, ускользай… представь себя подводной травой или лентой, плывущей по ручью… Амариллис, если я занимаюсь с Гиниварой, то это вовсе не значит, что остальные могут отдыхать. Именно так… и мне лучше знать, когда будет достаточно.

— Но я не могу больше! У меня сейчас зад отвалится!

— Выбирай выражения! А ты, Ксилла, перестань спотыкаться от каждого резкого слова! А чтобы твой зад остался на месте, сделаем вот что… — и Эниджа, подойдя к девушке, стоящей на одной ноге и вытянувшей другую параллельно полу, хладнокровно запустила кончики остро отточенных ногтей в ее ягодицу.

— Вот так и должно быть — ножка, как натянутая струна… Постой еще немного, а потом Лалик снимет груз. Что? нет, только с ноги, с головы не надо, поприседаешь вместе с ним, а то что-то у тебя спина невыразительная…

По истечении отмеренного времени, все без исключения девушки валились на пол, Гинивара так даже засыпала; потом разминали ноющие мышцы и снова вставали — учиться танцевать. Они постигали искусство импровизации, пытались рисовать пока еще разрозненными движениями осмысленные, одухотворенные сюжеты, а по истечении трехмесячного срока обучения каждой из учениц доверили Хранителя мелодий, дабы кристаллы и девушки привыкали друг к другу, ведь им предстояло действовать как единому целому.

Отдав почти все силы вечернему классу, танцовщицы Нимы смывали честный пот в небольшой жаркой купальне и устало плюхались в прохладную проточную воду бассейна; их хватало только на то, чтобы лениво пошевеливать пальцами ног, да моргать… даже болтать не хотелось. Потом был огромный поднос

фруктов и кувшин простокваши на ужин, и далее девушки могли делать все, что им возжелается… а желалось им только одного — спать. (Правда, Амариллис раз в неделю — на два у нее силенок недоставало — посещала дом аш-Шудаха, присылавшего за ней закрытые носилки, и мужественно превозмогая сон, общалась с Арколем; в школу ее относили уже тихо посапывающей в подушку.) А затем приходил новый день, и все начиналось сначала.

Прошел год с того дня, когда Амариллис попала в школу Нимы Гладкобедрой. Она и ее подруги успели многому научиться, их тела стали послушнее и выразительнее, и каждая выучила (блестяще и неподражаемо, как она считала) один особенный танец — самый любимый, самый лучший… танец для первого испытания. А заключалось оно вот в чем.

В том, что все они будут выступать на публике, никто из девушек и не сомневался. Но в школе их единственной зрительницей была госпожа Эниджа, и проверить действие своих чар (без сомнения, неотразимое) им было не на ком. Первое испытание позволяло исправить это упущение. Каждой из учениц Нимы предоставляли право исполнить тот самый танец на публике; однако места, куда их привозили поздним вечером, почти ночью, сильно отличались от тех, какие им грезились в честолюбивых мечтаниях; довольно и того, что все они находились за рекой, в Маруте Скверном…

— Ксилла, сегодня ты освобождаешься от вечернего занятия, — и госпожа Эниджа подняла руку, предупреждая взрыв вопросов, — поскольку силы понадобятся тебе для выступления. Ступай в мою комнату, там уже ждет портниха — костюм твой готов, но примерка не помешает. Потом можешь спуститься в малый зал и немного поработать… не мельчи, не прячь глаза, а главное — не затягивай паузу. Я знаю, вы до сих пор думаете, что в танце важнее всего движения… оно, конечно, так, но поверьте мне — любое движение начинается со стойки и прерывается паузой. Мастерски выдержанная стойка танцовщицы может спасти даже слабый танец, а вот затянутая — или же скомканная — пауза может испортить любое великолепие. Ксилла, ты все еще тут? Разве я сказала что-нибудь новое?! В добрый час… итак, приступим к нашим вечерним занятиям.

Когда девушки заканчивали ужинать, в комнату впорхнула — по другому и не скажешь — Ксилла, наряженная в развевающиеся суртонские шелка цвета слоновой кости; подобно нежной хризантеме, попавшей в водоворот, покружилась она перед подругами, и ее щечки зарумянились от щедро рассыпанных ими похвал. Вскоре за ней прислали закрытые носилки и она вместе с

госпожой Эниджей уехала неизвестно куда.

Вернулась Ксилла поздно ночью, заплаканная, все еще дрожащая, уже не в роскошном наряде, а в обычной джеллабе. Ожидавшие ее и поэтому не спавшие девушки бросились ухаживать за ней, принесли из купальни теплой воды для ног, раздобыли на кухне молоко и мед, закутали ее в теплую накидку… и, как ни распирало их любопытство, не задали ни одного вопроса. Ксилла, придя в себя, рассказала, как ее освистали в каком-то из второсортных марутских борделей; бледными губками она повторяла те малоприятные словечки, коими развеселая публика сопровождала ее танец, который она даже не смогла закончить.

На следующий день Муна, набравшись храбрости, спросила Эниджу:

— Почему мы должны танцевать перед таким отребьем? насколько я знаю, ни одна из танцовщиц Нимы не подвизалась в кабаках… тем более в борделях.

— Если вы сможете выступить как должно перед, как ты изволила выразиться, отребьем, то в будущем уже никакая, даже самая взыскательная публика вас не испугает, — коротко ответила госпожа Эниджа.

Следующей испытуемой стала Гинивара. И снова оставшиеся в школе девушки не спали, переговаривались о пустяках и нервно хихикали. А потом так же приводили в чувство вернувшуюся заполночь нильгайку; Амариллис так даже пришлось прыснуть ей в лицо холодной водой. Оказалось, что Гинивара, исполнявшая красивый и чувственный ритуальный танец, спровоцировала им отнюдь не религиозный экстаз, а откровенно похотливые домогательства. Отдельные прикосновения, от которых не получалось ускользнуть, девушка еще терпела, но когда один из зрителей попытался прилюдно ее облапить и порвал на ней роскошную фиолетовую тунику аж до пояса… тут она не выдержала и напомнила всем окружающим, что жрицы Калима при случае могут защитить себя.

— Я расквасила почтенному шаммахиту нос и нарушила правило Школы, — и, подражая выговору Эниджи, Гинивара пропела, — *Танцовщица Нимы да не обнажит свою грудь, тем паче зад, ибо обнаженное соблазна не имеет и ценится дешево.* О таком успехе я и не мечтала… — и она снова засмеялась сквозь слезы.

Через неделю пришел черед Амариллис.

… Закусив нижнюю губу, она пристально смотрела в зеркало. Оттуда на нее так же пытливо взирала невысокая, легкотелая девушка, одетая в короткую темно-зеленую тунику, длинную, просторную накидку из светло-изумрудного суртонского шелка и

легкие кожаные сандалии, ее короткие волосы прятались под длинным серебристым париком. Подведенные зелеными же тенями глаза лихорадочно блестели — подобно мелким цирконам, которыми были украшены серебряные пряжки, скреплявшие накидку на плечах. Больше никаких украшений, если не считать тяжелого браслета на левой руке, от которого шли пять цепочек, обвивавших пальцы, и на котором крепился Хранитель мелодий.

Амариллис вздохнула и медленно развела руки в стороны, пробуя ткань в жесте — зеленые переливы должны были оттенять рисунок танца. Получилось действительно красиво, и она удовлетворенно улыбнулась. В дверь малого зала постучали. Пришло ее время.

Не сказавший ни единого слова слуга усадил девушку в закрытые носилки и пошел впереди них; потом помог ей забраться в лодку и выбраться из нее же; на берегу Лаолы их ждали новые носилки. Еще некоторая толика мерного покачивания, и наконец она на месте. В густой темноте южной ночи она с трудом различает контуры массивного здания, из его распахнутых окон вырывается многообещающая смесь хохота, света, запахов… это одно из развеселых марутских местечек, где за кружкой пива и подносом жареных свиных ребрышек коротают вечерок солдаты-наемники, нетрусливые мастеровые, и другие сорви-головы.

Амариллис казалось, что все происходит слишком быстро и почти независимо от нее. Слуга-провожатый открыл перед нею низенькую дверцу, она, нырнув в коридорчик, оказалась в жаркой полутьме дома, чьи стены поминутно сотрясались от рева луженых глоток, требующих пива или неистово хохочущих. Кто-то потащил ее за руку вглубь помещения, она послушно заспешила и вскоре оказалась перед куском линялого красного бархата, очевидно, заменявшего занавес. И, едва только девушка отдышалась, этот же кто-то откинул малопривлекательный лоскут и почти что вытолкнул ее на низкий дощатый помост сцены.

Она сделала несколько шагов вперед, подняла глаза от пола и тут же мысленно прокляла тот день, когда аш-Шудах привел ее в школу Нимы. Вокруг сцены стоял добрый десяток большущих столов, за которыми сидели уже изрядно подгулявшие гости — компания регочущих орков, горланящие похабные куплеты подмастерья-оружейники, солдаты иремского гарнизона… На захватанных стенах — чадящие светильники, за хозяйской стойкой — какой-то жирномордый шаммахит, пивные лужи на полу, убийственная смесь запахов мужского пота, раскаленного

свиного сала и черного перца. Амариллис почувствовала, как все ее внутренности сворачиваются в подобие улитки и завязываются морским узлом — созданный ею с такой любовью танец, грациозный и невесомый, был здесь так же уместен, как милосердие в Пойоле… или как прыщ на невесте. Но отступать было некуда: не за линючую же тряпку прятаться; и она, подняв руку, выпустила Хранителя мелодий.

В тяжелый воздух залы полилась нежная, печальная музыка; стиснув зубы, танцовщица готовилась сделать первый шаг, как вдруг чей-то грубо-насмешливый голос крикнул:

— Эй ты, капустка, катись-ка обратно на грядку, да отрасти себе сиськи побольше, чтобы было на что порадоваться!

Почтенная публика так дружно заржала, как будто отродясь не слыхала ничего более остроумного. Компания подмастерьев засвистела и один из них запустил в девушку помидором… он попал ей в плечо, оставив склизкий, противный след на изумрудном шелке, и смачно шмякнулся у ее ног.

И в этот самый момент Амариллис с восторгом поняла, что хочет отчаяться и заплакать — но не может! Вместо испуга ее охватила ярость, кровь вскипела как стотравный элексир в тигле; она была в том состоянии, когда легко убивают голыми руками.

Резкое движение кисти — и кристалл, словно поперхнувшись, обрывает тихую прелесть мелодии; еще движение — и чуть не порванная накидка летит на пол, а вслед за нею и парик… и стремительно нагнувшаяся девушка поднимает с полу помидор и с размаху швыряет его обратно в зал.

Стойка!.. Одна нога на носке держит тело, другая согнута в колене, словно готовясь пнуть, руки вытянуты в стороны, пальцы скрючены и вот-вот выпустят когти, короткие пряди взъерошенных волос похожи на иглы, а на лице хищная улыбка дикой кошки, и наконец-то дождавшиеся своего часа — клычки во всей красе! Пауза!.. Амариллис застыла, как пума перед прыжком, зачаровывая и угрожая. Хвала неведомому мастеру, Хранитель мелодий не подвел ее: выждав ровно столько, сколько нужно, он рявкнул — иначе не скажешь — начало разухабистой воинственной песни орков. Девушка, подпрыгнув, приземлилась на разведенные и согнутые в коленях ноги, выкинула вперед руки, словно вцепляясь жертве в горло… и начала танцевать. Она не знала, из каких глубин памяти крови всплыли эти движения — резкие, нарочито грубые, подобные замаху для смертельного удара, эти согнутые, вывернутые колени, вихляющиеся бедра, бьющие, швыряющие руки и боевой оскал; она не знала, что танцует как орчиха-шаманка, призывающая победу для воинов племени… И тут один из сидевших в оцепеневшем зале орков

запел:

— Бей! Режь! Смейся! Рычи!
Кто остановит наши мечи?!
Смейся! Рычи! Режь! Бей!
Чашу вражеской крови испей!

После первых же слов к его хриплому голосу присоединились и другие орки, они самозабвенно орали песню воинов, отбивая такт подкованными сапожищами; гремел барабан, ухали какие-то гулкие трубы и даже лязгало железо — кристалл Амариллис побагровел и заметно вибрировал.

— Клянусь бородой Вседержителя, я не учила ее ничему такому! Откуда же все это?! — шептала изумленная Эниджа, сидевшая в глубине зала рядом с аш-Шудахом. Стол перед нею был усеян крошками — волнуясь и переживая за обреченную на провал ученицу, она извела целую лепешку.

— Память крови. Однако она оказалась сильнее, чем я предполагал, — маг, не отрываясь, смотрел на танец-битву Амариллис. — Как она их держит… по одному ее слову они пойдут хоть в Арр-Мурра…

В этот миг девушка в последний раз взлетела в воздух и, приземлившись на самом краю сцены, замерла, как вонзившаяся в цель отравленная стрела. Музыка и пение оборвались… и тут же их сменил оглушительный рев восторга. А танцовщица, вместо традиционного изящного поклона, послала зрителям непристойный жест… впрочем, вполне их достойный и встреченный ими с восторгом. Один из орков, судя по всему — глава их отряда, с зеленовато-сизыми от старости волосами и двумя параллельными шрамами, пересекающими смуглую морщинистую щеку от уголка рта до виска встал, подошел к сцене и подал Амариллис руку, приглашая присоединиться к его — да и ее отчасти — соплеменникам. И девушка, вместо того, чтобы с визгом убежать за линялый занавес, легко спрыгнула со сцены и уселась на придвинутый ей стул.

— Молодец, кровница… не подвела, — и орк протянул Амариллис небольшой бокал, в который налил что-то из видавшей виды походной фляжки, — ну, с боевым крещением!

Она, не раздумывая, залпом выпила предложенный напиток (по вкусу схожий с горящей можжевеловой веткой), вытаращила глаза и свистяще выдохнула:

— *Марди-гра истигболи укк-тха!!!*

Сидящие за столом орки одобрительно засмеялись, демонстрируя белоснежные, влажно поблескивающие клыки, а

один из них, с массивной треугольной серьгой в ухе, поинтересовался:

— Дед или прадед? Что не бабка, это понятно — бабка за такие слова тебе бы рот щелоком намыла; а дед наверняка еще и нарочно подучивал. А, как?

— Ага, именно так. Только от прабабки мне все равно один раз влетело…

— Значит, прадед…

— Ага… А знаете, у него татуировка была почти как у вас, только не черная, а зеленая. Его звали Судри, — и Амариллис лучезарно улыбнулась старому орку. От выпитого зелья у нее слегка шумело в ушах, перед глазами плыли огненные круги и она изо всех сил старалась удержаться на стуле, совершенно не замечая, что ее — очень даже бережно для орков — придерживают за плечи.

— Ну что ж, правнучка Судри из лесного клана… возьми, на память о встрече, — и старик протянул ей кольцо, с трудом стянув его с мизинца — кольцо с прозрачным, гладким черным камнем, на котором была вырезана какая-то орочья руна.

… Амариллис не помнила, как вернулась в школу. Ее встретили подруги, потерявшие всякое терпение и придумывающие причины ее долгого отсутствия — одна невероятнее другой. Когда они увидели Амариллис в одной тунике, без плаща и парика, взъерошенную и совершенно ошалевшую, лица их вытянулись… но когда прошедшая испытание, потрясая кулаками и подпрыгивая на месте, понесла абсолютную ахинею — но ахинею счастливую и торжествующую, все бросились ее обнимать, целовать, тормошить — даже сдержанная Ксилла. Не скоро девушки улеглись спать, слишком многое хотелось им услышать и понять. И все же наконец они разошлись по своим постелям и угомонились.

… Уже под утро Муна проснулась от холода (во сне она часто сбрасывала с себя одеяло, а северная привычка спать, укутавшись по уши, срабатывала даже в жарком Шаммахе). Девушка привстала на кровати, поднимая свалившееся на пол покрывало, и случайно глянула в сторону спящей Амариллис. И оторопела. Ибо у изголовья танцовщицы стоял высоченный, широкоплечий старик-орк, с зеленой татуировкой вокруг золотых глаз. Вот он наклонился, ласково погладил спящую Амариллис по голове, выпрямился… и, поймав взгляд изумленной Муны, подмигнул ей и приложил палец к губам. И исчез.

После испытания девушки провели в школе еще год. Этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы они исправили свои ошибки, научились тем необходимым премудростям, о которых

раньше и не подозревали (например тому, как усмирять не в меру ретивых поклонников) и каждая из них смогла, наконец, осознать свою истинную силу.

В день расставания госпожа Эниджа собрала их в нижнем зале. Все выглядело так, словно они пришли на вечерние занятия… только вот в спальне девушек уже ждали сложенные дорожные сундучки, а их покрасневшие носы и припухшие веки свидетельствовали о том, что все подушки придется как следует просушить на солнце. Они выстроились перед наставницей, похожие на коллекцию суртонских фарфоровых статуэток, ожидая ее напутствия.

— Вот и пришло это время, ученицы мои. Вы немало потрудились, дабы заслужить право именоваться танцовщицами Нимы, но теперь, какую бы вы ни выбрали стезю, каждое мановение вашей руки будет прославлять Сладчайшую Богиню. Довольно вы прятались от мира за храмовой стеной, пора вам померяться с ним силами. Гинивара… Ксилла… Амариллис… Муна… Лалик… мир перед вами — старый, видавший виды, опытный… удивите его, и он — ваш. И помните наше последнее правило — *на сцене может быть только одна танцовщица Нимы…*

Помолчав, госпожа Эниджа протянула руки к своим ученицам:

— Дайте я обниму вас, доченьки… вот так, всех сразу… пусть защитят вас длани Всемогущего, и клянусь его благоуханной бородой, если вы сейчас же не прекратите реветь, то будете приседать до упада!

Они разъезжались кто куда. Ксилла — домой, в Иссу, чтобы стать драгоценной игрушкой в императорской Жасминовой Беседке; Гинивару ожидало сумрачное великолепие храма Калима; Лалик с нескрываемой радостью возвращалась в объятия ан-Нумана; Муна же собиралась начать свою карьеру танцовщицы в труппе королевского театра Арзахеля. Амариллис предстояло вернуться в дом аш-Шудаха.

Глава четвертая. Дети Лимпэнг-Танга. Продолжение

— Амариллис, с тех пор, как ты вернулась из школы Нимы, ты стала чересчур часто задумываться! Можно подумать, что ты обучалась в какой-нибудь философской мыслильне… Может, партию в махшит?

— Не-а, не хочу. Знаешь, братец Арколь, ведь совсем недавно я думала о том же самом… ну, о том, что же мне делать дальше. Тогда матушке Тилите удалось пристроить меня в горничные, и это казалось такой удачей! Слушай, может порекомендуешь меня кому-нибудь из своих прелестниц?

— Не понимаю тебя, сестренка. Тебе что, плохо здесь? Но даже если ты заскучала и желаешь поблестеть на публике, тебе достаточно благосклонно кивнуть хозяину любого театра, и он приползет на коленках, держа в зубах цветочек из Арр-Мурра, только бы заполучить тебя на свою сцену! Что, разве не так?!

— А что толку? Все равно не пустят…

— Кто не пустит?!.

— Кто-кто… а то ты не знаешь! Думаешь, я не пробовала? Так он меня живо укоротил, даже внушение сделал… Да что толку об этом говорить… пойду-ка я спать.

Аш-Шудах, улыбаясь только ему ведомым мыслям, смотрел в большое, чуть волнистое зеркало — не на свое отражение, ибо его там не было, но на лицо спящего Арколя… несколько едва слышных слов — и на месте Арколя оказалась мирно почивающая Амариллис. Маг провел рукою над влажно поблескивающей поверхностью стекла, и лица юноши и девушки слились воедино, не соединяясь, но словно просвечивая сквозь друг друга. Вот вздрогнули черные брови Арколя, в сонном недоумении сойдясь к переносице, а вот показалась светлая прядь волос, лежащая на щеке Амариллис… Несколько минут аш-Шудах всматривался в это двойное отражение, затем, взяв из стоявшей одесную шкатулки щепоть порошка, похожего на золотистую пудру, которой шаммахитские модницы посыпали ресницы, высыпал себе на ладонь и, резко выдохнув, сдул ее прямо на зеркало. Блестящая пыльца с нежным звоном посыпалась на его волнистую поверхность и осела на ней; аш-Шудах снова улыбнулся и сказал, обращаясь к отраженным в позолоченном стекле:

— Смотрите…

… Черные, отвесные скалы, несокрушимой стеной вздымающиеся из ярящегося моря… и узкий проход в этой самой

природой созданной крепостной стене, опоясывающей одинокий остров… и корабль, ведомый искусным кормчим, танцующий на волнах между каменных клыков, торчащих из воды, а на веслах — одни лишь женщины, полуобнаженные, с ярко-синими волосами, заплетенными в недлинные косы… Одна из них поворачивается в сторону ищущего взгляда вещего зеркала, и спящие видят яростно блестящие глаза, неукротимый, гордый рот никем не побежденной воительницы, вышедшей в открытое море на поиски приключений.

… Серые каменные своды бесконечного коридора, мертвая утроба горы, и по ней бегут трое: мальчик, девочка и держащий их за руки старик… и эти же мальчик с девочкой, только повзрослевшие, летят сквозь пылающие кольца с трапеции на трапецию…

… Молодая женщина, собирающая травы в плоскую плетеную корзину; лицо ее печально и ресницы еще не высохли от недавно пролитых слез. Рядом с нею пожилой мужчина, что-то горячо ей говорит, заметно волнуясь, а она в ужасе отшатывается от него, отталкивает готовые обнять ее руки…

…Темнокожий беловолосый мужчина в жреческом одеянии спорит о чем-то с подобными себе священнослужителями… и он же, одетый в нищенские лохмотья, идет по пыльной дороге, палимый бешеным солнцем; непреклонно и горько сжаты полные губы, и в глазах — серый пепел отчаяния…

…И вдруг эти разрозненные картинки, бестолковые, как и подобает сонным видениям, сменяет предельно четкий, *настоящий* пейзаж — стройные стволы золотистых сосен легким хороводом окружают лесное озеро, подобное дивной чаше в руках лесного духа… Нежная и сверкающая водная гладь, и вереницы облаков, отразившиеся в ней… Один берег — крутой, только кубарем катиться, зато другой — пологий, и там, между расступившимися деревьями, высится воздушно-легкий храм, к которому ведут широкие, белоснежные ступени… Внезапно чуткую лесную тишину разорвал мелодичный перезвон колокольчиков.

Амариллис вздрогнула и тихо застонала во сне; на другом конце дома Арколь так резко повернулся, что чуть было не свалился с кровати, его пальцы судорожно вцепились в шелковые простыни… но тот, кто направлял их сон, снова улыбнулся, что-то успокаивающе проговорил, легонько дунув на зарябившее было зеркало — и все успокоилось.

По ступеням храма спускался высокий, стройный юноша, его длинные волосы были заплетены во множество косичек, перевитых несчисленными бубенцами; обнаженные узкие ступни

легки и бесшумны, разворот плеч неожиданно широк, а лик — божественно прекрасен. Остановившись на последней ступени, юноша приложил правую руку к сердцу в знак приветствия и обратился к видевшим его во сне:

— Счастья и радости вам, слышащие меня — меня, Лимпэнг-Танга, бога шутов и артистов. Я призываю вас, ибо моя труппа не может быть полной без танцовщицы и того, кем ты сам захочешь стать, Арколь. Мы все ждем вас, — и в этот момент из храма вышли и встали рядом со своим богом те, кого только что сетями вещего сна ловил аш-Шудах.

— Поспешите, не позвольте мне заскучать без вас… — Лимпэнг-Танг улыбнулся широко и лукаво, как ребенок, встряхнул головой, рассыпая серебристый звон, и… после этого сонное видение Арколя и Амариллис стало таять, исчезать в колокольчиковом переплеске, словно утренний туман, убоявшийся жаркой ласки солнечных лучей.

А в своем покое аш-Шудах вздохнул с облегчением, провел по зеркалу сновидений шелковым расшитым платком, сметая золотистую пыльцу, и откинулся на спинку кресла. Он просидел в одиночестве не более пяти минут, когда на его плечо легла чья-то ладонь. Не оборачиваясь, маг накрыл ее своей рукою и сказал:

— Ты чересчур пунктуален для артистической натуры, брат мой, — и, встав, приветствовал пришедшего. Они дружески обнялись и от этого движения звонкие волосы младшего (сводного) брата аш-Шудаха раскатились серебристым смешком.

— Я несказанно польщен твоим доверием, братец, — удобно устроившись на низком диване, Лимпэнг-Танг с веселым любопытством смотрел на мага, — помнится, было время, когда ты мне и дохлой летучей мыши не поручил бы. А тут, смотрите-ка — лучший ученик, можно сказать, приемный сын, да и девушка тоже не простая… Ты уверен, что будешь доволен моим покровительством?

— Не знаю, Лимпэнг-Танг, — с усмешкой отвечал маг, — не знаю… Дохлую летучую мышь я бы тебе и сейчас не доверил, поскольку абсолютно уверен в том, что ты тут же подсунул бы это сокровище мне в шербет… или под подушку. Так что даже и не мечтай. А что касается моих детей — думаю, ты их не разочаруешь. Арколю пора отправляться в обязательное для каждого — пусть даже и очень талантливого — подмастерья странствие, а повозка бродячего театра послужит ему неплохой маскировкой…

— Но у меня уже есть мастер иллюзий! Лиусс отлично зарекомендовал себя… конечно, куда ему тягаться с твоим учеником — но даже ради тебя я не прогоню его.

— Разве я просил об этом? Не беспокойся, вряд ли Арколь захочет работать с примитивной магией бесплотных образов, его это не интересует. И роль он изберет себе другую, вот увидишь. Ну, а Амариллис… надеюсь, ты понимаешь, какой я делаю тебе подарок?

— Понимаю… и безмерно тебе благодарен. Послушай, братец… а тебе не жаль отпускать ее?

— Так ты присмотришь за ними? — аш-Шудах явно не собирался отвечать на последний вопрос младшего брата.

— Да присмотрю, не переживай ты так! Может, я и не самый благовоспитанный бог в Обитаемом Мире, но детей своих обижать не позволю никому! И тебе в том числе… поэтому будь так добр, простись с Амариллис как-нибудь… понежнее… Не учить же мне тебя, в самом деле!..

— Вот это верно. Спасибо тебе, Лимпэнг-Танг.

— Не за что, — вставая с дивана, ответил звонковолосый бог, — всегда пожалуйста.

…Уже после того, как гость удалился так же неслышно и мгновенно, как и приходил, аш-Шудах заглянул в стоявшую на столике рядом с диваном резную хрустальную чашу с шербетом… и с довольной улыбкой покачал головой — в чаше мирно плавала летучая мышь, своим невозмутимым презрением к миру подтверждая собственную дохлость…

Утром наступившего дня магу не составило особого труда истолковать одинаковые сны, посетившие Арколя и Амариллис; перспектива попасть в храмовую труппу Лимпэнг-Танга вдохновила бы кого угодно… И точно так же Арколю не составило особого труда выбрать себе роль.

— Я думаю, что буду хорошим шутом, — и, опережая вопросы Амариллис, пояснил: — фокусы мне показывать уже как-то не к лицу, да и неинтересно, место воителя наверняка занято этой… синеволосой… акробат из меня некудышный, певец тоже не ахти. Так что придется тряхнуть стариной: в приюте мне частенько влетало за непочтительное насмешничанье. Конечно, если учитель не сочтет эту роль несоизмеримой с достоинством его ученика…

— Не сочтет, — ответил аш-Шудах.

Сборы в дорогу заняли весь день; все-таки будущим артистам предстояло немало проехать по дорогам Обитаемого Мира — через ничейные земли, мимо Маноры, к сосновым борам в предгорьях Безымянного Хребта; дорогу же в храм бога шутов им должен был указать сам Лимпэнг-Танг.

Амариллис, в последний раз проверив содержимое двух своих дорожных тюков (по привычке она все делала сама, неизменно

приводя в священный ужас слуг аш-Шудаха), решила попрощаться с чудесным садом, который был так же обманчив и заманчив, как и глаза его создателя — на вид он был не больше обычного сада при богатом шаммахитском доме, на деле же в нем можно было запросто заблудиться. Девушка не спеша шла по узенькой тропке, петляющей, словно лесные речушки севера, между деревьями, иногда прикасаясь к теплой шершавой коре или вставая на цыпочки, чтобы понюхать вечерний цветок. Она полностью погрузилась в свои мысли и поэтому заметно вздрогнула, когда повернула за очередным изгибом дорожки и только что не споткнулась о сидящего на траве мага. Он же, одним, воистину царственным, движением бровей прервав ее неуклюжие извинения, предложил ей присесть рядом.

— Опять предостерегать будете? — в который раз впадая от робости в дерзость, спросила Амариллис.

— Помолчи, дева, — вздохнул аш-Шудах, — для поддержания достойной беседы совершенно необязательно говорить… иногда достаточно только слушать.

Некоторое время они сидели в молчании, нарушаемом лишь приглушенными хлопками раскрывающихся цветов, да вздохами ветра в зеленой листве. Наконец, набравшись смелости, Амариллис снова решилась заговорить.

— Господин мой, если вы что-то хотите сказать мне, будьте снисходительны, скажите это словами, я ведь не Арколь, и в тишине расслышу не многое…

— Не называй меня так, Амариллис, ибо — на то была священная воля Вседержителя — твое сердце мне не принадлежит… не перебивай. Ты отдала мне свое первое желание… но не сердце. Да помолчи же, дева. Ты слишком рано отвыкла слушаться старших; и боюсь, на тебя трудно будет найти управу…

Аш-Шудах протянул руку и коснулся волос Амариллис. Она бессознательно потянулась головой за его ладонью, словно ластящаяся кошка; подняла глаза и попыталась улыбнуться.

— Я, пожалуй, пойду…

— Ты боишься меня?

— Вот еще! — взорвалась Амариллис. — Очень надо! Вы же меня и пальцем не тронете, так чего мне бояться?! Разве только того, что я сойду с ума от скуки, пока вы тут медитировать будете… Хватит играть со мной, как сытый кот с неаппетитной мышью, жрать ведь все равно не собираетесь!!!

Уже через секунду после последнего выпаленного слова она оказалась на траве, распластанная волей аш-Шудаха как подопытная лягушка. Она глянула в его лицо, нависающее над

ней, подобно грозовой туче, и зажмурилась — молнии, вырывающиеся из «черных алмазов», вполне могли бы испепелить небольшой город.

— Ты, невоспитанная, бессовестная, неблагодарная, несносная девчонка! Видит небо, я хотел отпустить тебя с миром, но ты этого не заслуживаешь!..

… Первые несколько дней пути девушка была непривычно молчаливой, но не печальной; ее спутник, догадываясь о происходившем в ее душе, не тревожил ее якобы развлекающими, а на самом деле любопытствующими разговорами, всеми силами ограждая ее покой. Когда они покидали пределы Шаммаха, миновав последние пограничные гарнизоны империи, Амариллис наконец-то отважилась заговорить, ни к кому, в общем-то, не обращаясь:

— Нет, я, конечно, подозревала о его могуществе, но даже и предположить не могла, что он в силах останавливать время…

Ехавший рядом Арколь только покачал головой:

— Я долгое время был его учеником, а с недавних пор — и помощником, и я абсолютно уверен в том, что ни истинного облика его, ни истинной его Силы мы не в состоянии постичь… ни я, ни ты. А… ты долго пробыла с ним?

— Не знаю. Кажется, неделю. А может быть пять минут. Не знаю. Однако долго же ты сдерживал любопытство, брат Арколь.

— Вообще-то это не мое дело… — и Арколь в смущении отвел глаза.

— Как это не твое?! Ты же мой названный брат! Старший, между прочим. Вот Фрон с Траем живо бы из меня все повытрясли, глядишь, и полегчало бы мне.

— Прости, я не думал, что вправе задавать тебе такие вопросы, боялся, ты обидишься.

— Не обижусь. Да и ничего *такого*, собственно говоря, я и не могу рассказать.

— Я знаю. И боялся, что именно это и смутит тебя. Так много усилий — и *такой* результат…

— Да уж… Лалик я бы наврала с три короба, чтобы не позориться, а тебе врать бесполезно, да и не хочу. Мне стыдно, Арколь. Какая же я дура все-таки… представляю, как я ему надоела своим ничтожеством, — и Амариллис крепко закусила нижнюю губу, снова погружаясь в молчание.

Они уже проехали изрядный кусок намеченного пути; по старому, содержащемуся в идеальном порядке торговому тракту, соединяющему Шаммах и Манору; теплым майским вечером танцовщица и шут въехали в Эрмеллино — один из пригородов Маноры, славящийся своими оливковыми рощами. Они решили

остановиться на одном из гостеприимных, шумных постоялых дворов; у Арколя был удивительное чутье на безопасные места, не раз помогавшее им даже и в их на удивление спокойном странствии. На сей раз ему приглянулась «Услада Нальдино» — и путники попридержали коней; Арколь легко спрыгнул на землю, будто и не трясся весь день в седле, помог спуститься Амариллис и обратился к спешившему навстречу хозяину (Нальдино в четвертом поколении):

— Уважаемый, мы с самого утра в дороге, надеюсь, у вас найдутся две смежные комнаты для меня и моей сестры?

— Найдутся, как не найтись, прекрасные комнаты, тихие, окнами в сад, никто не помешает благородным господам отдыхать, прошу вас, проходите!

Усталых коней увели в конюшню со строжайшим указанием вычистить, напоить, накормить — и все как следует, впрочем, конюх с такой любовью оглаживал холки чистокровных шаммахитских лошадей, что хозяйская строгость была необязательна. Оказавшись в доме, Амариллис, избалованная в школе Нимы, потребовала горячей воды и чистых полотенец, с наслаждением выкупалась в небольшой деревянной ванне, прислушиваясь к хихиканью и визгу, доносившимся из-за полуоткрытой двери — Арколь, по неизвестной причине заслуживший репутацию не то принца инкогнито, не то императорского посланника, вовсю этим пользовался. Не спускаясь в общую залу, они отужинали в комнате девушки и, собираясь как можно раньше утром отправиться в путь, улеглись спать.

Арколь проснулся с неясным ощущением тревоги. Не вскакивая и не суетясь, он прислушался: из соседней комнаты, где мирно посапывала его названная сестра, доносился тихий, но отчетливый скрип — скрип половиц под многоопытной — но все же не эльфийской — ногой. Когда Арколь понял, что шаги незваного гостя продвигаются в направлении кровати Амариллис, реакция последовала незамедлительно. Спустя пару секунд ночной посетитель, жалобно пискнув, замер, наслаждаясь приятным холодком шаммахитской стали у собственного горла. Одним жестом засветив свечу на прикроватном столике, Арколь не без иронии сказал:

— Добро пожаловать!.. Да проснись же ты, Амариллис! К тебе гость.

Амариллис, с трудом выкарабкиваясь из цепких объятий сладкого полуночного сна, присела на кровати и все еще слипающимися глазами уставилась на незадачливого воришку (или соблазнителя). Тот стоял не дыша, вытаращив и без того

большущие глаза цвета незрелого крыжовника, и казалось, что даже огненно-рыжие пряди волос колышутся на его беспутной голове от ужаса.

— Умоляю! Погасите свет!

Он просипел эти слова задушенным, словно из-под подушки голосом, по-прежнему не осмеливаясь пошевелиться. Все еще недоумевая, Амариллис спросила:

— Вы что, окном ошиблись?

И тут со стороны конюшен раздался дикий рев.

— Лорка, погань ты этакая! Иди сюда, я тебе ноги оторву, кобель хренов! Ах ты паскуда рыжая, мать твою так-перетак… — а дальше пошло такое, что Арколь опустил кинжал и развернул гостя лицом к себе.

— Кто это столь высокого мнения о твоей персоне?

— Почтеннейший купец Альдобрандино, я-то думал, что он еще в Пьяческе отстал, так нет ведь, выследил все-таки, старый хрен! Да погасите же вы свет!

А на дворе судя по нестихающей мощи рева давно и прочно рогатый мессир Альдобрандино сулил «рыжей харе» много чего хорошего, всполошил уже спавших слуг, разбудил постояльцев — словом, весь дом поставил на ноги. В саду замелькали факельные огни, в коридорах затопали, послышались чьи-то визги…

— Быстро! — и рыжий незнакомец схватил Арколя за руку, — бежим отсюда! Пока он там надсаживается, успеем добежать до конюшен!

И странное дело — вместо того, чтобы выставить зеленоглазого любовничка за дверь, прямиком в объятия правосудия, Арколь и Амариллис, не сговариваясь, бросились переодеваться; ученик аш-Шудаха, отвесив добротный подзатыльник возмутителю спокойствия, засмотревшемуся на Амариллис, пихнул ему в руки один из дорожных тюков, другой схватил сам, и все трое выбрались в коридор. Немного потолкавшись с обитателями взбутетененной «Услады Нальдини», они оказались во дворе, в общей суматохе пробежали к конюшне, где их ожидал неприятный сюрприз. Кони шута и танцовщицы мирно стояли в стойлах, у самого входа нетерпеливо переступал с ноги на ногу великолепный серебристый жеребец — а рядом с ним так же нетерпеливо переминался верзила с пудовыми кулачищами и головой со среднюю репку. Голова у старого хрыча Альдобрандино еще соображала. Увидев сие небесное видение, рыжий резко затормозил и вознамерился укрыться в доме. Увы! достопочтенный купец, успев побывать в комнате, в которой всегда останавливалась его жена, возвращаясь от замужней сестрицы, и убедившись, что супруги там, по непонятной

причине, нет (ее задержало на лишний день банальнейшее расстройство желудка), решил хотя бы наполовину добиться своего. И в эту самую минуту он, во главе небольшого отряда улюлюкающих слуг, приближался к конюшне.

Несчастный любовник заметался как заяц в западне, Амариллис, не принимая во внимание обстоятельства, помирала со смеху… положение спас Арколь.

— Olalla — lalli — loassa… — за простейшим заклинанием быстрого сна последовал взмах длинных пальцев, сплетенных в магическом жесте — и почетный караул у конюшни был снят. Они взлетели в седла, разом дали шпоры… и решились передохнуть, лишь когда Эрмеллино был далеко за спиной. Путники остановились и, насколько позволял лунный свет, оглядели друг друга — рыжий мертвой хваткой прижимает к себе дорожный тючок, глаза-крыжовины таращатся с бледного лица, обрамленного холеной бородкой, Амариллис, взъерошенная, в криво-накосо застегнутой куртке (покинув Шаммах, она, несмотря на уговоры Арколя, предпочла южным одеяниям более практичные северные), и Арколь, в завлекательно распахнутой на груди рубашке, торчащей белым ухом из расстегнувшихся штанов… Спустя мгновение все трое дружно хохотали. Отсмеявшись, рыжий галантно поклонился нежданным спутникам, наконец-то получив возможность представиться:

— Ваш покорный слуга, Лорка Аригетто Гвардастаньо деи Верджеллези ди Сигинольфо, седьмой — и младший сын графа Манарди да Бреттиноро из Арзахеля!

— Ничего себе имечко!.. — восхитилась Амариллис, — Слушай, пока тебя к обеду зовут, жаркое не остывает? А если ты в колодец упадешь? Представляю: бежит кто-нибудь за помощью и орет: «Спасите! Помогите! Мессир Лорка Аригетто Гварилези…»

— Гвардастаньо. И прекрати придираться к чужому имени, это невежливо, — прервал ее Арколь.

— Конечно, лезть к девице ночью в окно куда как вежливее, — ехидно согласилась Амариллис, — и я не придираюсь, я просто беспокоюсь. А ну как колодец будет глубоким? Что тогда?

— Тогда будет вполне достаточно «рыжей отравы», — ухмыльнулся в ответ Лорка, — простите, но кто вы, оказавшие мне столь высокую честь, приняв в свое общество?

— Я — Арколь, а эта благовоспитанная девица — моя сестра Амариллис. Мы направляемся в храм Лимпэнг-Танга, дабы присоединиться к храмовой труппе.

— И в каком же качестве, позвольте полюбопытствовать?

— Амариллис — танцовщица, она обучалась в школе Нимы, а

я — шут.

— Школа Нимы? да-а-а… повезло храмовой труппе. Но ты не похож на шута, мессир Арколь.

— Послушайте, — вмешалась в разговор Амариллис, — мы собирались выехать из Эрмеллино пораньше — не настолько, конечно, но что уж теперь… так давайте поедем наконец, что попусту на дороге стоять. Успеете наговориться, путь неблизкий.

— Благодарствую, но являться к богу вот так запросто, без приглашения — на это даже моей наглости не хватит, — с заметным огорчением ответил Лорка.

— Не скромничай, рыжая отрава, — услышав этот голос, путники как по команде повернули головы и увидели сидящего на межевом камне Лимпэнг-Танга; над головою бога мерцал целый рой светлячков.

— Смирение тебе не к лицу, паршивая овца из стада Бреттиноро. Судя по тому, как ты лазаешь в окна замужних дам, а потом удираешь по крышам, так из тебя может получиться неплохой акробат. Но мне ты нужен как вольтижер. Пока. А там посмотрим, может, Шонно и согласится поделиться своими секретами. Поспешите, дети мои, ибо я уже начинаю скучать.

… Остаток ночи они провели в дороге, потом остановились в какой-то деревушке, несколько часов отсыпались на сеновале, и, наскоро поев, снова отправились в путь.

Когда до сосновых боров близ Безымянного Хребта оставался день-другой пути, их нагнали уже знакомый по вещему сну Лиусс и какой-то незнакомый юноша — северянин богатырского сложения. Как пояснил по дороге фокусник, это был Орсон, будущий силач труппы; бывший подмастерье кузнеца ухитрялся во время работы выстукивать тяжеленным кузнечным молотом медно-звонкие мелодии, чем и приглянулся Лимпэнг-Тангу. Путь они продолжали уже впятером, обсуждая обстоятельства своего призвания и пытаясь строить планы…

Трень-и-брень и динь-дилень!
Прочь с дороги, ночи тень!
В ухе — пара колоколец
Благовестят новый день!

Дадли-ди и дидли-да!
Нам и горе — не беда!
Раскрывай глаза пошире —
Мы — артисты хоть куда!

Динь-дилень и трень-и-брень!
Как скучать-то вам не лень?!
Ну-ка, жизнь, давай вприпрыжку,
Наизнанку, набекрень!

Дидли-да и дадли-ди!
Сердце — мячиком в груди!
Мы за радостью поедем
Хоть по Млечному Пути!

Динь-ди-да и трилли-ли!
Мы на сцене — короли!
В нашей власти — смех и слезы,
Лучше — нету на земли!

Трень-и-брень и динь-дилень!
Прочь с дороги, ночи тень!
В ухе — пара колоколец
Благовестят новый день!..

…Когда они покидали храм Лимпэнг-Танга, отправляясь в свое первое путешествие, эту песенку, ставшую вскоре их гимном, горланил ее сочинитель — Лорка. Его спутники только диву давались: и когда это он все успевает? За несколько дней, проведенных в храме, он успел подкатить к Рецине и получить от нее изрядную взбучку, переключился на Криоллу — и был за шкирку вытащен из девушкиной комнаты ее разъяренным братом… После этого ему пригрозили отлучением от труппы, и взяли с него честное благородное слово, что спутниц своих он оставит в покое, отдыхая в их обществе только душой, тело же предоставит в распоряжение поклонниц.

Для легкомысленного бога Лимпэнг-Танг оказался даже чересчур предусмотрителен. Все, что могло понадобиться его артистам на первых порах — будь то посуда или костюмы, одеяла или сценический реквизит, сундук с приспособлениями для примитивной иллюзионной магии или провизия — все уже было сложено в две добротные повозки, запряженные парой выносливых коней. Вот чего он не дал своим детям вовсе — так это денег («Не моя епархия» — так он выразился о финансах); зато вручил лично Лиуссу здоровенный короб с семейством чистокровных нильгайских глузд: трехметровых змей с

шипастыми гребнями, обладающих гипнотическими способностями и ядовитых, отныне они должны были защищать повозки артистов во время вынужденных ночных стоянок, а также охранять театральную кассу и ценное имущество (которые, впрочем, еще предстояло нажить…)

Что касается первоначального репертуара, то здесь Лимпэнг-Танг оказался весьма суровым критиком, да оно и понятно — второй возможности произвести первое впечатление у его труппы не будет, поэтому ей предстояло сразу же вцепиться публике в горло мертвой хваткой, дабы не отпускать ее до конца времен. Головокружительные полеты Шонно и Криоллы на сотворенных для них трапециях капризного бога не впечатлили; акробаты несколько приуныли, пока Шонно не вспомнил о придуманном им почти год назад номере, который отверг распорядитель иремского цирка. Брат и сестра облачились в привезенные с собою костюмы, имитирующие расцветку хищных кошек и словно обливающие тело от головы до пят, с помощью Орсона и Лиусса соорудили простую трапецию с несколькими свободно свисающими веревками и принялись выделывать такое… что скучающе посвистывающий Лимпэнг-Танг вытаращился на них, словно уличный мальчишка, и не поскупился на похвалы. Рецина получила высочайшее одобрение после того, как патрон соизволил скрестить с нею серпы смерти; Лиусс, Лорка и Орсон тоже пришлись ко двору. Арколь, как всегда невозмутимый, изобразил для собравшихся «Утро Властителя Шаммаха», заставив их хохотать до колик. И уже поздним вечером, когда на ступенях храма зажглось пламя светильников, согревающее все еще холодную темноту весенней ночи, пришел черед Веноны и Амариллис — одной петь, другой — танцевать. Надо сказать, что поначалу Амариллис, привыкшей к своему Хранителю мелодий, участие певицы показалось лишним, однако спорить с богом она не решилась. И правильно сделала. Потому что низкий, бархатных голос ведуньи трав (каковой была Венона до призвания) сыграл для ее танца роль драгоценной оправы… и зажег огонь страсти в глазах Лиусса…

Насладившись лицезрением искусства своих избранников, Лимпэнг-Танг отметил каждого из них знаком божественного признания и покровительства — отцепив со своих косичек восемь пар колокольчиков, он продел их артистам в левое ухо. На следующее утро после этой церемонии его храмовая труппа отправилась удивлять мир.

Глава пятая. Подарочек

На привал они остановились уже после полудня, укрывшись от зноя в легком, кружевном перелеске, в стороне от дороги. Лорка распряг лошадей — и верховых, и тягловых — и пустил их попастись на воле; со всех трех повозок (третью приобрели совсем недавно, для Веноны и Лиусса) сняли тенты, чтобы проветрить и просушить постели. Поскольку сегодня служить очагу должны были Шонно с сестрой, артисты, с нетерпением принюхиваясь, ждали на обед суртонский плов с курицей и красными сливами; Амариллис помогала Веноне развешивать на перекладинах для тентов пучки собранных ранним утром трав. Вот уже полгода танцовщица терпеливо штудировала толстенный фолиант «Великого флорария», на который она потратила в книжной лавке почти весь свой месячный заработок; Венона же, видя ее искренний интерес и неиссякающее усердие, помогала ей разбирать особо сложные места и даже делилась своими собственными секретами.

— Смотри, Ами, вот эта ромашка никуда не годится, можешь скормить ее жеребчику Лорки.

— Но почему? чем она хуже вот этой?

— Запомни, целебными свойствами обладает только та ромашка, у которой головки цветков в разрезе пустые… видишь? А теперь повтори, что я тебе говорила вчера о способностях этого цветочка.

— М-м-м… ромашка пригодна для полосканий при воспаленном горле и сухом кашле, справляется с желудочными судорогами, отлично изгоняет сыпи и воспаления на коже, устраняет зуд. Ее отваром хорошо умываться девочкам-подросткам, и мыть младенцев. Правильно?

— Правильно. А вот это зверобой… какой хороший! Давай-ка завтра наберем побольше одних цветочков, да сделаем масло, чтобы растирать ваши вывихи и синяки. Нет-нет, не вешай тысячелистник на солнце, иначе он утратит всю силу! Его сушат в тени, а хранят в темноте.

— А используют как?

— Заваривают как чай, делают отвар для ванн. Это отличное противосудорожное средство, может даже остановить выкидыш, поскольку одновременно и расслабляет и укрепляет мышцы.

— А моя бабка называла его молокогон… поила всех молодок в семье… такой-то горечью! — сказал, застенчиво улыбаясь, подошедший поближе Орсон.

— И была совершенно права! Вон ты какой верзила

вымахал! — улыбнулась Венона.

— А я тоже такие цветочки видел. Помнится, еще удивился: такие невзрачные, а туда же, в графские покои влезли. Графиня Настаджо их на белом вине настаивала… сама пила, но мне не предлагала, — к разговору присоединился и Лорка.

— Ну еще бы, — и травница смерила его насмешливым взглядом, — тебе ведь не грозила опасность народить графу наследника с волосенками цвета морковки! Кстати, Ами, запомни этот старый арзахельский рецепт: на одну малую бутыль белого вина — две пригоршни цветов тысячелистника, настаивать не менее пяти дней. Пить по утрам, натощак, по маленькой чашечке.

— А сколько времени пить?

— Да сколько будет нужно. После того, как настойка закончится, нужно сделать перерыв на три недели, действие ее в это время сохраняется.

— Понятно. А вот эти букетики куда вешать?

— О, вот с этими букетиками поосторожнее. Давай повесим их в тени, на ветерке… так, а из каких трав мы их сделали?

— Ну… из полыни — запах ни с чем не спутаешь, эти фиолетовые цветочки — это шалфей, это мята — душистая!.. Дудник… и бальзамин.

— Верно. Когда будем проезжать через цветочные луга Каджи, соберем чабрец и майоран, ближе к Эригону постараемся найти истинный розмарин, а в городе купим хизоп, в этих краях он не растет. Собранные травы смешаем, засыпем в большую бутыль и зальем орчатской можжевеловой водкой.

— Ага… а потом выльем в канаву.

— Не спеши. Настой полмесяца выдерживают в теплом месте, фильтруют и разливают по бутылочкам. И одна маленькая ложечка натощак может прогнать глистов — за один прием!… лечит все болезни желудка, прекращает гниение пищи в кишечнике, помогает даже при тяжелых отравлениях — в том числе и ядами… Что, стоит постараться?

— Стоит. Глисты на юге — как ревматизм на севере. И как этот настой называется?

— Вода жизни.

В этот момент их незастольный разговор был прерван призывом акробата уделить должное внимание его стряпне; дважды просить не пришлось никого, а вот добавки, как всегда, не хватило. После обеда бросили жребий, кому мыть посуду. Лорка — тоже как всегда — смухлевал, его поймали и отправили на берег недальней речушки с котлом и мисками искупать вину. Когда же солнечные лучи стали заметно мягче и немного посвежел воздух, артисты вновь тронулись в путь.

Верхом ехали только Лорка и Рецина, остальные устроились в повозках, раскрытых по-прежнему.

Разговор вертелся вокруг предстоящих выступлений в Эригоне и периодически возвращался в событиям в замке Гэлвинов, теперь уже недельной давности. Рецина отпускала рискованные шуточки по поводу панического бегства силача Орсона из замка сразу же после окончания праздника — к бедняге с самого начала праздников приставал некий одайнский вельможа с сомнительной репутацией, одним видом своих напомаженных локонов доводя его до паники… Синеволосая амазонка сначала советовала Орсону в другой раз как следует отхлестать прилипалу вожжами, а потом посадить его голым задом в муравейник, и тут же выражала сомнение, не воспримет ли тот сии действия как новый изысканный способ порочного наслаждения. Орсон только отплевывался.

Лорка, от мытья посуды несколько посмурневший, вступил в разговор не сразу и возможно поэтому его вопрос обратил на себя общее внимание.

— Да, я так и не понял, что это за высокородная сосулька выручила Амариллис? Что, очередной эльфийский поклонник?

— Вроде того, — ответил Арколь.

— Ничего себе… Ах вот оно что… а я-то думал, откуда это ты такая встрепанная вернулась… Я ведь тебя не намного опередил, уж очень занятные у господина барона племяшки оказались. Ну и как он тебе?

— Слушай, ты, рыжая отрава, — и Амариллис повернулась лицом к вопрошавшему — если не отстанешь, я попрошу Рецину, и мы вместе посадим тебя в короб к глуздам. Они с удовольствием послушают про бароновых племяшек.

— Что, неужели все так серьезно? — ничуть не смутившись, спросил Лорка.

Ответа не последовало.

— Так я и думал, — и, ловко увернувшись от нацеленного ему в голову яблока, неутомимый искатель приключений на рыжую голову добавил: — Эй, я рад за тебя, плясунья…

Поздним вечером, почти ночью труппа остановилась на ночлег. За околицей одной из еще одайнских деревень (восточная граница княжества проходила как раз по берегу Каджи, до которого собирались добраться не позднее чем через три дня) оказался большущий фруктовый сад; быстро поладив со сторожем при помощи фляги вина да пары-тройки позвякивающих металлических кружочков, Лиусс настойчиво посоветовал всем укладываться спать, выпустил из короба соскучившихся глузд и отправился в свой возок.

День был жарким, артисты приустали и поэтому вскоре все — даже Лорка — мирно почивали. Все, кроме названных брата и сестры.

Арколь сидел на толстой войлочной подстилке, по неискоренимой шаммахитской привычке скрестив ноги и свесив кисти рук с колен, Амариллис устроилась рядом. Они сидели молча, изредка встречаясь взглядами и явно не зная, с чего начать разговор. Первым не выдержал Арколь.

— Помнится, ты как-то сказала, что на правах старшего брата я могу спрашивать тебя о делах сердечных. Кажется, это именно такой случай. Что произошло, Амариллис? Ты не без изящества отвела нам глаза, в красках рассказав о подлости Ливайны — клянусь дланями Вседержителя, при первой же встрече я заставлю ее шлепнуться в самую глубокую и грязную лужу! Поступок лорда Лотломиэль был действительно красив… хоть картину пиши… поэтому никто не удивился тому, что для выражения благодарности тебе понадобилась целая ночь.

— Тогда в чем же дело?

— А вот в чем. Во-первых, в следующий раз предупреждай… хоть как-нибудь. Добро, вслед за тобою в замок отправился Лорка, не миновав все того же мажордома и не забыв послать мне весточку. Иначе я бы решил, что с тобой опять сводят старые счеты ревнивые дамы и не стал бы мешать Орсону разнести все великолепие Гэлвинов к растакой-то матери, как он выражается. И тебе бы все испортили, и хозяина бы потревожили. А во-вторых, если я рядом, необязательно пить венонину горчуху, она может спровоцировать сильное кровотечение.

— Ты что, и этому учился?!

— Представь себе, да. Учитель настоял на полном курсе медицины… как всегда, не зря.

— Хорошо, брат Арколь, — немного помолчав, серьезно сказала Амариллис, — твои советы приняты. Это все?

— Нет, не все. Лорка, конечно, болван («Сам ты болван» — подумал про себя младший Бреттиноро, вовсе не думавший спать и навостривший уши с самого начала разговора брата и сестры) и несносный остолоп, греющий уши чужими словами (покрасневший как спелый южный помидор, Лорка высунулся из возка и, сказав, что нечего разводить душещипательные беседы возле пытающихся уснуть сотоварищей, плюхнулся на свое место и накрыл голову подушкой, твердо решив не услышать более ни слова) — но ведь он прав, Амариллис. («Еще бы не прав» — пробурчал себе под нос вольтижер…) Мне показалось, что вы встречались и до выступления.

— Если это можно назвать встречей, то да. Помнишь, в

последний день выступлений я уходила на Быстрицу, простирнуть бельишко? Так он как раз тогда возвращался в свои благословенные леса, собрался переходить речку, а мне… ну, в общем, я чихнула.

— Клянусь каменными клыками Краглы, хотел бы я это видеть! Он принял тебя за лешачиху?

— Да ну тебя. Он подскользнулся от неожиданности и свалился в воду.

— Постой, попробую догадаться, что было дальше. Ты не упустила возможности повеселиться на его счет и принялась распевать свои глумливые песенки.

— Угадал. Он тогда страшно разозлился, пришпилил меня за рукав к иве… идет, весь мокрый, с волос вода ручьями… и так спокойненько сулит мне трепку. Только потом почему-то передумал и полез целоваться. Нахал остроухий.

— Эй, поосторожнее насчет ушей, — и Арколь погрозил сестре кулаком.

— Ну вот. Я сначала, конечно, изумилась — их светлости нас обычно за ровню не держат, а у меня еще и прадедова темная кровь вылезла… — чего это он, с ума сошел, что ли?! От холодной воды в голове помутилось?! А потом… Знаешь, Арколь, пока он меня целовал… я простила жизни все — и свою половинку Свияра, и маму с папой, и братьев… и мерзкий трюм, и пиратские щупанья, и страх, и боль, и все, все… Однажды аш-Шудах сказал мне, что судьба не любит быть в долгу и всегда расплачивается… и не скупится.

Помолчав, девушка продолжила:

— Да, потом я удрала, как нашкодивший подросток. Представь, каково мне было увидеть его среди гостей барона, я думала, сбегу куда-нибудь… Ах, Арколь, я хотела бы забыть всю эту историю, будто и не было ничего… («Ишь, чего захотела!..» — уже сквозь сон подумал Лорка) Ну зачем мне все это?! Эльф, да еще из высокородных, лорд Цветущих Сумерек… и я — танцовщица самого Лимпэнг-Танга, ученица Нимы! Да на что он мне сдался?! Вот был бы наследным принцем, тогда я, может, и подумала бы («Вот это правильно. Выше нос, плясунья!» — с последним зевком вылетело из наконец-то уснувшего вольтижера). Все, братец, не хочу я больше говорить об этом. Спать пора, я с Веноной договорилась с утра чабрец пособирать. Все. Было, и прошло.

Амариллис поднялась, потянулась, и направилась к «девчоночьему домику». И уже вслед ей Арколь сказал:

— Хочешь ты этого или нет, сестра моя Амариллис, но теперь тебе придется считаться со своим сердцем… — и уже про себя

добавил — и ты наконец-то начнешь взрослеть…

Как и ожидалось, спустя три неполных дня дети Лимпэнг-Танга добрались до Каджи; здесь, на равнинах Одайна она заметно отличалась от той бесноватой реки, какую помнила Амариллис — порастратив по пути свой пыл, она разливалась широко и лениво, принимая в свое лоно воды множества ручьев и речушек вроде Быстрицы. Паромные переправы и почти все судоходство на Кадже принадлежали цвергам, не зря же исток реки находился чуть ли не посредине Тархины — их столицы, великолепного скального града.

День уже начинал клониться к вечеру, но Лиусс предпочел немного переплатить пожилому седоусому цвергу, распоряжавшемуся на пароме, и заночевать уже по ту сторону одайнских земель, на каком-нибудь приличном постоялом дворе, а буде такой не встретится, остаться на ночь под открытым небом и под надежной защитой глузд. Лучше уж так, шепнула ему его жена, чем провести остаток дня, тупо созерцая вальяжное течение Каджи, ночевать возле паромной пристани, и видеть, как тускнеют глаза Амариллис, и заранее готовить ей снотворное, и окуривать «девчоночий домик» черным шиповником, отгоняющим кошмары…

Погрузив все свое движимое имущество на широченный паром (что удалось, как всегда, исключительно быстро, благодаря удивительному взаимопониманию между рыжим вольтижером и лошадями), артисты устроились кто где, всецело доверяя искусству цвергов. Амариллис, решившая не обращать внимания ни на заманчивое предложение Криоллы разобрать сундуки с нарядами (надоевшее — подарить девчушкам в первой попавшейся деревне, и приготовиться к великолепию базаров Эригона, составив два списка — того, что действительно необходимо, и того, что очень хочется… первый список, как правило терялся, и потом с ним по лавкам ходили их братья…), и уж тем более — на противную дрожь в животе и подступающую к сердцу глухую тоску, прошлась пару раз вдоль борта парома и остановилась, стараясь не глядеть по сторонам.

— Прошу прощения за беспокойство, милая леди, но не позволите ли вы мне спросить вас об этом вот колечке? — совсем еще молодой цверг, с усами чуть-чуть пониже уголков рта, стоял рядом с танцовщицей и поглядывал на ее правую руку, на среднем пальце которой было надето кольцо, когда-то подаренное Амариллис орчатским старейшиной. Так же, как и с Хранителем мелодий, она не расставалась с ним никогда.

— А… что? — не сразу сообразила девушка.

— Да уж не сочтите за грубость, но откуда у вас это

кольцо? — и цверг искательно заглянул в глаза Амариллис.

— Это подарок. За первое мое выступление.

— А… кто вам его подарил?

— Эй, ты, гномова подтирка, оставь леди в покое! — незаметно подошедший капитан отвесил юноше изрядную затрещину, — Что, не видишь, ихи лошади опять насра… извиняйте, леди… короче, я, что ли, за тебя подбирать это добро буду?! Пшел прочь!..

И, напутствовав любопытного пинком, капитан доверительно обратился к танцовщице:

— Вы уж не серчайте, леди, простите за беспокойство.

— Да какое там беспокойство… Хотя… странно, цверг — и заинтересовался камнем. Насколько я знаю, вы занимаетесь исключительно металлами.

— Это верно, — капитан сопнул носом и напыжился от гордости, — цверги — исстари хозяева жил, рудою богатых, звонкозвенящих металлов, в жарком горниле рожденных, хранители древних секретов, тех, что кроме нас, знают лишь молот да наковальня…

— А гномам вы что оставили? — поинтересовалась сидящая поодаль на палубе Рецина, — Торговлишкой пробавляться?

— Гномы для бабских побрякушек камушки ищут, пылью гранильной дышат, да на денежных мешках сидят, ростовщики треклятые! — и капитан с нарочитым презрением сплюнул за борт.

— Понятно. А чем вам этот парнишка не угодил? — спросила Амариллис, не любившая недоговоренностей.

— Хе… если б он только мне не угодил! Он ведь гномов выкормыш, именно так. Малым робятенком попал к длиннобородым, семья, знать, бездетная была, вот и польстились на этого… то ли украденного, то ли в рабстве рожденного. А как старшой — то там помер, родственнички его и отправили восвояси, катись, мол, горошком… Не, мы его честь честью приняли, к семье работящей приписали, одежонку, инструмент какой-никакой справили. А он? Знали бы вы, что он нам вместо благодарности выдал!

— Неужто обокрал кого? — невозмутимо протянула Рецина.

— Ну, если б так, он бы счас дерьмо одной рукой собирал. Не, он вместо того, чтобы делу учиться, да пользу семье приносить, за старое принялся — камешки гранить, узоры каки-то из проволок плести, деревца выделывать со слюдяными листиками… тьфу! порченый, одно слово. И ведь не дурак же, не бездарь — как сядет над своей наковаленкой, откуда что берется, и усердие, и терпение… а в кузню придет — как подменят его: то

молот мастеру на ногу уронит, то ошпарит кого… Уж мы и пороли его, и добром уговаривали — все попусту… Не, вы гляньте на него! — и капитан вытянул короткий толстый палец в сторону.

Паренек, прибрав на палубе, уселся неподалеку и усердно гнул блестящую проволоку, оформляя контуры какой-то фигуры.

— Вот блажной-то! Неймется ему! И за что мне этакая морока…

— Да ладно вам, капитан, — и Амариллис постаралась улыбнуться послаще, — пусть его забавляется.

Когда восточный берег Каджи уже заметно приблизился, к короткоусому цвергу подошла Рецина. Глядя куда-то вдаль, она невзначай поинтересовалась:

— Что, сильно они тебя пороли?

— Да уж как умели… — и паренек виновато улыбнулся.

— А почему тебе колечко Амариллис глянулось?

— Да как же, госпожа… это ж алмаз темной крови, редчайший камень! — юноша даже покраснел от волнения, — я такой только раз видел, и то не в продаже! Откуда их орки берут — никто не знает, а они и за золотые горы не скажут.

— И что ж в нем такого? камень как камень, ничего особенного…

— Что вы! Это истинная драгоценность! Алмаз темной крови хранит своего хозяина от смерти в бою… я еще удивился, почему его девушка носит… предупреждает о предательстве, придает сил уставшему. А еще я слышал, что есть легенда, будто все эти камни суть осколки одного огромного самородка, и в минуту смертельной опасности могут передать одному камню силу всего целого.

— Вранье… но красивое. Спасибо за науку… как тебя зовут?

— Где? — горько усмехнулся цверг, — здесь все больше гномьим ублюдком величают, или дармоедом…

— А отец с матерью?..

— Фолькетом они меня звали… подарочком…

— Так слушай, Фолькет. Пришвартуемся мы скоро, а вот разгрузимся уже затемно, это я тебе обещаю. Да еще у пристани подзадержимся ненадолго. Если в какую из наших повозок кто и прошмыгнет — вряд ли мы заметим… а в Эригоне, я слышала, есть ювелиры, охотно берущие подмастерьев, бывших в обучении у гномов… Ну, бывай, — и Рецина, хлопнув оторопевшего паренька по плечу, отошла.

…Никто так толком и не понял, что же такое случилось с лошадями. Уж Лорка и уговаривал их, и улещивал, что твоих красоток, и даже грозился перевести на прошлогоднюю солому —

все бестолку. Упрямые животины как белены объелись, хотя где ее взять-то, посреди реки?! В общем, пока выпихивали их с парома, пока заново запрягали в еле выкаченные повозки, да еще у Лиусса что-то бабахнуло в сундуке… Капитан, получивший изрядную мзду, суетился больше всех, покрикивал, помавал руками, и вряд ли замечал что-нибудь дальше своего носа.

Фолькет прятался, как выяснилось, под одеялом Рецины. Когда артисты остановились на ночлег, она живо выпроводила паренька в повозку к Лорке, Орсону, Шонно и Арколю, где ему и предстояло спать до самого Эригона. Молодой цверг никому не доставлял хлопот, держался скромно, но не угодливо, и никогда не упускал случая помочь хоть чем-нибудь. Он вычистил Амариллис браслет Хранителя мелодий, попеняв ей на его исключительную, как он выразился «засаленность», отполировал Рецине весь ее немаленький арсенал, и провел настоящую ревизию всех ювелирных украшений труппы, исключая серебряные колокольцы. Целыми днями он чистил, чинил, напевая себе под нос незамысловатые мелодии.

Вторая неделя пути подходила к концу, когда вдоль дороги потянулись виноградники, а в воздухе определено запахло морем и суетой — это означало, что дорога, как и полагается любой дороге Обитаемого Мира, привела путников в Эригон баснословный — расположившийся в устье Каджи торговый центр западных земель.

Глава шестая. Праздники Третьего Лета

Даже самые преувеличенные похвалы в честь Эригона не были незаслуженными. Этот город по праву задирал нос и высокомерничал, ибо ему было, чем похвалиться.

Перед тем, как соединить свои воды с горько-соленой влагой моря Покоя, Каджа распадалась на пять разновеликих рукавов, которые люди, не мудрствуя лукаво, назвали Большим, Указательным, Средним, Безымянным и, соответственно, Мизинцем. На них располагались корабельные доки, а ближе к городу тянулись бесконечные склады. На Большой привозили продовольствие и вина, на Указательный — ткани, меха, кожи… словом, тот товар, в который повелительно тычут дамские пальчики; на складах Среднего скучали дерево, пенька, и всякое другое занудство, вдоль Безымянного выстроились оружейни, а на Мизинце были самые маленькие склады и самая многочисленная охрана, поскольку товар там хранился легкоутаскиваемый и дорогой — пряности, благовония, душистые масла, лекарства…

На окраине Эригона подобно сотам лепились рабочие слободки, где по названиям таверн можно было определить род занятий их жителей: «Цепкий крюк» — у грузчиков, «Старик гвоздодер» — у ремонтников, «Недреманное око» — у складских охранников. Между собой слободки жили дружно, как кошка с собакой, однако случавшиеся с завидной регулярностью свадьбы, скажем, сына парусных дел мастера и дочери грузчика, позволяли решать мелкие несогласия в процессе раздачи ритуальных свадебных тумаков, плавно переходившем во вселенскую драку… а крупных несогласий там отродясь не бывало.

Главным украшением города была огромная торговая площадь, увенчанная дородной ратушей. В ней был великолепный, щедро украшенный позолотой зал, где собирался городской магистрат, там же, в зале поскромнее и построже, заседали судьи (все больше по торговым делам), на первом этаже, открытая для любого посетителя, палата мер и весов выставляла напоказ образцовые гирьки, портновские метры, стразы всевозможной огранки и тому подобное. Здесь же во всю стену красовался знаменитый свод «Правил честной торговли», слова которого были сложены из золотых, врезанных в каменные стены букв. Одно из правил гласило: «Если хочешь запутать покупателей, веди дела свои честно», другое советовало: «Не

обманывай партнера чересчур уж хитроумно, ибо пока ты придумываешь свою хитрость, он сам успеет надуть тебя», а третье… впрочем, все они были хороши.

От площади разбегались улицы, мощеные темно-серым булыжником и содержавшиеся в почти идеальном порядке; по каждой из них можно было попасть в недурную гостиницу, трактир, или — если будет такая надобность — в веселый дом. В Эригоне ремесло объединяло людей не только в цехи и торговые ряды, но и в жилые кварталы: соседом ювелира был ювелир, или, на худой конец, златошвея, портные селились рядом с портными — и так далее.

В общем, это был богатый и процветающий город, пекущийся в основном о благах земных (храмов в Эригоне было раз-два — и обчелся), живущий днем сегодняшним и вполне довольный и самим собой и всем миром. И только одна-единственная деталь могла удивить восторженного гостя — здесь было чересчур много ветряков. Высокие ветряки окружали главную площадь, в каждом саду при богатом особняке поблескивали на солнце посеребренные лопасти, ветрячки хоть и попроще, но вполне пристойные, вертелись на городской окраине… и только один ветряк, самый роскошный (ходили слухи, что чуть ли не золотой), царящий на вершине ратуши, всегда, даже при сильном ветре, оставался неподвижным.

— … Одним словом, обычное людское тщеславие, оправленное в каменное убожество. Малюсенькие сады, спрятанные за высоченными стенами, будто в них кроется нечто крайне непристойное, цветы — исключительно срезанные… убитые… Впрочем, вам, кажется, доводилось бывать в Эригоне, лорд Лотломиэль? — и его величество Воздуха чуть приподнял уголки тонких, красивых губ, что означало у него приветливую улыбку.

— Да, я был там однажды, на одном из Торгов Третьего Лета, — и Хэлдар, бросив взгляд на карту Обитаемого мира, сделанную в виде настенного панно из различных сортов древесины, отметил про себя темный кусочек палисандра на западном берегу моря Покоя — светлой кленовой пластины.

— Тем лучше. Ибо я прошу вас, Хэлдар, — и король пристально посмотрел собеседнику в глаза, — отправиться туда немедля, завтрашним же утром.

— И в каком же качестве?

— В качестве просителя, — и его величество вздохнул, — а в худшем случае — покупателя. Вы должны привезти в наши леса алмаз темной крови… и как можно скорее.

В комнате воцарилось молчание. Оба собеседника

обдумывали: один — необычность (и это по меньшей мере) поручения, второй — те сведения, коими он должен поделиться с подданым, дабы тот принял это поручение.

— С тех пор, как эта напасть посетила мир в последний раз, деревья прибавили по десять колец, — заговорил король, — и вот теперь, похоже, снова настало ее время.

— Тихий ветер?.. — полувопросительно-полуутвердительно сказал Хэлдар, на секунду прикрыв глаза рукой.

— Для Вольного (это слово было намеренно подчеркнуто) Лесного Стража вы неплохо осведомлены о всеобщих делах, лорд Лотломиэль. Да, вы правы, — и король, встав, пригласил Хэлдара следовать за ним.

Они вышли на легкую, ажурную галерею, многократно опоясывающую башню Воздуха; король с наслаждением подставил лицо ветру, вдыхая его, словно драгоценное вино.

— Шестеро гонцов покинут Лис-Арден завтрашним утром. Вы поедете в Эригон, двое — в орочьи поселения у Края Света, двое — в Краглу, а одному придется лезть под землю, в гномов Гридд. Вы должны привезти алмаз темной крови. Их не так уж и много, но нам нужен тот, который отмечен руной первозданной силы, *феху*. Камень должен быть отдан добровольно, в худшем случае — так же добровольно продан, и никакая цена да не покажется вам чересчур высокой!.. Он нужен нам, ибо наша магия беспомощна против тихого ветра… Дарованную им неуправляемую мощь обуздает и направит *слиток солнца*, самая драгоценная из реликвий клана Огня, добытая ценой жизни вашего отца, лорд Хэлдар. Если камни подчинятся нам, их совместное усилие позволит создать *воина воздуха*, сильнейший из направляемых ветров, и сила тихого ветра иссякнет в их столкновении… которое должно произойти на море, так, чтобы по возможности никто не пострадал…

— Как вам удалось убедить ее величество Земли? она не особо считается с нашей стихией…

— Никого не пришлось убеждать, лорд Лотломиэль. Вспомните, первый порыв тихого ветра мало кто заметил… кроме нас, конечно… Так, вымерли все оазисы близ Арр-Мурра, не состоялся торг Третьего Лета — что тут скажешь?.. в пустыне и не такое случается. Во второй раз досталось уже всему побережью, захватило даже это омерзительное место, Пойолу — и опять во всем обвинили моровую язву, чуму… множество людей, ужасные условия, грязь… Третий порыв наполовину сократил муспельский флот, о чем опять же никто не сожалел, и ненадолго освободил море Покоя от пиратских кораблей. А четвертый достался Эригону. Если мы не найдем средства против этой беды, и не

убедимся в том, что оно действенно, кто знает, может, шестой вздох Арр-Мурра накроет наши леса?!

— Пятый… уже в пути?

— Да. И я боюсь, что вы не успеете до начала тихого ветра найти камень, и вам придется какое-то время провести в ядовитом воздухе. Немалого труда стоило определить те места, где стоит искать камни, — и его величество Воздуха чуть заметно поморщился, — а кое-кому признаться себе, что без них нам не обойтись… вы знаете Хэлдар, я не признаю темной магии категорически, я никогда… — он осекся, махнул рукой, и продолжил — одним словом, время мы упустили.

— Если ваше величество позволит, то завтрашним утром гонцов будет пятеро, — и Хэлдар наклонил голову в почтительном поклоне, — я готов отправиться в путь уже сейчас.

— Скорее всего, их будет двое, — и уголки королевских губ снова дрогнули, — поскольку именно к утру его величество Воды ожидает прибытия Гвальмая и Мунина из Северных Гаваней…

Самое большее через час Хэлдар, лорд Лотломиэль, покинул Лис-Арден — невесомо прекрасный, легкий город, бережно — так, что не было срублено ни одно дерево — выстроенный эльфами вокруг большого лесного озера, над которым вечно красовались не меньше десятка радуг (поскольку именно таким образом представители кланов Воды и Воздуха обменивались посланиями). Прощание с родными заняло времени не больше обычного, вдовствующая леди Лотломиэль, чуткая как все матери, не стала даже интересоваться причинами столь поспешного отъезда и не напомнила, вопреки обыкновению, сыну заглянуть на прощание к невесте.

Путь предстоял неблизкий — через Безымянный Хребет (гномы и цверги, навоевавшись всласть и с ног до головы умывшись кровушкой, во избежание возможных противоречий дали имена только своим столицам, оставив сами горы принципиально безымянными… поскольку им приходилось цапаться и по менее важным вопросам), одной из цверговых дорог, потом — как можно быстрее в Эригон. Хэлдар не стал говорить об этом королю, поскольку не хотел спугнуть удачу, подошедшую на расстояние полета стрелы, — но он был уверен в том, что камень уже в городе. И он знал, у кого придется просить его…

Эльф не хотел признаваться себе, что, оправдываясь соображениями долга, слишком легко разрешил своим мыслям вновь вернуться к событиям прошлого месяца.

…Смешные, короткие светлые волосы, обрамляющие совсем молодое лицо, на котором сияют злорадством глаза, цветом

схожие с изысканной серой нильгайской замшей, и издевательски смеется розовый рот… Теплое, доверчивое «спасибо» и ее ладони на его склоненном лице… Погоня, немыслимая и нелепая, вслед за кем? чем?.. сами боги того не ведают…

Сначала он хотел просто догнать ее, хотя бы еще раз увидеть — и увезти в свои леса, забрать с собой, без условий и договоров. Спустя некоторое время это желание уступило место другому: догнать во что бы то ни стало, чтобы исполнить обещание, данное на берегу Быстрицы — отхлестать как следует первым попавшимся прутом. Он вспоминал ее безоглядную нежность и злился еще сильнее… как она могла предать его? себя? — усомнившись, струсив… и удрав, как… как… все слова, приходившие на память, были исключительно человеческими и абсолютно недостойными для произнесения. Как она могла, такая… лезть к нему в окно, да за кого она себя принимает?! Даже сейчас, вспомнив об этом, Хэлдар прикусил губу. А потом он устыдился и оборвал себя. Да что с вами такое, «мастер ельф»? не стыдно ли комедию ломать? в вашем-то возрасте… или вы забыли, кто она? Выпороть девчонку, конечно, не помешало бы, но пусть этим займется сама жизнь, а у него и поважнее дела найдутся. И спустя без малого неделю после того, как он вернулся на границу и вновь стал лесной тенью, важные дела действительно нашлись.

— Так как, ты говоришь, у вас называют этот торг? — поинтересовалась Рецина.

— «Чихай-на-здоровье», — ответил Фолькет, чуть ли не приплясывая на месте от нетерпения, — Ну господин Лиусс, долго ли еще?

— Неужто тебе так наскучило наше общество, парень? — фокусник вышел из дверей, поправляя головную повязку, — Зудишь, как кусачая муха. Говорю тебе, господа ювелиры еще почивать изволят, они же не знают, что твоя светлейшая особа уже в городе!.. Иначе у ворот почтенной госпожи Элиссы уже выстроилась бы очередь из жаждущих заполучить тебя в подмастерья.

— Да-да, вы правы, господин Лиусс, — похоже, Фолькет все пропустил мимо ушей, — так мы идем?!

— Идем, идем… подарочек, — и Рецина подтолкнула цверга к воротам.

Сразу же по прибытии в Эригон храмовая труппа Лимпэнг-Танга направилась к уже знакомому дому, находившемуся в трех минутах ходьбы от городской ратуши. Хозяйка дома, госпожа Элисса, была вдовой очень богатого торговца, сколотившего состояние на товарах с Востока. Денег в семье было настолько

много, что хватило и единственному сыну на продолжение дела, и двум дочерям на сказочное приданое, и вдове — на более чем безбедное существование в их старом доме (сын предпочел построить — взгромоздить, как говорила его матушка — новые хоромы). В прошлый приезд труппы госпожа Элисса, отличавшаяся отменным вкусом и незаурядным умом, настолько пленилась искусством детей звонковолосого бога, что предложила Лиуссу переехать из гостиницы «Радостная встреча» в пустовавшее отдаленное крыло ее дома; таким образом, никто не мешал друг другу, а по вечерам хозяйка приходила послушать пение Веноны (ради которого, по правде говоря, и проявила такое радушие). И в этот раз она встретила артистов столь же приветливо, отрядила на помощь девушкам пару своих служанок — обе вернулись к вечеру с охапкой подаренных тряпок и осипшие от болтовни; и пригласила всех на ужин, дабы рассказать о городских новостях и послушать новости привозные.

Большего удобства и пожелать было невозможно: места выступлений — под рукой, ухоженный сад, на радость Арколю, добродушная и снисходительная хозяйка. А конюшнями остался доволен даже Лорка. Самое время немного отдохнуть перед праздниками, уже дышащими в спину — но не тут-то было! Едва были распакованы вещи и смыта дорожная пыль, как всеобщее благодушие принялся отравлять Фолькет. Он беспрестанно ныл, чтобы его отвели к ювелиру — любому, хоть людоеду, хоть глодомору, — и сдали в ученики, а уж он там покажет, на что годен! Он делал так не из вредности, занудства природного в нем вроде бы не было, но он никак не мог справиться с нетерпением осуществить свою великую миссию и разделить свою любовь, так долго остававшуюся безответной. Больше всех почему-то доставалось Амариллис. Фолькет ходил за нею по пятам, поперся даже в купальню, и все бубнил о своих переживаниях, о каких-то редких драгоценностях, опять расспрашивал танцовщицу об орочьем кольце… В конце концов, чтобы избавиться от цверга, почти спятившего от давшейся в руки мечты, было решено спешно отвести его к ювелиру, любезно порекомендованному хозяйкой дома.

— Ну что, его приняли? — поинтересовалась Амариллис, осторожно выглядывая из купальни, в которой она пряталась все утро.

— Как родного. Вылезай, хватит прятаться, — и Лиусс протянул ей охапку свежесрезанных нарциссов, — Это тебе за долготерпение.

— Да уж, нашему подарочку только что ковровой дорожки не расстелили. — добавила Рецина, — Как только мастер узнал, что

Фолькет — гномов выученик, да еще и приемный сын, ухватился за него, как дите за медовый пряник. Ну, а дальше уже не наша печаль. Кстати, по дороге мы зашли в ратушу, к господину городскому голове, там же и распорядителя городских торжеств застали.

— Ну и как он? — спросил подошедший Лорка, — Поставщика париков еще не сменил? Помните, в прошлый раз у него локоны были как пакля, которой Рецина чистит свои железяки…

— А сейчас он кудряв, как гиацинт, — сообщил Лиусс, — и он подтвердил все прежние договоренности: мы открываем праздник по случаю торгов Третьего Лета, за нами на протяжении всех торгов остается лучшее место на главной площади — на возвышении, рядом с фонтаном, кроме того, в большом зале ратуши для нас уже соорудили сцену. Вечером надо ее опробовать, присмотреть место для трапеций… в общем, пора за работу.

С каждым часом город лихорадило все больше и больше; он и в обычные дни напоминал растревоженный муравейник, а теперь стремился превзойти самого себя, став воплощением не просто суеты, а суеты сует. И было ради чего!..

Ибо раз в три года в Эригон баснословный самые отчаянные добытчики редкостей привозили товар из оазисов, расположенных близ Арр-Мурра, самого страшного места в Обитаемом Мире, проклятой земли безумного бога. Его именем матери не пугали детей, потому что люди, дабы сохранить свой рассудок, предпочли поскорее забыть его, да и его обладателя тоже. Но пожелать кому-нибудь отправиться в Арр-Мурра — дорогого стоило, и такие слова не всякому сквернослову были по плечу… вернее, по языку.

Однако оазисы, окружавшие безумную землю, были полны всяческих сокровищ, кои нигде более не водились, и стоили немыслимых денег, и поэтому не переводились охотники дотянуться до даров пустыни. Ничто не могло отпугнуть их — ни убивающий все живое солнечный огонь, ни коварные колодцы (чем ближе был Арр-Мурра, тем своенравней вели себя подземные хранилища воды — они словно переползали с места на место, повинуясь своей собственной логике, и бесполезно было ставить вешки и наносить их на карту — где вчера была вода, сегодня лишь тускло пересмеивались мириады песчинок…), ни даже засасывающие ветра, от которых не было спасения — все, что попадалось на их пути, затягивалось в самое сердце Арр-Мурра. Но люди (и гномы, и цверги, и даже — хотя таких случаев было только два — эльфы; велигорам же на деньги было наплевать,

поэтому они сюда не забредали), погибая десятками, продолжали надоедать пустыне своим постоянством. И раз в три года, преодолев все мыслимые препятствия и наигравшись в гляделки со смертью, они привозили плоды оазисов в Эригон баснословный.

Первыми приезжали добытчики пряностей. О, это были не всем знакомые перец или мускат, отнюдь нет!.. Самой простой и дешевой была ассафа — в коричневых глиняных мисках лежали белые кусочки корней какого-то растения, и достаточно было провести этим кусочком пару раз по дну посудины, где собирались готовить пищу, чтобы сообщить ей аромат молодого чеснока и душистого перца, который, между прочим, не оставался во рту… Уже подороже, но пока еще не убийственно для кошелька, можно было купить кыт*а, называемую еще ореховой травой, щепотка которой заменяла три пригоршни орехов и несказанно облегчала пищеварение, а также красноватые горошки кшахта, дающего замечательный золотистый цвет даже овощным бульонам и повышающего аппетит. Эти две пряности были просто незаменимы там, где были больные и выздоравливающие (или разборчивые в еде дети), поэтому немалое их количество магистрат закупал для городской больницы — на деньги благотворителей, разумеется.

Затем на уже благоухающей площади появлялись поставщики пряностей подороже… и полюбопытнее. В фарфоровых баночках пересыпались золотистые и розовые семена илори, пахнущие как посыпанная ванилью роза; настоянные на молодом вине, или посыпанные поверх пирожного, они служили как расслабляющее и гипнотическое средство, даруя светлые и счастливые сновидения. В плотно закрывающихся сосудах темного стекла хранился хнум — особый сорт перца, жгучий, как солнце Арр-Мурра, и способный даже столетнего старца превратить в неутомимого любовника. Не менее дорого стоил блестящий порошок, приготовленный из высушенных и растертых в порошок цветков хлайи; этот афродизиак ничем не пах и был практически незаметен в еде или питье… и мужчины, и женщины, не торгуясь, отдавали за него туго набитые золотом кошельки. От торговцев они уходили, опасно улыбаясь, унося с собой соблазн, заключенный в маленькие пузыречки; и никому не ведомо, сколько девиц, отведав невинной розовой воды, враз забывали все матушкины наставления… У двух, самое большее — у трех торговцев можно было купить маат-ша, знаменитую «пряность свадебного пирога», несущую запах свежих яблок и корицы; она избавляла новобрачную от ненужной стыдливости, распаляла и без того немалую страсть молодого мужа — словом, она стоила

даже больше тех денег, которые за нее платили.

Наконец, наставала очередь самых отчаянных смельчаков, рискнувших сунуть нос аж в пределы Арр-Мурра, ступивших на границу безумной земли и умудрившихся унести оттуда ноги. И прихватить с собой еще кое-что.

Их везли в небольших плетеных коробах, заботливо уложив каждую в отдельную плетеную же коробочку на тщательно высушенные розовые лепестки. За этим драгоценным фруктом закрепилось имя зирэ, что на языке впервые добывшего его цверга означало примерно «первые нежные утренние лучи»; кисло-сладкие на вкус, желто-румяные ягодки без косточек и без малейшего намека на соединяющие их веточки составляли небольшую, с детскую ладошку, гроздь (как они держались в ней, не рассыпаясь и не сминая друг друга, было непонятно). Одна такая гроздочка зирэ стоила… но люди заплатят и не такие деньги, лишь бы еще хоть чуть-чуть отодвинуть старость. Чудесные ягодки значительно облегчали, а порой и излечивали старческие недуги, возвращали молодость телу, вновь наделяя мускулы силой, разглаживая морщины и выпрямляя спину. А одного молодого принца из северной Краглы зирэ излечили от черной меланхолии, и он смог, к великому неудовольствию своего дядюшки, взойти на престол и вполне успешно управлять своим королевством, предварительно отрубив недовольному голову…

Поэтому не было ничего удивительного в том, что эти торги обставлялись со всевозможной пышностью и церемониями, а к их началу был приурочен городской праздник, с факельным шествием, с выступлениями артистов, танцами и прочими горячительными средствами. Всю неделю, пока продолжались торги, Эригон был еще более весел и неумерен, чем подгулявший подмастерье. В день же седьмый этот подмастерье явно хватал лишнего и попросту терял всякое разумение. Словно сорвавшись с цепи, город пускался во все тяжкие… Все сословные и имущественные различия переставали что-нибудь значить, портовый грузчик мог запросто похлопать жену городского головы по пышным юбкам и оттанцевать с ней разок-другой, известный всему Эригону карманный воришка мог состроить рожу судье, а то и выпить с ним доброго винца, что же касается женской половины города, то из ее памяти напрочь стирались все нормы приличия, а из лексикона пропадало слово «нет»… Не веселились в этот день только больные да покойники, а остальным грех было не веселиться, и любой ребенок в Эригоне знал историю о мрачном могильщике Бриэле, которого подземные духи наказали за унылую злость и неумение

радоваться вместе с другими.

Все артисты храмовой труппы Лимпэнг-Танга пребывали в приятном ожидании веселой публики, хорошего заработка (если повезет, можно будет отдыхать всю зиму) и развлечений. В четыре дня, остававшиеся до начала праздника, они успели отдохнуть, привести в готовность весь свой реквизит и лишний раз убедиться в готовности самих себя.

— Ну что ж… праздники могут начинаться, — сказал Лиусс, заканчивая последнюю вечернюю репетицию, — Мы им покажем.

Позади были уже два дня торгов, все диковинки подешевле были распроданы, а аппетиты покупателей раззадорены донельзя. Продажа афродизиаков по традиции предварялась ночным праздником, блеск которого оплачивали торговцы соблазном, а обеспечивали дети Лимпэнг-Танга. Больше всех в этот раз отличился Лорка; на своем огромном серебристом жеребце он откалывал такие номера, что, наверное, сам себе дивился. Сцена, кулисы… все это было не для него; он словно вспорол тело толпы лезвием стремительного галопа, ворвавшись на площадь с какой-то из улочек, и каким-то чудом ухитрившись никого не затоптать. Зрители, затаив дыхание, следили за тем, как вольтижер, стоя в седле мчащейся по кругу лошади, жонглирует зажженными с обоих концов факелами, как он почти что пролетает сквозь обручи, которых искусство Лиусса заставило гореть пламенем немыслимых цветов; свое выступление Лорка превратил в настоящий фейерверк трюков, один сложнее другого, — в этой ночи самым безумным факелом была его рыжая голова.

Завершать программу предстояло Амариллис; ее танец должен был убедить доселе сомневающихся отведать коварных даров оазисов Арр-Мурра… Готовясь к выходу, танцовщица в который раз благословила выучку школы Нимы и строгость госпожи Эниджи: что бы ни творилось в ее душе, какие бы мысли не пытались заставить ее споткнуться, — ничто не имело ни малейшего значения для дисциплинированной артистки. «Танцовщица Нимы славит любовь», повторяла про себя Амариллис, натирая тело маслом суртонской белой розы, от которого кожа слегка светилась в темноте. «Никто да не прикоснется… и даже не мечтай…», твердила она, одевая блестящий золотистый парик. «Ибо открытое соблазна не имеет…» — и она лишний раз проверила, легко ли скользят застежки на юбке. Наблюдавшая за ней Венона только головой качала: куда подевалась та девчонка, которой она все утро растолковывала правила составления микстур от кашля?

— Ты не передумала? — несколько неуверенно спросила певица, — Ты уверена, что хочешь танцевать именно под эту

песню? Она и на обычную публику действует как валериана на кота… как бы здешние совсем с ума не посходили. И не жалко тебе их?

— Ни капельки, — отрезала Амариллис. — Или ты забыла, сколько нам заплатили? Господин Амброджо не скупился, даже рука не дрогнула, когда задаток отдавал. И не беспокойся так… сработаем, в первый раз, что ли?!

И, уже стоя у самого края кулис (все артисты, кроме Лорки, выступали на высоком помосте), она тихо пропела-промурлыкала припев венониной песни:

Милый мой, приди ко мне,
Днем молю я и во сне.
И губам, что всех нежней,
Поцелуев не жалей…
Днем молю я и во сне —
Милый мой, приди ко мне…

… С честью и блеском отработав деньги победителей пустыни, они возвращались в дом госпожи Элиссы, и уже за садовой оградой Криолла с искренним возмущением обратилась к Амариллис:

— Послушай, мы же договорились, что пойдем к ювелиру вместе!

— Да, я помню, — недоуменно ответила танцовщица. — а что, ты передумала?

— Это ты передумала! Что, думала, я не замечу?

— Чего не заметишь? — ничего не понимая, нахмурилась Амариллис.

— Да ладно уж… Дай лучше посмотреть поближе, — и Криолла протянула к подруге руку.

— Да что с тобой такое? Нет у меня ничего нового, померещилось тебе, видно…

— А это что такое? — и акробатка, схватив Амариллис за руку, развернула ее ладонь тыльной стороной вверх и чуть ли не ткнула танцовщице в нос. — Никак светлячков приручила?!

Амариллис, посмотрев на собственную руку, ахнула: давно уже ставшее привычным кольцо, подарок старого орка, совершенно преобразилось. Вернее, изменился камень, вызвавший когда-то столько вопросов у некоего цверга… В прозрачно-черной глубине алмаза темной крови, словно в глазах у разозленной кошки, вспыхивали яркие, ядовито-зеленые искры, они лихорадочно мельтешили под поверхностью камня, метались как бабочки в горсти. За этим переплясом огоньков стала почти

незаметной руна, про которую хозяйка кольца знала лишь то, что называется она «феху» и может иметь магическое значение… больше ей ничего не удалось вытянуть из Арколя.

— О Нима Безотказная, это что ж такое?! — изумленно вопросила Амариллис, ни к кому, собственно, не обращаясь.

— Эй, что у вас стряслось? — и из густой летней темноты выросла фигура Рецины. — Опять побрякушку какую потеряли?

— Да нет, скорее уж нашли, — ответила за подругу Криолла, зачарованно рассматривая камень.

— Ну-ка, покажите, — потребовала мизоанка, — Да-а-а… впечатляет. Чего это он так… сигналит?

— А я откуда знаю? — Амариллис в недоумении развела руками. — Нет, нас, конечно, учили камни различать, но в такие тонкости не вдавались. Может, у ювелира спросить? Говорят, бывает, что камни болеют, блеск теряют и все такое…

— Слушай, а давай у Фолькета спросим? — предложила Криолла, — все равно собирались его проведать… Уж он-то знает.

— Опять этого камнееда выслушивать… — и танцовщица страдальчески закатила глаза.

— Да ладно, потерпим немножко… Он мне обещался та-а-акие браслеты подобрать… и к ним еще пару ножных, с подвесками…

— Понятно… — и Амариллис покачала головой, — Кажется, кто-то собирался идти к ювелиру вместе…

Глава седьмая. Ветряки Эригона

Утром четвертого дня девушки отправились в лавку ювелира, у которого вот уже с неделю жил в подмастерьях их «подарочек». Улицы Эригона были непривычно пустынны — город отдыхал после ночных безумств, набираясь сил к полдневному открытию торга. Криолла и Амариллис намеренно встали пораньше, почти на час опередив остальных; они решили, что будет лучше, если их братья узнают о новых побрякушках уже после того, как те будут куплены… Наскоро позавтракав и одевшись попроще — в легкие льняные платья с недавно вошедшими в моду корсажами на шнуровке — они неслышно выбрались из дома и теперь, весело болтая, бежали по свежеобрызганной мостовой в квартал ювелиров, похожие не то на двух горничных из богатого дома, не то на дочек-погодков какого-нибудь торговца средней руки.

Дом, где ныне обретался Фолькет, выделялся среди прочих и капитальностью постройки, и — и это, конечно, главное — красующимся над входом в лавку гербом. Подобный знак отличия эригонские ювелиры получали лишь в случае особенных заслуг перед городом, или же когда мастером становился пятый старший сын в роду. На этом гербе красовался свежепозолоченная ящерица, держащая в вытянутых передних лапках свой отрубленный хвост — десять лет тому назад отец нынешнего хозяина, почтенного мастера Рилло, пожертвовал добрую половину своего состояния в городскую казну, на восстановление Эригона после дуновения Арр-Мурра (и сам ювелир, и его семья выжили совершенно случайно: за неделю до начала тихого ветра они отправились в Манору, на свадьбу к любимой племянице хозяина, и попали аккурат в самый разгар сезона «тухлой воды» или, по-научному говоря, дизентерии… болели основательно и вместо двух недель прогостили в Маноре почти два месяца). Преодолев сопротивление массивной дубовой двери, девушки вошли в дом. Амариллис, ощутив столь привычную когда-то атмосферу ювелирной мастерской, сама того не осознавая, начала принюхиваться, поводя носом словно чистокровная гончая… В просторную, с продуманной и недешевой скромностью обставленную комнату для посетителей вышел сам мастер Рилло.

— Доброго утра, красавицы. Что привело столь ранних пташек в мою мастерскую?

— Доброго утра, господин Рилло, — мило улыбаясь, поздоровалась Амариллис (Криолла, как всегда, дернула ее за рукав платья, а сама отступила на задний план — несмотря на блестящую цирковую карьеру, вне сцены она продолжала

оставаться настоящей суртонкой, застенчивой до болезненности).

— Мы хотели бы поговорить с вашим подмастерьем, Фолькетом. Прошу вас, скажите, что Амариллис нуждается в его совете.

— Амариллис? — и мастер Рилло прищурился, заглядывая девушке в глаза. — Так-так… мало вам того, что по вашей милости он домой только к утру дотащился, помятый, что твоя отбивная, так еще и совет какой-то понадобился… О, только не хмурьтесь, — и ювелир примирительно улыбнулся, — будь я на его месте, пожалуй, еще и не так локтями бы работал, лишь бы поближе к сцене пробиться. Хорошо мне его ругать, я-то с балкона на вас любовался. И все-таки он малость перестарался, додумался тоже — с молотобойцами соревноваться…

— Господин Рилло?.. — из двери, ведущей в мастерскую, высунулась чья-то физиономия, и только по тонким усикам, да еще по тому, как радостно она залопотала при виде Амариллис, девушки признали в ней бывшее фолькетово лицо.

— Ты уж тут? Сказал же я тебе, отлежись малость, разве не так?! — и ювелир попытался грозно насупиться. Но, увидев неукротимый блеск в цверговых глазах, махнул рукой и отошел к высокой конторке, просмотреть бумаги.

Фолькет радостно поздоровался с гостьями и пригласил их присесть на деревянную скамью, стоявшую у окна, сам он уселся напротив, придвинув поближе трехногий табурет.

— Фолькет, зачем же ты так? — и Амариллис осторожно коснулась его рассеченной брови — пожалуй, наименее поврежденного места на лице цверга. — Разве ты нам чужой? Сказал бы заранее…

— Не стоит обо мне беспокоиться, — прервал ее Фолькет, — мало я вам хлопот доставил, еще и здесь навязываться… Я разумею, вы решились на браслеты? И правильно, скажу я вам, колец у вас достаточно, это я помню… с серьгами Криолле лучше подождать, ничего достойного пока нет, а вот браслеты…

— Да погоди ты со своими браслетами. Мне твой совет нужен. Фолькет, что с этим камнем творится? — и Амариллис, сняв кольцо с алмазом темной крови, протянула его на ладони цвергу.

Зря Фолькет доверился трехногому табурету. Столь ненадежный предмет мебели явно не был рассчитан на такие эмоции, поэтому зашатался и седока уронил. А тот вскочил, как встрепанный, брякнулся перед танцовщицей на колени, будто готовясь объясняться в любви по всей форме, и, еле дыша, уставился на кольцо. Мастер Рилло только пальцем у лба покрутил — мол, слыхал я, что гномы (то, что Фолькет был

чистокровным цвергом, во внимание не принималось) на камнях сдвинутые, но этот…

— Будет ли мне позволено прикоснуться к сей драгоценности? — и подарочек просительно заглянул в глаза Амариллис.

— Да я вообще-то за этим сюда и пришла. Бери, — и она протянула кольцо цвергу, — только постарайся побыстрее, я к нему привыкла.

— О да… я… сейчас… сей же момент… вы… не уходите, — Фолькет, держа кольцо в горсти и полируя его обожающим взглядом, двинулся ко входу в мастерскую. — Я быстро…

Прошло около десяти минут. Фолькетова беседа с камнем явно затягивалась, и мастер Рилло предложил уже заскучавшим девушкам посмотреть-таки новую коллекцию браслетов, только накануне законченную «камнеедом». Поставив перед ними столик, он водрузил на него неглубокий ящик темного дерева с атласной темной же подстежкой.

— А я вот здесь папину монограмму вышивала, — и Амариллис показала на правый верхний угол стеганой подушечки, — красиво получалось: на каждой подложке, где поменьше, где покрупнее…

— А у меня, увы, нет столь искусной дочери… зато есть две лентяйки-невестки. Выбирайте, не торопитесь, — и ювелир снова отошел к конторке.

Девушки уже успели перемерять с десяток пар запястий, когда входная дверь дрогнула и легко, словно занавеска под порывом ветра, отворилась. Новый посетитель вошел совершенно беззвучно, Амариллис же была совершенно поглощена поисками подходящего узора и щебетом Криоллы, но тем не менее, словно повинуясь чьей-то неведомой воле, подняла глаза.

Только в марте небо бывает таким синим и колючим; и уставшая от зимнего выцветшего голубого ситца, твоя душа с такой радостью погружается в этот живой цвет… и тут же выныривает, хватая ртом воздух, обожженная ледяным высокомерием марта. О, это вам не рубаха-парень апрель, протягивающий всем и каждому жаркие ладони солнечных лучей, и — хочешь ты того или нет — целующий тебя теплым ветром прямо в губы. В марте никогда не бывает по-настоящему тепло. Мартовское тепло — это или подвох, или — в крайне редких случаях — обещание…

Оглядев комнату, он направился к мастеру Рилло, который уже спешил навстречу. Его взгляд отметил Амариллис точно так же, как и Криоллу, и скамейку, и деревянную обшивку стен, и конторку… С безукоризненной вежливостью ответив на

почтительнейший поклон ювелира, задал тому какой-то вопрос. Рилло покачал головой и недоуменно развел руками. Посетитель слегка сдвинул брови и сказал еще что-то. Ювелир, бросив быстрый взгляд на Амариллис, начал было говорить, но осекся и, попросив у гостя прощения, подошел к притихшим девушкам. Гость же остался стоять в отдалении, даже не повернув к ним головы.

— Фолькет, ты мне нужен! Подойди немедленно! — прокричав это в полуотворенную дверь мастерской, Рилло обратился к Амариллис, — Я более чем уверен, что это ошибка, и, возможно, на этот раз интуиция подвела господина эльфа, но скажите мне, Амариллис, с каким же камнем столь долго любезничает мой подмастерье?

— Я точно не знаю, мастер Рилло, но Фолькет однажды назвал его алмазом темной крови… — Амариллис изо всех сил старалась держаться достойно и поэтому ей не было никакого дела до бледности, разлившейся по лицу ювелира (со своими заботами справиться бы…) — Это очень дорогой для меня подарок.

— Какого же совета вы просили у… Фолькет! Сколько можно! Спустись немедля!

— Вчерашней ночью камень начал искриться… ни с того, ни с сего… мне он больше нравился прозрачным, и я решила, что Фолькет может помочь, — девушка говорила, все больше и больше волнуясь. В самом деле, куда запропастился этот подарочек?!

В этот момент в комнату вплыла супруга мастера, похожая на шелковый корабль под кружевными парусами.

— Дорогой мой, какое же поручение вы дали вашему ненаглядному гному, что он унесся из дому, даже не соизволив поздороваться со мною?

— Фолькет не гном, он цверг — совершенно машинально поправила даму Амариллис.

— Какая разница, милая моя… — такие пустяки никогда не занимали госпожу Рилло.

— Когда это случилось? — простонал хозяин.

— Ну-у… не знаю, полчаса назад… я как раз успела… да что с вами, дорогой мой?

Вопрос был более чем уместен, поскольку мастер Рилло побледнел еще пуще прежнего, схватился за сердце и без сил опустился на оказавшийся рядом все тот же трехногий табурет. Он забыл и о высокородном посетителе, и о кудахчущей супруге… В его, Рилло, доме, его же, Рилло, подмастерье обокрал гостью! Позор!! Поношение!!! Он снова застонал и схватился за

голову.

Криолла опять ухватилась за рукав подруги. Амариллис же, не желая подчиняться наступающей неразберихе, и почему-то не торопясь поверить в столь неблаговидную причину фолькетова отсутствия, попыталась переубедить и мастера Рилло:

— Мастер, не переживайте вы так, может, он за какой-нибудь книгой побежал, в соседний квартал, к архивариусам… Он вернется, вот увидите!..

— Но не сегодня. — Гость, до сих пор молча наблюдавший за происходящим, сказал это со спокойной уверенностью — с такой люди говорят о о прелести рассвета поздним вечером — и по-прежнему не оборачиваясь. — Сейчас он уже далеко отсюда… я почти не чувствую камень темной крови. Прощайте, мастер Рилло.

Тяжеленная дубовая дверь снова распахнулась с невозможной легкостью, и гость исчез.

А если ты все-таки решаешься на такую глупость — испытать на своей облезлой беличьей шкурке обманчивое тепло мартовского неба — то пеняй потом на себя, моя радость… Когда в ледяной купели тебя окрестят тоскою и страстью, и ты выйдешь из нее, обожженная и замерзшая, когда ты поймешь, что теперь тебе нужен совсем другой мир — мир, устроенный по закону твоего сердца — вот тогда ты поймешь… И признаешь, что все, дарованное тебе раньше — не более чем обещание. Тебе будет очень больно. Но ты заплатишь любую цену, лишь бы колючее и синее небо марта позволило тебе еще раз поверить ему.

— Мне показалось, что он даже и не узнал меня… Чего тут узнавать-то…

Амариллис и Арколь сидели на широком подоконнике распахнутого в сад окна; было уже поздно, ночь обещала быть жаркой и душной, в траве сходили с ума цикады, пиликая на своих скрипках кто во что горазд — ни складу, ни ладу, лишь бы погромче… От ювелира девушки вернулись аккурат к завтраку, во время которого Криолла, способная поймать подброшенный бокал с водой на повернутый плашмя меч, не разлив более трех капель, опрокинула полнехонький сливок кувшин, а Амариллис — видимо, чтобы подбодрить ее — слопала целое блюдо оранжерейной желтой малины, стоявшее посреди стола. Она рассеянно придвинула его к себе и зачерпывала ягоды ложкой, будто молочную кашу; Лорка, недавно пытавшийся угостить ее точно такой же малиной, и вынужденный в результате поделить ягоды со своим жеребцом (Амариллис терпеть не могла малины), только таращился, не решаясь, впрочем, на комментарии. Конечно же, девушки все рассказали… ну, почти все. Мужчины

насупились, Рецина бранилась — кому же приятно пригреть на груди змею? Конечно же, решили во всем разобраться, ворюгу найти и собственноручно вернуть на паром, кольцо разыскать во что бы то ни стало… Да только как? Нельзя сказать, чтобы дети Лимпэнг-Танга были совершенно беспомощны, да и с господином городским головой можно было договориться, а если бы Амариллис попросила лично господина смотрителя складов, так он ей и звезду с неба достал бы, и иголку в стогу сена нашел… не то что вороватого цверга. Но пока продолжались торги «Чихай-наздоровье» — другого дела, кроме этого, ни для кого в городе не было.

Лиусс пытался утешить танцовщицу: всего три дня осталось до закрытия праздников, деньги у них есть, и будут еще — ничего, отыщется твое колечко, найдем, кому об этом похлопотать… а подарочку я лично пару долгоиграющих ослиных ушей сотворю. Амариллис, в конце концов, от всех этих утешений разревелась и убежала к себе в комнату, откуда вышла только к вечеру, повинуясь настоятельному зову Арколя. Брат заставил ее поесть, напоил травяным чаем; и вот уже добрых три часа они сидели на окне, слушая обезумевших цикад.

— Так что же приключилось с твоим кольцом, Амариллис? И почему ты не попросила сначала моего совета?

— Я уже говорила. Вчера ночью камень в кольце заискрился, я решила, что Фолькет вернет ему прежнюю прозрачность. Не смотри на меня так! Я вовсе не думаю, что ты глупее этого коротышки. Просто хотела еще одну пару браслетов прикупить, не слушая твоего ворчания… мол, придется скоро еще лошадь покупать, чтобы мои побрякушки возить.

— Да-а-а… Учитель не раз говорил мне, что и Живому Миру есть пределы… бесконечна лишь человеческая глупость. Извини, но на этот раз я действительно разозлился на тебя.

— Не ты один. Я сама себя готова выпороть, был бы прут под рукой… Арколь, я потеряла его навсегда? так ведь?

— Я не знаю, дуреха. Я же не бог… и даже не его сын… и вообще пока только подмастерье.

Они помолчали. Первой не выдержала Амариллис; положив руку на плечо Арколя, она искательно заглянула ему в глаза:

— Прошу тебя, не сердись… осталось только, чтобы Лорка назвал меня безнравственной особой — и впору будет утопиться.

— Не говори ерунды, — Арколь все еще старался быть твердым в своей сердитости, но это ему уже не удавалось. — Значит, лорд Цветущих Сумерек интересовался алмазом темной крови? ну и дела…

— Да что вы привязались к моему камешку? дался он вам…

— Да нет, сестрица, дался-то он именно тебе. Наверно, зря я не рассказал тебе об этом, как ты изволишь выражаться, камешке. Мы ведь собирались этой осенью в Ирем, мне есть, чем погордиться и есть, о чем попросить совета; и я предполагал, что аш-Шудах справится с этим камнем. Золотце мое, я давно приглядывался к нему, все прикидывал, что могу себе позволить, а без малого год назад — помнишь, тогда, в Арзахеле? — решился-таки… Я снял кольцо, когда ты спала, и, к счастью, у меня хватило ума выйти в контадо, за городские стены. Из твоих рассказов, да и из моих наблюдений следовало, что камень к своей владелице настроен благосклонно, восполняет недостаток сил — при необходимости, подбадривает, защищает тебя. Эх ты, беспечный мотылек, если бы ты знала, сколько колдуний невысокого полета обломали себе зубы, пытаясь по заказу ревнивых жен извести твое танцующее великолепие… Алмаз темной крови отражал любой сглаз, наговор, порчу — да что угодно, отсылая все эти нечистоты обратно к отправителю, причем с удвоенной силой, и даже не сообщая тебе об этом. А это значит, что вчера ночью… или со вчерашней ночи… тебе грозит настоящая опасность, такая, которую камень не мог отвести. Поэтому и заискрился ядовитой зеленью, предостерегая тебя, Амариллис… хотел бы я знать, от чего… или от кого.

Арколь замолчал. Его названная сестра сидела тихо, не пытаясь более ни оправдаться, ни подлизаться. Хочешь-не хочешь, но взрослеть приходилось; она понимала, что мир не обещался двигаться в такт ее танцу, и может еще не раз перевернуться вверх тормашками — причем без предупреждения. Мы здесь не в игрушки играем, говорили ей Нужда и Опасность; так что будь поосторожнее, добавлял, усмехаясь, Случай…

— М-да. Так вот, я попытался *раскрыть* камень, обнаружить его истинные возможности, зримо проявить его силу. Признаюсь честно — так сильно я не пугался никогда. Моих знаний хватило только на то, чтобы как можно быстрее унести ноги; мне повезло, что камень я смог лишь приоткрыть, иначе уносить было бы нечего. Однако и той малости, что с такой радостью вырвалась из темной глубины камня, вполне хватило… и я убедился, что с моими возможностями лучше и не пытаться совладать с ним. Я не думаю, чтобы ты забыла ту грозу, которая напрочь снесла одну из надвратных башен замка великого герцога Арзахельского, спалила ближайшую к городу мельницу, рассыпала ожерелье молний-сфер в главном арсенале — и расплавила большую его половину в бесформенные железные кляксы… и опалила твоему удиравшему названному братцу всего-навсего кончики ресниц. Она играла, Амариллис, эта сила проказничала, как ребенок,

которого оставили без присмотра — и вот он гремит, что есть мочи, поварешкой в сковородку, швыряет материнское рукоделие в камин, пускает отцовский шлепанец поплавать в супнице… и наслаждается свободой.

— Но почему ты не рассказал мне об этом? — несмело спросила Амариллис.

— А зачем? Чтобы напугать? Да и что я мог тебе рассказать? Что в камне скрыта огромная сила — так об этом я тебе говорил, только ты не особо прислушивалась. Или что камень надо беречь — ты и без того им дорожила, кольцо не снимала даже в купальне. Хотя… может, и стоило тебя припугнуть, глядишь, не было бы сегодняшней печали.

Цикады по-прежнему истошно верещали, прямо-таки заходясь в невыносимых, надрывающих сердце руладах, которые тысячами иголок вспарывали густо-синий бархат ночи. Брат и сестра сидели молча, не глядя друг на друга. Наконец Арколь, протянув руку, прикоснулся к прохладному, гладкому плечу Амариллис и сжал его своими тонкими пальцами.

— Ну, будет тебе. Довольно купаться в водах грусти и вдыхать аромат раскаяния, это отнимает слишком много сил. Иди, и пусть легкими будут твои сны, — и он протянул ей стоявшую за его спиной тарелочку, на которой лежали два маленьких пирожных, посыпанных розово-золотистыми семечками илори. Второе Арколь взял себе.

Все праздники рано или поздно заканчиваются; радость утомляет не меньше работы, да и какой прок в бесконечном ликовании? надоест хуже горькой редьки. Торги Третьего Лета, перевалив за половину, с неумолимой быстротой приближались к седьмому, финальному дню. Все нескромные сокровища Арр-Мурра были распроданы, золото звонкими ручейками перелилось из одних кошелей в другие, трактирщики с озабоченными минами проверяли свои винные погреба, а девицы в веселых домах с удвоенным усердием запудривали темные круги под глазами и вконец опустошали флакончики глазных капель из сока беладонны. К закрытию торгов никто особо не готовился; в этот день не выступали артисты, не проходили в торжественных процессиях мастеровые избранных цехов, не устраивали очередной бугурт солдаты эригонского гарнизона — ничего этого не было, просто в два часа пополудни городской голова или, по-здешнему, ратман, господин Сириан выходил на балкон своей городской резиденции и с приличествующей случаю торжественностью объявлял о завершении торгов. Собравшиеся на площади приезжие купцы, а также мирно прогуливавшиеся горожане отвечали недолгими рукоплесканиями и продолжали

свои занятия.

В этот день город был похож на измотанного долгой дорогой путника, уже не чающего добраться до дому. За шесть нескончаемых дней и мимолетных ночей Эригон уставал как за три-четыре обычных летних ярмарки, вместе взятые; и никто и предположить не мог, какое безумное веселье затопит город вечером седьмого дня.

Все шло своим чередом: подмастерья убирались в мастерских и запирали двери и ставни, торговцы с поклонами провожали припозднившихся покупателей, хозяйки подавали ужин… казалось, что прежняя, привычная жизнь вновь вступила в свои права. И как всегда, начиналось все в каком-нибудь из веселых домов, словно неугасимый огонь, тлеющий под юбками его обитательниц, вырывался наружу… Вечер, снисходительно усмехаясь, накидывал на начинающееся столпотворение темный плащ; но люди не желали спасительной темноты, они зажигали факелы, запаливали новомодные масляные светильники… Развеселые девицы, украшенные цветочными венками, одетые в свои лучшие наряды, затевали пляски вокруг фонтана на городской площади и к ним, смеясь и взвизгивая, присоединялись девушки из самых почтенных семейств; повинуясь нарастающей лавине разгула, люди покидали свои дома, оставляя открытыми окна и двери — заходи, бери, что хочешь (и заходили, и угощались хозяйским вином, и отведывали хозяйкиной стряпни, но чтобы украсть — отродясь такого не случалось). Ближе к ночи на площади и соседних с нею улицах было не протолкнуться; пьяная, горланящая песни, танцующая на ходу толпа двигалась не то по кругу, не то по спирали, не то просто топталась на месте; в рыжем свете факелов мелькали хмельные лица: вон известный сапожник-пропойца в напяленном набекрень чьем-то новехоньком берете роскошного пунцового бархата, с ним почти что в обнимку — глава ночной стражи, старый солдат… почему-то в дамском кудрявом парике, украшенном цветочками, а вон на краю фонтана присели, отдыхая, Ризалетта Заплати-не-пожалеешь — смуглая, злоязыкая, длинноногая портовая шлюха, любимица всех северян, когда-либо заходивших в устье Каджи, и маленькая тихоня Онар, внучка госпожи Элиссы…

Так было три года назад. Этого ждали и сегодня, ибо настал седьмой день Торгов Третьего Лета.

Амариллис — в кои-то веки! — разрешила себе выспаться досыта: сны ее были настолько хороши, что их стоило досмотреть. А потом, не торопясь, проснуться и перевернуться на спину, бессмысленно улыбаясь и решительно ничего не соображая… Теплое и ленивое заигрывание с остатками дремы

прервал Лорка, забренчавший прямо под окном на гитаре одну из своих лживо-восторженных серенад. Амариллис, любившая восторженность примерно так же, как и малину, решительно вылезла из постели и, высунувшись по пояс в сад, откомментировала лоркино пение в выражениях, достойных правнучки орка. После чего в великолепном настроении приступила к умыванию.

Дети Лимпэнг-Танга оставались в Эригоне еще на неделю: необходимо было доделать кое-какие дела, почтить своим присутствием торжественный ужин у ратмана, да и попытаться отыскать крысенка Фолькета тоже стоило. Но сам праздник был уже позади, свое дело они сделали и сегодня собирались как следует отдохнуть.

— Заниматься будем? или нет настроения? — спросила Венона, входя в комнату, которую Амариллис делила с Рециной и Криоллой; первая с утра пропадала на складах Безымянного канала, а вторая, наказывая себя за опрокинутый кувшин, третий час подряд жонглировала своими самыми любимыми фарфоровыми чашечками.

— Будем, — твердо ответила девушка, вытаскивая из сундука здоровенный том флорария и усаживаясь на широкий, низкий подоконник. — Мы остановились на свойствах болотных трав, и я их все выучила. Можем переходить к практическому применению.

— И перейдем, — и Венона, довольно улыбаясь, присела рядом с Амариллис.

…В одном из залов иремской медицинской школы (в том, окна которого выходили в тихий внутренний дворик, а стены были расписаны старым, классическим шаммахитским орнаментом) шел выпускной экзамен второго круга. Ученики, все в одинаковых серых джеллабах, обритые наголо, сидели полукругом на толстом шерстяном ковре. Время от времени один из них поднимался и подходил к экзаменаторам, пятерым титулованным докторам, чьи имена были прославлены и за пределами Шаммаха. В прохладной тишине зала раздавались негромкие вопросы, еще более негромкие ответы, кого-то из учеников подводили к демонстрационному столу, на котором в образцовом порядке были разложены хирургические инструменты, других — к столику, тесно уставленному множеством непрозрачных скляночек с зельями.

— Ал-Ладин! — и невысокий, быстроглазый шаммахит легко поднялся, отвесил наипочтительнейший поклон и подошел к экзаменаторам.

— Юноша, вы более чем прилежно занимались в течении всего второго цикла, — дружелюбно улыбаясь, обратился к

ученику один из докторов, — итоговая работа по фармацевтике вполне достойна уровня третьего круга, вашим ассистированием на операции остался доволен даже мэтр Аурело. Надеюсь, вы и сегодня не разочаруете нас. Итак, ответьте мне, какие болезни души и тела вызывают волнения воздуха, именуемые ветрами.

— Да ниспошлет вам Вседержитель свое благословение и да продлит ваши дни на благо всех скорбящих и страждущих, — традиционная формула благодарности и уважения прозвучала в устах ал-Ладина чуть-чуть чересчур сердечно, и, еще раз низко поклонившись, он приступил к ответу.

— …Хладный Фракий, приносящий снег и ледяной дождь, вызывает ломоту в суставах, жестокие зубные боли… Неудержимое слезотечение, сопровождаемое чиханием и обильным выделением слизи из носовых полостей — это возможные последствия ветра с цветущих полей Суртона… Нот, Хор и Аргест — суть основные ветра, дующие с Безымянного Хребта — бывают весьма коварны и непредсказуемы в своих воздействиях… в медицинских трактатов эльфов описаны случаи временного умопомешательства и мании преследования, а знахари орков связывают с этими ветрами гнойные воспаления застарелых, незакрывающихся ран… Однако самым гибельным для здоровья любого разумного существа по праву считается тихий ветер, именуемый также дыханием Арр-Мурра.

— Отлично. Вот об этом и расскажите поподробнее.

Ал-Ладин, помолчав для приличия с минуту, приступил к ответу.

— О почтеннейшие и достойнейшии, краткость и неполнота моего ответа вызваны не нерадивостью моею, но крайне малой изученностью сего природного явления и его столь зловещих последствий. Единственное вполне научное сочинение, посвященное рассмотрению этого феномена, — трактат мэтра Аурело, — и ученик низехонько поклонился, поблескивая зеркально гладкой кожей головы, — не убоявшегося страшной болезни, но бросившего ей вызов и победившего!

— Бросьте, ал-Ладин, с вашими знаниями нет нужды льстить, и вы не хуже меня знаете, что до победы над тихим ветром мне так же далеко, как гному до велигоры. Продолжайте.

— Слушаю и повинуюсь, — и, отвесив очередной поклон, ал-Ладин продолжал: — Источник тихого ветра — проклятая земля Арр-Мурра, оттуда он исходит, повинуясь неведомой воле и без каких-либо известных нам причин. Движется тихо, не волнуя моря, не топя кораблей, лесов не ломая… всегда в одном направлении — строго на север. Запаха не имеет и лишь готовясь иссякнуть, приносит с собою тончайшую пыль фиолетового-

черного цвета, и укутывает опустошенные дома и селения в погребальные пелены. Проникает сквозь малейшие щели, даже сквозь поры камня, поэтому скрыться от него весьма затруднительно. Влияние же его на живых таково. Если кто в горести сильной воздух проклятый вдохнул, или же кто был рассержен зело, иль ревновал без меры, словом, кого сильные чувства обуревали — тот уязвимей всего. Да, а если же кто радовался столь же безмерно, ликовал, веселился — от первого же глотка тихого ветра радость его обратится бедою. Скажем, жених счастливый на пороге нового дома. Ему представится, что невеста его умерла, и, даже видя живую ее, он будет скорбеть и оплакивать кончину любимой. Или веселая мать с долгожданною дочкой иль сыном. Ей примерещится выкидыш, иль роды тяжелые, в которых ребенка она потеряла, и будет бедняжка рыдать неутешно. Итак, те, кто чувствует ярко и не скупится на горе иль радость — вот что ожидает их. Боли жестокие в области сердца иль головные, долгие, неиссякающие, их облегчить можно только самыми сильными средствами (о них скажу позже), но излечить их нельзя. Затем возможны и весьма вероятны кровотечения обильные, носовые — коль болит голова, и горловые — коль в сердце боль угнездилась. Два, самое большее — три приступа этих кровотечений — и смертная тень накрывает больного, и ничто его не спасет.

Если ж кому повезет быть сдержанным и спокойным на момент первых вдохов от тихого ветра, то и ему не избежать доли страданий. Симптомы же таковы. Вялая, мутная грусть неизвестно о чем; тоска, неприкаянность, уныние без явной причины; мысли бредовые; тупая покорность судьбе и нежеланье бороться с болезнью (и самое страшное именно это, ибо отсутствие воли быстрее убьет, чем тигр голодный). Отравленные дыханьем Арр-Мурра порою жаждут отраву эту вдыхать и вдыхать, и, на землю садясь, лицо подставляют тихому ветру и молят, чтоб превратился он в ураган и дал бы упиться собою до смерти, словно вином.

Ал-Ладин перевел дыхание и бросил взгляд на мэтра Аурело. Тот сидел, нахмурившись; видно, воспоминания были не из легких.

— Неизбывная эта грусть и безнадежность приводят к тому, что люди и не стремятся к спасению. Им кажется, что весь мир — это их город, или селенье, иль дом, а больше и нет ничего, и бежать нету смысла. Множество случаев самоубийств, реже — голодные смерти. Что же касается лекарственных средств, способных хворь ветровую смирить, то их попросту нет. Возможно лишь частично облегчить боль предсмертных часов или дней

посредством…

— Довольно, — прервал ученый речататив ал-Ладина один из экзаменаторов, — довольно. Может, у коллег есть вопросы?

Вопросов не оказалось. Удовлетворен был даже мэтр Аурело, чей трактат ал-Ладин выучил почти что наизусть; правда, в сем сочинении мэтр не открыл всей правды о недуге и ни словом не обмолвился о таком явлении, как иммунитет к дыханию Арр-Мурра… но это было его право, право пережившего эпидемию.

Спустя полчаса довольный ал-Ладин выходил из зала. Его подготовка оказалась достаточной для того, чтобы его, минуя третий круг обучения, с обязательными службами в больницах для бедных, перевели сразу же в круг четвертый, предпоследний! Если так пойдет, то уже очень скоро он сможет получить степень практикующего доктора… Слава Вседержителю, что хозяин его младшей сестры столь щедр — если бы ни любовь к нему этой славной дурехи Лалик, да не деньги ан-Нумана — так и сидел бы он в отцовской мастерской, на куче опилок, и вытачивал бы резные столбики к паланкинам… Ал-Ладин прикинул — денег, данных ан-Нуманом, и подаренных сестрой вполне хватит, чтобы закончить обучение и обзавестись всем необходимым для начала. Юноша разулыбался, отвечая обступившим его мечтам, но почти сразу же оборвал себя, выпрямился и — это сразу же после экзамена! — направился в библиотеку, продолжить вчерашние изыскания…

— Так что же с корневищами кубышек? Амариллис, я второй раз повторяю вопрос, что случилось? — недоумевая, Венона наклонилась, заглядывая в глаза ученице.

— Извини, Венона. Сейчас скажу… ничего не понимаю.

— Да что такое, в самом деле?

— Ты сама посмотри. Вон там, рядом с кустом огненных лилий… видишь? ветряк.

— Ну и что тут особенного? в Эригоне мода на ветряки, тыкают, куда ни придется… этот еще ничего, изящный.

— Да не в этом дело. Высунься поглубже в окно… чувствуешь? какой ветерок приятный… и весьма ощутимый. А ветряк почему-то не крутится. Сломался, что ли?

— Не думаю, — Венона нахмурилась, — у госпожи Элиссы идеальный порядок повсюду.

— Тогда что? Ветер особенный, или как? Может, ему особый ветряк подавай? Впрочем, этих вертушек тут столько, на все ветра мира хватит. Ого, а это что?

Этот вопрос относился к череде непонятных восклицаний, донесшихся со стороны господской половины дома. Венона и Амариллис переглянулись, отложили свои занятия и направились

туда.

Войдя на просторную веранду, выходящую в сад, артистки увидели и саму хозяйку дома, лежащую без чувств в деревянном кресле, и всех ее горничных (в количестве ровно пяти штук) — одна из них тщетно пыталась помочь госпоже Элиссе прийти в себя, остальные четверо рыдали, заламывая руки и закрывая головы передниками.

— Ну вот, полюбуйся, — вполголоса сказала Венона, кивая на плакальщиц, — учти, когда будешь знатной дамой… одна искренне преданная служанка стоит дюжины льстивых вертихвосток. И ведь Химена никогда не была любимицей Элиссы, так, обычная горничная… Осушите свои фонтаны, девицы, и потрудитесь объяснить, что здесь происходит.

Венона подошла к хозяйке, мягко отстранила Химену, помассировала обморочной виски, вынула из поясной сумочки металлический флакончик и сунула его ей под нос. Госпожа Элисса вздрогнула, застонала и открыла глаза. И тут же на ее лице отразился столь явный ужас, что Венона отшатнулась.

— Ветряки… Ветряки… — язык с трудом повиновался женщине, на лбу поблескивали бисеринки пота, а в глазах плескался безумный страх. Она силилась встать, но безуспешно.

— Кто-то сломал ваши ветряки? — с наилучшими побуждениями вмешалась Амариллис. — Ничего страшного, пригласите мастера, он их починит…

Похоже, ее даже не услышали. Девушки продолжали плакать, госпожа Элисса, вцепившись в плечи Веноны, пыталась что-то сказать. Наконец, ее бессвязные и нечленораздельные реплики обрели подобие осмысленной речи.

— Все ветряки в городе остановились… все до единого… так уже было, десять лет назад… а мы-то думали, конец этой напасти… Мои дети, все, все здесь…малышка Онар уехала, как хорошо… хоть она выживет.

Венона успокаивающе поглаживала дрожащие пальцы пожилой женщины, явно не зная, что же делать и чем ей помочь. В этот момент на веранду почти бегом влетел главный эконом, всегда почтенный и вальяжный, как гусак. Сейчас он был похож на насмерть перепуганного мышонка.

— Госпожа, Марчо только что с площади… ратушный ветряк заработал!.. Там люди из предместий, говорят, все их ветряки стоят, чуть ли не с полуночи. А большой вертится, еле-еле, лопастями блестит… смерти наши считает!… - и, взвыв напоследок, эконом умолк, глотая слезы.

Амариллис подошла к одной из рыдающих служанок; ее звали Ула, и с нею она почти подружилась, помогла ей разучить

красивый танец к свадьбе (Уле сделал весьма завидное предложение мастер-шорник, хозяин небольшой мастерской), и наклонилась к ней поближе.

— Ула, ну будет тебе так убиваться… Я, правда, не понимаю, что происходит, но ведь у тебя есть жених — уж он-то защитит тебя от любой невзгоды… да что я говорю, он и пылинке не даст на тебя упасть, в карман спрячет и домой унесет!

Ула резко выпрямилась и горестно воззрилась на танцовщицу.

— О чем ты говоришь? Разве ты не знаешь, что Бранд умер? его убили…

— Кто?.. — только и смогла спросить ошарашенная Амариллис, видевшая Бранда не далее как позавчера.

— Не знаю… его нашли под городской стеной, недалеко от тракта, с перерезанным горлом… неделю назад. Как ты могла забыть?! Ты же помогала мне шить ему саван, мы вместе плели погребальные венки…

Девушки смотрели друг на друга плача, одна — от сердечного, неутолимого горя, вторая — от жалости и испуга. Внезапно Ула вскрикнула и прижала ладонь к груди.

— Ох… как больно… — и с протяжным стоном осела на пол.

Глава восьмая. Планы господина ратмана

…Вытяжной колпак камина в зале, где по традиции собирались члены магистрата, был украшен искусной резьбой; Сириан Мираваль, занимая почетное кресло ратмана, к которому вели две ступеньки, в который раз отметил про себя ее великолепие. Усевшись, он обвел взглядом собравшихся: весь городской магистрат в полном составе сидел за длинным столом, покрытым тяжелой синей скатертью. Глава таможни, смотритель складов, городской судья, смотритель лавок… богатые купцы, глава цеха ювелиров, командующий городским гарнизоном… давным-давно знакомые лица, такие мрачные и сосредоточенные сегодня… Сириан кивнул сопровождавшему его писцу, тот с почтительным поклоном приблизился к ратманскому креслу, подал первому лицу Эригона небольшую книгу в черном жестком переплете с застежками и отошел на свое место, за небольшую конторку по правую руку господина ратмана.

— Милостивые государи, — Сириан обращался к собравшимся так спокойно, будто собирался обсудить размеры очередной пошлины, — я призвал вас не для того, чтобы предаваться скорби или объявить о своей отставке. Мы обязаны определить новые принципы управления городом, дабы на сей раз дыхание Арр-Мурра не оказалось для Эригона столь разорительным, как десять лет назад. Не хуже меня вы знаете, что через день-другой обе городские больницы окажутся заполненными умирающими, а еще через неделю большинство горожан — и многие из нас в том числе — перестанут различать реальность и домыслы, плавая в мутном море кошмаров. Последние из решивших уехать покинут город уже сегодня ночью. Как я и подозревал, их оказалось до смешного мало; Эригон богат и его жителям есть, что терять… поэтому большинство предпочитает отсидеться в своих домах, надеясь, как всегда, что именно их беда обойдет стороной. Что касается меня, то мне больше нравится быть ратманом Эригона, чем тестем-приживалом в одном из арзахельских замков.

— Вы говорите умно, Сириан, — откликнулся городской судья, нервно потиравший пальцы, — но что толку? Мы можем — пока еще можем — сочинить любые, какие угодно законы и правила, но кто будет их исполнять, а паче того, следить за их исполнением?! Пловцы в море кошмаров?!

Сириан согласно кивнул.

— Вы совершенно правы, сударь мой. Именно частичная или полная недееспособность горожан и была самой большой бедой прошлой эпидемии тихого ветра. Но я был бы никуда не годным ратманом, если бы не попытался предусмотреть возможности повторения этой напасти и не стал бы искать средства ее преодоления. Милостивые государи, сегодня считаю возможным объявить вам, что та часть городской казны, которую вы все считали безвозвратно утраченной во время первой эпидемии, на самом деле была отдана магистру Аурело за его трактат о тихом ветре.

— Но позвольте, господин Сириан, — выразил всеобщее недоумение глава гильдии врачей, — зачем вы это сделали? Не посоветовавшись с магистратом, вы тратите огромную сумму на книгу, которую можно купить в любой мало-мальски приличной книжной лавке?

— Эту книгу купить нельзя, ибо она принадлежит городу и продавать ее город не станет. Поймите меня, это — и Сириан положил руку на переплет — единственный полный экземпляр сочинения мэтра Аурело, написанный его собственной рукой. Ни в одной из тех книг, которые вы купите в обычных лавках, нет вот этой главы — и, раскрыв трактат на заранее заложенной странице, ратман громко, раздельно прочел — «О случаях излечения и природной устойчивости к болезни».

Собрание заметно оживилось. Не давая беспорядку усилиться, Сириан поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

— Милостивые государи, я не буду занимать наше время чтением всей этой многоученой книги, перейду к самому главному. Мэтр Аурело — я думаю, ни у кого не возникнет недоверия к его словам?! — утверждает, что гораздо большей сопротивляемостью тихому ветру отличаются носители темной крови, в просторечии именуемые орками. Многие из них вообще не реагируют на дыхание Арр-Мурра. Мало того, даже малая доля темной крови превосходно защищает от болезни.

— И что вы предлагаете? — спросил командир гарнизона, — Хотите передать свои полномочия мне? — и он усмехнулся, блеснув великолепными клыками.

— Пока — нет. Пока я предлагаю обязать всех темнокровок служить превостепенным нуждам города на время тихого ветра, а именно, ухаживать за тяжелобольными, обеспечивать хоть какой-то порядок на улицах… и тому подобное. Их в Эригоне не так много: солдаты гарнизона, несколько семей в контадо кузнецов, охранники в богатых лавках, кое-кто из эскорта путешествующих купцов — не больше полутора сотен.

— А вы уверены, что все мои сокровники так легко согласятся

на ваше предложение? Сомневаюсь, чтобы кузнец с охотой отправился таскать горшки из-под умирающих, да еще и за здорово живешь… а солдаты так попросту пошлют меня прямиком в Арр-Мурра сесть задницей на источник ветра…

— А вы не сомневайтесь, Гвирр. Иначе будет проще простого подсказать нашим добрым, но уже малость утратившим ясность рассудка горожанам, кто виновен в этой напасти — конечно же, тот, кто сам от нее не страдает. Что за этим последует — я думаю, понятно… Так что в ваших же интересах собрать как можно больше сокровников. Чем лучше будет выполнена работа, тем больше вам — лично вам — заплатят. Извините за крайнюю некуртуазность выражений, но сейчас не время для тонких намеков. Я полагаю, годовое жалование в десятикратном размере… — и ратман вопросительно глянул на собеседников.

— И место моего первого помощника для вашего старшего сына, — добавил глава таможни.

— Моя гильдия заплатит вам за каждого смотрителя, присланного в наш квартал… — подал голос ювелир.

— Буду рад услужить вам, милостивые государи, — Гвирр поднялся и отвесил общий поклон, — Клянусь служить Эригону не зная сна и отдыха…

— Кто бы сомневался… — Сириан улыбнулся, но как-то совсем невесело. — Вы сами решите, как организовать своих сокровников, дабы соблюсти хоть какой-то порядок в городе; не знаю, сколько продержусь я сам, в прошлый раз меня хватило на месяц с небольшим (сидящий рядом по левую руку смотритель складов завистливо вздохнул: он тогда продержался не многим более недели, после чего домашним стоило немалого труда удерживать его в пределах родового особняка, откуда он рвался уйти на поиски жены и детей, якобы украденных и проданных в Шаммах; к счастью для этого семейства, экономка, царившая в доме, была дочерью орка…). Да, вот что еще: необходимо как можно быстрее оповестить горожан, что во время эпидемии — особенно в разгар дня — им лучше сидеть по домам и не высовывать носа на улицу, — ратман постучал по книге мэтра Аурело пальцем, — оказывается, тихий ветер не сразу одолевает каменные и деревянные преграды, и есть смысл прятаться от него, но вот на солнцепеке он действует в два раза сильнее!

— Я позабочусь об этом, — покивал головой городской судья.

— Мессир доктор, — и Сириан слегка склонил голову, обращаясь к главе всех врачевателей Эригона, немолодому, но все еще глянцево-черноволосому суртонцу Окка, — книга будет храниться в моем доме, вы же вольны приходить за ее мудростью хоть ночью. Немедленно распорядитесь перевести обе лечебницы

на особый режим, будьте готовы уже завтра принять и хоть чему-нибудь обучить пополнение, и будьте поосторожнее с запасами лекарств, постарайтесь растянуть их месяца на два, раньше, сами понимаете, подвоза не будет.

— Мэтр Мираваль, — обратился к ратману Гвирр, — а какие будут распоряжения насчет продовольствия? В прошлый раз от голода тоже помирали.

— Если точнее, то от нежелания есть — как и жить вообще, но не от недостатка еды. Так что особых распоряжений не будет. В контадо еще месяц все будет идти своим чередом, м-да… Насильно кормить мы вас никого не обязываем. Следите, чтобы на улицах представления не устраивали, в полдень по домам сидели, чтобы в лечебницах трупы да горшки вовремя убирали, а в остальном… как пойдет, и с кем вы договоритесь. Ясно? Что ж, отлично. Благодарю за участие в общем деле, милостивые государи.

С этими словами Сириан поднялся с кресла, не глядя, подписал поданный писцом лист пергамента, на котором был запечатлен весь сегодняшний разговор, отвесил общий поклон и в сопровождении того же писца направился к выходу.

До полудня было еще далеко, тем не менее, ту сотню шагов, что отделяла ратушу от городской резиденции ратмана, Сириан преодолел чуть ли не бегом.

Выстроенный еще дедом Сириана из привозного белого с тонкими желтыми прожилками камня, особняк Миравалей был несомненным украшением Фонтанной площади. Три полных этажа, окна (самое большое, в парадной зале — витражное) с массивными ставнями благовонного шаммахитского кедра, лестница, помещенная в подобие башенки, наполовину выступающей из стены и выложенной глянцевыми плитками, крыша, похожая на чешую зеленого дракона, щедро позолоченный флюгер, парадная дверь, обитая медными полосами… А внутри — парадная зала, если не размерами, то богатством и изяществом убранства ничуть не уступавшая иным герцогским резиденциям, отдельные комнаты, предназначенные для чад и домочадцев Сириана (комнаты! а не клетушки, отделенные друг от друга лишь деревянными перегородками или коврами, как это могло быть у того же герцога), библиотека, огромная кухня с вертелами, очагами, массивными шкафами с парадной и обычной посудой, холодные и благоустроенные погреба, гостевые комнаты, парадные спальни с такими кроватями, что не стыдно предложить и королю в день (вернее, в ночь) его свадьбы, в мансарде и в небольшом пристрое — помещения для прислуги. Словом, богатый, добропорядочный и влиятельный дом.

Фундамент благополучия линьяжа Миравалей заложил еще прадед Сириана — Стенио Мираваль, первый шелковый король, сколотивший огромное состояние на торговле с суртонскими шелкопрядильнями; его сын уже не отправлялся в долгие и опасные торговые пути самолично, предпочтя скучное сидение в лавке громкой славе искателя приключений. Из этого сидения получилось то, что Миравали прибрали к своим рукам почти всю шелковую торговлю в Эригоне. Теперь, когда денег у семьи было более чем достаточно, стало возможным полюбезничать с властью. Отца Сириана избирали на должность городского судьи дважды, от ратманской же мантии он отказался исключительно по причине слабого здоровья (сказать по правде, старикан попросту хотел пожить в свое удовольствие, вскапывая грядки и ухаживая за розовыми кустами в поместье Серебряные Ключи); сам же Сириан, надев отвергнутую отцом мантию, послужил и Эригону, и своему линьяжу. Старшая его дочь вышла замуж за одного из арзахельских баронов, принеся тому в приданое средства на обновление родового замка, на содержание весьма пышного двора, на формирование собственного гарнизона… Миравали же получили влиятельного союзника и дельного советчика в делах, касавшихся внешней политики. Вторая дочь стала женой нынешнего смотрителя складов… должен же ратман знать, что творится у него под носом!.. Младший сын Сириана, Риго по прозвищу Ворон, породнил линьяж Миравалей с одним из достойнейших семейств Маноры, но — увы! — самой главной надежды этот брак не оправдал. Морелла Квиати оказалась доброй, нежной и мудрой женой, блюдущей интересы мужа и достойно держащей дом, но никакие добродетели не могли компенсировать ее неспособности обеспечить линьяж наследником. Первую беременность Морелла не проносила и месяца, вторая прервалась, едва начавшись; через два года, потратив уйму денег на врачей и всевозможные снадобья, она смогла родить ребенка, слабенького, как вялый листик салата… малыш прожил неделю. Трудно сказать, для кого это было большей трагедией — для безутешной матери или для стареющего ратмана, жаждущего видеть внука, который унаследует богатство и власть линьяжа.

Спешно войдя в предупредительно раскрытую писцом дверь, Сириан отдышался. Сбросил мантию и шаперон на руки слуге и прошел в свой кабинет (без малейших угрызений совести Сириан занял лучшее помещение на втором этаже, с большим окном, камином и резной мебелью).

— Вы вернулись еще быстрее, чем я ожидал. Они послушались вас?

— А когда, скажи на милость, они меня не слушались? — и ратман протянул говорившему драгоценную книгу мэтра Аурело. — Возьми, убери на место. И присядь-ка, потолкуем.

Ничего не отвечая, тот принял книгу с легким поклоном, прошел к массивному столу и запер ее в одном из многочисленных ящиков. Просочившийся сквозь толстые стеклянные кружочки окна солнечный луч неожиданно ярко осветил его, склоненного над замком: высокий, поджарый, с чуть-чуть длинноватыми руками, одет богато, но без вычурностей — темно-синие шоссы, котту и эскофль оживлял только расшитый золотом пурпурный пояс, иссиня-черные волосы, прямые и тяжелые, острижены по плечи, на узком, длинном лице кусочками антрацита поблескивают глаза, опять-таки чуть-чуть близковато посаженные, густые брови срослись у переносицы… а если добавить к этому острый крупный нос, то любому станет ясно, что свое прозвище младший сын ратмана получил не зря. Риго Ворон по настоянию отца вместо торговой школы закончил арзахельский университет и вот уже семь лет весьма успешно выполнял различные щекотливые поручения дипломатического толка как от имени линьяжа Миравалей, так и от самого Эригона Баснословного.

— Я выполнил все ваши приказания, отец. За полчаса до полудня все двери будут запираться, за этим проследит один из этих, новых слуг. Душистые травы для курений доставлены. Экономка передает все дела прибывшей на замену клыкастой особе, впрочем, вполне благовидной. Наши вещи собраны, карета готова, осталось только выбрать между Серебряными Ключами и Вересковым Логом.

— Вересковый Лог. Ты поедешь вместе с Мореллой, останешься… пока не позову.

— Простите мою дерзость, отец, но какой смысл прятать меня в этой глуши, среди хнычущего бабья и трезвомыслящих, но неумелых слуг? В прошлый раз меня хватило на три недели, и я не прочь еще раз померяться силами с тихим ветром.

Сириан посмотрел на сына и покачал головой. Они сидели рядом, на широкой скамье, крытой темным мехом, удивительно разные и схожие одновременно. У ратмана было широкое, почти квадратное лицо, массивный подбородок с ямочкой, крупный, красивого рисунка рот, зеленовато-серые глаза, опушенные белесыми ресницами; седая шевелюра аккуратно подстрижена; тело, уже несколько оплывшее и погрузневшее, все еще внушало уважение таящейся в нем силой старого медведя. Одним словом, сын явно пошел в мать, дочь богатого владельца шелкопрядилен из Иссы, умершую десять лет назад, в самый разгар эпидемии. Но

внимательный наблюдатель легко мог уловить, насколько Риго напоминает отца; манера приподнимать брови, выслушивая вопрос, жесты рук и движения пальцев, интонации и тембр голоса, улыбка… все было почти одинаковым. Сириан очень любил сына. Пожалуй, больше, чем обеих дочерей, вместе взятых.

— Ты поедешь вместе с Мореллой. Вряд ли она проносит этого ребенка больше месяца, слишком слаба, да еще этот ветер… Ты будешь нужен ей. Она славная женщина… — нужно отдать должное честности ратмана: при всем желании видеть горластого, здорового младенца-внука он никогда не попрекал невестку ее бесплодием.

— Месяц? Вряд ли… если дело только в этом, я смогу приехать дней через десять.

— Ты приедешь, когда я позову. А до тех пор сиди в Вересковом Логе, утешай жену и обдумывай вот это предложение, — и Сириан протянул сыну свернутый в трубку лист бумаги, вынув его из складок эскофля.

— Так, посмотрим… Занятно… экий наглец… — и Риго вопросительно посмотрел на отца.

— Да уж. А когда обмозгуешь это, займись, пожалуй, вот этим документом, — и ратман достал из эскофля пергамент, скрепленный витым шнуром с четырьмя кистями — черной, белой, красной и синей.

— Эльфийские церемонии, — кивнул Риго, беря пергамент, — что на этот раз? Ого-го… не верю своим глазам… это чтобы их величества о чем-то просили?!. - и он изумленно поднял глаза. Ратман кивнул — читай, мол, дальше.

— Так значит, им нужен алмаз темной крови. Клянусь семью шпилями Арзахеля, это неслыханно!!!

— Послание доставил лорд Лотломиэль, — Сириан пропустил мимо ушей восклицание сына, — отдал его мне два дня назад. Сказал, что камень несомненно был в городе, но был украден у хозяйки каким-то цвергом. Эльф говорит, что не чувствует силы камня, а значит, он или спрятан за Краем Света, или — как это он выразился? — уснул, превратился в обычный осколок кремния. Вору от него не будет никакого проку. Даже если он маг, алмаз темной крови никогда не подчинится вору.

— А другому магу?

— Эльфы не знают. Но попытаются его приручить.

— Но для начала неплохо было бы его попросту найти… или купить, как предлагает этот тип, — и Риго помахал свернутой бумагой.

— Это я получил сегодня утром, передали через писца, а кто — он вряд ли вспомнит… у него две недели назад умерла дочь…

долго он не продержится, сегодня уже все покашливал да платок прятал. Что скажешь, сын?

— Скажу, что не стоит торопиться. Поспешишь — людей насмешишь. Сигнальный ветряк крутится четыре дня… эту эпидемию нам уже не избыть. Так что поспешных покупок делать не стоит.

— Согласен. Это нам даже как-то и не к лицу. Эригон — город торговый… вот и поторгуемся. Со всеми. Ну, ступай. Бумаги убери… сам знаешь, куда. Выезжайте вечером. Ступай, сын.

Риго поклонился отцу и оставил его одного. С минуту постояв в просторном коридоре, словно обдумывая что-то, он направился в покои своей жены.

Риго открыл дверь, отодвинул рукой ковер, прорезанный по контуру проема, и вошел в комнату. Высокое окно с тремя рядами раскладывающихся ставень выходило во внутренний дворик; к нему придвинута массивная скамья-ларь, обычно покрытая вышитой тканью, сейчас же распахнутая и, очевидно, опустошенная. На небольшом расстоянии от стен — супружеское ложе Миравалей-младших, осененное роскошным балдахином, прикрепленным к потолку, с четырьмя пологами, передний из которых был искусно присобран и являл бы взору великолепие внутреннего убранства постели, если бы не скамья с высокой спинкой, выполнявшая роль ширмы. На скамье, опираясь на подлокотник в виде цапли, уткнувшейся клювом в землю, подложив под спину подушечку, сидела Морелла — тонкие, прекрасно выточенные кисти рук… одна покоится на животе, словно прикрывая от ветра нечто хрупкое, вторая подпирает подбородок, идеальный овал лица… огромные карие глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, пышные темно-русые волосы, убранные под серебряную сетку. Риго молча подошел и присел рядом с женой. Не прерывая молчания, она опустила голову ему на плечо и сжала его ладонь своими пальцами. Он чувствовал на шее ее теплое, прерывистое дыхание, выбившиеся из сетки волоски щекотали его щеку; Риго Ворон обнял жену за плечи, и, слегка касаясь губами ее лба, заговорил.

— Отец решил — это будет Вересковый Лог. Вот и хорошо, а то я никогда особенно не ладил с дедом… помнится, спер у него однажды тыквищу для октябрьского фонаря, а она оказалась какой-то диковиной, редкостью заморской… веришь ли, он мне эту тыкву до сих пор припоминает. Так что едем в Лог. Дом в дюнах, от ветра укрыт, и дорога удобная…

— Не понимаю… ты едешь со мной?! — и Морелла, подняв голову, с радостным изумлением посмотрела на Риго.

— Ну да. Меня отпускают на неопределенный срок. Отец всегда необыкновенно благоволил тебе…

— Скажи уж лучше — баловал…

— Тебе виднее. Как бы то ни было, вечером мы вместе уезжаем из города, чему я рад, признаюсь.

Риго не кривил душою. Он действительно ценил жену, ее красоту и несомненные душевные качества, что же касается любви… то этому искусству на факультете дипломатики не учили.

… И удача чернокнижника-недоучки

Если бывают на свете неслыханные удачи, перед которыми все остальные бледнеют и меркнут, как луны перед солнцем, то это был как раз такой случай. Фолькет не глядя, пятясь словно рак-отшельник, вышел из комнаты, нашарил ногой дверь и захлопнул ее за собою. По-прежнему держа ладонь лодочкой, он поднялся по узкой винтовой лестничке к себе в комнату, по дороге столкнувшись с женой мастера, больно приложился плечом о косяк, нашарил рукою в воздухе небольшой ларь, стоявший рядом с оконцем, рывком раскрыл его и выхватил давным-давно приготовленный сверток. Цверг встал на колени возле кровати, расстегнул висящую на шее цепочку, продел ее сквозь кольцо Амариллис и снова застегнул, спрятав добычу за пазуху. После этого он развернул кусок темной кожи и разложил на покрывале несколько мало согласующихся между собою предметов: высушенная птичья лапка, пучок какой-то травы с довольно скверным запахом, изрядно поистлевший лоскут материи, обрывок веревки… все это Фолькет сгруппировал (очень быстро, а значит, не в первый раз), капнул на траву маслянистой жидкостью из карманного флакончика (в таких ювелиры обычно носят несильную кислоту для проб) и с видимым наслаждением вдохнул поднявшийся над кроватью едкий пар. Еще несколько вдохов, произнесенные на выдохе слова, прозвучавшие некрасиво, словно по стеклу железкой скребли, еще вдох… Фолькет опустил лицо в самую середину уже внушительного столба пара, закашлялся — и исчез. И в доме мастера Рилло (к счастью для ювелира) больше никогда не появлялся.

…Он пришел в себя, обливаясь холодным потом, отчетливо слыша мелкий перестук собственных зубов, и ощущая во рту вкус крови из прокушенной губы. Фолькет приподнялся на локтях, изо всех сил вглядываясь в полумрак пещеры и, сам того не осознавая, отползая назад. Прикосновение чужой ладони к затылку заставило его содрогнуться всем телом и истошно взвизгнуть.

— Ну-ну, все уже, все… успокойся, сыночек. Я предупреждал, что этот ритуал не из приятных… что делать, надо, надо. Все, все… будет плакать, сейчас домой пойдем, вот только приберемся тут, а то, неровен час, набредет кто, слухи пойдут.

— Оте-те-те-тец…ка-как-ка… ды-ды-ды-ды….

— Помолчи, малыш, не спеши. Я в твои годы трое суток после такого отходил… но нет у нас столько времени, да и ты покрепче будешь, да, что ль?! — с этими словами и ободряющим

похлопыванием по спине приемный отец Фолькета прислонил его к стене, а сам, сделав несколько шагов вперед, будто рассыпал что-то невидимое из горстей и в тот же момент пещера осветилась ярким мертвенно-синеватым светом. Цверг поднял глаза и поспешно опустил их.

— Э-э-э, так не пойдет, — на сей раз голос отца звучал отнюдь не так сердечно, он говорил, словно кладбищенский ворон каркал, — а ну, подними глаза, я кому сказал! Смотри, смотри… сделано неплохо, можешь любоваться, не стыдясь!

Фолькет, повинуясь, вновь попытался оглядеть пещеру, но его хватило ненадолго; буквально через полминуты он согнулся в поясе в жестоком приступе рвоты.

— Да ты что, никак блевать собрался?! да я тебя… я тебя весь пол вылизать заставлю, если посмеешь! ах ты рабская душонка… — с этими словами старый гном подошел к Фолькету, рывком поднял его за шиворот, потряс, и, ухватив жесткими пальцами за подбородок, заставил поднять голову. Цверг пару раз содрогнулся в подавляемых судорогах, с натугой сглатывая и поскуливая; он шарил по пещере полубезумными глазами крысы, нажравшейся отравы, а его пальцы шевелились и дрожали.

— Ну, как?! неплохо ведь, правда? всего одна грубая ошибка…

— Ка-ка-каккая а-а-а-шшибка?.. — Фолькет с трудом узнал свой голос в этом крысячьем писке.

— А, интересно? быстро же ты… молодец, — и гном отпустил сыновние подбородок и ворот, — а вот где. Этот тип, ага… этот… он из тех, кому боль доставляет истинное наслаждение, а значит, тебе в его боли никакого проку. Какой смысл на него силы тратить, отдачи-то никакой… с таким же успехом можешь нетопыря доить. Это, конечно, редкий экземпляр, даже мне не так легко было такой раздобыть, и встречаются они нечасто… но бывают. В другой раз не оплошай. Ну, нагляделся? давай прибираться.

Гном и цверг встали плечом к плечу (Фолькет уже вполне оправился и твердо стоял на ногах), вскинули руки в заклинающем жесте, гном все тем же каркающим голосом выкрикнул слова силы. Несколько секунд ничего не происходило, затем в полу пещеры с противным хлюпающим звуком стали раскрываться небольшие дыры, похожие на голодные зевы, из них потянулись черные, поблескивающие ленты языков, которые усердно принялись слизывать с пола и стен все следы фолькетовых упражнений. Пять минут — и все было кончено. Обычная пещера, каких под Безымянным Кряжем — пруд пруди.

— Хватит на сегодня, — отцовский голос вновь потеплел, —

пойдем-ка домой. Мать небось уже вся извелась, не уморил ли я ее подарочка. Кстати, а с чего это ты под конец затрепыхался? все вроде получалось…

— Я понял, что это не фантомы, отец. Устал немного, внимание переключил… и заметил тень.

— Понятно… Ох, да что ж это я… чуть не забыл, — старик гном поспешно вытащил из заплечного мешка сверток и протянул его цвергу, — ну-ка, живенько!.. что, опять мне отворачиваться? экий стыдливый…

Пока отец, стоя к сыну спиной, потешался над его деликатностью, Фолькет переодел штаны; брезгливо, стараясь не смотреть на липкое пятно аккурат на гульфике, сложил грязные и сунул их в свой мешок.

— Все, что ли? эх ты, принц заморский… пойдем.

Уже перед домом отец дернул Фолькета за рукав.

— Сынок, пойди-ка, умойся в ручье, негоже перед матерью кровавой рожей щеголять, не любит она этого.

Фолькет подошел к ручью, протекавшему рядом с пещерой приемных родителей (вернее сказать, перед их пещерными хоромами), сбросил на каменный пол мешок, присел на корточки и наклонился над черной гладью воды. И тут же холодный подземный воздух огласил захлебывающийся, истошный визг и цверг, отпрянув от ручья, плюхнулся без чувств наземь.

Из парадного входа, обрамленного светящимися сталактитами, выбежала приземистая, коренастая гнома, одетая в богатое домашнее платье. Она опустилась на колени рядом с сыном, приподняла его, крепко прижимая к себе, и повернулась к мужу:

— Опять ты за свои шуточки дурацкие! Прибереги их лучше для своей родни, олух! Мальчику и так сегодня досталось, устал, бедняжка… ну что ты гогочешь, пиявка ты эдакая, помоги лучше! Ii — givra — avanni! jalla — tua… Кэдмон, последний раз прошу — не торопись! — и она выразительно нахмурилась.

Гном прекратил заливаться мелким, рассыпчатым смехом и подошел к жене; поводил перед лицом Фолькета ладонью и тот пришел в себя. Цверг судорожно схватился руками за щеки, ощупал нос, рот — ибо в черном зеркале ручья он слишком ясно увидел жестко топорщившиеся усы-вибриссы, наглые бусины глаз, подвижный шмыгающий нос, серую лоснящуюся шерстку и острые зубы грызуна, зубы, между которыми застряли волоконца парного мяса.

— Сыночек, ну не переживай ты так… Отец пошутил. Давай, вставай, да пойдем домой… вы как раз к ужину поспели, сегодня твой любимый ягодный пирог… и моему умнице достанется

серединка! А если ты ее всю скушаешь, то я покажу тебе, что припасла сыночку его мамочка… — и она расцеловала Подарочка в обе щеки.

… Кэдмон умирал. Грудь, перебитая какой-то железкой, выглядела так, словно по ней прошлись плугом. Фолькет в полном одиночестве сидел возле отцовского смертного ложа, в злобном бессилии сжимая кулаки и нехорошо поминая имя матери: ну куда эта старая ведьма запропастилась, скажите на милость?! Гном захрипел, задергался… и открыл глаза.

— Сынок… я… не успел… ха-а-аххх, — и Кэдмон страшно закашлялся, с уголков его рта стекали струйки отвратительно пахнущей крови.

— Отец, молчи… я что-нибудь придумаю, мать поможет, — Фолькет не знал, что еще сказать.

— Мать осталась там… мы не забираем трупы, даже самые любимые… запомни это…

— Осталась где?!

— В крысоловке… нас все-таки перехитрили… Заплатили, последние деньги отдали… не забыли своих… кха-аахх… Сын, возьми желтую склянку, там, в глубине… дай мне!..

Фолькет послушно исполнил отцово распоряжение; гном глотнул пахнущей цветами жидкости, сморщился и сказал уже более спокойно и разборчиво:

— А теперь слушай меня, Подарочек. Жить мне осталось не больше десяти минут, эта дрянь убивает нас наверняка… но напоследок дает силы. Ты не родной наш сын, это мы от тебя никогда не скрывали. Я долго искал тебя… среди гномов, цвергов, даже людей. По крови ты обычный цверг, сын раба и рабыни, ничего особенного… но в остальном — редкая удача для нас. Время появления на свет, врожденные способности, изумительная обучаемость Ремеслу… ты был всем хорош, мой мальчик.

Фолькет, мы были последним выводком подгорных крыс. Теперь ты остаешься в одиночестве. Запоминай: оба состояния, и гномово, и крысиное — для нас привычны, тебя перекинули еще в младенчестве… помнишь, я тебя все пугал отражением в ручье?.. Это было тоже твое лицо. Я не многому успел научить тебя, сынок, а книг у нас нет… так что придется тебе самому… Ты сможешь. Может быть, даже лучше, чем под моим руководством. Ты жесток, амбициозен, ты мнительный и злопамятный, и ты никогда не пытался подавить свою крысиную половину, позволил ей расцвести, набраться сил…

На мою родню не рассчитывай. Скорее всего, они выкинут тебя из дома еще до похорон. Так что собирайся сейчас; возьми

мои инструменты — те, что сделаны под ювелирные, пояс с травами… больше ничего не бери, отнимут. Прими последний совет: ищи истинные вместилища силы, ради них не жалей ничего… даже себя; если встретишь Черного Магистра — не ярмарочного шарлатана и не побирушку… как проверить, сам знаешь… попытайся добраться до его книг… в ученики не набивайся, лучше в слуги. Не забывай…

Тут Кэдмон содрогнулся, глаза его выпучились, в горле забулькало… и старый гном начал оплывать, таять, перетекая в иную телесную форму, форму огромной крысы, не меньше гнома. Фолькет стоял рядом и смотрел. Крыса пару раз взвизгнула и вновь на ее месте оказался Кэдмон, но на этот раз в нем было поровну — и от гнома, и от крысы. Грудная клетка слабо вздымалась, дыхания почти не было слышно; жизнь спешила покинуть это неприглядное вместилище. Фолькет подошел поближе и грубо потряс приемного отца за плечо.

— Эй, вы! Прежде чем сдохнуть, скажите, у кого это нашлись деньжонки на зачарованную крысоловку! Ну!

Кэдмон дернулся, попытался что-то сказать… из ощеренной пасти вылетало невнятное шипение… ничего похожего на имя. Еще пара содроганий — и последняя в Обитаемом Мире чистокровная подгорная крыса сдохла — и в кои-то веки смерть сделала этот мир лучше и чище.

Фолькет пришел в себя, лежа в канаве, на обочине какой-то дороги, судя по всему, ведущей в контадо. Тело болело, жалобно ныла каждая косточка, а в голове кто-то любознательный ковырялся пальцем. И это было не самым худшим вариантом, неумело выполненные заклинания переноса могли разделить объект приложения силы на части и работать с каждой по отдельности. Цверг застонал, переворачиваясь на спину, с кряхтеньем поднялся и обозрел окрестности. Обычное южное редколесье, дорога, явно не из главных, но и не заброшенная, солнце уже клонится к западу… интересно, где это его промотало столько времени? Фолькет вынул из-за пазухи кольцо с темным алмазом на цепочке, подышал на него, зачем-то засунул в рот, вынул, вытер о рукав легкой рубахи, полюбовался на свет и почувствовал, как и смертельная усталость, и тупая боль отпускают его, отступая перед абсолютным ликованием. Спрятав камень на прежнее место, цверг решительно направился по дороге на север — подальше от города. Он прошагал не многим более часа, когда увидел невдалеке недавно обкошенное поле и на краю его — неуклюжее строение, похожее на старый овин. Впрочем, овин обрадовал Фолькета сильнее, чем герцогский дворец. Он с трудом открыл рассохшуюся дверь, вошел внутрь:

пыльная темнота, пронизанная лучиками заходящего солнца, утоптанный земляной пол, сваленные у стены жерди для стогов, а в глубине несколько охапок прошлогоднего сена, на которых явно ночевал какой-нибудь бродячий школяр или жонглер из тех, что не привязываются к одному трубадуру, предпочитая разнообразить своих господ (причем ночевал совсем недавно, потому что на дощатой стене чуть повыше сена белели свежепроцарапанные слова «Вирена шлюха» и «Посетите дом потаскушки Вирены — самый дешевый бордель в Ньерде» и другие, уже совершенно непристойные свидетельства размолвки между неизвестным грамотеем и Виреной). Фолькет присел на высохшую траву, потянулся и лег, закинув руки за голову. Он был доволен собой: чуть ли наугад совершенное заклинание переноса сработало, он оказался неподалеку от Ньерда — самого отдаленного контадо, последнего предместья, подчинявшегося Эригону; планировал, правда, поближе к Гридду… но спасибо и на этом. Цверг полежал немного, и сон начал одолевать его; свернувшись калачиком, подложив ладонь под шеку, Фолькет закрыл глаза и, уже засыпая, мысленно поблагодарил Амариллис. Спасибо, дуреха, избавила от хлопотного дела, сама отдала камешек… а то поди, отыщи тебя в дурной толпе вечером седьмого дня, еще обознаешься, пырнешь кого-нибудь не того… Хотя, конечно, заманчиво было снять колечко с трупа… и не только колечко… Фолькет омерзительно ухмыльнулся и облизал языком распухшие губы. Через минуту он спал, сном невинным и крепким, как молодой орех.

Деньги у него были, поэтому поселиться на одном из постоялых дворов Ньерда не составило труда. Заняв вполне приличную комнату во втором этаже, в самом конце коридора (подальше от любопытных глаз и ушей) и договорившись с тощим унылым хозяином о молочной похлебке на завтрак и мясной запеканке на обед, а также оговорив свое нежелание выходить из комнаты по пустякам, цверг запер дверь на задвижку, прикрыл ставни и поудобнее уселся на скамью-ларь в нише. Фолькет вытянул цепочку из-за ворота, снял кольцо и поднес его поближе к глазам. И зашипел. Его нос быстро задвигался, усишки зашевелились, зубы ощерились… черты лица цверга стали расплываться, удлиняясь и заостряясь. Он был очень зол и растерян. И было из-за чего: алмаз темной крови, прозрачный и глубокий, похожий на осколок черного льда, куда-то бесследно исчез. На его месте в оправе сидел невзрачный камешек, тусклый, непрозрачный, пыльно-серого цвета, затрапезный, как тряпка для стирания пыли. Ослепший, оглохший, беспробудно спящий камень.

Глава девятая. Мудрость господина ратмана

Спустя четыре дня после первого дуновения тихого ветра в доме госпожи Элиссы установилось хоть какое-то подобие прежнего порядка. Самые верные и уравновешенные слуги продолжали выполнять свои обязанности, другие — побеспокойнее — покинули дом; одни вернулись к семьям, другие попали в больницу для бедных… Ула исчезла бесследно. Артисты все так же занимали непарадные комнаты, впрочем, радости у них поубавилось.

Не все дети Лимпэнг-Танга оказались одинаково восприимчивы к тлетворной ласке дыхания Арр-Мурра. Хуже всех пришлось Лорке — рыжего весельчака подвела его всегдашняя эмоциональность, неумение жить — вполсилы, смеяться — тихо, чувствовать — расчетливо. Лоркина гитара пылилась в углу коридора, его серебряный конь тосковал на конюшне; сам же младший Бреттиноро сидел, поджав под себя ноги, на неубранной кровати, грыз ногти и бубнил себе под нос, вспоминая все прежние обиды — начиная с семейного майората, лишившего его надежды на родовые богатства, и заканчивая последними расчетами Лиусса, якобы обсчитавшего вольтижера на крупную сумму. У него часто, почти все время, болела голова.

Немногим лучше пришлось Лиуссу и Рецине. Эти двое пока не замыкались в стенах дома, садились за общую трапезу, даже пытались участвовать в разговорах. И не менее трех раз в день жаловались на боль в сердце.

Заметно лучше других держались близнецы-суртонцы и Орсон. Воспитанные в сдержанности, привыкшие держать чувства в узде, привычно невозмутимые брат и сестра — и спокойный, как камни менгира, молчаливый северянин почти не изменились. Пройдет еще добрая неделя, прежде чем близнецы начнут заново оплакивать смерть матери, а силач Орсон уступит давнему, глубинному страху, который обессилит его руки.

Ни Амариллис, ни Веноны дыхание тихого ветра словно и не коснулось. Они, как только могли, помогали друзьям: микстурами — сонными или болеутоляющими, утешением, просто присутствием. Не оставляли они и хозяйской половины; почти каждый вечер госпожа Элисса засыпала, держась за руку Веноны. На пятый день эпидемии в доме появились гости.

Непрошеные и нежданные посетители вошли, минуя двери без стука, а домочадцев — без приветствий. Было их двое, и еще

неделю назад они служили в эригонском гарнизоне. Обойдя полдома, они зашли в жилище артистов.

— Эй, кто тут у вас Амариллис? — хрипло вопросил один голосом, то и дело срывавшимся в рык.

— Я, — ответила танцовщица, отрываясь от попытки накормить Лорку его любимыми куриными клецками с ореховым соусом (она потратила на это блюдо почти час времени, щепотку кыт*а и три горошка кшахта), — а что?

— А то, — подолжил гость, — собирайся-ка, дева, пойдешь с нами. Глаза не таращь, лично нам от тебя ничего не надобно, но вот Славному Эригону ты можешь пригодиться. Нарядами не нагружайся, возьми чего попроще… в больнице тебе не до плясок будет.

— Зачем? Я не больна и не собираюсь…

— Вот именно. А другие уже собрались. А мы им вроде как в помощь.

— Мы? — Венона вошла в комнату и стояла позади солдат, — Мы — это кто?

— А орки. И те, в ком есть хоть капля нашей крови.

Венона посмотрела на растерянную Амариллис, на Лорку, тупо жующего клецку, и обреченно вздохнула. Опустив голову, сняла с шеи медальон (подарок Лиусса), и через полминуты подняла глаза — не карие и веселые, а серебристые, с вертикальными лезвиями зрачков…

— Госпожа… — опешившие солдаты синхронно согнулись в глубочайшем поклоне.

— Я пойду вместе с девушкой. Город славно принимал нас в часы радости, и мы не оставим его в час нужды, — куда подевалась прежняя Венона, ее мягкая улыбка и чувственный голос? У этой серебряноглазой женщины голос был решительным и властным, а в уголках губ притаилась миндальная горечь.

— Как прикажете, госпожа, — и вновь поклон.

— Сейчас мы идем с вами, а вечером я прошу вас вернуться и забрать в больницу этого юношу, — и Венона кивнула на Лорку, не проявлявшего ни малейшего интереса к происходившему.

— Сделаем все, госпожа, — говоривший орк почтительно наклонил голову, — мы подождем вас, собирайтесь.

Венона и Амариллис собрались быстро, поскольку нужные вещи в тщательной укладке не нуждались; увязав пару простых платьев и три смены белья в плащ, танцовщица решилась-таки задать вопрос.

— Кто ты, Венона?

— Я?.. Венона из клана Крысоловов. Тебе это ни о чем не говорит, и сейчас не время для долгих рассказов. Позже.

— Как скажете, госпожа… — и Амариллис без тени иронии поклонилась подруге.

Прошло две недели с того дня, когда дочери Лимпэнг-Танга впервые переступили порог городской больницы — той, что была предназначена для более-менее состоятельных людей. Венона, получив почтительнейший поклон от Гвирра, лично отмечавшего каждого из явившихся сокровников, имела недолгий разговор с мессиром первым доктором, после чего ее определили присматривать за приготовлением целебных микстур в аптечном пристрое; через два дня к этим обязанностям прибавилось еще и ответственность за одну из сестринских смен. Амариллис оставили при ней.

Длинное, приземистое здание эригонской больницы, выстроенное из серого камня, окруженное рядами невысоких вечнозеленых деревьев с мягкой хвоей, находилось неподалеку от квартала ювелиров, отделенное от него каналом, одним из протоков Каджи. Внутри были просторные залы, разделенные передвижными деревянными перегородками, высокие кровати, столики для лекарств, чистота и порядок. Во всяком случае, так было до начала эпидемии. Но после того, как золотой ветряк неделю поворачал лопастями, обстоятельства сильно изменились.

Все перегородки убрали, кровати сдвинули к стенам, на них теперь лежали особы, за которых просил лично Гвирр или мессир Окка; во всех трех залах были тесно-тесно расставлены походные солдатские койки — куски парусины, натянутые на деревянные рамы, проход такой, чтобы только мог протиснуться доктор. Под каждой лежанкой — горшок и корзина для кровавых тряпок, и на каждой — умирающий.

Тяжелобольных в госпиталь доставлял, как правило, полуденный патруль: именно в полдень, когда дыхание Арр-Мурра становилось особенно ядовитым, орки обходили улицы Эригона. Те, кого они находили вне домов — будь то тупо сидящие на земле и глотающие ртом зараженный воздух, или рисующие собственной кровью какие-то узоры на мостовой, или спешащие на поиски навеки утраченного — всех отправляли умирать под надзором врачей. Которые, к слову сказать, держались изо всех сил, стараясь как можно дольше не поддаваться ядовитому ветру; получалось не у всех… Кого-то из неизлечимых приводили слуги-темнокровки: они с трудом справлялись со своими хозяевами, погруженными в тихое помешательство, и на тех домочадцев, у которых иссякали силы, их уже не хватало. Каждый новый день приводил новых больных и забирал уже отмучавшихся; и служанки, стирающие больничное белье, выливали в канал из корыт темно-красную воду. За

городской стеной рыли общие могилы, больше похожие на ямы, чем на место достойного упокоения, стоял чан с известью и бывший конвой, сопровождавший повозки почтенного господина Амброджо, засыпал сухой землей тела горожан.

…Амариллис проснулась, разбуженная решительной венониной рукой. Девушка выкарабкалась из жутко неудобной парусиновой койки, от которой у нее нудно ныла спина, подошла к стоявшему в углу комнаты тазу с кувшином, налила воды, плеснула себе в лицо пару освежающих горстей и почти проснулась. Вчера они с подругой до поздней ночи следили за приготовлением очередной порции успокаивающего настоя (Венона не подпускала к столь ответственному делу случайных помощников, к счастью, она успела обучить Амариллис правилам создания концентрированных эликсиров… теперь это весьма пригодилось); они растирали в порошок сухие травы, процеживали промежуточные отвары, отмеривали, кипятили, добавляли, смешивали и разливали в мерные бутылочки — капалки готовое зелье. В общую для женской больничной прислуги комнату вернулись уже заполночь, и опять же спокойному отдыху мало способствовало то, что многие из определенных в больничные служительницы темнокровки храпели, явно не дружили с водой и имели отвратительную привычку плюхаться лицом вниз на первую попавшуюся койку (поэтому обе подруги спали без тюфяков, постелив на парусину свои плащи). А сегодня снова была их очередь заступать на дежурство по госпиталю.

Венона протянула сонной девушке ломоть хлеба с изрядным куском твердого сыра, глиняную кружку с травяным чаем и предложила присесть с нею рядом на длинную скамью, стоявшую у стены. Амариллис принюхалась к чаю.

— Интересно, а почему себе этой травки не добавляешь?

— Нет нужды. При желании я могу не спать хоть две недели. А вот ты зеваешь, как бегемот. Пей, пей… не брезгуй.

Они молча сидели рядышком, Амариллис прихлебывала чай, жевала хлеб и прикидывала в уме, хватит ли у нее сил через сутки добрести до канала и искупаться перед часами глухого, беспробудного сна (больше всего ей не хватало именно привычных ежедневных купаний, а вовсе не нарядов…). Работы в больнице хватало: день среди больных, которым нужно было давать лекарства, менять кровавые тряпки, кормить с ложки, выслушивать их бред, на следующий день вроде полагалось отдыхать, но вместо этого подруги работали над приготовлением микстур, или вместе с другими темнокровками стирали больничное белье, мыли полы, помогали на кухне, а затем —

снова в серые каменные стены, в залы, где висел густой, тяжелый запах крови и смерти.

Амариллис стряхнула с колен хлебные крошки, встала, перевязала непослушные волосы косынкой, совершенно по-детски шмыгнула носом и обратилась к Веноне:

— Ну что, пойдем, что ли? Смотри, кузнецова жена просыпается… как раз капалки разнести успеем.

— Пойдем.

… Сегодня Амариллис гораздо больше обычного задержалась у постели Лорки (по просьбе Веноны и по причине его графского титула, вольтижера положили на настоящую кровать, да еще стоящую у окна). Он был очень плох; ему приходилось постоянно увеличивать дозу болеутоляющих капель, за чем тщательно следила травница, он почти ничего не ел, его жизнерадостность и легкость обернулись жесточайшим унынием и нежеланием жить; самому младшему в роду Бреттиноро казалось, что он — никому не нужный и никем не любимый приживал, разматывающий клубок никчемных, пустых дней в отцовом замке. Амариллис все крохи свободного времени отдавала Лорке, с безнадежным упорством пытаясь вернуть прежнего, веселого и неунывающего, друга.

Это произошло на третий день работы в больнице. Амариллис, ошеломленная числом больных, их страданиями и постоянным присутствием смерти, терялась при каждом окрике врача или другой служительницы, все время озиралась, ища взглядом Венону, и со своими обязанностями справлялась из рук вон плохо. Ей было страшно, противно и душно; и ее нижняя губа то и дело брезгливо поджималась.

На последней в ряду койке лежала девочка лет пяти, как она попала в больницу — никто не знал, то ли сама пришла, то ли полуденный патруль привел. Пытались найти ее родителей — не вышло, возможно, они уже и не помнили о ее существовании. Девочка лежала тихо, не обращая на себя внимания просьбами, поэтому ее уже второй день забывали перевести в зал, где находились дети.

Амариллис подошла к ней, держа в руках стакан с успокоительным настоем, присела на корточки у изголовья, изобразила веселую улыбку и попыталась посадить девочку, чтобы той удобнее было пить лекурство. Девочка села, послушно выпила настой, и Амариллис принялась разбирать ее темные спутанные локоны, отводя их от лица и заправляя за ушки. И вдруг она увидела, как из носа малышки медленно выползает толстая, темно-красная гусеница… Амариллис вздрогнула и с омерзением отдернула руку… гусеница обогнула уголок слабо

улыбающегося рта, направилась к подбородку..

— Мама, тебе противно?.. пожалуйста, не сердись, я не буду… — конец фразы запутался в тряпке, которой Амариллис спешила стереть кровь. Уже через несколько минут она прибежала с болеутоляющим, едва закончив с лекарствами, принесла воды в глиняной кружке и мокрой тряпкой умыла девочку, пыталась говорить с нею, но та опять замолчала, только следила за танцовщицей лихорадочно блестящими глазами.

После этого случая (девочку так и не перевели в детский зал, после открывшегося кровотечения она прожила всего несколько часов) Амариллис перестала изображать улыбки; она просто работала — работала как могла. А если ей становилось плохо от дурных запахов, если ныла голова от бесконечных, бессмысленных жалоб, если в лицо ей летели кровавые брызги изо рта заходящегося в кашле больного — она повторяла про себя, как заклинание: «Маме не противно. Маме не противно.» Помогало это заклинание не всегда. Амариллис гораздо чаще, чем Венона срывалась на больных, особенно раздражали ее старики; она никак не могла заставить себя спокойно выслушивать их бесконечные жалобы, и порой весьма бесцеремонно обрывала их причитания, пихая им в руки кружку с успокоительным. И нижняя губа у нее при этом поджималась все так же брезгливо.

— Жарко как… открой окно, дева… что? открыто? фу-у-у… ну принеси тогда воды… — Лорка сидел в кровати, прислонясь головой к каменной стене. Уже наступил вечер, принеся с собой желанную прохладу, но почти никто из больных не замечал ее, предпочитая липкую жару или ледяной озноб своих видений. Амарилис поставила на подоконник тарелку с нарезанной кусочками дыней и пошла за водой. На полу в коридоре стояли кувшины, на дне которых лежали небольшие серебряные слитки, и вода в них была прохладной и долго не портилась. Поставив принесенную — и уже ненужную — воду рядом с тарелкой, Амариллис потянулась открыть зачем-то запертое Лоркой окно. Она дернула тяжелую задвижку раз, еще раз, и, вытащив наконец железный стержень из гнезда, больно защемила указательный палец. Ойкнув, девушка толкнула створку окна от себя и посмотрела на руку — на месте содранного крошечного лоскутка кожи выступила капелька крови. Не раздумывая особо, Амариллис сунула палец в стоявшую рядом кружку с прохладной водой, подержала там с полминуты и, услышав чей-то надсадный стон, побежала помочь. Когда она вернулась спустя полчаса, бледная вдвое против обычного, Лорка утирал рот ладонью и протягивал ей пустую кружку:

— Принеси еще… жарко…

Как ни странно, принесенную воду больной выпил, после чего почти сразу же заснул. Амариллис, задержавшись еще на несколько минут, уложила его поудобнее, пригладила слипшиеся от пота, потускневшие рыжие волосы, укрыла покрывалом и отправилась работать. Наступала ночь. К счастью, многие больные засыпали сами, другим помогали травы Веноны; поэтому служительницы ухитрялись даже поспать. Больничный зал заполняли невнятные стоны и шорохи, нередко слышались испуганные вскрики, переходившие в сонное бормотание; иногда Амариллис казалось, что, напряги она уставшие глаза, — то непременно ясно увидит кошмарные образы и фигуры, зависшие над спящими, склонившиеся над ними, обступившие их смертные ложа.

— Интересно, как там Арколь? здесь нет времени ни скучать, ни вспоминать, но… я истосковалась по нему. Ты уверена, что он не болен? — Амариллис обращалась к подошедшей и присевшей рядом, на низкую скамью, Веноне.

— Уверена. Не сомневайся, он нашел способ противостоять дыханию проклятой земли; он очень способный.

— Да уж. Особенно хорошо у него получается объяснять причины своих поступков. Когда он вернется, я заставлю его съесть эту-вот записочку! должен покинуть… берегись подарочка… будь осторожна… — девушка с ехидством, сквозь которое чересчур явственно просвечивало беспокойство, передразнила спокойно-величавые интонации Арколя. Помолчав, она добавила: — Это несправедливо. Я уже теряла старших братьев. Он должен был подумать обо мне.

— Последние месяцы Арколь только этим и занимался. Как твой рыжий подопечный?

— Почему-то лучше. Даже уснул сам. А как все наши? — Венона, пользуясь своим более значительным положением, один раз в сутки непременно навещала дом госпожи Элиссы. Рецина и Лиусс вот уже три дня почти беспробудно спали (Венона попросту опаивала их сильнейшим снотворным, опасаясь предоставлять их самим себе во время бодрствования; состояние их было не столь тяжко, как у Лорки, поэтому пока их в больницу не брали), Орсон и близнецы-суртонцы держались, в общем, неплохо.

— Терпимо. У Криоллы, правда, глаза что-то нехорошие, возможно, от дурных снов. А ну-ка, девочка, какие травы могут помочь от дурных снов?

— Аконит в количестве охапки. Дай подумать. Значит, так: можно попробовать хмелевые подушечки, еще лучше хмель напополам с лепестками иремской розы. Потом — зверобой…

мелисса… заваривать вместе с чуточкой пустырника. Хороши также окуривания черным шиповником. И семена илори.

— Молодец. Посиди-ка здесь, я пойду принесу что-нибудь перекусить.

Немного погодя, Венона вернулась, неся кувшин, две кружки и круглую сдобную булку. Они сидели на небольшой террасе, рядом с открытой дверью в больничный покой, и неторопливо ели.

— Скажи, твои родители скрывали свою принадлежность к народу темной крови? — неожиданно поинтересовалась Венона.

— Да нет… но и не хвастались особо. У меня это по линии отца — это его дед был из Лесного Клана, а мама из Одайна. Нет, отец никогда не скрывал и не стыдился — есть, и все тут. Как-то он спокойно к этому относился. И я в детстве никогда об этом не задумывалась; а когда в школе Нимы училась, стала вспоминать, часто прадеда во сне видела… я ведь деда не застала, он погиб, уплыл за Край Света, как моряки говорят. А вот прадеда помню, он со мной нянчился, когда меня к ним привозили. Они с бабкой в лесу жили, как волк с волчицей… жаль, мало я чего тогда соображала… а помню и того меньше.

— Да… истории о Крысоловах — не лучшие сказочки на ночь для любимой внучки. Прадед не торопился, а отец, видимо, не счел нужным рассказать их тебе. Или жалел. Нас очень немного, Амариллис. Ты что-нибудь знаешь о подгорных крысах?

— Да почти ничего. Прадед, если очень сильно злился, все их поминал.

— Ну что ж… тогда слушай. Подгорные крысы — оборотни, первая их половина — гномова, но бывали случаи, когда они принимали в свои выводки детей иных рас, и выращивали себе смену… новую, свежую породу. Жуткие создания… с незапамятных времен творили обряды пыточной магии, похищали детей… какой-то особенной цели у них нет и не было, они не пытались кого-нибудь завоевать, или основать собственное могущественное государство. Просто жили себе отдельными выводками в подземельях Безымянного Хребта, между собой не дружили, но и не ссорились, и по мере сил отравляли жизнь ближайшей округе. Не знаю, почему, но давным-давно они избрали в качестве злейших врагов именно народ темной крови и изрядно нам ее попортили. В те времена и выделился клан Крысоловов.

Глаза Крысолова, буде он того пожелает, способны за скучно-почтенной гномовой бородой распознать крысиную морду. Наш клан с незапамятных времен занимался выслеживанием и истреблением подгорных крыс; мы знали все их фокусы и

повадки, могли уловить их кислую вонь в пещерных лабиринтах, и мы умели делать зачарованные крысоловки. Видишь ли, эти твари, пробираясь в дома, перекидывались в обычных крыс, и попросту обходили ловушки, но вот наших они не чуяли и не видели. Стоили они, правда, очень дорого, и то сказать: мастер должен был в воду для закаливания прутьев добавлять свою кровь, и не помалу. Что еще? отравляли воду в их собственных, крысиных источниках… что морщишься? какой враг — такое и оружие. Я, к слову сказать, начинала свое обучение именно с изготовления ядов, лекарства шли во вторую очередь. Моя мама была одной из лучших сочинительниц отравы… за что и поплатилась. Перетравила однажды весь молодняк выводка, пока старшие были на охоте, потом — старших, уже другим ядом… в общем, один из выводка все же уцелел.

Венона замолчала, глотнула воды, покачала головой.

— Отец от горя малость рассудком тронулся; уж очень он маму любил. А я, к несчастью, вылитый ее портрет. Так и получилось, что отец, не вынеся горя и не приняв его, перенес свои чувства на меня. Пришлось мне бежать из дому, куда глаза глядят; села я в Маноре на корабль, всю дорогу как во сне была, а очнулась будто в другом мире — под ногами багровый песок скрипит, солнце по голове кузнечным молотом бьет… Да… Ты знаешь, что означает это имя — Иста-Ксиа — Утль?

— Знаю. «Насквозь-пропитанный-кровью». Это из-за войны безумного солнца.

— Именно. От великого государства чтитланов северное войско оставило несколько поселений, да один жалкий городишко.

— Так им и надо. Они были кровожадные и тупые.

— Ну, не все… но традиции у них, действительно, малоприятные. Я там недолго пробыла, меня вытащил из моря Лиусс, когда я топиться собиралась. Забрал с собой, обратно на север. Его изгнали из жреческой общины, за отсутствие кровожадности и тупости… Постой, кажется, кто-то зовет. Пойду, погляжу.

— Нет уж, сиди. Сейчас моя очередь, — и Амариллис направилась в темноту больничного покоя. Вскоре она вернулась. Венона сидела, прислонившись затылком к стене, и спала.

На следующее утро Амариллис забежала в палату к Лорке. Рыжий графский сын сидел на подоконнике, свесив ноги вниз, в сад, и негромко напевал. Амариллис оторопела. Она подошла к певцу, дотронулась до его плеча. Тот обернулся.

— А, привет, плясунья. Это что за скорбный дом такой? и почему я тут?

Амариллис вместо ответа захлопала глазами, села на постель и постыднейшим образом разревелась. Идя сюда, она боялась застать друга уже совершенно невменяемым, а то и бездыханным; она готовила себя к горю, и поэтому не совладала с радостью.

— Ну что ты, милая, не плачь… — Лорка присел рядом, ласково обнял девушку, поцеловал ее потускневшие волосы. — Объясни, что случилось?

— Ох, Лорка… Ты даже представить себе не можешь, как я рада. Надо скорей Веноне сказать… Как что случилось? Ах да… Город болен, Лорка, очень болен. Дыхание тихого ветра отнимает у людей разум и жизни. А ты, со своим жизнелюбием… ты умирал, Лорка. Я боялась, что до завтра ты не доживешь. Нет, это просто чудо какое-то!

— …Это просто чудо какое-то! — слово в слово повторил несколькими часами спустя мессир Окка, рассказывая по дороге в госпиталь об этом случае своему гостю. Гость, малорослый, тщедушный на вид человечек, двигался так быстро, что Окка, бывший вдвое выше, поспевал за ним почти вприскочку; в ответ на это замечание он язвительно ухмыльнулся:

— Чудес не бывает. Особенно в нашем ремесле, Окка. Может, это был последний всплеск? и теперь ваше чудо уже засыпают известью? а? Ладно, не отвечайте. Мы пришли.

Пожилой суртонец с почтением пропустил гостя в двери больничного зала и, не мешкая приказал встретившему их врачу указать чудесно выздоровевшего.

— Добрый день, мессиры! — и Лорка склонил голову в вежливом поклоне.

— Этот день воистину добр к вам, — ответил гость, без особых церемоний взяв его за руку, дабы прослушать пульс. — А что вы помните о дне вчерашнем?

— Да немного, признаться. Почти ничего. Об этом вы лучше у Амариллис спросите, ведь это она меня выхаживала.

— Одна из призванных темнокровок, — поспешил ответить на незаданный вопрос Окка, — сейчас ее позовут.

— Не стоит. Где ее найти?

Спустя несколько минут Амариллис, вытирая слезящиеся от едкой травяной пыльцы глаза, вышла из аптечного пристроя.

— Чем могу служить, мессир доктор?

— Откровенностью и хорошей памятью.

— Амариллис, это господин Аурело Хейм, — вмешался в разговор Окка, — ты должна отвечать на все его вопросы, ничего не утаивая и ни о чем не умалчивая.

— Окка, бросьте запугивать девчонку, она и без того чуть не плачет.

— Это от горчичных семян, я их в порошок растирала, когда вы меня позвали, — машинально оправдалась Амариллис и тут же спросила: — А вы тот самый мэтр Аурело? Автор трактата об общих принципах врачевания заразных болезней, создатель новых инструментов для операций…

Настал черед гостя удивиться.

— Откуда ты знаешь об этом? Девчонок пока что не обучают в медицинских академиях, да ты и не похожа на усердную ученицу.

— Я слышала о вас от моего господина. От мага аш-Шудаха, когда жила у него в Иреме.

— Великие боги, ты собственность аш-Шудаха?! — и Аурело от изумления даже присел.

— Нет, увы… Он дал мне вольную. А насчет усердия… боюсь, тут вы правы. Немногому я научилась. — и Амариллис совершенно некуртуазно вытерла нос. Похоже, горчица была неплоха.

— Ну что ж, — мэтр Аурело смотрел на девушку уже без пренебрежения и с еще большим любопытством, — Давай-ка пройдемся по саду и поговорим.

Оставив позади Окку, врач и танцовщица направились вдоль больничных стен, к каналу. Некоторое время Аурело расспрашивал Амариллис о том времени, которое она провела в доме мага, узнав о школе Нимы, одобрительно покачал головой; эти вопросы о прежнем, милом времени, успокоили Амариллис и она почти перестала ежиться под цепким, едким взглядом маленького человечка.

— Ты сказала, что из всей вашей труппы сильнее прочих пострадал граф Бреттиноро?

— Кто?! А, Лорка… Да, он почти сразу свалился. Неудивительно, такой-то… рыжий.

— И ты даже при таком количестве работы находила для него время? Похвально. И все-таки в чудесному выздоровлению твоего рыжего друга должно быть объяснения. Вспомни, каким был вчерашний день. Его день, разумеется.

— Обычным, мессир. Утром я его умыла, он все ныл, что вода грязная и холодная, от еды отказался — мол, не желает быть нахлебником и все такое. Потом дала болеутоляющие капли, подходила изредка… он сидел в постели, кусал пальцы — потому как все ногти под корень сгрыз — да мух считал.

— Это как?

— Извините, это у меня на родине так говорят. Бездельничал, в общем. Но с крайне вдохновенным видом.

— Дальше что?

— Из всего обеда соизволил только хлебца погрызть со скорбным видом. Потом было много работы, я только на пару раз на минутку подбегала. К вечеру потише стало, я ему дыни принесла, холодной. Думала, при такой жаре соблазнится. Куда там… Запросил пить, а пока я ходила, зачем-то окно закрыл, на задвижку. Я даже поцарапалась, пока его открыла. Потом… потом умирал младший сын госпожи Элиссы. Ох… тяжко умирал… не хотел.

— Не отвлекайся.

— Когда я вернулась, этот охламон успел выпить грязную воду и просил принести еще. Сразу выпил и улегся спать. Уснул сам, без венониных трав.

— Ты принесла ему грязной воды? прямо из канала, что ли?

— Нет, принесла-то чистой; так палец поцарапанный в стакане ополоснула, а воду поменять не успела. Позвали…

— Ополоснула, значит… И это все?

— Да. Ничего не утаила и ни о чем не умолчала.

— Ты чересчур дерзка на язык, дева. Но это твоя беда, а не моя. Можешь отправляться обратно, работа не ждет.

В больницу мэтр Аурело возвращаться не стал. Какой в том прок? Наблюдать больных, находящихся в разных стадиях умирания? На это он нагляделся десять лет назад. Попытаться еще раз остановить страшное поветрие силой своей воли? Пробовал уже… не вышло. С чумой в Одайне получилось, а на тихий ветер силенок не хватило. И если он, Аурело Фрасто Хейм, коего, в бытность его студентом медицинской академии славного Арзахеля справедливо прозвали «гвоздем в заднице» — и за рост, и за исключительную въедливость, и за любовь задавать профессорам каверзные вопросы, — так вот, если он и стал светилом медицины, так вовсе не из-за несомненных чудотворных способностей, а благодаря умению размышлять. И не бояться проверять результаты размышлений на практике.

Мэтр Аурело остановился в доме мессира Окка. На предложение приготовить лекарство для младшей сестры эригонский врач ответил восторженным согласием. Вечером этого же дня кашляющая кровью девушка получила из рук мэтра Аурело стакан с прохладной, подслащенной водой; на следующее утро мессир Окка мало что не валялся в ногах у коллеги, благодаря его за спасение девушки, которая впервые за последнюю неделю согласилась поесть, правда, с одним условием: чтобы ей читали вслух письма от жениха, младшего помощника капитана на одном из суртонских императорских кораблей; сказать по чести, она его очень любила — сопротивлялась смертной тени только по той причине, что хотела

написать ему эпитафию, достойную его доблести и чести. И всю дорогу до дома господина ратмана Окка, не переставая, восхвалял его медицинский гений.

— Поверьте, мэтр Аурело, никакие слова не могут выразить и сотой доли моего восхищения вашим мужеством, — повторив это выражение по крайней мере пятый раз за вечер, Сириан поднял бокал темно-солнечного вина, созданного на лучшем винограднике его тестя, и поклонился гостю.

Мессиры доктора навестили дом ратмана уже изрядно заполдень, в то время, когда тихий ветер был наименее опасен и можно было появиться на улице, не опасаясь, что тебя без лишних церемоний сцапает полуденный патруль. Ратман принял гостей у себя в кабинете, там же был накрыт стол для ужина — не парадно, но достаточно изысканно, чтобы привередник Аурело не воротил нос. Какое-то время они сдержанно обсуждали городские дела: все шло своим чередом, не так плохо, как в прошлый раз — но могло быть и лучше, ведь присмотр присмотром, но не мешало бы еще и лекарство хоть какое-нибудь… Из контадо новости терпимые, в рабочих слободках тоже пока порядок, в самом Эригоне… ну, где как. Кто знает, сколько эта напасть продлится — хватит ей прежних двух месяцев, или нет. На протяжении всего разговора сдержанный Окка с трудом подавлял желание сменить тему, и заговорить о вещах действительно важных.

— Благодарю вас, ратман, и в свою очередь прошу поверить, что я ее нисколько не заслуживаю. Поскольку мне тихий ветер ничем не грозит, то и в моем пребывании здесь нет никакого героизма.

И, отвечая на невысказанный вопрос собеседников, продолжил:

— Мой дед принадлежал к народу темной крови; в его ремесле это добавляло, так сказать, декоративности. Он был палачом, не один десяток топоров схоронил. А иначе я сидел бы сейчас в Ireме, не помышляя о путешествиях. Я врач, и слишком хорошо знаю, насколько драгоценна и беззащитна жизнь, чтобы вот так запросто ею разбрасываться. Прошу передать мою неизменную благодарность вашему уважаемому тестю, господин ратман, — вино у него превосходное, настоящий солнечный мед.

Сотрапезники помолчали; двое переваривали услышанное, третий попросту наслаждался вином.

— Мэтр Аурело, — обратился к гостю Сириан, — судя по тому, как мессир Окка ерзает в кресле — чего я за ним отродясь не замечал, даже во время прошлой эпидемии, — а значит, волнуется и с трудом сдерживает свое нетерпение, вы пришли ко мне по делу.

— Вы совершенно правы. Не буду вас утомлять ненужными подробностями, но похоже что я нашел средство от этого недуга.

От такой новости даже Сириан удивился.

— Вы понимаете, о чем говорите, мэтр? Я преклоняюсь перед вашими познаниями, но…

— Преклонение не обязательно, вполне достаточно доверия. Я вас не обманываю. Первый случай исцеления произошел в городской больнице, не далее как позавчера вечером. Второй — в доме мессира Окка. Целители были разные, но вот лекарство в обоих случаях — одно и то же. Признаюсь честно, я приехал в Эригон в надежде найти хоть какое-то средство облегчить эту хворь, я никак не мог простить ей моего поражения десятилетней давности, но я помыслить не мог, насколько быстро это произойдет. Это чистой воды везение… и моя наблюдательность.

— …И помните, мессиры: все, сказанное и услышанное здесь, должно оставаться тайной. Так, по крайней мере, мы сохраним в городе хотя бы подобие покоя, и избегнем чудовищных беспорядков. Случаи исцеления могут повторяться, главное, чтобы их не было чересчур много и между ними не было бы никакой связи. Скажем: единственный наследник, или горожанин, ревностно пекущийся о благе Эригона, или особо прославленные персоны… вы меня понимаете? — и Сириан вопросительно поднял белесые брови.

— Господин ратман, но… а дети? — и Окка поклонился, словно извиняясь за вольность вопроса.

— Что ж… пожалуй. Но осторожно, без спешки, потихоньку… и следите, в таком случае, чтобы хоть один из родителей оставался, нам ни к чему орава беспризорных сирот, в городе и без того забот хватит.

— Я думаю, вам не стоит так волноваться, — вмешался мэтр Аурело, — это ведь не чума и не холера, когда страдают тела, а не рассудки. Вряд ли кто в Эригоне заметит, что у похоронной команды поубавилось дел. Сейчас большинство сидит по домам, наматывая слезы на кулак, в больницах же что ни пациент — то редкостный случай иллюзорного помешательства. Реальность как таковую воспринимают темнокровки да исключительно волевые люди… как вы, мессиры. Кроме того, лекарственного… хм-хм… материала необходимо смехотворно мало. Я, конечно, сделаю пару уточняющих опытов, но и без них мне понятно — чем выше разведение, тем сильнее эффект. В первом случае доля темной крови всего-навсего одна восьмая часть, да была всего только капля… Ну, это уж наше с вами дело, мессир Окка, не будем утомлять достопочтенного ратмана медицинскими теориями.

На этом гости поспешили откланяться и отправились в

квартал ювелиров, в больницу — проверять истинность умозаключений мэтра Аурело. Сириан вернулся в кабинет, где уже успели убрать со стола и обрызгать пол душистой водой, и уселся в свое любимое кресло у камина.

«Так-так, господин врач. В кои-то веки хорошие новости, да и те с изнанкой. Как это говорил отец? я хотел бы рыбку съесть, да боюся в воду лезть… А ну как узнают, что это за лекарство чудотворное… поди, объясни им, что надо мало… не поверят, привыкли, что для дела надо много. А с темной кровью нам ссориться нельзя, слишком долго договаривались. Лучше уж еще месяц помучаться, чем потом полгода в осаде сидеть, да виру выплачивать… а они своих недешево ценят. Ничего-ничего… потихоньку, полегоньку… где надо — соломки подложим, а где не стоит — не будем…

Значит, темная кровь дает защиту… и выносливость. Пожалуй, этот случай упускать нельзя. Пора вызывать Риго. Неразбериха, смута — все один к одному. И навещу-ка я завтра госпиталь.»

Глава десятая. Под иными ливнями

Этот храм был под стать окружающим его лесам — лесам, подобным Жизни, избавленной от Смерти, Жизни, которую тошнило от ее собственного же преизбытка.

И менее любимым, чем Калима, богам люди возводили пышные земные хоромы; старались, гробили сотни и тысячи рабских жизней, опустошали казну до донышка, спорили со всеми стихиями сразу, пытаясь доказать Тому, Единственному, что он — самый лучший, что соседский бог по сравнению с ним — жалкая побирушка, вынужденная удовлетворяться парой цветочных гирлянд и алтариком размером с носовой платок. А Тот, Единственный, сидел на облачке, просушивая намоченные ночной грозой крылья, и все пытался понять, куда ж это люди подевали ту искру разума, которую он вложил в их головы.

В создание храма Калима, самого почитаемого в Нильгау бога, вложились поровну и обезумевшая от своей плодовитости земля, и непобедимое растительное царство, и магия жрецов. Посреди девственного нильгайского леса, на невысоком холме процветало — воистину! — его великолепие.

Для того, чтобы создать этот храм, в страну не привезли ни единого камешка, и не срубили ни одного деревца, и не щелкали по потным спинам рабов бичи надсмотрщиков, и не сходили с ума от своих фантазий скульпторы, решившиеся воплотить облик бога. Калима помог своим детям.

Когда достойный паломник подходил к храму, то глазам его представало невероятное зрелище. Высоченное, под стать вековечным секвойям, здание сплошь было покрыто барельефами, а свободные места занимали статуи, примостившиеся в нишах между колоннами. Сюжетами для сих композиций послужили, как водится, подробности личной жизни бога: начиная с его зачатия (барельеф воспроизводил фантастическую сцену любви прекрасной девушки и огромного цветка) и дальше — по порядку. Калима, получеловек-полуцветок, подчинившей своей воле все растущее на землях Нильгау, творец новых растительных форм, был исключительно миролюбив и до неприличия (даже для бога) любвеобилен. Фронтон иремского храма Нимы рядом со скульптурными группами, изображавшими подвиги многопестикового бога, показался бы безгрешно-накрахмаленным, как нижние юбки старой девы. При этом поражало даже не несосветимое число подобных украшений, а виртуозное их исполнение, ни одна мелочь, вроде сбившегося набок ожерелья, не была упущена или не проработана. Статуи с

выразительными лицами, застывшие в удивительно гармоничных позах, казались живыми. Да они такими и были.

Для начала, повинуясь воле жрецов, направленной самим Калима, с избранного всхолмья отступили все деревья и кустарники, оставив за собой почти неповрежденную зелень трав. Затем руками избранных, в строго определенных местах, были посажены чудо-саженцы — и принялись расти вперегонки, вытягиваясь за час по нескольку метров. Секвойи стали опорой для будущих стен, стройные пальмы — колоннами. Потом за дело принялись лианы; они оплетали древесные стволы и ткали плотный ковер стен, перекрытий и занавесов. Венцом творения стали орхидеи. Неведомо откуда взявшиеся, они расцветали, превращаясь в дивные статуи, сплетались друг с другом, образуя сюжетные группы, и когда одна орхидея принимала в объятия другую, только что распустившуюся, то обе они тихо вздыхали от счастья.

Храм Калима и казался, и был живым — он уже не так быстро, но все же рос, с жадностью пил дождевую влагу, грелся на солнце, а ночью все его статуи и барельефы закрывали глаза и засыпали. У храма не было ограды; рядом с ним произрастали дома жрецов, поодаль — несколько обширных хижин для паломников.

— Ну вот, очень даже неплохо. Полюбуйся! — и Гай, лорд Лотломиэль, поднес зеркало к лицу все еще фыркающего сына. Хэлдар глянул и обреченно застонал: с полированной медной пластины на него смотрел смуглый, черноволосый молодой мужчина, веки его покрывала черная краска, брови были подведены чуть не до ушей… впрочем, спрятанных под волосами, губы, сложившиеся в преувеличенно горькую гримасу, блестели свежей бронзой.

— Ну, чем не нильгаец? — и Гай, чья внешность претерпела точно такие же изменения, засмеялся.

— Глазами, мой господин. Поэтому, когда вы попадете в пределы храма, советую не особо ими сверкать, — говоривший был настоящий нильгаец, пожилой уже мужчина. Он прибирал творческий беспорядок на столе, где только что изготовлял красящие эликсиры.

— Скажите, уважаемый мэтр, а насколько стойки эти краски? — и Хэлдар украдкой потер кожу на запястье — не вылезет ли светлая полоска?

— Достаточно, чтобы не выдать вас. Волосы окрашены соком синего ореха, если не вымыть их отваром пальмовой коры, такими и останутся; в кожу мы втирали смесь порошка черных лилий и змеиного жира, так что вода вам теперь не опасна, а

первоначальный цвет вернете, искупавшись в молоке. Краски для лица — того же происхождения, я добавлял в них только чуточку нужных пигментов. Что же касается накладок на ваши уши, то они продержатся ровно месяц с сего дня, а потом клейкий сок окончательно пересохнет, и они попросту отвалятся. Ну что, вам полегчало, господин эльф? — и нильгаец усмехнулся краешками губ.

Почти целый день отец и сын провели в этой прохладной комнате, находившейся позади небольшого храмового зала в святилище Бирюзовых Змей. Рано поутру верховный жрец отвел их сюда и оставил вместе с одним из колдунов племени змеепоклонников. Тот, не тратя времени, изготовил потребные мази и настои и принялся за дело. В довершение всего он нанес на колени и локти эльфов какую-то мгновенно впитавшуюся жидкость, взятую из крохотного сосуда.

— Это примирит с вами змей; они не тронут вас, просто уступят дорогу. Действует зелье достаточно долго, не менее полумесяца. Можете поверить мне, я сам проверял его действие — на сыне.

Затем нильгаец указал на стоявшую у каменной стены скамью, на которой жалкой кучкой была сложена их новая одежда: всего-навсего пара набедренных повязок, несколько ожерелий и кожаные сандалии. Когда эльфы оделись, он жестом предложил им вернуться в храмовый зал.

Там их уже ждали — и верховный жрец, и другие служители храма. Жрец одобрительно покивал головой и сказал:

— Даже лучше, чем я думал. Вот ваш проводник, — и он указал на юношу лет шестнадцати, очень похожего на давешнего колдуна, — Все слова сказаны и медлить не следует: через два семидневья по вашему счету наступит день летнего солнцестояния. Если храм Калима не подчинит вашего камня, то его уничтожат. И помните — если вас постигнет неудача, рассчитывайте только на себя, ибо открыто помогать мы вам не можем, а об оказанной тайной помощи забудем, как только потеряем вас из виду.

— Мазруван, — жрец обратился к избранному проводником, — веди их через наши леса как своих братьев, но не забывай, что они чужаки. Твой долг — довести их до храма Калима, дальше решишь сам. Прими наставление от отца.

Юноша подошел к колдуну, поклонился в пояс; тот положил ему ладонь на лоб и негромко заговорил. Прошло несколько минут. Отец и сын обнялись и разошлись; Мазруван подошел к эльфам.

— Ваше снаряжение — и жрецы подали три заплечных

мешка, три массивных ножа в ножнах из грубо выделанной кожи на таких же поясах, и три плаща из тонкой и прочной змеиной кожи — свернутые, они могли уместиться в ладонях, отталкивали воду и грязь, прогретые как следует на полуденном солнце, сохраняли его тепло почти всю ночь.

Эльфы и нильгаец вышли из прохладного полумрака храма Бирюзовых Змей; солнце уже клонилось к западу, на траву ложились густые тени вековечных деревьев. Храм стоял поодаль от селений, поэтому в его округе было тихо и безлюдно, и почти сразу же за каменными плитами двора начинался нильгайский лес. Путники постояли немного, словно собираясь с духом, поклонились остановившимся на пороге жрецам-змееподклонникам, и — Мазруван впереди, Гай и Хэлдар следом за ним — ступили в безумное переплетение стволов, стеблей, листьев, трав, цветов… и словно в воду канули.

…Поскольку слиток солнца с незапамятных времен был родовой реликвией клана Цветущих Сумерек, то и хранился он их замке, а не в королевской сокровищнице, где хоть и декоративная, но была охрана (воровство среди эльфов вещь неслыханная, такая же, как и щедрость среди гномов…). Пока обнаружили пропажу — ведь не каждый день фамильные драгоценности выносят на свет, пока поняли, что один из гостей, прибывших из Восточных Лесов, вовсе и не эльф — не столько потому, что тот исчез подозрительно синхронно с тем самым слитком янтаря, сколько потому, что тот грубейшим образом нарушил этикет, не попрощавшись с хозяевами и не пригласив их почтить своим присутствием его дом… через несколько дней в замке Лотломиэль все же появился настоящий приглашенный. Его отпустили, не причинив ни малейшего вреда (если не считать душевных страданий), как только вор с добычей убрались на достаточное расстояние, чтобы простая погоня не имела бы смысла.

Понять, кто столь вероломно воспользовался гостеприимством эльфов, было нетрудно. Исключительное мастерство внешнего преображения, граничащее с достижением полного двойничества, достойное похвалы миролюбие и нежелание причинять кому-либо боль (несмотря на то, что задержанный насильно эльф ранил одного из своих стражей, его ни разу не ударили… связывали, опаивали снотворной дрянью — но делали это так мягко, как-будто он был душевнобольным), и безошибочное чутье на любого рода магические источники силы — все это с головой выдавало нильгайцев.

Когда пышноцветный Калима, пройдя весь положенный растению жизненный цикл, растянувшийся почти на столетие,

должен был вернуться в породившую и питавшую его землю, он оставил своим детям семя, залог будущего возвращения. Размером с голову взрослого человека, заключенное в твердую скорлупу цвета гранатового сока, семя должно было спокойно дожидаться положенного часа в святилище храма. В должный срок оно выпустит на свет новое воплощение бога, более могущественное и величественное, чем прежнее, и возрожденный Калима поведет своих лиственношумящих детей на новые земли, ибо старые пределы стали им тесны. Иные расы, злобные, неуживчивые, вечно ссорящиеся, должны будут уступить, и в Обитаемых Землях наступят мир и покой, и лишь ветер будет нарушать тишину великого Леса…

Однако никто не знал, когда же оставленное в залог будущей славы семя даст побег. Поначалу жрецы Калима покорно ждали, исполняя все положенные ритуалы и ничего не добавляя от себя; спустя несколько столетий верховным жрецом зеленотелого бога стал на редкость нетерпеливый человек. Он решил, что каждый проведенный в бездействии день отдаляет желанное торжество растительного царства, и поэтому дети Калима должны сделать все возможное, дабы приблизить его. Властью верховного жреца он повелел напитывать семя магической силой, как питают обычные зерна водой; имевшиеся в распоряжении храма артефакты, могущие послужить в качестве «питания», быстро закончились. Поэтому их покупали, но чаще всего попросту крали, не разбирая, какой природы заключенная сила.

Однажды случилось так, что украденный артефакт отказался поделиться своей силой. Это весьма разгневало верховного жреца, ставшего на склоне лет еще более нетерпеливым и раздражительным, и он приказал отныне и впредь безжалостно уничтожать все непокорные талисманы, пантакли, магические жезлы и иже с ними. Расточительство в чистом виде, но, с другой стороны, не отдавать же в самом деле вещицы обратно…

Гай, лорд Лотломиэль, и его сын Хэлдар отправились в Нильгау без особой надежды на успех; его величество Воздуха, вопреки обыкновению, настойчиво отговаривал Гая от далекого, опасного и почти бессмысленного путешествия. В самом деле, даже если эльфы доберутся до Нильгау по шаммахитскому торговому тракту, и немного продвинутся вглубь этой страны — что толку? Любой путешественник знал, что тракт спустя три дня пути обрывается резко, как сорвавшийся голос певца, упираясь в небольшое селение, где исстари проводились торги и мены. Приехавший за замшей из кожи серой антилопы, или за диковинными орехами и вареньями (живые плоды — увы! — дороги не выдерживали, превращаясь в неапетитную кашицу),

или за покрывалами, сплетенными из перьев птиц, или за непристойными статуэтками душистого розового дерева, копирующими самые невинные фрагменты храма Калима, — купец останавливался на пару дней в этом селении, покупал то, за чем приехал, а потом разворачивался спиной к хижинам и спешил восвояси. Да и куда бы он еще мог поехать, ведь за исключением старого шаммахитского тракта дорог в Нильгау попросту не было, как не было там и городов. Все нильгайские земли без остатка занимал Лес, у которого немногочисленные племена различной степени жестокости с великим трудом выторговывали местечки для жизни. За западной границей Леса начинались земли Шаммаха, на северо-востоке сонная Шакти, больше похожая на растаявшее желе, чем на реку, отделяла от Нильгау империю Суртона, а на юге сразу же за лесными опушками начинался Океан. Никто и никогда не пытался завоевать эти земли; у любого, даже самого захапистого завоевателя при первом же взгляде на нильгайский Лес возникал вопрос: зачем э т о мне?! и что я с э т и м буду делать?! После чего он разворачивал войска и, немного смущенный, отступал.

Почти весь положенный путь отец и сын проделали молча, словно выполняя малоприятный долг. На третий день их пребывания в Нильгау выяснилось, что далеко не все нильгайские племена исповедают культ Калима, есть вполне равнодушные, есть и враждебно настроенные — например, племена змеепоклонников. Именно они и предложили помощь.

В храме Бирюзовых Змей, куда эльфов провел по одному ему заметным лесным тропам нильгаец, чьи руки были покрыты ритуальными шрамами, Гай узнал, что слиток солнца уже пытались подчинить воле верховного жреца Калима, но безуспешно; рассказывая о последствиях этого волеизъявления, змеепоклонник не мог сдержать чрезвычайно довольной, хотя и несколько плотоядной ухмылки. Эльфа предупредили и о том, что в случае повторного неповиновения слиток солнца ждет гибель, однако какая — не сказали, ибо и сами не знали, каким образом можно уничтожить источник светлой силы.

… Когда Хэлдар впервые переступил порог нильгайского леса, то испытал серьезное потрясение. Дорога до храма Бирюзовых Змей заняла не более полудня, но и этого эльфу хватило с избытком. Дитя леса, рожденный под ликующие хоры весених птиц, засыпавший в плетеной колыбели под успокаивающий лепет листвы, понимающий настроения и мысли деревьев — он чувствовал себя так, словно его давний друг сошел с ума и в ответ на просьбу о глотке воды попытался его утопить. Несколько шагов следом за отцом — и их окружила

кладбищенская тишина, нарушаемая лишь хлюпанием жирной земли под ногой; ни пения птиц, ни шелеста листьев… словно они идут не по лесу, а по глубокому подземелью. Куда ни глянь — зеленое, плотное месиво из растений заполняет все видимое пространство, по ветвям сочится липкая, тяжелая сырость; эльфу казалось, что он задыхается, ему хотелось рвануться, разорвать эти зеленые сети, выпутаться из их бесконечных петель, глотнуть воздуха — вдоволь, полной грудью.

За три дня, проведенные в храме, Хэлдар немного попривык к характеру здешнего леса и даже отважился в одиночку пройтись по опушке, не теряя, впрочем, из виду хижины селения. Отец успокоил его тем, что за две недели пути до храма Калима и стольких же — обратной дороги, у них будет достаточно времени освоиться в этом зеленом безумии.

…Это была вторая прогулка по порогу нильгайского леса. Эльф — как ни невероятно это звучит — старался ступать как можно тише, но под ногами у него чавкало, как будто вслед за ним топала исключительно прожорливая свинья; лианы то и дело обвивались вокруг его шеи, цветы резали глаз утомляющей яркостью. Шаг, еще шаг… отвести от лица ветку, щедро усыпанную колючками, обойти какой-то невозможный клубок корней, скользкий как правда шаммахита, и еще шаг… в этот миг Хэлдар услышал голос. Он услышал, ощутил его в себе… и не мог не откликнуться на его зов. Скорее всего, этот голосок принадлежал мальчику лет пяти-шести, не более, и, судя по интонации, малец был не на шутку напуган. «Помогите!.. Пожалуйста, помогите!..» — Хэлдар, повинуясь зову, отходил все дальше от леса, забыв о своем намерении попробовать силы, и, наконец, вошел в селение. Он прошел мимо нескольких хижин, крытых пальмовыми веерами, стараясь не обращать внимания на не слишком-то тактичных и весьма скудно одетых женщин, тычущих в него пальцами и что-то лопочущих, пока не удостоверился, что зовут из самой большой из них, украшенной несколькими звериными черепами устрашающего вида. Особо не раздумывая — впрочем, как всегда, когда кто-то нуждался в помощи — эльф шагнул внутрь. В кружевной полутьме хижины было пусто и просторно, а посреди тростникового пола стояла клетка. Когда Хэлдар увидел того, кто был в ней, то поневоле улыбнулся — так он был хорош. Слоненок совершенно умилительного вида и нежнейшего цвета — ни дать, ни взять розово-желтый абрикос первого урожая; малыш стоял, повесив голову и едва слышно дыша. Он был похож на фарфоровую игрушку ребенка-великана. Почувствовав чье-то присутствие, он поднял глаза — темно-голубые, заплаканные — и эльф вновь

услышал этот голос: «Прошу вас, помогите мне!.. не оставляйте меня здесь…»

— Что, нравится? — вошедший следом за эльфом хозяин хижины, лучший охотник племени, довольно прищелкнул пальцами, — Целый месяц его выслеживал!

Он явно был рад случаю в очередной раз похвалиться столь редкостной удачей и даже не спросил, что незваному гостю нужно.

— Это… слон? — в голосе эльфа прозвучало столь явное сомнение, что нильгаец удивленно пожал плечами.

— А то кто?! На удава вроде не похож… Конечно, такого не часто встретишь… это он сейчас как ягодка, а повзрослеет, станет белым, как зубки красавицы.

— И это вся редкость? больше ничего?

— А что, ему еще и плясать надо? Шаммахитам и цвета хватает. Будет любимую жену правителя Ирема возить.

Слонишка смотрел так жалобно, и — Хэлдар мог поклясться в этом! — утирал хоботом катящиеся из глаз слезы; но охотник этого не замечал, да и голоса явно не слышал. Эльф бросил взгляд на свою правую руку, и спросил нильгайца:

— Так вы говорите, почтенный, что этот товар предназначен Ирему Многодивному? Не хочу вас разочаровывать, но мне достоверно известно, что любимая жена хозяина Шаммаха… я имею в виду, та, что должна задержаться на этом месте, предпочитает лошадей. Скажите, не пытался ли покупатель сбить цену?

— Клянусь сброшенной змеиной кожей, пытался, хотя мы и договорились обо всем месяц назад! — охотник заволновался. — Еще как пытался, какими-то дорожными издержками отговаривался…

— Прошу простить мое любопытство, но во сколько он оценил ваш труд? — услышав цену, эльф украдкой перевел дух: должно хватить. Он улыбнулся со всей возможной снисходительностью, снял с указательного пальца правой руки перстень, взятый год назад в очень непростой игре у подножия священной горы Нум, и протянул его нильгайцу.

— Если я не ошибаюсь, это стоит по меньшей мере вдвое дороже. Спросите жреца, он подтвердит. Ну как, по рукам? одна редкость в обмен на другую…

Охотник облизнулся, катая в ладони драгоценное кольцо, украшенное редчайшим радужным жемчугом, и мысленно согласился; а после того, как немало удивленный такой расточительностью жрец сказал, что действительно дороже… только не вдвое, а втрое, согласился и вслух.

Сияя и глазами, и зубами охотник сам помог эльфу вывести слоненка из клетки и довел их до границы леса, после чего поспешил домой, поскорее придумать ложь поубедительнее для грядущего чернобородого покупателя.

— Ты свободен, малыш, — эльф не удержался и погладил слоненка по бархатистой спинке, — но как же я тебя отпущу одного? Опять заблудишься или в ловушку попадешь… — и он решительно шагнул вглубь леса. Благодарно сопящая ягодка следовала рядом, прижимаясь к ногам эльфа. Однако долгой дороги не получилось. Через несколько минут в сознании Хэлдара раздался другой голос…

— Благодарю тебя, услышавший, выросший под иными ливнями… — говорил мужчина, давно перешагнувший порог зрелости, но еще не боящийся немощи; судя по голосу, он вообще ничего не боялся. Эльф оглянулся… и буквально через мгновение зеленые стены леса послушно раздвинулись, пропуская того, кому они не в силах были противиться, даже если бы и захотели.

Слон, белоснежный как снега на горных вершинах, подошел совершенно бесшумно; малыш тут же метнулся к нему, прижался, гладя ноги белого великана хоботом. А тот погладил сына (кого же еще…) по голове и спинке и вновь обратился к эльфу:

— Полмира разделяет нас, сын воздуха… но ты пришел, дабы спасти мое дитя, единственное и последнее. Ты слышишь нас — услышу и я тебя, даже если ты будешь за Краем Света.

Заколыхались зеленые занавеси, Хэлдар успел почувствовать на щеке застенчивое прикосновение розового хоботка, и снова остался в одиночестве — чужак, пытающийся изобразить прогулку по опушке нильгайского леса. Узнав о его странной покупке, отец нисколько не удивился; жрец же, которому подчинялось племя, тоже не стал особо беспокоиться — через два дня чужеземцы уходили в храм Калима… что ж, пусть почудят напоследок.

Ступая по прохладным каменным плитам, коими был вымощен дворик позади храма, Хэлдар никак не мог отделаться от странного ощущения: ему чудилось, будто все это и не с ним происходит, а он всего лишь сторонний наблюдатель чужого дурного сна. Он не узнавал собственного тела — смуглое, непривычно открытое, теперь оно и двигалось как-то иначе, и эльфу казалось, что еще немного — и оно заскользит, извиваясь как змея. Хэлдар взглянул на идущего рядом отца, тот ободряюще улыбнулся ему и шепнул:

— Представь, что, если бы твоя мать увидела тебя сейчас?

— Да и вы хороши, — отозвался почтительный сын, — обоим бы досталось. Вы лучше представьте себе лицо нашего эконома,

когда он узнает, что придется израсходовать на нас целых две ванны молока!

Они шли по девственным лесам Нильгау вот уже четвертый день, и эльфы почти привыкли к его нелегкому характеру. Перестала резать уши тишина, в которой еле-еле булькали слабые подобия лесных звуков, глаза освоились в постоянном полумраке, путники научились принимать редкие прогалины и поляны, поросшие невысоким кустарником, как праздник, дающий возможность малость остыть тяжелому ножу-мачете… и эльфы почти потеряли надежду понять, каким же образом их проводник ориентируется в этом пышном хаосе стволов и ветвей, переплетенных бесконечными лианами. Похоже, не нильгаец выбирал тропы и места для отдыха, а сам лес вел его в нужном направлении. В первый же день пути, спустя час с небольшим после начала похода, они вышли к маленькой речушке, больше похожей на разлившийся ручей. Мазруван остановился, опустил поклажу на землю и обратился к спутникам:

— Скоро начнутся нутановые заросли, их необходимо пройти уже сегодня и как можно быстрее, начинается вылет москитов и заночевать там мы не сможем. Делайте как я, — с этими словами он скинул с себя набедренную повязку, опустился на колени возле глинистого бережка и принялся горстями зачерпывать жидкую грязь и размазывать ее по телу, словно создавая себе вторую кожу.

— Здешняя глина самая подходящая, она почти не трескается после того, как высохнет… и не отваливается, если не накладывать слишком много, — пояснил нильгаец, — поторопитесь, если не хотите послужить обедом для москитовой ребятни.

Эльфы переглянулись и молча принялись исполнять совет проводника. Когда все трое основательно обмазались глиной, причем Мазруван проследил, чтобы ничего не упустить (он собственноручно покрыл глиной веки эльфов), несколько просохли и стали похожи на ожившие глиняные статуи, то продолжили путь. Через полчаса продвижения по едва приметному подъему проводник вывел их к зарослям нутана, травы, возомнившей себя деревом.

Высокие, в несколько десятков метров, гладкие коленчатые стволы, заканчивающиеся одним продолговатым травянистым лезвием, вытеснили своих многолиственных собратьев и поэтому здесь было гораздо светлее, чем в самом лесу, который Хэлдар в первые минуты пути окрестил про себя «великолепной могилой». Зеленоватые стволы нутана служили прекрасной опорой для москитовых гнезд; чуть ли не на каждом стволе висела гроздь

серых коконов, в настоящий момент уже пустых. Новорожденные кровососы плотными стайками радостно толклись в воздухе. Завидев пришедшую еду, писклявые детишки бросились со всех своих крылышек ей навстречу и в пару минут облепили путников с головы до ног. Но глиняная броня оказалась им не по вкусу и вскоре они разочарованно стали отваливаться от нее.

— Ну вот, об ужине можем не беспокоиться, — и Мазруван направился вглубь зарослей.

— Мы что же, здесь и заночуем? — изумленно вопросил Гай. Судя по всему, перспектива всю ночь внимать бодрящему зудению москитов его не радовала.

— Можем и здесь, только придется глину оставить. Или отойдем подальше, там есть пальмы-водохлебки, москиты их запаха терпеть не могут.

— Хвала богам за создание этого дивного аромата!..

Мазруван как-то странно хмыкнул, но перечить не стал. Прежде чем отправиться к месту ночлега, он, торопясь, срезал четыре длинных нутановых стебля, нарезал с десяток молодых побегов и, после недолгих поисков, аккуратно вырезал три зеленовато-желтых колена, росших, заметно наклонясь к земле. Когда Гай встряхнул одно из них, послышался водяной всплеск. Предложенную же эльфами помощь нильгаец вежливо, но решительно отверг, сказав, что им надобно сначала научиться орудовать ножом в нутановых зарослях, поскольку спилы и расщепы этой травы остры как бритва, а порезы, нанесенные ими, не заживают неделями. Нагруженные, они продолжили путь. Вскоре во влажном, спертом воздухе появился слабый неприятный запах; с каждым пройденным метром он усиливался. Гай чихнул.

— Мазруван, если бы мой вопрос не звучал как издевательство, я спросил бы, не к главной ли городской свалке вы нас ведете. Что это за отвратительный запах?

— Вот и москитам он тоже не по душе, — усмехнулся нильгаец.

Для ночлега он выбрал небольшой холм, заросший смердящими пальмочками с бочкообразными стволами, и несколько более сухой, чем окружающие места. Хэлдар выкопал в земле неглубокую яму, с помощью проводника развел костер; затем они установили принесенные нутановые жерди конусом и накрыли их нарезанными пальмовыми листьями-веерами, как черепицей; землю в убежище также застелили листьями и покрыли одним из змеиных плащей. Пока эльфы счищали с себя слой глины, снимая его как прилипшую одежду, Мазруван испек на угольях очищенные ростки нутана, выложил их на широкие

толстые листья, сорванные еще им чуть ли не на опушке, добавил собранные там же темно-розовые, каплевидные плоды с приторным ванильным запахом. Все это оказалось вполне съедобным, даже вкусным, но особенно понравилась эльфам вода, плескавшаяся в нутановых стеблях — сохранившая невесть каким образом прохладу, прозрачная.

— Но скажите, почему мы не можем пить воду, собранную этими деревьями? — и Гай указал на пальмы-водохлебки, — внутри у них чуть ли не по ведру булькает.

— Эта водица смердит в десять раз сильнее, древесина гасит запах… но если хотите, можете попробовать. Там действительно не меньше ведра. — И Мазруван глотнул из длинного живого сосуда.

— Мазруван, вы говорили, что в лесу можно пить только ту воду, которую уже выпило растение, — обратился к нильгайцу Хэлдар, — это значит, что ни речная, ни озерная вода не подходят?

— Особенно озерная. Меньше чем в неделю черви задушат.

Эльфа передернуло.

— А кроме нутана, где еще может быть питьевая вода?

— У дерева путников, завтра встретим его; одного его черешка хватит на день дороги. Вдоль рек — в стеблях тростника, но срезать его можно только после захода солнца, иначе вся вода под землю уйдет, как только тростник нож почует. На крайний случай подойдут лианы, но только не те, что закручиваются в спираль или поскрипывают в руках. Я вам все покажу.

Этот разговор шел в полной темноте, слегка разбавленной светом костерка. Ночь в нильгайском лесу наступила почти мгновенно; эльфы никак не могли привыкнуть к отсутствию сумерек — времени своего клана. Солнце, которому наскучили попытки пробиться к земле, поспешно убралось с небосклона и все погрузилось в непроглядный мрак.

— Отдых не ждет, утро наступит так же нежданно. Можете спать спокойно, с этим звери нас не потревожат, — и Мазруван подвесил на нутановую жердь резной каменный оберег в виде клубка змей, в свете костра он казался пугающе живым.

— Благодарствуем, друг, — и Гай, и Хэлдар поклонились юноше. Вскоре все трое спали. Хэлдар уснул последним; он лежал, безуспешно вглядываясь в чернильный мрак и почти так же безуспешно пытаясь привести в порядок мысли. Нильгайский лес раздражал его, и ему хотелось как можно скорее убраться отсюда; ни за что на свете он не признался бы в этом, но этот лес пугал его.

Первая неделя пути прошла для эльфов почти что даром,

если не считать нескольких длинных порезов, полученных ими от неосторожного соприкосновения с листьями высокого кустарника, похожими на гибкие бритвы, и от усаженных колючками лиан; эти царапины никак не желали заживать и время от времени кровоточили. Медленно, но верно они продвигались вглубь Нильгау. Эльфы полностью доверяли своему проводнику, прекрасно понимая, что без его помощи даже с их природным чутьем и умением ориентироваться заблудились бы в течении получаса. Мазруван же старался ничем не подчеркивать их несостоятельности, тем более обидной, что дело касалось леса; он ненавязчиво указывал эльфам на съедобные плоды и источники воды, как мог, оберегал их от вредоносных растений и опасных мест. Они успевали совершить по нескольку переходов в день, прежде чем их останавливал стремительно падающий занавес ночи. На исходе восьмого дня пути Мазруван забеспокоился. Он сорвал несколько листьев красноперой пальмы, растер их меж пальцами и долго принюхивался к запаху красновато-зеленой кашицы, затем зачем-то раскопал землю под низкорослым кустарником до самых корней. Гай, укладывавший на раскаленные камни клубни манихо, поинтересовался:

— Что случилось, Мазруван?

— Ничего хорошего. Корни совсем белые, а значит, дождя не миновать. Завтра мы двигаться не сможем, переждем здесь. Обождите, я скоро вернусь, — и нильгаец исчез в зарослях.

Вернулся он, нагруженный черенками дерева путников и несколькими гроздьями желтых серповидных плодов мусы. Складывая все это в углу хижины, он пояснил:

— Чтобы не беспокоиться об этом завтра. А пальмовые листья стоит уложить в три слоя и накрыть плащами. Сможете?

На следующее утро эльфов разбудил какой-то странный звук — словно все листья в лесу вдруг обрели дар речи, и теперь спешили разболтать всему свету обо всем, что они видели и слышали. Мазруван уже проснулся и сидел, поджав колени к подбородку. Хэлдар выглянул из хижины и ему показалось, что перед самым входом повесили серый переливчатый занавес, сквозь который ничего не было видно.

— Это дождь. — Мазруван протянул эльфу водоносный черенок. — Не беспокойтесь, здесь будет сухо по крайней мере сутки, змеиную кожу хоть неделю поливай, все равно не намокнет. Советую как следует выспаться, после дождя идти будет еще труднее.

Нильгаец был прав. Когда они отправились в путь на следующее утро, то ноги их то и дело оскальзывались на земле, похожей на разбухшую от воды губку, а и без того влажный

воздух из-за испарений стал почти жидким на ощупь. Пот стекал струйками по их плечам, заливал глаза, кожа на спине начинала зудеть. На каждом привале Мазруван протирал зудящие места какой-то жидкостью из каменного флакона и неодобрительно покачивал головой: высыпавшие пузырьки скоро вскроются и придется намазывать их жутко щипучей мазью отца, иначе они загноятся и, чего доброго, станут причиной лихорадки.

День уже клонился к закату, когда предельно уставший Хэлдар, поскользнувшись на свалившемся с дерева клубке лиан, чтобы не плюхнуться лицом в грязь, ухватился за ствол небольшого деревца, усыпанного плодами, похожими на мелкие яблоки. Предостерегающий крик проводника, увы, опоздал. Эльф растерянно смотрел на ладонь, мокрую от стекающей по стволу воды, смешанной с соком дерева. Мазруван заставил его обтереть ладонь прямо о землю и заторопил своих спутников с устройством на ночь, хотя времени еще хватало. К счастью, искать место им пришлось недолго, и вскоре Гай помогал нильгайцу, а Хэлдар лежал на куче срубленных веток, скрючившись как креветка, прижимая руки к животу. Он не мог даже пожаловаться на резкую, судорожную боль, поскольку его язык настолько распух, что едва помещался во рту и ощутимо мешал дышать… Его перенесли в хижину; когда отек несколько уменьшился, Мазруван напоил его горячим отваром: воду с плодами вскипятили в колене нутана. Хэлдар промучился полночи, уснув только под утро. На следующий день боль уступила место слабости, а ладонь горела так, словно с нее содрали кожу.

— Мазруван, меньше всего я хотел бы обидеть вас, — Гай закончил привязывать к жерди жутковатый оберег и обратился к нильгайцу, склонившемуся над Хэлдаром. Младший эльф весь день пытался изо всех сил не отставать от своих спутников, поминутно протирая глаза — их то и дело заволакивало туманом, и проклиная дрожащие от слабости ноги. Он держался. сколько мог, но когда Гай бросил плащ на пальмовые листья, то рухнул на него ничком, как подрубленное деревце. Мазруван тем временем согрел воду, развел ею разжеванные им сердцевинки орхидеи, за которыми ему пришлось лезть довольно высоко, и, намазав этой мазью ладонь эльфа, принялся перевязывать ее молодыми листьями нутана. Он поднял голову:

— Вы не сможете обидеть меня, даже если захотите. Вы хотите меня о чем-то попросить?

— Да. Мне необходимо поговорить с сыном, но о действительно важных вещах мы предпочитаем говорить на своем языке, а не на всеобщем.

Мазруван улыбнулся краешками рта и ничего не ответил. Гай подсел к сыну, провел рукой по его голове и заговорил:

— Хэлдар, дружок, на этот раз мама была права… не стоило нам затевать эту показную защиту фамильной чести.

— Конечно, права… как и в прошлый раз… и в позапрошлый… Вы помните хоть раз, чтобы она ошибалась? — и Хэлдар слабо усмехнулся.

— И все же… возможно, сейчас не время делиться предчувствиями, но с самого начала этого похода мне не по себе. Я словно сбился с дороги и иду совсем не туда, куда хотелось бы.

— И все, что было родным и любимым, стало чужим и жестоким… мир встал на голову, и я порой не понимаю, кто я и зачем я здесь. И еще раскраска эта нелепая, — Хэлдар дернул себя за иссиня-черную прядь волос, — до сих пор привыкнуть не могу, иной раз взгляну на вас и не понимаю: кто это? Помните, дед учил меня, что всю жизнь мы обретаем свое лицо, ищем его, мучаемся… а мы вот так взяли и стерли еще и не совсем найденное. — и эльф замолчал, утомленный слишком длинной для обессилевшего речью.

— Сын, проводник сказал, что завтра тебе будет намного легче, но дело даже не в этом. Ты поправишься, но… сын, нам не нужны оправдания, если мы решим прекратить поиски слитка солнца. Мы просто скажем «нет», не дожидаясь очередной попытки леса убить одного из нас. Подумай, Хэлдар… если бы мы еще мир спасали, тогда уж ладно, а так… Ты прав, и раскраска эта, и унижение ведомости, а кто ведет — то ли путь, то ли злая судьба? — непонятно. Глуп ищущий березовых почек в пору листопада, а мы, видно, еще глупее.

— Вам действительно так плохо в наших лесах? — в разговор нежданно вмешался Мазруван. И, отвечая на невысказанный вопрос в глазах Гая, сказал:

— Нет, я не знаю эльфийского языка. Но ваша речь звучит печально и тревожно, и если вы думаете, что я не замечаю, какими глазами вы смотрите вокруг, как кривятся ваши губы и какая тоска окрашивает каждый ваш выдох, то… — и нильгаец покачал головой. — Отец предупреждал меня. Он сказал, вы из другого мира — того, что одного корня с нашим, но рос под иными ливнями. Если хотите, мы вернемся назад, обратная дорога всегда вдвое короче.

— Ну уж нет, — Хэлдар перешел на всеобщее наречие, — чтобы из-за пяти дней пути по лесу — по лесу! — эльф свернул с пути?! Никогда! Даже если мы не вернем камня, я хочу показать спину этому треклятому храму, а не зеленым кусачим выползкам.

— Сын мой, и это ты говоришь о деревьях?! — и Гай

одобрительно засмеялся.

В эту ночь Хэлдар впервые спал спокойно. Спустя пять дней они вышли к подножию холма, на котором рос храм Калима.

Они стояли у края настоящего ковра из цветущих гиацинтов, окружавшего храм. Ступивший на ковер, по обычаю, должен войти и в сам храм.

— Мазруван, вы исполнили данное слово. Мы не вправе просить большего, — и Гай протянул юноше сверток, который достал из заплечного мешка. — Еле уговорил вашего отца, выслушал от него немало упреков за любовь к театральным эффектам. Возьмите это на память.

Мазруван развернул сверток, там оказался длинный и тонкий кинжал эльфийской работы, из тех, что режут шелковый шарф, подброшенный в воздух. Нильгаец вспыхнул и поднял глаза:

— Благодарствую, лорды. Ваше благородство воистину граничит с безумием. Но я предпочитаю получать вознаграждение после того, как перешагну порог отчего дома. Или это задаток, и в вашем мешке припрятан и меч?

Гай покачал головой.

— Вы не должны…

— Не должен. Но мне хочется. — И юноша жестом предложил эльфам следовать за ним.

Пока они шли по мягчайшему гиацинтовому ковру, с наслаждением подставляя лица ветерку и купая взгляды в небесной синеве, нильгаец давал последние наставления. Оказалось, Мазруван давно все продумал и теперь эльфам оставалось только подчиниться.

Они подошли к первой храмовой постройке (хотя вряд ли так можно было бы назвать этот дом — он располагался на толстом стволе, примерно в метре над землей, и был похож на шар, сплетенный из веток) и остановились, в знак почтения низко опустив головы, Мазруван впереди, эльфы за его спиной. Зеленый шар дрогнул, несколько толстых веток плавно перетекли к земле, образовав подобие лестницы, по которой спустился жрец Калима, немолодой уже мужчина.

— Мир вам, пришедшие в дом вечного цветения. Что привело детей Змеи в наши пределы? — с понятной подозрительностью поглядывая на змеиную кожу их плащей, спросил он.

— Да будет сладок плод твоей жизни, о досточтимый, — подняв голову, заговорил нильгаец, — молю тебя об одном: выслушай недостойного, не посетуй на на мое пустословие!

Жрец одобрительно кивнул. Мазруван продолжил.

— Ван — жалкое имя мое, эти же люди, стоящие рядом со мною — мои благодетели и родичи, мой родной дядя Диа и его

единственный сын, мой брат, Тхиен. Всем, что есть у меня и еще будет, я обязан им, ибо, когда родители мои умерли от страшной шаммахитской заразы, — нильгаец вздрогнул и сделал отвращающий несчастия знак, — то они, едва прослышав об этом горе, пришли в мое селение, уже наполовину опустевшее, и, не убоявшись болезни, забрали меня, едва живого, в свой дом, выходили, а когда я выздоровел, дядя усыновил меня. Пять счастливых лет прожил я в доме добросердечных моих родичей, ни в чем не зная отказа, встречая лишь ласку и заботу. Месяц назад мой дядя поссорился со жрецом храма Бирюзовых Змей: тот хотел выдать свою шелудивую дочь за Тхиена, невзирая на то, что у брата моего уже была невеста, любимая и желанная. Жрец страшно оскорбился отказом и проклял моих родичей. Его черная воля поразила их приступами безумия и лишила глаза их зоркости, превратив в подобие полустертых серебряных монет.

Как только Мазруван сказал об этом, Гай и Хэлдар одновременно подняли лица и посмотрели на жреца, постаравшись придать взглядам бессмысленное и рассеянное выражение.

— Проклятие не лишило их зрения, но столь сильно ослабило его, что, когда мы шли в сей храм, брат мой в поисках опоры ухватился за мокрый ствол манцинелы, приняв ее за побег нутана, — с этими словами нильгаец шагнул к Хэлдару и заставил его показать жрецу пораженную древесным ядом руку. Жрец сочувственно покачал головой и спросил уже гораздо более дружелюбным тоном:

— Воистину, и добродетель не всегда защищает от бед. Чего же вы ищете здесь?

Ему ответил Гай:

— Правды и исцеления. Наши боги не услышали наших стенаний, они отвратили свои лица, стыдясь, что не могут помочь нам в час горя. Мы слышали — Калима велик и милосерден. Если сила его вернет здоровье мне и моему сыну, то клянусь жизнью Великого Леса, я отдам ему веру свою и любовь, и стану самым верным его почитателем.

Жрец улыбнулся и ответил:

— Возрадуйся, о нелюбимый сын вероломных богов, ибо Калима дарует исцеление чтящим его. А пока пройдите в хижину Синих Лиан, отдохните с дороги. Завтра утром храм Калима примет вас.

Путники низко поклонились и Марзуван мало что не за руку повел эльфов, изображавших подслеповатость, к длинной хижине, усыпанной синими цветами.

Паломники, пришедшие почтить Калима, и после захода

солнца не спешили разойтись по хижинам и улечься спать. Они собрались вокруг костра возле одного из растущих домов, дабы поделиться своими бедами и надеждами, и просто поболтать. Приняв от жреца вечернюю трапезу, Мазруван разделил ее со своими мнимыми родственниками, после чего отвел их одного за другим к костру, усадил, представил собравшимся, повторив расказанную утром жалостную историю, и приготовился слушать очередного рассказчика. Им оказался тощий, вертлявый старик в расшитой мелкими речными ракушками набедренной повязке, с удивительными для нильгайца ярко-синими глазами; отхлебнув из бокала, сделанного из скорлупы волосатого ореха, перебродившего ягодного сока, он продолжил свой рассказ.

— Прямо сказать — замучилась с ним сваха. Уж она и так, и эдак ему объясняла, под конец совсем из сил выбилась, и говорит: «Ты, милый, главное постарайся будущему тестю понравиться, сможешь это — и остальное приложится.» А наш дурак и спрашивает: «Да как же я ему понравлюсь?» А сваха ему: «Да проще ямса печеного! Будет старик хвалить чего — и ты хвали, станет ругать — и тут не отставай. Задумает делать чего — помоги, не сиди сложа руки. Понял?» «Понял,» — отвечает дурень, с тем и уходит. Ну, приходит он назавтра в дом к невесте, там его только и ждали. Завел старик беседу. Говорит: «Есть все же и в днях старости свои отрада…» «Востину так,» — кивает ему парень, — «Я сам давно в этом убедился.» Сели за стол. Как старик какое кушанье похвалит, так парень на него набросится, сожрет все как свинья, которую неделю не кормили. Все стариковы любимые приправы слопал без остатка, ни крошки будущему тестю не оставил. Старик-то, видя такое, жену упрекнул: что, мол, как мало еды приготовила. А жених, услышав это, как набросится на бедную старуху, изругал ее последними словами — ты и лентяйка, и лежебока, и дармоедка… и пошел, и пошел!.. После трапезы пошли они в сад, решил старик показать будущему зятю, как он деревца подстригает. Только пару веток отрезал, парень ему и говорит: «Позвольте помочь вам, отец». Старик покивал да к другому деревцу отошел. Жених снова к нему: позвольте, мол, помочь. Старик опять отошел, парень снова за ним. Ну, тут уж тесть испугался — не рехнулся ли зятек богоданный, и решил в доме спрятаться, и, как был, с ножом да в фартуке, побежал из сада. Оглянулся — а за ним наш дурак скачет, ножом размахивает, поспешает. Бедный старик в дом влетел, дверь закрыть не успел, на старуху наткнулся да нечаянно толкнул ее, а в тут и зять вваливается. Да как наподдаст будущей теще ногой! Метались они по дому, метались — старики от страха чуть не померли, парень бегать за ними устал — как

вспомнил старик, что в чулане дверь запирается, да и спрятался там со старухой. Принялись они тут на помощь звать, а дурак им и в этом помогает, орет, что есть мочи, знай надсаживается! Прибежали мы тут всей деревней и никак не поймем: кто кого убил? Послушали их, послушали, да и разошлись. Уж коли вся семья рехнулась, то посторонним тут делать нечего.

— А что, мальчик, неплохой способ ответеться от предписанной женитьбы, — глаза Гая блестели в свете костра, он как-то странно улыбался, и Хэлдар никак не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

Когда слушатели отсмеялись, Мазруван завел разговор о храме: чудо, мол, нерукотворное, красоты неописуемой, только вот не охраняют его — а вдруг кто навредить решит? или, чего пуще, ограбить?

— Ты ведь первый раз здесь, мальчик? — щурясь от яркого света, спросил один из паломников.

— Конечно, в первый, — ответил за него вышедший из черного провала ночи в круг света жрец. — иначе не болтал бы такую ерунду. Не бойся, мальчик. Пусть боятся враги пышноцветного Калима, да приблизится день его возвращения!

— Но… — Мазруван явно хотел сказать что-то, но робел.

— Ну-ну, спрашивай. Лучше задать сто глупых вопросов, нежели проглотить один умный, могущий рассеять тьму невежества.

— Простите мою глупую дерзость, но ведь храм Калима — это чудесное, непостижимое, но все-таки растение? А если так, то он и беззащитен, как растение. Что может великолепный нутан против моего мачете? Или пальма против прожорливой тли?

— Ты не прав, брат, — опережая ответ жреца, в разговор вмешался Хэлдар и протянул Мазрувану свою ладонь, обожженую соком манцинелы, все еще воспаленную, с обрывками слезающей кожи.

— Вот видишь, — жрец был явно доволен таким поворотом разговора, — твой незрячий брат оказался прозорливее тебя. Если уж обычная манцинела может укусить, то и храм может постоять за себя.

То ли жрецу не спалось, то ли захотелось еще сильнее поразить воображение сомневающихся, но он уселся на прямо на подстилку рядом с паломниками и начал рассказывать. О дивном, божественном великолепии храма; о лианах, меняющих цвет в зависимости от сезона и от характера богослужения; о чудо-танцовщицах, обученных в Шаммахе и способных любую историю рассказать танцем; а также об орхидеях-людоедах, охраняющих святыни храма, о ползучих лианах, способных неслышно

приблизиться к незванному гостю, обвить его сотней цепких удавок и так продержать до прихода жрецов или сразу же задушить — смотря какое у них будет настроение, о бесчисленных статуях, которые тоже обладали подобием сознательной жизни и могли весьма ощутимо выразить свою антипатию к преступнику… Слушатели сидели, разинув рот и благоговея…

— … Старый дурак выболтал нам столько, сколько я сам и за год не узнал бы, — довольный Мазруван, перевязав руку младшему эльфу, укладывался спать в отведенной им хижине.

— Этого мало. — Гай не хотел портить настроение нильгайцу, но у него это получилось.

— Сам знаю. — Мазруван вздохнул. — Что поделать? придется обходиться тем, что есть. И не вздумайте завтра излечиваться, не помешал бы и приступ безумия… да только где ж его взять?

— Будет тебе безумие. — Гай усмехнулся. — Только не пугайся.

На следующий день, перед тем, как идти в храм, Гай отослал «племянника» за какой-то мелочью. Вернувшись, нильгаец застал своих родичей в совершенно непотребном виде: они сидели на земле, вцепившись друг другу в горло, с посиневшими лицами. Из их ртов вылетало разгневанное шипение, и при этом они явно не дышали. С совершенно искренним воплем Мазруван бросился к жреческим древовидным домам. Уже через полминуты вокруг отца и сына собралась толпа народу; прибежавшие на помощь жрецы пытались растащить их, но бесполезно — окоченевшие, они напоминали жутковатую статую. Тогда один из жрецов простер руки к земле-питательнице и начал взывать к силе Калима, прося его о помощи. Вскоре пальцы безумцев ослабили хватку, а потом и вовсе разжались; они рухнули, обливаясь потом и, что самое главное, дыша. Благоговейный шепот прошелестел по толпе — бог милостив к этим злосчастным пришельцам… Гай, пошатываясь, поднялся с помощью Мазрувана; он сжимал пальцами виски и поминутно хватался за горло. Хэлдар все еще лежал на земле. Внезапно тело его выгнулось дугой, он громко и пронзительно застонал.

— Отец!.. Отец, прости меня! — и Гай схватился за горло — на этот раз непритворно. Его сын говорил на чистейшем эльфийском…

… Сыч проснулся. Солнечный луч, ухитрившийся пробраться через сплетение лиан, пощекотал его под носом и сказал: «Что-то случится.» И Сыч ему поверил. Во всяком случае, сделал вид.

Юноша встал с пышной травяной копны, служившей ему

ложем, подошел к большому, величиной с тыкву, цветку, росшему в углу, и умылся скопившейся там росой. Вскоре зашелестели осторожные шаги и храмовый служитель поставил перед Сычом поднос с едой. Дождался, пока тот поест, и, не говоря ни слова, забрал посуду и удалился. Сыч снова остался один-одинешенек, беспомощный и никчемный, как сорванный бурей с ветки слабый листок. Его бесчисленный раны почти зажили, силы восстановились и вернулась ясность рассудка. Что толку? из этой удивительно удобной тюрьмы выбраться было еще невозможнее, чем из той каменной ямы, откуда его выкупили нильгайцы…

Сыч был единственным сыном старейшины орчатского Южного Лесного клана, его мать принадлежала к роду Крысоловов. От нее мальчик унаследовал безжалостное чутье, от отца — знание леса и любовь к нему. Однажды Сыч — тогда еще Сычонок — самовольно отправился в одиночку в предгорья Безымянного Хребта, где и угодил прямехонько в лапы старой, опытной подгорной крысы. Его утащили далеко, в самую глубь одного из последних крысиных поселений. Сыч стал чем-то вроде учебного пособия для молодых крысят. Обессилевшего от голода и постоянных кровопотерь, искусанного, истерзанного орка раз в неделю притаскивали на железной цепи в низкую пещеру; на него либо натравливали целую свору крысят — это было плохо, с ними он не справлялся, либо выпускали одного, подающего надежды храбреца — и почти всегда крысенок недосчитывался зубов, хлюпал разбитым носом или хромал, возвращаясь домой. А Сыча утаскивали обратно, в глубокую каменную яму, швыряли ему миску объедков (хорошо, если среди них попадались хлебные корки, если же были одни кости — Сыч оставался голодным… много столетий тому назад его клан отказался от поедания тех, кто разговаривает, и юноша не хотел возвращать к жизни тот обычай), и кувшин несвежей воды. Трижды орк пытался бежать, но сил ему явно недоставало, и посланная следом охота с торжествующим писком притаскивала его обратно. Так продолжалось два года. Через неделю после сычова шестнадцатилетия его вытащили из ямы, завязали ему глаза, долго вели, подбадривая укусами, через подгорные ходы, и вскоре орк, приготовившийся умирать, совершенно неожиданно захлебнулся свежим воздухом — воздухом, пахнущим не камнями и землей, а сосновой хвоей и скорым дождем. Моргая отвыкшими от света глазами, Сыч наблюдал, как один из крыс принимает от смуглого, черноволосого человека окованный железом сундучок, что-то в нем пересчитывает и исчезает среди серых камней.

Орк настолько обессилел и отупел за два подземные года, что доже не обрадовался своему освобождению. И как оказалось,

правильно сделал. Выкупить-то его выкупили, но вот отпускать и не подумали. Вместо этого юношу напоили снотворными травами, погрузили в закрытые носилки и постарались унести как можно дальше от тех мест, где он мог рассчитывать на помощь. Долгое путешествие через свободные земли, через жару Шаммаха, вдоль прохладной громады Края Света, на огромном плоту с домом-навесом, плывущем по мутной, сонной Шакти, и, наконец, по лесам Нильгау — все это промелькнуло как сон. Вот так Сыч оказался в одном из потайных помещений храма Калима; зачем, почему — неизвестно. Впрочем, обращались с ним неплохо, кормили хорошо, раны подлечили. Так прошло почти два месяца. Попыток сбежать орк не повторял, единожды испытав хватку лиан, со жрецами говорить было бесполезно. Но все же он поверил солнечному гостю. Недаром же ему достался слух крысолова, и он мог бы поклясться, что впервые за долгие дни тишины рядом с ним кто-то ругался и кричал попеременно то на всеобщем наречии, то на гортанном суртонском, которое Сыч хоть немного, но знал.

Глава одиннадцатая. Побратимы

Это была самая старая и глупая шутка эльфов воздуха: наглотаться родной стихии вдоволь, «про запас», и остановить дыхание, ловко имитируя удушение. А если еще при этом под рукой окажется веревка… Даже самый примерный подросток не избегал взбучки за «синемордое баловство», как его именовали в школе.

Мазруван стоял, растерянно опустив руки и переводя взгляд с одного «родича» на другого. «Дядя» едва стоял на ногах, схватившись за горло, «братец» продолжал что-то говорить, булькая и присвистывая. Неожиданно из ошалевшей толпы зрителей протиснулся вчерашний старик-весельчак, он присел рядом с эльфом, помахал перед его носом каким-то корешком, вытащенным из наплечной сумы, и обернувшись и задрав голову, заговорил:

— Самое первое дело против припадков, эти корешки. Они «красотку-злодейку» питают.

Мазруван вспомнил: «красоткой-злодейкой» называли орхидею удивительной красоты и такой же прожорливости, она не удовлетворялась бабочками да жуками, предпочитая самых крупных колибри.

— Да… безумным растением безумие и прогоним, а, господин жрец? Ну вот, и полегчало ему, — и старик, покряхтывая, помог Хэлдару сесть.

— Сиди сынок, отдыхай… шутка ли, такой припадок. Я без малого четыре десятка лет знахарствую, а такие по пальцам сосчитать могу… чтобы на чужом языке безумный говорил, как на родном… А что хоть он говорил, а, господин жрец?

— Просил прощения у отца… — ответил не без уважения жрец, — мол, не хочет на избранной невесте жениться. Послушайка, — и жрец повернулся к Мазрувану, — ты ведь об этом рассказывал.

Мазруван кивнул. Кажется, удача снова улыбнулась им и дурацкое эльфийское представление окажется даже полезным… Видя, что проклятые жрецом-змееполонником пришли в себя, собравшиеся паломники потихоньку разошлись. Старик знахарь, отмахиваясь от благодарностей, потрусил за позвавшим его жрецом. Пора было готовиться к посещению храма.

Пышные ритуалы храма Калима никого не оставили бы равнодушным. Гаю стоило большого труда поддерживать репутацию полуслепого, так хороши были храмовые танцовщицы, Хэлдар пытался незаметно найти общий язык с растениями,

которые и были храмом — получалось плохо, хуже, чем подслеповатость у отца. На исходе третьего дня пребывания в храме эльфы решили, что больше ждать нельзя. Закрытую для посторонних глаз тайную сторону культа вряд ли продемонстрируют неофитам вот так сразу; значит, придется ее подсмотреть.

Неплохо видящие в темноте эльфы помогли Мазрувану дойти до храмовых врат, дальше было гораздо светлее от ночных лилий, раскрывшихся взамен дневных пестроцветов. С огромным трудом уговорив орхидей-привратниц поспать и сильно сомневаясь, проснутся ли они вообще, эльфы вместе с проводником отправились вглубь шелестящего коридора.

— Странно, — бормотал Мазруван, — я думал, нас вообще не пропустят, сцапают на первом же повороте…

— Им сейчас не до нас, — ответил Хэлдар, — долгий день утомил их, и сон так сладок, что ради трех ползущих букашек они его не прервут. Кроме того, основные силы храма сейчас не здесь.

— Вот-вот… а мы к ним в гости напрашиваемся. Не глубоко ли зарываемся, лорды? выкапывать-то кто будет? Ну, прирежем пару-тройку жрецов — они нам препятствовать не станут, им вера не позволяет… они свои руки в крови не марают. Да нас храм по косточкам раздернет!

— Это мы еще посмотрим, — Гай ободряюще улыбнулся проводнику, — может, мы с ним договоримся? как с теми чудными цветочками у входа…

Они шли и шли, минуя все новые повороты и залы; искать дорогу не было нужды — эльфы шли на голос солнечного камня.

Когда поздним вечером Сыч заслышал шаги, направляющиеся к его растительной тюрьме, он не слишком удивился: кто предупрежден, тот вооружен… хотя бы мужеством. Однако шли не за ним. Прошло несколько минут, и орк услышал высокопарную суртонскую ругань, пересыпанную страшными угрозами, из которых самым незначительным было обещание сварить посягнувших на наследника клана Шой Де в свежем кунжутном масле. Прошло время, и вновь в коридоре зашелестели шаги; следующий приглашенный на прогулку оказался не из болтливых, разговорам он явно предпочитал действие. Совсем недолго Сыч мог слышать приглушенный шум борьбы, завершившейся коротким болезненным вскриком, после чего шаги стали удаляться… одного из участников процессии явно волокли по полу. А потом пришли за ним.

Всю дорогу Сыч боролся с желанием спросить у жрецов (а кем еще могут быть люди в глупейших длинных балахонах, размалеванные словно портовые шлюхи, уснувшие лицом в

подушку, и мычащие размеренно-отупляющие куплеты?!) куда и зачем его ведут. Он прекрасно знал, что не смысла задавать такие вопросы, все равно не ответят, но уж очень хотелось спросить: во имя какого вонючего божка вы вспорете мне живот?

Зал, в который его привели, оказался на удивление непросторным и каким-то… уютным, что ли. Но успокаивающую тесноту святилища заполняли отнюдь не мирные персонажи. Посреди зала на алтаре, изображавшем распустившийся цветок, покоилось гранатового цвета зерно размером с голову. Одна из стен была украшена молодым суртонцем, руки и ноги которого обвивали петли лиан, а рот был заткнут клубнем манихо, на другой стене красовался тот самый молчаливый драчун — такой же молодой шаммахит, с бородатой физиономией разбойничьего вида. С местом сычова пребывания все было понятно: его разместили напротив бородача, с теми же удобствами. Жрецов то ли из-за тесноты зала, то ли из-за приватности ритуала было немного, не больше десятка. Пока висящий на стене Сыч обозревал окрестности, в зал вошли еще двое исповедающих тайный культ Калима; они несли массивный стальной поднос, на котором лежал слиток янтаря, похожий на сгусток солнечного света. Поднеся его к алтарю, они поставили поднос на столик, мгновенно выросший из пола (сплетенные лианы — ножки, плотный пальмовый лист — столешница) и отошли назад.

Камень был куда как хорош. Размером с детский кулачок, неправильно-круглой формы, он, казалось, дышал; его хотелось погладить — вот проведешь по нему ласково пальцем, а он в ответ отдарится стайкой солнечных зайчиков… В глубине янтаря жил свет, но не пойманный насильно, не заключенный против воли, а просто уютно обосновавшийся когда-то в наплыве ароматной смолы, да так там и оставшийся на веки вечные. Однако сейчас настроение камня было отнюдь не благодушным: он ощетинился сотнями рыжих злющих искр и гладить его стал бы только возжелавший собственной мучительной смерти.

Высокий, плотный мужчина, одетый пышнее остальных, оставил на время созерцание божественного семени и обратился к принесенному камню, разговаривая с ним как хозяин с приказчиком, который утаил изрядную сумму денег и не желает ни признаваться в преступлении, ни отдавать присвоенное добро.

— Время добрых речей прошло. Я в последний раз прошу тебя, о солнечный луч, плененный священной смолою, поделиться с великим Калима своей животворной силой. Если ты по-прежнему будешь упорствовать, мы погасим твой свет, и оставим тебя во тьме наслаждаться собственным упрямством.

Янтарь ничем не ответил, но жрец все-таки попятился назад,

прикрывая изрытое свежими ожогами лицо. В этот момент один из молящихся, судя по всему допущенный сюда из особой милости, тощий старик в расшитой набедренной повязке, спросил:

— Велика сила Калима и служителей его, но как же возможно погасить свет, заключенный в камне? — спрашивая, он не переставал кланяться.

— Воззри на троих, рожденных в день затмения солнца, отмеченных знаком тьмы, пожирающей солнечный лик. — и жрец указал на троих юношей. — Один из них — сын древнего рода, отмеченного многими злодействами, и достойный сын своих предков. Другой — жестокий пират, еще месяц назад мутивший воды моря Покоя. Третий же… взгляни на него, его темная кровь вопиет о злобности и нечестивости его породы! — жрец высокомерно поджал губы и продолжил, словно урок читал. — Храм вырвет их сердца, мы знаем, как попросить его об этом. Сначала у орка, и на место черного сердца ляжет слиток солнца… и если он не погаснет целиком, то еще две кровавых купели ждут его.

А ты не дурак, подумал Сыч. Устроишь слитку солнца солнечное затмение… так вот зачем я вам понадобился. Не осрамиться бы теперь.

Хватка лиан стала еще прочней, орк, распластанный как потрошеная рыба, не мог даже пошевелиться; вскоре он увидел, что в ответ на заклинания жрецов из пола вырастает побег нутана и, наклонясь, нацеливается ему в грудь. Копьевидное навершие побега при первом соприкосновении с кожей оказалось твердым, что твоя сталь, а затем, подчиняясь размеренному пению жрецов, трава начала раскачиваться, вычерчивая на груди орка длинную алеющую полосу. Капли крови, стекающие веселыми струйками, тут же оказались добычей прожорливых маленьких орхидей, похожих на крохотные ротики; невесть откуда взявшиеся, они облепили левый бок сычова тела, радуясь нежданному угощению. За последние два года Сыч привык к безнадежности своего положения, разучился жаловаться и привык просто жить — сколько осталось. Сейчас он решил, что уйдет с достоинством, не омраченным поросячьим визгом и мольбами о пощаде; но темная кровь вечно выкидывает какие-нибудь коленца, ну не может она течь спокойно. И Сыч, неожиданно сам для себя, вместо того, чтобы поосновательнее проклясть мучителей, запел. Эту песню он сложил сам, незадолго до солнечного предупреждения.

… Черна моя кровь, как пьяная ночь,
Как выдох чумного квартала,

Как сердце отца, возжелавшего дочь,
Как дочь, что отца пожелала.
Черна моя кровь, как грай воронья,
Как сны ожидающих плахи,
Как трижды клейменая честность ворья,
Как губы распутной девахи.
Черна моя кровь, как мама-земля…

Допеть эту песню до конца Сычу пришлось значительно позднее и в совсем другом месте. В храме же Калима стало в этот момент чересчур шумно и суетливо.

Орк не сразу понял, что методично вскрывающее его растение бессильно лежит на полу, срезанное под корень. А священное зерно, на которое только что молились, катится куда-то в дальний угол святилища, как детский мячик, получивший хорошего пинка. Еще через секунду он понял, что нильгайцев в зале прибавилось — появились трое новеньких, которые вели себя совершенно возмутительно.

… Кровожадную травку Хэлдар срезал эльфийским кинжалом, метнув его низехонько над полом, секундой после того, как Гай святотатственно сшиб главную святыню храма с алтаря тяжелой рукоятью ножа-мачете. Теперь главным было верно использовать полученные крохи времени.

Пока Хэлдар забирал оставшийся без присмотра янтарь и снимал со стены окровавленного орка, а Мазруван делал то же самое с другими жертвами, Гай, оказавшийся быстрее жрецов, держал в руках темно-красное зерно весьма недвусмысленным образом: так, будто собирается размозжить его об пол вдребезги. Жрецы попятились, сбились в кучку, вопия о бесчинстве и возмездии. И мольбы их были услышаны.

Эльфы из последних сил удерживали лианы, соткавшие пол и стены зала, уговаривая их поспать еще немного, но одновременно сделать их сплетение непроницаемым они не могли. Через несколько минут зеленые стены зашевелились и стали понемногу расступаться, и Мазруван, вскрикнув, указал на проникающие внутрь святилища руки — это пришли статуи храма. Совсем недавно мирно дремавшие в объятиях друг друга, привыкшие вкушать или дарить самые изысканные ласки, гибкие девы и прекрасные юноши жаждали сейчас только одного — разорвать в клочья тех, кто посягнул на их бога. Освобожденные жертвы (не исключая и зажимающего рукой ужасную рану орка) не стали ждать, пока чудо-орхидеи задушат их, и схватив ножи спасителей — Сыч не побрезговал поднять с пола побег нутана, залитый его

собственной кровью — принялись расправляться с ними, забрызгивая пол цветочным соком. Жрецы по-прежнему стояли в углу зала, не двигаясь и не издавая не звука.

— Это бессмысленно! — обливаясь потом, крикнул эльфам нильгаец, обрубая лилейные руки, сомкнувшиеся у него на ноге, — их там целая армия!

— Не рассуждай! — суртонец Шой Де размахивал ножом как заведенный, проявляя немалое умение в деле нанесения непоправимых увечий; глаза его горели, ноздри сладострастно трепетали, в один миг он успевал раздавить ногой шарящие по полу такие нежные на вид смуглые пальцы, размозжить тесаком пару рук… он готов был рвать их зубами.

Словно пожалев сладкие цветочные тела, храм решил прислать им помощь. Даже слабый ребенок легко разрубит цветочный стебель, но чтобы перерубить древесный ствол, понадобится не один силач. Затрещали, застонали держащие храм секвойи, пальмы… содрогнулось все тело храма, его словно трясло от гнева; и понемногу стены святилища стали сжиматься, грозя раздавить святотатцев… потолочные же балки постепенно принимали форму гигантской руки, ее многочисленные пальцы — толстенные, узловатые ветки зашевелились, зашарили в воздухе… еще немного — и они потянутся вниз, готовые сгрести возомнивших о себе букашек и раздавить их слабые, хрусткие тельца. Уже несколько минут стоявшие неподвижно эльфы (Гай небрежно бросил зерно на пол, оно так и осталось лежать у его ног… Хэлдар оставил попытки усмирить лианы и они тотчас же принялись выбрасывать ищущие липкие петли, несколько таких уже обвили их колени) кивнули друг другу и старший властным, звенящим страстью голосом начал выпевать заклинание, призывающее на помощь силы родной стихии. Младший вторил ему, закрепляя произнесенные формулы; они вели заклятие легко, на одном дыхании; эльфы дарили воздуху часть своей жизни, дарили щедро, не раздумывая, останется ли еще хоть что-то даже от долгого эльфьего века.

Ветер весны, щедро унизанный ледяными брызгами… Ветры июля, на крыльях несущие дождевые тучи… Ветерки, от зноя уставшие, в цветах заплутавшие… Вихри, грозы гремящие в ладонях держащие… Розги ветров осенних, от летней истомы спасение…

Они призывали их всех — от малых и еле ощутимых, до могучих обитателей крепости грома, а напоследок — впервые в жизни — они пропели имя проклятого симхана, ветра, который мореплаватели называли «пожиратель кораблей», ветра, держащего за надутыми щеками шквалы, громы и молнии, ветра,

одетого в мантию, подбитую грозовыми тучами.

На секунду в святилище стало тихо и темно. Сыч, отпихивая назойливые руки орхидей, перевел дыхание… и тут спертый воздух растительной утробы разорвал оглушительный треск и между эльфами сверкнул раскаленно-белый взвизг молнии. Она опалила лианы, мгновенно опавшие к их ногам хлопьями пепла. Где-то высоко над храмом, в угольно-черном ночном небе Нильгау раздались гулкие, перекатывающиеся звуки — это разворачивая мантию смеялся симхан, готовясь разомкнуть губы. Со стороны северного фронтона храма раздался страдальческий стон — изнеженные влажным теплом орхидеи сжимались и увядали под хлещущими наотмашь крыльями ледяного ноябрьского ветра; а вокруг эльфов и стоящих рядом с ними людей и орка взвихрился прохладный, серебряный воздушный поток.

— Ха-а-а-га!!! — им показалось, что небо раскололось под ударом гигантского молота. Симхан решил посмеяться во всю глотку.

Храм сотрясался, словно дерево под топором, и очень скоро сквозь бесконечную путаницу ветвей и листьев просочились, пробились капли дождя. Череда резких порывов ветра, нанесенных подобно пощечинам — и стены стали рушиться; симхан ломал деревья как тростинки или, забавляясь, скручивал их и гнул в разные стороны. Потолка над святилищем почти уже не было и дождь вошел в храм, и даже нильгайскому ливню он был не чета. Сычу казалось, что ему на голову выливают одно бездонное нескончаемое ведро воды, шаммахиту представилось, что он утонул и теперь стоит на дне морском; бесполезно было протирать глаза или смаргивать капли с ресниц, — надо было учиться смотреть сквозь воду, угадывать в волнистых, невнятных контурах знакомые прежде черты.

Но даже и в этом развороченном, похожем на разломанный плод или растрепанный букет зале ветрам было тесно. Пометавшись взад-вперед, взвыв пару раз, разбив водяные струи на мириады светящихся брызг, они запросились на волю. Разумеется, тех, кто одарил их возможностью так славно повеселиться, они собирались прихватить с собой. Те стояли, тесно прижавшись друг к другу, кровь Сыча пачкала змеиную кожу плаща Хэлдара, суртонец, нехорошо хрипя — пират еле успел освободить его горло от нескольких петель, усеянных мелкими колючками, — опирался на плечо нильгайца. Оглушенные, захлебывающиеся, они почти не почувствовали того мига, когда ноги их перестали попирать пол храма; ветер поднял их легко, как вызревшие одуванчики, и понес на север.

Запоздавший апрельский ветерок, бездельник и обманщик, влетел в грозовые хоромы симхана, поежился под уже затихающим ливнем, присвистнул при виде того, во что превратился храм Калима и решил удалиться, раз основная потеха уже закончилась. Прошвырнувшись по округе напоследок, он споткнулся обо что-то круглое, приятно-теплое; подкинул это еще раз, покатил, да так заигрался, что опомнился уже неподалеку от границы Леса, там, где отчетливо слышался рокот океанских волн. Апрельский негодник испугался, что его могут уличить в привязанности к симпатичной игрушке и поспешил бросить ее, как-будто невзначай обронив в заросли. Послужившее мячиком зерно гранатового цвета откатилось поглубже в тень, устраиваясь поудобнее на мягкой, жирной земле и предвкушая долгий, очень долгий отдых. Ему предстояло пролежать здесь не одну сотню лет, пока оно не очистится от чужих сил и не соберется с собственными; у того, кем должно было стать это зерно, не было ни малейшего желания возвращаться к людям — глупым, нетерпеливым, жестоким… он решил, что после пробуждения останется здесь, а чтобы его не искали и не беспокоили — пошлет кого-нибудь из своих бесчисленных слуг, способных вырастать в любой форме, оказаться поблизости храма…

Небо прояснилось; далеко позади в глухом ворчании утихала гроза, а здесь, в северных лесах Нильгау, листья на верхушках деревьев уже спешили поймать первые солнечные лучи. Силы ветра, несущего беглецов из храма, иссякли разом, то ли он не рассчитал их, то ли ему что-то помешало. Серебряный поток, окружавший и поддерживавший унесенных, стремительно начал таять, и они понеслись к земле — слишком быстро, на взгляд Мазрувана, о чем он еще успел крикнуть… Их встретили все те же обитатели Нильгау: листья, сучья, ветки; после нескольких секунд треска, ударов и стонов наступила тишина.

Хэлдар с минуту лежал, прислушиваясь к голосам тела и пытаясь понять смысл их возмущенного хора; когда стало ясно, что кроме ушибов, порезов и ссадин, причин для негодования у этого хора нет, эльф приподнялся, встал и огляделся. Неподалеку лежал орк — беднягу, по видимому, хорошенько тряхнуло, но, судя по мелкой дрожи, пробегавшей по его окровавленной груди, он был жив; Мазруван уже вставал, отплевываясь кровью из прокушенной губы, и помогал приподняться пирату. Суртонец сидел, с недоумением глядя на свою неестественно вывернутую руку и что-то тихо шептал, с трудом переводя дыхание. Эльф вздрогнул и снова огляделся — отца нигде не было.

Хэлдар, не ощущая ни боли, ни слабости — вообще ничего —

шагнул в сторону, еще раз, еще, — и увидел того, кого искал. Гай, лорд Лотломиэль, лежал неподалеку от зарослей нутана, и один из побегов этой травы, нарушивший границы и забежавший вперед собратьев, торчал из его живота. Копьевидный лист казался покрытым темно-красным лаком. Хэлдар подошел к отцу, опустился рядом на колени; он совершенно не понимал, что и зачем делает, не слышал шагов Мазрувана… преследовавшее эльфа ощущение чужого страшного сна внезапно оставило его и он с безысходностью понял, что это — его сон. Он прикоснулся к отцовскому плечу, оно было теплым и влажным от росы; Гай вздрогнул и открыл глаза.

— Сын… осталось немного слов… Позаботься об этом… клыкастом певце, — Гай сумел улыбнуться из смертной тени, перевел дыхание… тут изо рта его потекла кровь, но эльф успел улыбнуться еще раз:

— Миора, радость моя… — и нахлынувший невесть откуда звенящий весенний ветер подхватил последний его вздох, и понес прочь из душных бесформенных лесов, выше самых высоких облаков и дальше самых дальних путей — туда, куда приводят звездные дороги и несбыточные надежды, где под легкой эльфийской поступью подрагивает радужный мост…

Прошло около часа, а Хэлдар все сидел, сжимая похолодевшую отцовскую руку, не двигаясь. Первым не выдержал Мазруван. Он подошел поближе, тронул эльфа за плечо.

— Ты… подожди еще немного, я сейчас, — и, прихрамывая, пошел вглубь леса. Когда он вернулся, пират заканчивал устраивать поудобнее сломанную, судя по всему, в трех местах левую руку суртонца: он примотал ее полосками коры к двум прямым веткам и подвесил на перевязи из лиан.

— Возьми другие лианы, вон те, темные… эти быстро осклизнут. Хэлдар, ты мне поможешь?

Эльф поднял глаза на нильгайца — тот уселся рядом, разложил перед собою принесенные корешки и веточки и принялся за работу. Вскоре под его умелыми пальцами они превратились в оберег, очень похожий на тот, что охранял их хижину во время дороги к храму Калима — небольшой, но внушающий уважение клубок змей. Мазруван протянул его эльфу:

— Подержи его, надо дать ему силы. Здесь я могу сделать это только самым грубым способом… уж не побрезгуй.

— Зачем? — в голосе эльфа было непонимание, недоумение; и нильгайца ли он спрашивал?..

— Ты же не хочешь, чтобы могилу твоего отца уже этой ночью раскопали звери? ведь нет? Мои змеи остановят любого, никто не посмеет подойти — и хоть этим ты не будешь себя мучить. Так

что держи.

Хэлдар машинально взял отвратительный клубок, а Мазруван лезвием ножа провел несколько линий на правой ладони и, сжимая и разжимая руку, ронял капли крови на оберег и выпевал слова, не так давно заученные под надзором отца. Сплетение веток и корешков постепенно краснело; наконец, эльф ощутил, как оно шевельнулось. Он глянул на змеепоклонника — тот умолк, по его бледному лицу катился пот. Мазруван взял оберег и положил на грудь Гая.

— Благодарю… — Хэлдар смотрел на лежащего перед ним: смуглый, черноволосый, бронзовые губы улыбаются так легко и даже засохшая струйка крови не портит этой улыбки… он не мог узнать в этом чужаке своего отца. Это не мой отец, хотелось закричать ему, разве это может быть мой отец?!

— Оставь его, — пират остановил суртонца, раскрывшего было рот. — Одной рукой сможешь? — и протянул ему нож.

Втроем они сначала расчистили место, затем принялись копать могилу; земля была влажная и легко поддавалась широким лезвиям. Но все же это были не лопаты, и поэтому им пришлось потрудиться. Закончив копать, они выстлали могилу листьями, Мазруван принес целую охапку цветов — пурпурных, царственных орхидей.

— Послушай, парень… надо, что тут поделаешь… — пират явно не знал, что говорить. Но ему неожиданно помогли.

Хэлдар встал, расправил ссутуленные плечи и оглядел спутников.

— Где орк?

От такого более чем неожиданного вопроса они даже вздрогнули. Не повредился ли бедняга в уме? Мазруван же, присмотревшись повнимательнее, чуть не ахнул: так изменилось лицо его мнимого брата. У вышедшего из храма Бирюзовых Змей юноши не было таких жестких, колюче-синих глаз, и рот не был таким горестным и властным. Возможно, это был тот редчайший случай, когда об эльфе можно было сказать, что он постарел.

— Где орк? — Хэлдар повторил вопрос все так же ровно и спокойно.

— Да кто его знает… — растерянно ответил пират, — помер, наверно, еще в храме.

— Нет. Надо найти его. — и они послушались. С этой минуты эльф стал старшим среди них, ему не противоречили — даже чванный суртонец; его главенство никого не унижало и не раздражало.

Сыч нашелся очень скоро и так же скоро стало понятно, что если он и жив, то ненадолго.

— Ребра помяты. Не знаю, цел ли позвоночник. А уж сколько он крови потерял… в чем только жизнь держится? — пират, которому не впервой было оценивать состояние раненых, покачал головой — придется, видно еще одну могилу рыть, не хоронить же, в самом деле, орка и эльфа бок о бок?!

— Мазруван, помоги сделать носилки. И подскажи, чем перевязать… — эльф проигнорировал слова пирата. — Мы не оставим его здесь.

И только когда были связаны носилки, а орк уложен в них, Хэлдар попросил спутников помочь ему перенести тело отца. Они уложили его на ворох пурпурных цветов, завернув в плащ змеиной кожи, на груди мертвого эльфа покоился змеиный оберег, Мазруван хотел было вложить в руки Гая подаренный кинжал, однако Хэлдар остановил его… помолчав немного, они укрыли его — сначала теми же цветами, потом листьями, и уже потом — жирной, животворящей нильгайской землей. Не было смысла как-то выделять могилу: лес все сровняет, все поглотит, всему даст приют.

— Надо идти. — Хэлдар не торопил, просто напоминал.

— Куда? — почти одновременно спросили пират и нильгаец.

— Сейчас решим. Ветер был северный, значит, мы ближе к Шакти, чем к Шаммаху. Идем к реке. Мазруван, лес проведет тебя к ней?

— Проведет. Но северные леса я знаю хуже.

— Хуже — лучше, чем никак. — и эльф обратился к новообретенным спутникам:

— Я — Хэлдар, лорд Лотломиэль.

— Шакка Шой Де, — даже с переломанной рукой суртонец оказался способен на церемонный поклон, — вечный должник ваш. Если достигнем мы вод Шакти, и доберемся до земель моего клана — сделаю для вас все, клянусь честью Шой Де!

— Меня зовут ар-Раби, и на меня вы можете рассчитывать… слово пережившего симхан! — и пират поклонился.

— Идемте же. Веди нас, Мазруван.

Они шли уже вторую неделю. Медленно, надрываясь, но не теряя надежды, что за следующим срубленным стеблем им блеснут сонные воды Шакти. Они попеременно то несли носилки с упорно цепляющимся за жизнь Сычом, то расчищали дорогу; порой у них даже не оставалось сил смастерить хотя бы навес для ночлега и они валились прямо на траву, вокруг воткнутого в землю шеста, на который Мазруван привязывал еще один оживленный кровью оберег. Все лекарства, все припасенные отцом снадобья нильгаец оставил в паломнической хижине, поэтому ничем не мог помочь своим спутникам, когда те,

мучаясь, в кровь раздирали плечи и шеи, покрытые мелкими пузырьками потницы. На тех местах, где толстый стебель нутана, на котором крепились носилки-гамак Сыча, натирал их плечи, кожа угрожающе багровела, а у ар-Раби начала гноиться. А поскольку Мазруван северные леса знал хуже, то и с едой дела у путников обстояли неважно: проводник зачастую боялся ошибиться, подолгу искал знакомые плоды. На десятый день пути Сыч решил лично поблагодарить Гая за спасение.

— Хэлдар, орк умирает. — Мазруван разбудил эльфа уже на рассвете. Тот встал, ни слова не говоря подошел к Сычу, сел рядом и положил его голову себе на колени. Опустив ладонь на грудь Сыча, рядом с незаживающей раной, он пытался передать ему часть своих сил — как учил отец; странно, но эльф не чувствовал ни неприязни, ни брезгливости к темному собрату — только жалость, к которой почему-то примешивалось совершенно неуместное желание дослушать до конца ту гордую песню. Неизвестно, что было тому виной: то ли враждебность леса, то ли предельная усталость пополам со скрученным в душе горестным воплем, но ничего у Хэлдара не получалось. Ладонь даже не потеплела.

— Ты не можешь уйти. Я обещал. — эльф говорил тихо, почти шептал, но сердце его кричало во весь голос, захлебывалось криком, молило о помощи… а орк дышал все реже, и каждый его вздох готов был стать последним.

В лесу было тихо; в нем всегда было тихо, а перед рассветом — ну прямо как под землей, словно все, что могло издавать хоть какие-то звуки, умерло, не оставив наследников.

— Я здесь. — Хэлдар поднял голову и увидел его. — Тебе дорога эта жизнь?

Эльф смог только кивнуть.

— Да будет так. Не убирай руку. — Белоснежный хобот приблизился к лицу Хэлдара и слон осторожно подул на него; от этого легкого дуновения разлетелись длинные черные волосы, а из глаз брызнули слезы. Холодная каменная рука, сжимавшая сердце эльфа, разжалась, и ему, наконец, было позволено заплакать. Белый великан поглаживал едва вздрагивавшее плечо осиротевшего сына, и в этой ласке не было снисходительности или смущения. Удивительно, но слезы не обессилили, но напротив, открыли источник новых, небывалых прежде сил, и Хэлдар почувствовал, как теплеет, оживает его ладонь, как струится сквозь нее обжигающий поток и отступает перед ним смертный холод.

Сыч вздрогнул и открыл глаза.

— Зачем?.. — он, конечно, уже успел хлебнуть горя, но еще

не разучился удивляться.

— Хочу дослушать песню. — Хэлдар не счел нужным врать и утирать слезы.

— У вас будет общая песня, и не одна, — белый хобот провел по лицу Сыча, стирая остатки мертвенной бледности. — Я должен покинуть вас. Не печальтесь. Скоро поредеют ряды пальм и вы услышите сонное дыхание Шакти. Прощайте… — и он исчез так же незаметно, как и появился.

Сыч и Хэлдар избегали смотреть друг на друга, совершенно не представляя, как себя вести. Разбудивший остальных Мазруван сказал:

— Если бы я не знал, что тебе это не понравится, то уже давно валялся бы у тебя в ногах, умоляя о благословении. Это надо же — призвать Белого Слона!.. Видно, не так уж враждебны тебе наши леса.

— При чем тут ваши леса! — покачал головой Шакка — Истинное величие духа являет себя свободно…

Через два дня пути пальмы стали расступаться все шире и шире; к полудню тринадцатого дня пути они вышли к Шакти. Собрав последние силы, построили плот, погрузили на него невеликий запас еды и нарезанного уже в темноте тростника и предоставили реке нести их, куда ей вздумается. Конечно, уже утром им пришлось взяться за шесты и помогать ленивице Шакти, но зато вознаграждение за их усердие не замедлило явиться. Явилось оно в виде небольшой пристани для суртонских кораблей, отправляющихся в большое плавание — например, с грузом оружия на остров Мизоан; хозяином пристани был один из многочисленных вассалов клана Шой Де.

Они прогостили в доме Шакка почти три месяца. За это время врачи вылечили страшную язву на ладони Мазрувана (он всю дорогу скрывал от спутников, что кровавые купели для оберегов не прошли ему даром), а Шакка уже подумывал об уроках фехтования для восстановления гибкости зажившей руки; он очень подружился с нильгайцем и уговорил его остаться пожить у себя на неопределенное время. Ар-Раби познакомился в доме Шой Де с одним из его родственников, ходившим в Арр-Мурра, и, наслушавшись его рассказов, всерьез собрался оставить пиратское ремесло и попробовать поплавать в песчаных волнах. Что касается эльфа, то он в первые недели почти не отходил от медленно, но упорно выздоравливающего орка; и самому себе он не мог бы ответить на вопрос: во имя чего? Возможно, выполняя странную предсмертную просьбу отца, Хэлдар пытался превозмочь горечь утраты? или, вытолкав смерть взашей — и это когда она уже готовилась занять Сыча как свой дом — хоть чем-то

отплатить ей за ту безымянную, затерявшуюся в лесах могилу? или эльфа по прихоти случая действительно заинтересовало незаурядное поэтическое мастерство орка?

На глазах у нового лорда Цветущих Сумерек (с помощью Мазрувана он снова стал эльфом, сняв с себя надоевшую личину) суртонские врачи-чародеи меняли жесткие лубки на легкие повязки, сильнейшие снотворные настои уступали место укрепляющим отварам… Через два месяца после прибытия в дом Шой Де орк впервые встал и, опираясь на руку Хэлдара, вышел на открытую террасу, опоясывающую всю постройку.

— Тебе еще рано испытывать силы, — эльф старался говорить спокойно, но получалось сухо и надменно.

— Как скажешь… — Сыч бросил на спутника недоверчивый, но не обиженный взгляд. — Слушаюсь и повинуюсь, светлый господин.

Эльф смутился.

— Ты мне ничем не обязан, так что не стоит меня так называть.

— Так уж и ничем… ах да, разве моя ничтожная персона может представлять хоть какую-то ценность! видимо, вы спасли меня, так сказать, заодно… мимоходом.

Хэлдар вспыхнул и хотел было высказать орку все, что… но посмотрев на него, увидел не врага, не чудовище — необидную ухмылку на зеленоватом, исхудалом лице, совсем мальчишескую подначку в горящих глазах — и в растерянности отвернулся.

— Спасибо тебе, господин эльф, — на этот раз Сыч говорил вполне серьезно, — уж не обессудь, не умею сказать больше и пышнее…

Орк и эльф покидали Суртон вдвоем. Шакка сделал все, чтобы они ни в чем не нуждались; с умопомрачительными суртонскими церемониями и бесконечными сетованиями на то, что не обладает он, Шакка Шой Де, достойными гостей вещами, щедрый хозяин снарядил их в далекий путь. Лошади, одежда, оружие, деньги — и охранная грамота, позволявшая беспрепятственно путешествовать по суртонским землям. Не торопясь, но и не задерживаясь, миновали они границу империи, неподалеку от водопадов дивной красоты, именуемых Бородой Небесного Старца, оставили за плечами земли Шаммаха и каждый вечер с нетерпением ждали, когда же луна из бронзового гонга превратится в серебряную монету, и в воздухе повеет ароматом сосен.

Они мало разговаривали во время пути. Обсудить место ночлега, перекинуться соображениями насчет погоды, — вот и все, на что они тратили слова. Молчание вдвоем не тяготило их,

тишина не угнетала. Но чем ближе спутники подъезжали к границе ничейных земель, за которой — и эльфийский леса, и предгорья Безымянного хребта, и орочьи поселения в лесах у Края Света, — тем сильнее становилось желание не отмалчиваться друг от друга, а сказать уже наконец все, что должно было сказать.

Для осеннего вечер был даже чересчур теплым; подбитые мехом плащи так и оставались увязанными в дорожные тюки. По левую сторону от дороги мелькали огоньки, ветер доносил вечерний лай собак — начинались приграничные деревни. Сыч повернулся к Хэлдару, словно собираясь что-то спросить. Ответ у эльфа уже был готов: нет, заночуем лучше в лесу, меньше будет беспокойства.

— Сложу-ка песню наугад… — совершенно неожиданно проговорил орк. Усмехнулся немного неловко и продолжил:

— Сложу-ка песню наугад
Забавы ради.
Пускай звучит ни в склад, ни в лад
В ночной прохладе.
Начну не торопясь, сквозь сон

— Сыч покачал головой -

Лягушки, дайте верный тон!

Т а к о е предложение разговора эльф не мог отвергнуть. Помолчав с минуту, он подхватил:

— И кто же я теперь такой?!
Не фаворит и не изгой,
А под какой рожден звездой —
И сам не помню…

— и впервые за последние месяцы Хэлдар улыбнулся легко и ясно -

Я феей одарен ночной
В лощине темной.
Я не тонул в ее глазах

— и орк, словно извиняясь, развел руками, -

Наверно, струсил.
Но слез — клянусь! — не вызывал
Хрустальных бусин.
Она прекрасна и умна,
Но словно льдина холодна.
У нас с подругой разный вкус,
Я не в обиде, но боюсь
Счастливым сделать наш союз
Я не сумею…

— немного помедлив, эльф оглянулся с нарочитой осторожностью и как-будто украдкой шепнул Сычу:

Сбегу-ка — пусть я буду трус! —
Да поживее!!!

Поглядев друг на друга, они с облегчением рассмеялись. И уже потом, расседлав и напоив и лесном ручье коней, они уселись у костра, на серебристых моховых подушках и не могли наговориться. Лед, растопленной немудреной песенкой, оказался совсем тонким, а под ним накопилось столько взаимного интереса, столько признаний, которые кому-то другому и в страшном сне не сделаешь, столько радостного узнавания в попутчике — истинного друга…

Сыч решил для начала вернуться в отчий дом, принять вполне заслуженную трепку и оглядеться, что к чему. Хэлдар должен был вернуть слиток солнца в родовой замок и рассказать леди Миоре, своей матери, о случившемся в лесах Нильгау. Оба понимали, что такую дружбу им придется держать в глубоком секрете и договорились оставлять друг другу весточки на одном из постоялых дворов, что между орчатскими лесными поселениями и эльфьим Заброшенным Лесом.

— … Судьба у тебя такая, брат, — вирд, как говорят наши шаманы, — доставлять владыке драгоценности, а взамен получать шиш.

— А еще в моем вирде, видно, прописано, что суждено мне выслушивать грубости от всех темнокровок, с которыми я сталкиваюсь.

Сыч и Хэлдар сидели за круглым столом, покрытым полотняной вышитой скатертью. Перед ними стояли деревянные миски с июльской земляникой, кувшин с густыми, засметанившимися поверху сливками, на плоском блюде — пирог с ягодами, несколько глиняных горшочков с медом, копченое

мясо на прохладных листьях салата, тминный хлеб. Торопливо собрав всю эту благодать на стол, жена Сыча выразила надежду, что с ней они как-нибудь протянут до ужина и отправилась хлопотать на кухню.

— Ты славно устроился, брат, — эльф с удовольствием огляделся. Дом Сыча стоял между небольшой речушкой и опушкой леса, был приземист и обширен, а внутри — ухожен и уютен. И, судя по прибавившимся не домоделанным предметам обстановки (вроде ковра или изящных кованых подсвечников), спрос на мед диких пчел не исчезал и дел у Сыча не уменьшалось. Неизвестно как, но он умел договариваться с маленькими черными убийцами, испокон века обитавшими в борах близ Одайна и творившими исключительно целебный мед (одна ложка темного, прозрачного меда, разведенная в горячем молоке, — выпивая это три раза в день, можно было избыть самую жестокую простуду за неделю, а кровяной кашель — за месяц). Сыч то ли владел каким-то секретом, то ли попросту понравился пчелиной королеве, и, пользуясь этим, мог не только ухаживать за гнездами, например, переносить их в более удобные, сухие дупла сосен, но и брать соты — сколько вздумается.

— Ты говоришь это всякий раз, как приезжаешь сюда. Из этого я делаю вывод, что ты либо льстишь мне, либо тебе чего-то не хватает… даже в Лесной Страже.

— Помилуй, Сыч… и ты о том же…

— У вас с ней, в общем, разный вкус?! — хохотнул орк, подавая гостю хлеб.

— Да нет… просто я утонул в других глазах. — и, весьма довольный выражением лица сотрапезника, эльф с удовольствием принялся за еду. В Эригоне не хотелось не то что есть, дышать было неохота, земли к западу от Каджи, между герцогством Арзахельским и Одайном всегда были пустынными, так что гостеприимство сычовой хозяйки оказалось как нельзя кстати.

Видя непритворный голод друга и все еще не очень веря его словам, Сыч проглотил свои вопросы вместе с изрядным куском мяса и решил дождаться более спокойного момента. И только когда они вышли на открытое крыльцо, уселись на чистые деревянные ступени, вытянув ноги, орк сказал всего одно слово:

— Рассказывай.

И эльф послушался его. Уже солнце спряталось за верхушки сосен, удлинились и залиловели тени, и первые цикады пробовали голос, а он все рассказывал. О том, как встретил Амариллис первый раз (Сыч попробовал было закончить второй глумливый куплетец, срифмовав в непристойном четверостишии «тину» с «периной», а «лягушку» с «подружкой», но, заглянув в

глаза друга, передумал); о празднике в замке Черного Лиса… и, незаметно для себя самого перейдя на шепот, о сумасшедшем счастье, подаренном девчонкой-танцовщицей; о королевской просьбе и больном городе. Но вот он замолчал и Сыч решился подать голос.

— Вот что. Она вовсе не хотела обидеть тебя недоверием, сбегая из замка. Девочка попросту испугалась… струсила. Если все было именно так, как ты говоришь… она — такая, какая есть — эдаких чувств не потянет. Нет ничего хуже скороспелой любви, брат мой, дай ей время. Если сочтешь нужным, конечно.

— Знаешь, что? — Хэлдар криво усмехнулся, — по-моему, так нет ничего хуже, когда донельзя довольный и счастливый муж, угретый женой по самое темечко, пытается разглагольствовать о сердечных делах своего менее удачливого брата.

— Как скажешь. А королевское поручение мне не нравится. Будто и забыло его величество, во сколько родовой-то ваш камушек тебе обошелся… небось, и по сей день не вернул?

— Если король решил, что слитку солнца лучше пребывать у ее величества Огня и попросил меня об этом — так тому и быть. Довольно об этом.

— Довольно об этом… — передразнил орк. — Полсотни лет уж прошло, а мне до сих пор до кончиков клыков обидно! А теперь ему вынь, да положь алмаз темной крови! А луну с неба не надобно?!

— Не ему, Сыч. Не в перстень же камень вставлять собираются.

— А хоть в… — Сыч выругался и сплюнул. — Послушай меня, брат, возьми хоть вон тот камушек — и орк указал на мелкий гравий, которым была усыпана дорожка к дому, — отдай его своему королю и успокойся. Толку от него будет примерно столько же.

— Почему?

— А потому. С этим камнем далеко не всякий орчатский шаман справится, а уж вашим чистоплюям он и подавно не подчинится. Говоришь, его цверг украл? ну-ну… и что же это за цверг такой, что из-за камня так взволновался? Постой… моя Совушка должна знать об этом, шаманова дочь, все-таки.

Сыч позвал жену. На крыльцо вышла красивая, статная женщина лет пятидесяти, темная кровь в ней выдавала себя зеленоватым оттенком кожи и изящными, вызывающе привлекательными клыками; свое прозвище она заслужила ярко-желтым цветом больших глаз. Выслушав рассказ Хэлдара о алмазе темной крови и его бывшей хозяйке, Сова поправила эльфа:

— Не бывшей. Судя по всему, эта девушка и есть единственная хозяйка камня. Конечно, можно попытаться… но я думаю, он будет слушаться только ее. Сила у него, действительно, есть… это первый скол с огромного самородка, именно он, отмеченный руной первозданного огня, способен вызвать его к жизни. С такой мощью ваш янтарный реликт не справится, уж не серчайте. И не обуздает, и не направит… — она покачала головой, — все равно, что вязанкой хвороста реку перегораживать. Это первое. А второе вот что. Ты видел этого цверга? Нет? жаль. Что? гномов выученик? сиротка? Сыч, — обратилась Сова к мужу, заметно волнуясь, — а не отцов ли это последыш?

— А кто его знает. Повидать бы мне его… — и орк очень нехорошо улыбнулся.

— А почему нет? сейчас брат Амариллис, маг-подмастерье, обшаривает все контадо, куда этого воришку вынесло заклятием; он — эльф-полукровка, зовут его Арколь. Я думаю, что твою помощь он примет с радостью. Совушка, твой отец вроде как ушел на покой?..

— Ты редко бываешь у нас, — без укора сказала Сова, — а все сразу не расскажешь. Моего отца на покой не затащить и упряжкой драконов. Конечно, силы у него теперь уже не те, все-таки за сотню лет перевалило, но он в этом ни за что не признается. Год с небольшим назад у отца попросило помощи одно людское семейство — крестьяне среднего достатка, вольные землепашцы… и всей воли-то — хошь ешь лук с лепешкой, а хошь — лепешку с луком. У них крысы утащили двух меньших дочек, близняшек; в общем, надрывались они пять лет, все жили из себя повытянули, но заработали — золота, чистого и полновесного. Принесли его отцу, да в ножки поклонились — сделай, мол, крысоловку, мастер-шаман. Не мог им отец отказать, сделал, да так хорошо, что сам чуть к праотцам не отправился, мать его еле выходила. Крысы оказались старые, матерые, но им все же не поздоровилось: одна, судя по цвету крови, уползла издыхать, а вторая осталась в крысоловке, с перебитым хребтом, но живая. Отец еле успел забрать ее, крестьяне хотели ее живьем поджарить.

— А ему-то она на что сдалась? — поднял бровь эльф.

— Как на что? Крыс так давно не было слышно, и вдруг нате вам! Оказалось, эти двое были последними чистокровными тварями, они дурили головы одному весьма почтенному гномову семейству, выдавая себя за их родичей, и растили себе замену, многообещающего сыночка, купив по случаю младенца-цверга. Так вот, с родителями крысоловка разобралась, а отпрыска мы

так и не нашли.

— Постой, Совушка, — перебил ее Хэлдар, — откуда твой отец узнал обо всем?

— Как откуда? от самой крысы и узнал. И не смотри так недоверчиво. Самый распоследний червяк скорее сдохнет, чем предаст своего ребенка. Но это же крыса… Мой старший брат сам спускался в гномовы пещеры, все проверял. И точно, в одном доме как раз наследство делили, приемного сына послав, куда подальше. Сам знаешь, намекать этим бородатым — мол, не все у вас благопристойно, и покойничек какой-то не такой, и вообще, их вроде как двое должно быть… — бесполезно, они в жизни не признаются, даже если их носом ткнуть. Спасибо, допустили брата в пещеру этих последышей; так вот, судя по тому, что мальчишка с собой унес — пыточный инструмент, яды, травки их мерзкие — он многому успел научиться. Одним словом, не нашли мы его. Как сквозь землю провалился.

— Да-а-а… — протянул Сыч. — Отпустишь? — и он искательно посмотрел на жену.

— Помнится мне, однажды некий орк, воспевая темную кровь, закончил песню словами «и нет надо мной господина…» — не без лукавства заметил эльф, глядя в сторону.

— Тогда я еще не был женат, — совершенно серьезно ответил Сыч.

Со времени возвращения побратимов из Нильгау прошло пятьдесят лет. Хэлдар, после того как понял, что не в силах оставаться в осиротевшем замке и особенно после того, как по королевской просьбе передал возвращенную реликвию ее величеству Огня, внял совету своего старого друга Герана и, сложив с себя полномочия официального главы клана, стал одним из Вольных Лесных Стражей. На новом месте ему никому не приходилось подчиняться, глава Вольных мог его попросить — и только; Хэлдар нигде особо не задерживался и почти никогда не отказывался от дальних поездок. Не засиживаясь на одном месте, он не успевал затосковать… и достаточно часто мог навещать Сыча.

Что касается орка, то он, отогревшись у домашнего очага, решил поискать своего места в Обитаемом Мире. Таковое нашлось спустя десять лет в сосновых борах близ Одайна, а еще через шесть лет Сыч отправился на какое-то семейное торжество — и вернулся не один. Сова подарила ему двух сыновей: Скирнира — спустя год после свадьбы, и Глитнира — еще через пять лет; старший охотился на пиратские галеры, решив перебить славу Фрагга-освободителя, а младший верой и правдой служил королю Краглы, охраняя монаршью особу, так что вот уже десять

лет супруги жили вдвоем, изредка получая весточки от взрослых мальчиков. Управляться с хозяйством Сове помогала довольно покладистая чета брауни, обосновавшаяся на сеновале еще со времени постройки дома; хозяйка никогда не забывала почтить их крынкой жирного молока да свежим хлебом, оставленными на крыльце, за это бородатый карлик присматривал за скотиной, а его жена помогала со стиркой и ухаживала за овощными грядками (удивительно, но она ни разу не копнула землю цветника, считая его, наверное, пустой тратой времени и баловством).

— И куда ты теперь? К королю? чтобы и он включился в спор за орчатскую диковинку? — только и спросил Сыч, застав эльфа утром следующего дня на конюшне, седлающего легконогого Искреня.

— Не сердись, брат, я и так сделал изрядный крюк, чтобы повидаться с тобой… хотя и должен был сделать это уже после всех обязательств. Что-то подсказывает мне, что мы скоро увидимся… Передать весточку Арколю?

— Не стоит. Пусть мой визит будет неожиданным и для него тоже. Да, вот еще что хотел спросить: ты сказал, было одно предложение продать наш камень — неизвестно от кого, но мы-то знаем… — спустя три дня после его кражи. Больше его не повторяли? нет? Странно… как это он передумал? Подчинить не мог, это ясно. Помощнички, что ли, появились? и кто же согласился помогать крысе?..

— Пока не знаю. Знаешь, Сыч, ты уж поторопись: Арколь там совсем один, не ровен час, ты прав окажешься…

— А зачем я, по-твоему, в эдакую рань на конюшню заявился? Хвосты лошадям расчесывать?! На это тут брауни имеются. И не надейся, что моя хозяйка отпустит нас без завтрака. Ни слова, умоляю: тебе лишних полчаса за столом, а мне, если не уговорю, попреков на полгода вперед. Отправимся вместе… — орк усмехнулся, — хотя бы до тракта.

Глава двенадцатая. Милость господина ратмана

Амариллис с трудом, чуть ли не помогая себе пальцами, разлепила веки: опухшие, воспаленные от постоянного недосыпа и едких лекарственных паров, они казались ей похожими на две переваренные клецки. С недавнего времени Венона, по нижайшей просьбе Окки, ушла во вторую эригонскую больницу, заменить сдавшего главного врача; Амариллис осталась одна. Ее практически освободили от ухода за больными, поскольку она одна готовила все лекарства, но если раньше она просто уставала, то теперь и вовсе выбивалась из сил. О купаниях она теперь не то что не мечтала, даже и не вспоминала; так, раз в день, умываясь, обливала голову водой — вот и вся роскошь. Пара принесенных в госпиталь платьев давно уже запачкались, измялись, передники были сплошь покрыты пятнами… и даже серебряные колокольчики в ухе словно утратили голос и уже не позванивали в такт шагам Амариллис. Конечно, можно было дать себе поблажку, передохнуть лишний раз — ведь никто не следил, не подгонял — но Амариллис слишком хорошо знала, что недоделанные настои не смогут облегчить боли и чьи-то последние часы станут настоящим кошмаром. Она никого не просила о помощи: постоянное нахождение в омуте страданий, в который превратился некогда образцовый госпиталь, пошатнуло врожденную устойчивость к тихому ветру сиделок-темнокровок, что же касается врачей, то многие из них стали пациентами, другие держались сами, но помогать еще кому-то уже не могли. К счастью, почти выздоровевший Лорка избавил и Амариллис, и Венону от забот об остальных артистах: сам опаивал Лиусса и Рецину снотворным и болеутоляющим, менял им белье, ухаживал за близнецами и Орсоном — благо, что те держались вполне сносно. От Арколя вестей по прежнему не было.

Целыми днями танцовщица смешивала, перетирала, заваривала, разливала, изо всех сил стараясь ничего не напутать; не один и не два раза она благословила уроки Веноны и тяжеловесную мудрость «Великого флорария». Вот и сегодня она, приведя себя в чувство горстью зажеванных насухую кофейных зерен, проделала уже привычную работу и, ощущая еще какой-то остаток сил, решила хоть чуточку облегчить жизнь тем, кто оказался в серых стенах больницы. Амариллис достала объемистую бутыль винного спирта, быстренько развела в ней розмариновую эссенцию, отчего в комнатушке повеяло бодрящим

смолистым ароматом, и решила отнести эту смесь в больничные залы, обрызгать полы и стены. Плотно обхватив скользкую бутыль, девушка направилась в госпиталь, не потрудившись даже поаккуратнее повязать платок.

Миновав узкий темный коридор, Амариллис шагнула в густой, непригодный для дыхания воздух больничной залы; если не считать нескольких случаев неожиданных исцелений — игры природы, как сказал мэтр Аурело — больных за последние дни не уменьшилось, но и не прибыло. На это боялись надеяться, даже вслух об этом не говорили… но ведь ветер не может дуть вечно, не так ли?.. Амариллис решила пройти вглубь залы, обрызгать сначала стены по периметру, а потом, если что останется, то и пол. Перешагивая через высокий порог, она подняла глаза и замерла от удивления: у окна рядом с мэтром Аурело стоял высокий, богато одетый горожанин; разговаривая, он повернул голову, и Амариллис узнала в нем Сириана Мираваля, ратмана Эригона. До полудня было еще далеко, да и больные — все как на подбор — были незаразны, и тем не менее его появление здесь удивило бы кого угодно. То ли удивление Амариллис оказалось чересчур сильным, то ли выучка храмовой школы спасовала перед полуторамесячной усталостью, но, перешагивая порог, она неудачно зацепилась ногой, пошатнулась и выронила тяжелую бутыль ароматического настоя. Во все стороны брызнуло темным стеклом и резким звоном; у ног оцепеневшей девушки темнело настоящее розмариновое озеро.

— Это зачем? тебе что, дел не хватает?! — недовольный окрик Аурело отрезвил Амариллис и, не дожидаясь указаний, она мигом принесла щетку, совок и принялась убирать следы своей несостоявшейся заботы. И когда она уже все смела в аккуратную (даже мама бы не придралась) влажно блестящую горку, то увидела, как совсем рядом остановились черные сафьяновые сапоги, с украшенными золотом зубчатыми отворотами. Девушка почти минуту завороженно рассматривала эти сапоги… потом, сообразив, на чьи ноги они одеты, встала и поклонилась, по-прежнему не поднимая лица.

…Вздрогнув от неожиданности, Сириан обернулся посмотреть, что же это так оглушительно грохнуло. Он увидел девушку, не похожую на прочих сиделок, худенькую, миловидную, ее стремление поскорее убрать разбитое стекло позабавило, почти умилило его: ну ни дать, ни взять примерная девочка разбила чашку… не сердись, мама, я уже все убрала… Он прервал разговор с врачом и подошел поближе к ней, а когда она, не поднимая глаз, изящно поклонилась, взял ее за подбородок, приподнял лицо — и узнал великолепную танцовщицу, гордость

труппы Лимпэнг-Танга… сейчас, впрочем, далекую от той чародейки, что порхала по сцене в праздники Третьего Лета.

Амариллис почувствовала, как пальцы ратмана приподнимают ее лицо и, приготовясь выслушать проповедь или что похуже, посмотрела ему в глаза. Сириан Мираваль не сердился… напротив, он чуть ли не по-отечески улыбался. И глазами тоже.

— Не стоит так пугаться, милая, ибо ничего дурного ты не сделала. Такой работы не выдержала бы ни одна из моих здоровенных дочерей… и как с ней справляется такой цветочек — уму непостижимо. Оставь все и пойди отдохни. Мэтр Аурело сказал, ты одна готовишь лекарства… это чересчур, я пришлю в помощь кого-нибудь из своих слуг. Ступай, ступай… и не нужно благодарностей.

Когда девушка покинула больничный зал, ратман повернулся к мэтру Аурело и спросил:

— Кто она?

— Танцовщица.

— Пойдемте на воздух, Аурело, и расскажите, кем она была до этого.

Они быстро шагали вдоль больничных стен — оставалось всего час до полудня — Аурело говорил, Сириан слушал.

— … ювелир, причем из лучших. Его эгреты, свитые из серебряных нитей, похожие на эфемерные морозные узоры на окнах, покупали даже эльфийки. Он был настоящий художник, и весьма состоятельный притом. Девочку ждала безбедная, уютная жизнь: вышла бы замуж за кого-нибудь помоложе из магистрата… а то и за одайнского князя, из тех, что поскромнее, муженек бы с нее пылинки сдувал, уж братцы бы его проконтролировали…

— … аш-Шудах?

— Ах да, вам он вряд ли известен, вы ведь не особо жалуете шаммахитов…

— …….???

— Помилуйте, мэтр Мираваль, да разве же в школе Нимы готовят шлюх?! Ими, как известно, рождаются… В храмовой школе обучают танцовщиц… школа удивительная, единственная в своем роде. Вы видели, как она танцует?.. вот именно. А вы говорите… Что? а, это… прадед со стороны отца. Нет, спасибо, сегодня я отобедаю в госпитале. К ужину? пожалуй, буду.

Едва Сириан перешагнул порог дома, экономка сообщила ему о приезде сына. Как всегда, Риго ждал отца в кабинете.

— Здравствуйте, отец. Как ваше драгоценное?..

— Как никогда отменно. А вот ты, похоже, стал сдавать. И не стыдно тебе? старик-отец держится, а ты…

— До старика вам еще далеко. Простите, что задержался… — тут Риго поморщился и потер виски.

— Морелла?.. — в этом вопросе ратмана было более утверждения, чем сомнения. — Как она?

— Плохо. Вчера лихорадка усилилась, она впала в беспамятство… может, и выживет, но матерью не станет уже никогда. Ребенок прожил ровно день, — Риго вытащил из рукава платок, прижал его к носу и невнятно, из-под материи, добавил: Если бы не этот треклятый ветер, у меня был бы сын…

— Сожалею. Ну-ну, присядь, не стой… И выпей-ка это. — И ратман протянул Риго бокал с обычной мелиссовой водой, налитой им из небольшого кувшина, стоявшего на каминной полке. Он дождался, пока сын выпьет все до дна, пока уймется кровь, капавшая на платок крупными, как ягоды смородины, каплями и сказал:

— Выслушай меня, сын. Времени у нас очень мало, тихий ветер вот-вот закончится. Ты знаешь, когда я принимаю решение, то промедлений не терплю. Тем более, когда времени в обрез. Так вот. Я не допущу, чтобы род Миравалей угас из-за неспособности Мореллы произвести на свет на свет жизнеспособного наследника. Мне нужен внук, Риго. Это первое. Далее. Благодаря счастливой случайности мэтр Аурело нашел лекарство против тихого ветра… тебе уже лучше?… это темная кровь, очень малая доза, растворенная в воде. И он подтвердил, что темная кровь дает почти абсолютную устойчивость к дыханию Арр-Мурра и некоторым другим болезням. Мне нужен здоровый и выносливый внук. Но и Морелла мне тоже нужна; ее влияние на отца беспредельно, а он держит в руках весь манорский магистрат. А теперь докажи, что не напрасно учился в университете и сделай выводы сам.

Риго молчал не более минуты.

— Кто она?.. надеюсь, не наша новая экономка…

— Размечтался. Ей девятнадцать лет, она родом из Свияра, сирота, из очень хорошей семьи, образованна, здорова и выносliва. Ты на ней женишься.

— Что?!

— Ты плохо меня слушаешь. Я же сказал, она из очень хорошей семьи… а не из лесу.

— Тогда еще вопрос. Сколько вы заплатите городскому судье, чтобы он покрыл мое двоеженство? Мы в Эригоне… а не в Шаммахе. Да, а как же Морелла?

— Судья, который, к слову сказать, уже почти ничего не соображает и целыми днями переписывает свое завещание, а потом прячет его, а потом ищет, а потом снова переписывает…

вряд ли он запомнит скромную церемонию твоего второго брака, тем более, что лекарства он, увы, не дождется. Что же касается Мореллы… по моей нижайшей просьбе мэтр Аурело навестит ее в Вересковом Логе. Я думаю, ты согласишься со мною, что твоей жене необходим отдых… и как можно более долгий.

— Понятно… Значит, сиротка из Свияра. Почему именно она?

— Она умеет обратить на себя внимание.

— Причина весомая. Когда?

Сириан покачал головой.

— Ну, заторопился… Когда она согласится, сын мой.

Вечером следующего дня Амариллис уже заканчивала смешивать сонное зелье, когда в дверь пристроя постучали. Не отрываясь от работы, девушка крикнула:

— Входите!.. сейчас будет готово. Да, и принесите мне еще воды и что-нибудь поесть. Или я умру с голоду раньше, чем от недосыпа.

— В таком случае, может, вы не откажете мне и отужинаете сегодня в моем доме?

Амариллис обернулась.

— Доброго вам вечера, господин ратман… — она поклонилась вошедшему. «Ну вот, прекрасный повод хлопнуться в обморок, — промелькнуло у нее в голове, — от усталости все как-то не получается, может, от изумления получится…»

— Он будет таким, если вы согласитесь. Мне необходимо поговорить с вами; дело важное и отлагательства не терпит. Так как?

— Я готова следовать за вами, господин ратман. Тем более, что работу я уже закончила.

— Вот и прекрасно. Идемте.

Ратман весьма учтиво помог Амариллис забраться в портшез, сам уселся напротив. Вскоре они уже стояли в полумраке ратманского особняка. Сириан обратился к Амариллис:

— Дитя мое, у вас такой измученный вид, что было бы крайней жестокостью вот так сразу принуждать вас к серьезной беседе. Сейчас подойдет моя домоправительница, она проводит вас в комнаты, там уже приготовлено все необходимое… на первое время. Я буду ждать вас в кабинете. Не торопитесь, до ужина еще добрых два часа.

Тут подошла экономка, извиняясь за опоздание, и порядком струхнувшая и недоумевающая Амариллис отправилась за нею, вглубь дома Миравалей. Они поднялись в третий этаж, вошли в комнату — по-видимому, одну из гостевых спален, — и девушка, ожидавшая чего угодно, но только не этого, ахнула. Комната была

неярко, приятно освещена несколькими светильниками, в углу, распространяя легкое тепло и аромат, стояла шаммахитская курильница — из многочисленных отверстий в ее медной крышке в воздух поднимались сизо-розовые змейки дыма. У окна стояла парадно убранная постель: белый батист, атласное, отороченное белым же мехом одеяло, облакоподобные подушки; на стоявшем в ногах сундуке была заботливо разложена одежда. А самое главное, возле умеренно горящего (так, чтобы смягчить холод каменного дома, но и не спугнуть его прохлады, столь отрадной в летнюю жару) камина стояла ванна. От воды поднимался душистый парок, у огня грелись кувшины с чистой водой, на скамеечке поблескивали фарфоровые баночки с жидким мылом и благовониями. Амариллис вздохнула и, все еще не веря своему счастью, спросила у сопровождающей:

— Это — мне?!..

— Тебе. Сама управишься, или помочь?

— Ну конечно сама. Что я, принцесса, что ли?..

Оказавшись в одиночестве, девушка с каким-то фанатичным наслаждением выкупалась. Полежав с полчаса в горячей воде и отмокнув, она несколько раз намыливала длинную кудрявую мочалку и безжалостно растирала свое тело, пока кожа не порозовела и не задышала. После этого Амариллис завернулась в нагретую простыню, вычерпала всю грязную воду в стоящие рядышком ушаты, ополоснула ванну и налила в нее свежей воды, перебрала все стоявшие на скамеечке баночки, придирчиво их обнюхивая, и остановила свой выбор на лавандовой эссенции — все-таки отдохнуть надо… Затем в отдельном тазу, заранее заботливо поставленном на табурет, девушка вымыла волосы, и только потом, со вздохом всепрощающего, на все заранее согласного удовольствия погрузилась в теплую, убаюкивающую воду. Она лежала, лениво разглядывая свои наконец-то отмытые пальцы, поглаживала живот и бедра… в голове была пустота, пронизанная легким звоном. Веки Амариллис отяжелели, мокрые ресницы слипались; еще несколько минут — и она бы заснула прямо в воде, но тут в дверь постучали. Девушка встрепенулась.

— Я так и знала, что ты все еще отмываешься, — с добродушной усмешкой сказала вошедшая экономка, — вылезай уже, пора одеваться.

Амариллис вышла из ванны, встала на коврик, стерла пушистым полотенцем душистые капли с теплой розовой кожи и подошла к сундуку. Накинув легкую нижнюю рубашку, она шагнула к камину, просушить волосы. Затем, расчесав их, еще влажные, вьющиеся, деревянным гребнем, принялась одеваться. Надела простое темно-голубое платье суртонского шелка,

завязала длинный пояс, расшитый мелким жемчугом, завязала тонкие ремешки белых замшевых сандалий. Закончив, девушка подошла к стоявшему в углу напротив курильницы зеркалу и увидела там… впрочем, она тут же выпрямилась, развернула плечи, гордо подняла подбородок… что бы сказала госпожа Эниджа, если бы увидела эту довольнешенькую отварную курицу с опущенными плечами?! — попеняла она себе и поклялась никогда больше так не размякать.

— Я провожу тебя к господину Сириану, — домоправительница открыла дверь и ободряюще кивнула Амариллис. Они прошли по коридору, спустились по широким ступеням, и оказались перед массивной дверью ратманского кабинета.

— Добро пожаловать, дитя мое, — ратман, приветствуя Амариллис, поднялся из кресла и поклонился. — Усаживайтесь и, прошу вас, не стесняйтесь.

— Благодарю вас, мессир, — девушка ответила на поклон со сдержанным изяществом, легко прошла к столу, села на отодвинутый стул и замерла в ожидании. Весь ее прежний страх куда-то улетучился (может, остался в грязной воде), она, как нельзя кстати, вспомнила, что в доме аш-Шудаха видела и не такую роскошь, а гордая осанка в таких ситуациях — уже полдела… словом, Амариллис снова становилась танцовщицей Лимпэнг-Танга.

— Прошу великодушно простить меня, но, право слово, я весьма проголодался, и вряд ли смогу одновременно вести беседу и обонять все эти чудесные запахи. Так что давайте-ка воздадим должное ужину, а уж потом поговорим. С вашего позволения, я сам поухаживаю за вами.

Амариллис плохо поверила ратманскому голоду, но была благодарна за возможность утолить собственный, еще более обострившийся после купания. Ела она немного(правила школы Нимы запрещали объедаться на ночь глядя) и с видимым удовольствием. Однако даже это небольшое количество вкусной еды заставило ее прямо-таки осоловеть. Амариллис сидела по-прежнему прямо, изящно держа руки и лишь слегка наклоняя голову… но глаза ее предательски щурились, ресницы отяжелели, щеки горели. Ратман взглянул на нее повнимательнее, улыбнулся и сказал, наливая в бокал Амариллис золотисто-розового вина:

— Отведайте этого вина, оно настояно на семенах илори и будет для вас как нельзя кстати. Сладкие сны вам не помешают.

— Но вы же хотели поговорить со мною, господин Сириан. Боюсь, что после этого, — и она отпила немного — м-м-м… этой благодати к разговорам я буду неспособна. Усну прямо в кресле.

— Ну что вы, в кресле неудобно, да и кровать ваша уже приготовлена. Так что допивайте и ступайте почивать. А все разговоры отложим на завтра. Как говорит мой отец, утро вечера мудренее. И никаких возражений. Завтрак вам принесут в спальню, а уж после мы с вами и увидимся. Доброй ночи, Амариллис.

— Благодарю вас, и доброй ночи, господин Сириан.

Амариллис встала, легко поклонилась и оставила ратмана одного в кабинете. Она поднялась по лестнице, вошла в отведенную ей комнату, разделась и нагишом, презрев положенное на одеяло ночное одеяние, нырнула в теплую чистоту постели. Замерев на секунду, девушка с наслаждением потянулась, оглаживая простыни и подушки, потом свернулась калачиком, устраиваясь поудобнее. Открыв глаза, Амариллис еще раз осмотрела комнату, радуясь про себя всем ее удобствам, но вдруг вспомнила… и чуть было не вылетела из этого оазиса чистоты и уюта. «Лекарства, — мелькнуло у нее в голове, — лекарства же! Утренняя порция! На ночь хватит, даже с избытком, а как же днем?..» Но было в доме Миравалей нечто почти магическое; во всяком случае, Амариллис никуда не побежала. «Да ладно… вряд ли разговор длинный будет, успею к полудню. Протянут как-нибудь с ночными излишками. И вообще, пускай врачишки животы порастрясут да что-нибудь сами приготовят (это было несправедливо, бедняги доктора и раствора соли приготовить бы не смогли, даже ради своего собственного спасения… но когда это сытость была справедлива?!)… в самом деле, неужто не обойдутся?.. Да… как-нибудь…» Девушка сладко, от души зевнула, подоткнула одеяло, закрыла глаза и уже через полминуты спала.

Утро следующего дня застало Амариллис в кабинете ратмана. Хозяин кабинета, вопреки обыкновению, сидел не в парадном кресле, а в оконной нише, на крытой мехом скамье. Он знаком предложил девушке присесть на стоявшее рядом деревянное креслице, учтиво поинтересовался, как ей спалось, задал еще несколько малозначащих вопросов, вроде того, как ей нравится Эригон, да как она переносит тихий ветер. Амариллис не менее учтиво отвечала, недоумевая про себя все больше и больше. Наконец, Сириан, помолчав минуту, сказал:

— Ваше недоумение прорывается даже сквозь ваше прекрасное воспитание. Однако вы более терпеливы, чем я ожидал. Размеется, я пригласил вас не только для того, чтобы дать возможность отдохнуть, хотя вы заслуживаете этого как никто другой. Амариллис, я хочу, чтобы вы вышли замуж за моего сына.

Если бы ратман попросил у танцовщицы дать ему лично несколько уроков танцев, то она вряд ли удивилась бы сильнее. Сначала она просто не поверила своим ушам, потом решила, что ратман поддался общей хвори и малость двинулся рассудком. Она украдкой оглянулась: не заперта ли дверь и свободен ли путь к отступлению, и приготовилась, успокаивающе мурлыкая, сбежать как можно быстрее.

— Нет, дверь не заперта, — понимающе усмехнулся ратман, — и я еще держусь. Амариллис, я в своем уме и я буду повторять свое предложение до тех пор, пока вы не дадите ответ. Согласны вы стать моей невесткой?

Амариллис молчала. Не то чтобы вопрос был уж очень неприятный, но о замужестве она вообще не помышляла; после Свияра семья стала для нее чем-то несбыточным, память о тех днях была запрятана глубоко-глубоко, на самое дно ее души — чтобы не тревожила, не мешала жить одной. Ратман продолжал.

— Неловко расхваливать собственного сына, но Риго действительно неплохой парень. Он умен — в Арзахеле об этом позаботились, характером спокоен, без этих новомодных вывертов… И он — мой наследник, наследник линьяжа Миравалей и — что уж скрытничать — ратманской мантии. Можно сказать, наследный принц Эригона Баснословного…

— А я?… — Амариллис подняла голову и посмотрела Сириану прямо в глаза.

— Вы? А вы, моя дорогая, удивительная, редкостная драгоценность для нас. Достойное, почтенное происхождение, хорошее образование, молодость и здоровье — и впридачу к этому толика темной крови в ваших жилах. У вас есть все, чтобы подарить моему линьяжу наследника.

Амариллис попыталась осмыслить сказанное. «Темная кровь… так им нужна моя темная кровь?… ага, ну конечно, не жениться же ратманскому сыну на… ну да… а такие, как я, и вправду не часто попадаются…»

— Как я поняла, вам нужен наследник, защищенный от тихого ветра.

— Больше, чем вы можете себе представить.

— Допустим. Но как быть с нынешней женой господина Мираваля-младшего?.. Помнится, в прошлом году, на коронационных празднествах в Арзахеле он был не одинок.

— Вот как? так вы его запомнили?

— Трудно забыть такой носище, тем более сидящий рядом с самим герцогом.

— Ах вот что… К моему искреннему сожалению, Морелла умерла полгода назад. Что вас еще смущает?

— Я сама. Вы не хуже меня знаете, кто я такая. Ни денег, ни влияния; слава?… пожалуй, но вряд ли это то, что вам нужно.

— Мне нужны вы. Поверьте, моя дорогая, линьяж Миравалей не нуждается ни в деньгах, ни в дополнительном влиянии. Этого у нас предостаточно. И мы в состоянии щедро поделиться всем этим с вами. Подумайте.

— Возможно. Но подумайте и вы, что будет, если я не смогу родить столь желанного вам ребенка? И такое случается.

— Но не с вами. Мэтру Аурело было достаточно одного взгляда, чтобы отвести подобные сомнения.

Разговор явно затягивался, принимая характер какой-то детской игры: принеси воды! — не могу, ведро прохудилось… — так зелепи дыру глиной! — не могу, всю глину свиньи изрыли… — принеси в кувшине! — не могу, он разбился… — и так далее, до бесконечности.

— Вот что, — ратман первым решил прекратить торги, — не будем спорить. Такое решение принять сложно и я был бы не вправе торопить вас, но… Но у меня есть все основания думать, что это последний август в моей жизни. Больше года я не проживу. И я не хочу умирать, не увидев сына Риго. Вы вернетесь в дом госпожи Элиссы, вашу работу в госпитале выполнят… не беспокойтесь, я распорядился. Побудьте в тишине, поразмыслите обо всем услышанном. Завтра вечером жду вас к ужину. До встречи, Амариллис.

— До встречи, господин Сириан. — Амариллис, подавленная и растерянная, поднялась, поклонилась и направилась к дверям. Уже у порога ее окликнул ратман.

— Не печальтесь, дорогая моя. И поверьте мне, более очаровательную невестку я не могу себе представить…

… В доме госпожи Элиссы было тихо, сумрачно; оставшиеся слуги и немногочисленные домочадцы прятались по своим комнатам, сама хозяйка последние несколько дней была на попечении Веноны, в госпитале. Пришедшую незадолго до полудня Амариллис встретил Лорка. Он крепко обнял ее и, ничего не спрашивая, проводил к друзьям. Рецина и Лиусс спали, лица у них были мертвенно-бледные, отекшие, дыхание от сонных трав стало медленным и сладковатым; танцовщица, зашедшая в их комнату, постояла с минуту и, попятившись, вышла, ни сказав ни слова. В соседнем покое дремали, пережидая полуденные часы, брат с сестрой. Шонно даже в полусне крепко держал Криоллу за руку. Увидев Амариллис, они поздоровались с нею: учтиво, приветливо, но словно не узнавая и не вспоминая. Орсон сидел у закрытого окна, с тоской глядя на садовые заросли; его руки были перебинтованы, правая бессильно висела в лубке. Он

даже не оглянулся на вошедшую девушку.

— Что с его руками? — спросила Амариллис, усаживаясь рядом с Лоркой на высокий порог комнаты.

— В действительности — ничего. Ему кажется, что правая полностью парализована, а левая вот-вот откажет. Криолла почти не спит, боится кошмаров, кричит во сне так, что ее братец сразу хватается за меч, ищет обидчика…

— Меч?!

— Да какой там меч… Сама посмотри — обычная хворостина. А вообще-то он оказался крепче всех, с ним почти нет хлопот. Ничего, как-нибудь протянем. Да, а ты-то здесь какими судьбами? Выглядишь против прежнего неплохо…

— Купания и сон еще никому не вредили… — буркнула Амариллис. Она никак не могла отвлечься от увиденного.

— Ну, ты что загрустила? — Лорка прикоснулся к ее плечу, заглянул в глаза. — В госпитале ты и не такое видела.

— Вот именно, в госпитале. Я ведь с самого начала этого проклятущего ветра не заглядывала сюда, не навещала вас… да и некогда было, признаться. Последний раз я видела их совсем другими…

— Понимаю. Я по первости тоже переживал. А сейчас ничего…

— Привык?

— Нет, просто знаю, что мы выкарабкаемся. Осталось уже немного.

— А ты откуда знаешь? Впрочем, неважно… ты, наверное, прав. Венона говорила, что больше двух месяцев это не продлится.

Потом, ближе к вечеру, Амариллис отправилась готовить бодрствующим ужин, а спящим — очередную порцию болеутоляющих настоев, чтобы они смогли хоть немного «погулять» (как не без иронии говорил Лорка). Всё гуляние заключалось в том, что он выносил Лиусса и Рецину поочередно в гостиную актерского флигеля и усаживал в низкие кресла; там они и сидели, глядя перед собою ничего не соображающими глазами, равнодушно пережевывая пищу, подсунутую под самый нос. Накормив друзей и вытерев им рты и подбородки, Амариллис присела рядом с Лоркой, на теплый подоконник наглухо закрытого окна.

— Ты так и не сказала, почему ты здесь… и откуда пришла.

— Горбатого могила исправит. — и Амариллис, покачав головой, выразительно глянула на Лорку. — Знаешь, как говорят у меня на родине?

— …от любопытства кошка сдохла. — смеясь, продолжил

рыжий. — Ты говорила мне это не меньше сотни раз.

— И все зря. Ладно уж. Мне нужен твой совет, друг мой Лорка Бреттиноро. Как ты думаешь, выйдет ли из меня госпожа ратманша?

И Амариллис, не упуская ни малейшей подробности, передала Лорке содержание её беседы с ратманом. Он выслушал её на редкость серьёзно, не перебивая и не отпуская своих обычных шуточек. Когда девушка сказала о смерти первой жены Риго, вольтижер нахмурился, словно припоминая что-то; узнав о болезни Сириана Мираваля, недоверчиво скривился. Когда же Амариллис, закончив рассказ, вопросительно посмотрела на него, он еще довольно долго молчал, поглаживая длинными, красивыми пальцами несколько отросшую рыжую бородку.

— Ты просишь у меня совета, Амариллис? Ты получишь его. Но не благодари и не ругай меня, ибо совет мой будет жесток. И не Лорка — рыжая отрава даст его тебе, а граф Манарди да Бреттиноро.

Лорка опять надолго замолчал, так, что Амариллис даже испугалась — не обидела ли его чем-нибудь. Но вдруг он повернулся к ней и заговорил с неожиданной горечью.

— Что ты знаешь обо мне, дева? Седьмой по счету жеребец в стойлах Бреттиноро — болтлив, пройдошист, соврет — недорого возьмет, ладит с лошадьми, и при любой оказии лезет в окно к замужней даме. Так, что ли?! Не возражай, сам знаю, что так, и у этакого типа ты просишь совета?!.. что бы сказал Арколь…

— Это все ветер… Ты все-таки еще не совсем здоров. — Амариллис уже жалела, что завела этот разговор.

— При чем тут ветер, дева, — и Лорка безнадежно махнул рукой, — со мной и без него все ясно. Отец — сиятельный граф, богат и славен, драгоценностями разукрашен, как нужник властителя Шаммаха, и туп, как задница его любимого слона. Шестеро братьев — старший, вылитый папаша, и сейчас живет припеваючи, а уж как осиротеет… Два брата служат в герцогской гвардии, оба достойны и правильны, как трактат по геометрии. Еще один водит отцовские корабли и ему вечно недоплачивают жалованья. Толстячок женился на богатой наследнице и теперь смотрит в рот тестю-торговцу. А малыш Фриар погиб… не вернулся из Арр-Мурра. Хотел мальчик на женитьбу заработать поскорее, уж больно нетерпелив был… его можно было понять, невесто чудо как хороша была, хоть и бедна, как храмовая мышка. Майорат, чтоб ему… Одному — все, остальным — шиш. И если второй по счету еще может на что-то надеяться: ну, заболеет старший брат, помрет — куда как добрые мечты!.. — то седьмому что делать прикажете? Перетравить предыдущих? Продать себя

богатой вдовушке? Податься за Край Света?!

Лорка замолчал, злобно пиная сбившийся ковер. Его собеседница тоже молчала, смущенно опустив глаза. Амариллис по себе знала, что пустившийся на такие вот откровения уже на следующий день жалеет об этом, и желает лишь одного — чтобы вчерашний собеседник забыл всё до единого.

— Вот что, Амариллис. И не думай даже отказаться от такого предложения. Нет уж, сама просила совета, теперь не перебивай. Ратман, конечно же, здоров как столетний дуб. Знаю я таких, они всех своих детей переживают. То, что Морелла Мираваль умерла, очень похоже на правду — женщины дома Квиати через одну умирают в родах. Ты же, дева, достойна стать не то что ратманшей, тебе и герцогский венец Арзахеля пришелся бы впору. Соглашайся, Амариллис. Подумай сама, что тебя ждет в будущем? Еще с десяток актерских лет — и это в лучшем случае — а что потом? Поблестишь, повластвуешь, поиграешь, и?! Купишь бакалейную лавочку или трактир откроешь? На что твоих сбережений хватит, а? Или выйдешь замуж… только вот за кого? Или будешь при Арколе в старых девах жить? Посмотри правде в глаза, Амариллис. Деньги мы копить не умеем, живем как бабочки-однодневки. Да, сейчас мы на вершине, независимы, сыты. А когда пройдет наше время, и придут новые дети Лимпэнг-Танга — что тогда?!

— Но… я даже вблизи его не видела… — девушка с силой сжала край подоконника, так что даже пальцы побелели. — Разве так можно, Лорка?

— Так — не должно. Но можно. — вольтижер взял девушку за плечи и развернул к себе. — Не крути, Амариллис. С каких это пор тебя так волнуют вопросы морали? Небось, когда в окно лезла…

— Перестань! — Амариллис почти кричала, даже Орсон обернулся на ее голос. — Прекрати! Не твое дело…

— Ах вот оно что… — Лорка грустно улыбнулся и, не обращая внимания на фырканье танцовщицы, ласково обнял девушку за плечи, так, что голова ее уткнулась ему в плечо. — А я-то, олух, совсем забыл… Бедная моя девочка, постарайся забыть об этом как можно быстрее. Эльфийский лорд и плясунья…сюжет для пошлейшей, завиральной баллады, от которой тошно эльфам и стыдно людям. Ну вот, теперь ты заплакала. Я ведь предупреждал, что совет будет жестоким. Не плачь. Выходи за Риго Ворона, роди ему сына — и тебе не придется беспокоиться о завтрашнем дне, терпеть завистливые или похотлиые взгляды… многие ли понимают и ценят твое искусство? ну, мы… да еще этот твой шаммахитский маг, да Геран. Хотя за него я не

поручусь.

— Но как же вы? Я не могу вас вот так запросто бросить.

— Да уж как-нибудь. Венона вместе с Лиуссом, Рецина и в драконьей утробе не пропадет, у Арколя скоро закончится срок ученичества, ему вообще не до тебя будет. Близнецы? они всегда вдвоем, и никто им больше не нужен. Ах да, а как же Орсон? — и Лорка притворно замахал руками. — Кто же будет ему менять пеленки, он ведь у нас сущий младенец.

— Понятно. Получается, что я вам не нужна. Спасибо на добром слове.

— Да пожалуйста.

Они замолчали. Слишком многое было сказано; не то, что лишнего, но… не слишком приятного. Лорка встал и начал наводить порядок в комнате. Перенес тяжелобольных в их спальню, напоив предварительно снотворным, уговорил Орсона снять на ночь бинты, чтобы руки отдохнули, зажег курильницу с прессованными из лепестков черного шиповника шариками и отдал ее Шонно. За окнами стемнело. Амариллис по-прежнему сидела на окне и молчала.

— Ты совершенно прав, рыжая отрава. Мне от этой баллады ничего, кроме стыда, не выйдет.

Девушка поджала ноги, обхватив их руками; она сидела зябко сжавшись, словно птичка на заледеневшей ветке.

— Я видела его. Незадолго до начала тихого ветра, у того ювелира, который Фолькета принял. Лорка, он даже не посмотрел на меня… впрочем, нет, посмотрел. Он и на стены посмотрел, и на окна, и на фолькетов табурет, и на меня… заодно. Я ненавижу его.

— Ты влюблена в него.

— Уже нет.

— Пока еще да. Иначе ты не раздумывала бы так непростительно долго над предложением Миравалей.

— Насчет «непростительно долго» ты преувеличиваешь. Ты-то сам сколько своего коняшку выбирал? то-то. А тут все-таки муж… Спой мне, Лорка… пожалуйста.

Постояв с минуту в полумраке комнаты, рыжий вольтижер вышел и вскоре вернулся с гитарой. Он уселся рядом с Амариллис прямо на пол, уютно устроил гитару в своих объятиях, тронул струны и негромко, нежно запел.

Госпожа Любовь!
Сквозь туманы и тернии,
Сквозь тоску и забвение
Я иду за тобой…

Госпожа! Мне так больно…
Соловьиные трели
Мне вонзаются в сердце ножом.
Погоди, постой!
Пусть я буду сражен,
Пусть душа моя в пепел истлеет —
Останься со мною, Любовь…

Амариллис, незаметно вытирая слезы и стараясь не всхлипывать, спросила:

— Ты расскажешь им, когда все закончится?

— Расскажу. Мы будем скучать по тебе. Хочешь, я спою еще?

— Хочу. — И Амариллис положила ладонь на голову Лорки. Он взял ее руку, поцеловал еще мокрые пальцы… он перебирал чуткие струны, а девушка перебирала, гладила его огненные, горячие волосы.

И долго еще в темном, печальном доме колдовал голос Лорки. Вечером следующего дня Амариллис, оставив два письма — для Арколя и для Веноны — ушла, чтобы никогда больше не возвращаться в гостеприимный дом госпожи Элиссы.

Через три дня в малом зале особняка Миравалей сам ратман, данной ему городом властью, соединил руки Риго Мираваля и Амариллис Свиярской; сей брак был узаконен и занесен в официальные документы судьей, который, к слову сказать, на следующий же день умер. Свадьба была более чем скромной: всех своих чад и домочадцев ратман услал на время эпидемии в отдаленные поместья, вызывать их в город ради столь короткой церемонии не стали. Амариллис держалась с достоинством, сделавшим бы честь королевской невесте. У нее достало ума и такта не обряжаться в пышные, роскошно-белые одеяния — посреди всеобщего горя они выглядели бы глупо и неуважительно — но выйти к гостям в скромном платье, том самом, что приготовили ей в прошлый раз, на голову она набросила прозрачную вуаль, расшитую серебряной нитью. Подойдя к жениху, она остановилась на полшага позади его, выказывая тем самым уважение и подчинение будущему супругу. Положенные клятвы она повторяла тихо, но достаточно твердо, и когда Риго взял ее за руку, дабы надеть кольцо, пальцы ее оказались теплыми и даже не дрожали. За ужином, на котором кроме ратмана и новоиспеченной супружеской четы присутствовал мэтр Аурело, девушка отнюдь не выглядела опечаленной или испуганной, она улыбалась шуткам, в нужные моменты поддерживала беседу и даже ела. Наконец, все необходимые

формальности дня были проделаны и Амариллис Мираваль осталась одна в парадной спальне.

Девушка предпочла бы ту уютную комнату, в которой останавливалась в прошлый раз, но нынешнее ее положение обязывало подчиняться традициям дома. Она огляделась. Наполовину погруженная в обширную стенную нишу, поодаль разряженным мастодонтом высилась кровать: высоченный балдахин, поблескивающее вышивками одеяло, несколько ступенек, покрытых мехом. Напротив — камин, чью решетку работал мастер с чрезмерно развитой фантазией; в результате украшавшие ее саламандры в свете огня казались живыми, и это производило не совсем приятное впечатление расползающегося на волю змеевника. Окно с закрытыми резными ставнями, завешенное тяжелыми гобеленами. Толстый, как мох в сосновом бору, ковер, поглощающий звуки и обволакивающие ступни.

— Жуткое место, правда?

Амариллис обернулась и на пороге комнаты увидела своего мужа. И, прежде чем голова ее успела подумать, язык Амариллис ответил:

— Кошмарное.

Риго сочувственно засмеялся.

— Да уж. Погребальные дроги супружеского счастья — так я называю этот жертвенник, — и он указал на кровать. Амариллис фыркнула.

— Мне в таких местах всегда не по себе; как-будто все эти змеищи и единороги пялятся на меня, а из-за драпировок вот-вот вылезет наша старая домоправительница и завопит на весь дом, что негодник Риго запачкал драгоценные шторы и порвал простыни… и я останусь без сладкого.

— Это еще что, — оживилась Амариллис, — мы однажды останавливались в одном замке, в Арзахеле, так там я ночевала в комнате, где аккурат напротив кровати висел портрет чересчур уж достойной дамы: злющей такой старухи, с поджатыми губами и сизым носом. Мне и раздеваться пришлось под одеялом, дабы не осквернить ее взора, и сны всю дорогу снились кошмарные.

Разговаривая, они все ближе и ближе подходили друг к другу.

— Тогда, может быть, удерем? — улыбаясь, предложил Риго.

— Куда? — удивилась Амариллис.

— Да хоть ко мне. Там, конечно, не так роскошно, но возможно там ты не будешь так испуганно озираться.

Амариллис, смутившись, кивнула. Комната Риго оказалась под стать своему обитателю: удобная, просторная, умело освещенная. Предложив Амариллис свое кресло, Риго уселся на кровать.

— Тебе нужно отдохнуть, Амариллис. Слишком много на тебя свалилось. Вот что: мы можем завтра же уехать в Серебряные Ключи, это поместье далеко к северу от Эригона, возможно, там тихий ветер не так силен. Нынешний город мало подходит для медового месяца, тебе надо покинуть его, отдохнуть. Ты не против?

— Нет, почему же… так даже лучше. — Амариллис и впрямь была рада возможности удрать из Эригона.

— Отлично. Значит, завтра утром в дорогу. Поэтому сейчас же ложись спать, разбужу засветло. — с этими словами Риго встал и направился к выходу. Уже в дверях он обернулся, поймал взглядом изумление Амариллис и усмехнулся:

— Что, отец так торопил тебя? Ничего, подождет еще немного. Или я изверг какой — ребенка насиловать?..

— Я не ребенок. — Амариллис была почти обижена.

— Вот иссякнет ветер и я приду в себя, тогда и посмотрим. — с этими словами новоиспеченный супруг вышел из комнаты, оставив свою жену в одиночестве.

Утром Амариллис проснулась от того, что кто-то ласково, но настойчиво тряс ее за плечо. Она подняла голову от подушки, села в кровати и попыталась понять, что же говорит ей Риго. Наконец, до ее сонного слуха дошло:

— Вставай, да посмотри же в окно!

Девушка, накинув на себя одеяло, как королевскую мантию, и волоча его по полу, подошла к окну, распахнула ставни, выглянула во двор и ахнула: все вокруг, деревья, трава, садовые скамьи — все было густо-фиолетового цвета. Словно раскинули прямо на земле фиолетовый бархатный ковер, деревья окутали тончайшим шифоном в тон, и даже небо затянули траурной кисеей.

— Что это значит? — растерянно спросила она.

— Это значит, что тихий ветер выдохся. И золотой ветряк остановился. Теперь нужен хороший, сильный ветер с моря, выдуть эту гадость, проветрить город — и все наладится. Но мы все-таки поедем: сейчас начнется такая неразбериха, сутолока… люди начнут приходить в себя, узнавать о своих настоящих, а не выморочных потерях… Тебе не нужно этого видеть. Одевайся, мы выезжаем через полчаса.

Отведенного времени Амариллис хватило на то, чтобы одеться да черкнуть несколько строк Лорке; письмо она оставила на столе Риго.

Уже после отъезда молодоженов Сириан Мираваль принимал в своем кабинете мэтра Аурело; предваряя этот визит, ратман достал из тайника большую шкатулку, еще раз не без

удовольствия просмотрел ее содержимое, достал небольшой замшевый мешочек, а остальное спрятал обратно. Доктор вошел, плотно закрыл за собой дверь и сел в одно из прикаминных кресел.

— Они уехали?

— Да. Я передал Риго ваши снадобья. Мэтр Аурело, у меня к вам еще одна просьба; еще более сложновыполнимая и щекотливая, чем все прежние.

— Особых сложностей возникнуть не должно. Она молода, здорова, физически развита… не думаю, что ей понадобится особая помощь.

— Выслушайте меня, мэтр. Вы, должно быть, догадываетесь, что первая жена Риго жива. Она перенесла преждевременные роды, сейчас у нее горячка. Когда она выздоровеет — а она должна обязательно выздороветь — ей будет необходим продолжительный отдых, месяцев девять, а то и год. И ей совершенно незачем будет знать, что происходило в доме в ее отсутствие.

— А вот это действительно сложно. Очищение памяти, да еще двукратное… долгие периоды сна… внушение… — и мэтр покачал головой.

— Я полагаю, вам будет лестно решить такую задачу. Как это… провести небывалый ранее эксперимент.

— Где?

— Морелла сейчас в Вересковом Логе, но это поместье слишком близко к городу. Ее перевезут подальше, в небольшой арзахельский городок. Ежели он вам наскучит, всегда можно будет посетить столицу, тем более, что тамошний университет который год пытается вас заполучить.

— Сколько?

— Это за согласие. — и ратман протянул Аурело тот самый мешочек. Врач развязал его, высыпал содержимое себе на ладонь, внимательно рассмотрел и снова спрятал.

— Хорошо. Мне нужны кое-какие снадобья, из тех, что привозят из Арр-Мурра, но напоказ не выставляют. Слишком опасно.

— У вас будет доступ ко всем арестованным товарам.

— Отлично. Сделаю все, что смогу. Вашей невестке действительно необходим отдых и я позабочусь о нем.

— Превосходно. Вас проводят на склад, а потом, если не возражаете, вы отправитесь к пациентке.

— Не возражаю. Тихий ветер иссяк, ничего интересного в Эригоне для меня нет. С этими словами собеседники встали, ратман проводил доктора до дверей кабинета, они обменялись

поклонами и расстались.

Прошло несколько дней. Ожили все городские ветряки, постепенно свежий, пахнущий морем воздух вытеснял отравленное фиолетовое марево и город мало-помалу оживал.

Сперва Лорка надеялся, что Венона при первой же возможности вернется домой и они начнут выхаживать друзей. Но она не появилась ни через день после того, как замерло дыхание Арр-Мурра, ни через два, ни через три. На четвертый день терпение Лорки иссякло, и он самолично отправился напомнить Веноне о больном муже. Однако в госпитале ему сказали, что Веноны нет в городе вот уже неделю, а то и больше — никто точно не помнил. На все расспросы служители отвечали, что однажды на ночь глядя явился в госпиталь один такой… весь взъерошенный, остроухий, с разодранной в лохмотья щекой. Поговорил немного с госпожой и вскоре они оба исчезли в ночи. Вот и все. Ни ответа, ни привета. В остроухом Лорка без труда узнал Арколя и сделал для себя один-единственный вывод: выхаживать собратьев ему придется одному.

… и неслыханное везение чернокнижника-недоучки

Вот уже четвертую неделю Фолькет сидел в гостинице. «Гря-а-азная, гну-у-у-усная, ме-е-е-рзкая дыра!…» — с этой хвалебной песни он начинал каждое утро. Затем он съедал принесенный служанкой молочный суп — тепловатый, с синюшными пенками — и вновь с упорством, достойным лучшего применения, принимался за свои штудии. Фолькет пытался раскрыть алмаз темной крови. Он уже испробовал на нем все знания, полученные от отца, пустил в ход кое-какие свои изобретения… все напрасно. Камень словно издевался над ним; бессильной оказалась даже магия крови — Фолькет, вспомнив прежние навыки, сцапал ночью маленькую нищенку. Но и ее невинная кровь не помогла.

Ньерд, самое отдаленное предместье Эригона, тихий ветер захватил самую малость, ощутимо пострадали только самые впечатлительные. В основном же жизнь контадо мало изменилась; по-прежнему стучали молотки на верфях, кипела в котлах смола и как праздник ожидалось прибытие очередного «запаса». «Запасом» в Ньерде называли чудо-суда, приходившие по Кадже и сработанные одайнскими умельцами: были они целиком составлены из отборного леса, ни одним гвоздем не осквернённого, шли по реке, управляемые опытнейшими лоцманами, благоухая свежим деревом и возвышаясь вровень с прибрежным лесом, а по прибытии тут же разбирались по бревнышку, по досточке. Публика в Ньерде была самая разношерстная: мастера-корабелы, сезонные работники, торговцы и капитаны, следящие за ремонтом своих судов, матросы, ремесленники…

В тридцатый раз получив от темного алмаза щелчок по носу, Фолькет разразился потоком длинной, бессмысленной ругани, хватил кулаком по краю стола, отчего выстроенные в изощренном порядке элементы пантакля смешались и попадали, и решил, что на сегодня с него хватит. Выглянув в окно, он понял, что время обеда давно прошло, о нем, как всегда, забыли, и решил в кои-то веки самолично наведаться в общий зал; вернул кольцо на шейную цепочку, натянул рубаху, жилет, пригладил волосы. «Напьюсь с горя, — размышлял Фолькет, — может, что и придет в голову.» Он спустился на первый этаж постоялого двора, постоял с минуту, оглядывая духоту зала, и пробрался за угловой стол. Уселся, потребовал у служанки «чего покрепче», да копченых ребрышек впридачу, и принялся мрачно рассматривать

собственные ногти. Однако спокойно посидеть ему не дали. Не успел Подарочек выхлебать и двух чарок из принесенного кувшина, как за стол к нему подсели — без приглашения и без церемоний.

— Вечер добрый да ветер попутный! — морда у навязывающегося в собутыльники была куда как подозрительная, а его пожелание доброго вечера звучало почему-то как проклятие. По виду был он моряк, причем не из простых: слишком дорогая рубаха, жилет тисненой кожи, богато расшитая перевязь, запачканные — а чего их беречь? — замшевые сапоги; лицом же он был похож на финик, из смуглых морщин которого буравчиками поблескивают черные глазки. — Не нальете ли чарку старому морскому волку?

— Пей да проваливай, — грубо буркнул Фолькет, решив поскорее сплавить нежданного гостя. Тот, впрочем, охотно потянулся к кувшину, налил в свой, заботливо прихваченый, стакан… и тут цверг решил пугнуть его, чтоб не надоедал. Немного усилий — и охотнику выпить на дармовщинку покажется, что из его посудины вылезают черви, а сама она до краев полна помоями.

— Что, только этому и успел научиться? — невозмутимо поинтересовался моряк, преспокойно выхлебав зелье. Фолькет оторопел. А тот налил себе еще и, пошвырявшись в пахучей груде ребрышек, выбрал какое посимпатичней, с треском разгрыз его, отхлебнул из стакана — преспокойно, чуть ли не посмеиваясь.

— Да не таращься ты так, глаза вывалятся. Знаю, малыш, — и моряк омерзительно ухмыльнулся, — все знаю. Сиротинка ты наша… — тут слова уступили место довольному чавканью.

— Откуда?.. — только и смог выдавить Фолькет.

— Как это откуда? — как-то обиженно удивился гость, утер кружевным рукавом лоснящийся подбородок, и неожиданно широко улыбнулся Подарочку. Широченный оскал улыбки — и острые, злющие зубы… и вытянувшийся нос… и подрагивающие усы-вибриссы… и брызнувшая по смуглом лицу серая шерсть… Фолькет, боясь обнаружить свое потрясение, вцепился пальцами в столешницу; и под вырвавшимися на волю когтями жалобно заскрипело дерево.

— Тихо, тихо… здесь не наше место… — успокаивающе протянул моряк, а сам все еще не совсем по-человечьи поводил носом.

— Ты очень хорошо спрятался, малыш. И начал тоже неплохо. Кэдмон хоть и был еще та… — непристойное определение потонуло в глубине стакана — но дело свое знал. И хоть оно мне даже как-то не к лицу, но я рад, что нашел тебя.

— Кто вы? — Фолькет, однако, с выводами не спешил и радоваться не торопился.

— Да ты никак плохо видишь? Я, малыш, крыса, — и он горделиво приосанился, — крыса корабельная.

… Арколь, услышав знакомый усталый голосок, поднял голову от толстенного фолианта и улыбнулся. Его названная сестра, мужественно преодолев искушение сном, звала его погулять. Он расцеловал ее в обе щеки и они отправились в сад. Арколь с удовольствием слушал рассказы Амариллис о школе Нимы, просил ее поподробнее описывать прелести ее подружек, нарываясь на надирание и без того длинных ушей, сообщал о своих успехах в учении.

— …в общем, мы единогласно признали обладательницей самых соблазнительных родинок Лалик. А ты чем на неделе занимался?

— М-да… с куда большим удовольствием я занялся бы исследованием и сравнительным изучением того вопроса, который вы, судя по всему, разрешили с непростительной небрежностью и поспешностью. Но, за отсутствием доступа к материалу исследования, я штудировал книжицу о протеичных формах жизни… оборотни всякие, двуличники… Да ну их, расскажи лучше какие у вас были критерии соблазнительности.

Амариллис уже отбыла в храмовую школу, Арколь, разделив с учителем вечернюю трапезу, вернулся к прерванным занятиям. Раскрыл тяжеленный том и…

«… однако подгорные крысы, чье племя близко к полному истреблению, вопреки бытующему мнению, не одиноки и не единственны в своем роде. В незапамятные времена часть крыс, по неизвестным ныне причинам, покинула подземелья Безымянного Хребта и устремилась на юго-запад. После долгих странствий крысы те избрали местом своего пребывания группу островов в море Покоя, именуемых Муспельскими. Там они обосновались, не образуя, впрочем, государства или даже города, но живя разрозненно и независимо. Главным занятием крыс стало мореходство; море, с его изменчивым, непостоянным характером и вечными опасностями они действительно полюбили. И еще полюбили они звонкое золото. Сейчас мы можем говорить с полной уверенностью о том, что основы работорговли заложили именно они.

Именуемые отныне корабельными, крысы, как и их подгорные родичи, способны существовать в двух обликах — человеческом и крысином; однако, в отличие от подгорных, корабельные крысы при принятии звероформы сильно теряют в росте, так, взрослая крыса, стоящая на задних лапах, достает

взрослому мужчине лишь до пояса, а не до середины груди. Они менее жестоки, но более подлы. Нередко нанимаются они на корабль с достойной репутацией, своими льстивыми и подлыми речами подталкивают наиболее ленивую часть команды к бунту, который обычно возглавляют, и превращают еще вчера торговый бриг в пиратский. Редко когда вся команда такого корабля состоит из одних крыс, они умеют находить подобных себе в пороках и низости среди людей, коим доверяют даже капитанские полномочия. Обычные их занятия — работорговля и разбой; магией они не владеют, больше полагаясь на точный расчет и…» — в этом месте Арколь зевнул. «Корабельные крысы очень привязаны к своему кораблю; не жалея, вкладывают деньги в его ремонт и содержание…» — еще один зевок. «Отличить корабельную крысу от обычного пирата можно…» — дальше шла магическая формула, и не в привычках Арколя было заучивать такие вещи сквозь сон: не приведи Вседержитель, не запомнится… а ну как пригодится? Поэтому прилежный ученик аш-Шудаха решительно захлопнул книгу, встал, потянулся и отправился спать.

«Так вот ты где, подарочек. Змеенок подколодный. Ах вот как… хватило ума не расставаться с камушком. Что, ручонки коротки оказались? дрянь такая…»

Арколь сидел за скользким, столетиями немытым столом, откинувшись на спинку тяжелого стула; его длинные и грязные волосы свисали на лицо, от него разило дешевым вином — еще бы, целый кувшин этой дряни вылил на рубаху и штаны; выглядел он, как спивающийся трубадур, пересчитывающий зеленые мороки, пляшущие перед ним на опустевшей тарелке. Целый месяц маг-подмастерье обшаривал контадо Эригона, проклиная свою пока еще не отточенную чуткость к магическим эманациям и полагаясь в основном на расспросы. Почувствовать алмаз темной крови он не мог — и догадывался, почему, и не мог не радоваться этому; от тихого ветра он с грехом пополам отстранился. Об оставшихся в Эригоне друзьях и младшей сестре старался не вспоминать; Арколь знал, что если камень попадет в чужие и умелые руки, то по Обитаемому Миру может повеять таким… тихий ветер действительно покажется тихим.

И вот наконец он нашел и теперь сидел и, теряя терпение, ждал, когда же выпивоха-моряк отчалит восвояси. А тот знай разливался соловьем. Арколь встал, покачался на якобы нетвердых ногах, выдохнул и направился к фолькетову столу.

Корабельный собрат не успел толком расписать Фолькету все прелести пиратского житья-бытья, как какой-то забулдыга прервал его самым бесцеремонным образом.

— А ну, пустите-ка и меня морские враки послушать… — и, потеряв равновесие, пьянчуга резко пошатнулся и опрокинул моряка вместе со стулом. Пока тот барахтался на заплеванном полу вверх ногами, нежданый гость перегнулся через весь стол, сгреб Фолькета за грудки и рванул его к себе.

— Как жизнь, змееныш?.. Сам отдашь кольцо или сначала я твои кишки по стенам развешу?

Жизнь Арколю спасла его удивительная реакция, доставшаяся от матушки вместе с острыми ушами. Уловив за спиной ледяное дыхание смерти, он, не раздумывая, пригнулся, швырнул треклятого цверга через себя, опрокинул стол и встал на ноги в углу, спиной к стене.

Они стояли совсем рядом, шестеро моряков весьма бывалого вида, Фолькета они задвинули назад… видно, берегли. А вот Арколя, судя по всему, намеревались пустить в расход. У одного в руках зловеще поблескивал крюк, у троих были изогнутые сабли; пьяным же трубадурам оружие не положено…

— Зачем же сиротинку обижать? Нехорошо-о-о… — издевательски протянул один из моряков и широко, радостно осклабился.

— Люблю человечьи потроха…. - сообщил тот, что с крюком, — ох, и поужинаю сегодня!..

— А вот это мы еще посмотрим.

Кто бы ни был этот третий за вечер незваный подарочков гость, своим появлением он дал Арколю вполне достаточно времени. Защитники сирот обернулись — зал опустел, желающих поучаствовать в сваре не оказалось, кроме одного пришлого. Он стоял, меряя их взглядом серебряных глаз с вертикальными прожилками сузившихся зрачков; на вид ему было не более сорока лет, разворот плеч и мышцы, перекатывающиеся под зеленоватой кожей, внушали почтение. Фолькет завизжал и на четвереньках метнулся к выходу, однако первый из его гостей, метнувшись из-под соседнего стола, схватил его за шкирку и швырнул под ноги Крысолову. Решив оставить трубадура напоследок, корабельные крысы все разом накинулись на орка, преображаясь в серых, голохвостых тварей — убивать они предпочитали в своем зверином обличье.

Аш-Шудах мог гордиться своим учеником. Долгий и неприятный процесс перекидывания Арколь свернул в ослепительное мучение длиной в минуту; одна из крыс и пискнуть не успела, как ее шею свернул угольно-черный хорек, выплеснувшийся лентой из-за перевернутого стола. Размерами он был под стать крысам, а ловкостью, пожалуй, превосходил их. Пятеро из оставшихся нападавших мгновенно поменяли тактику;

трое насели на хорька, двое атаковали орка…

… Фолькет, скрючившийся за опрокинутым стулом, стучащий от страха зубами, почувствовал, как его хватает за шиворот чья-то крепкая рука, стрельнул глазами и, увидев давешнего моряка, малость успокоился. Тот дернул цверга за собой, кивком указывая направление движения к выходу, и, пока сцепившиеся противники выясняли, кто кого, две крысы бочком, по стеночке, прошелестели к дверям. Хорек, придушив вторую крысу, поднял голову и увидел выскальзывающие на улицу силуэты, яростно затявкал… но — увы! — броситься за ними не смог, ибо две оставшиеся требовали к себе неотступного внимания. Работы хватило и Крысолову, и хорьку — напавшие крысы были явно не из амбарных толстух, сражались они злобно и умело. В результате у орка был покусан левый бок, у зверя на спине шерсть намокла от крови, глубокие царапины пропахали мордочку в опасной близости к глазам, серьезная рана была и под правой передней лапой. А на полу скучнейшей гостиницы в Ньерде валялись шесть дохлых крыс… с тех пор ее иначе, как «Крысоловкой», не называли.

Орк подхватил хорька на руки, отчего лицо его исказилось, а колени дрогнули, но все же он сумел вытащить его на середину залы, подальше от падали. По длинному, гибкому телу зверя пробегала мелкая дрожь, он хрипло, с клекотом дышал… несколько минут все усиливающейся дрожи — и блестящая шерсть стала тускнеть, таять… и на месте хорька оказался высокий, окровавленный юноша, черноглазый и остроухий.

— Скорее, беги за цвергом… его нельзя отпускать… — он попытался встать, но с полувскриком-полустоном опустился наземь.

— Сам знаю, что нельзя. Ничего не поделаешь, мэтр Арколь, но искать крысу ночью — да жена меня со свету сживет за одну такую мысль. А ну-ка, давай сюда, — с этими словами орк потянул юношу вверх, помог ему встать и, цыкнув на высунувшего нос хозяина, почти отнес его в первую попавшуюся комнату. Уложил на постель, снял разодранную крысиными когтями одежду, крикнул в коридор, чтобы принесли воды и только тогда осмотрел собственный покусанный бок. Пока Крысолов промывал раны Арколя, смазывал их какими-то мазями из своего заплечного мешка, бинтовал спину и прокушенное насквозь плечо, тот молча терпел, иногда поскрипывая зубами. Когда же орк занялся собственными повреждениями, то ученик аш-Шудаха еле слышным голосом — столь поспешная трансформация отняла у него все силы, да и схватка оказалась нешуточной — спросил:

— Кому обязан жизнью, господин?

— Своему дару… и отчасти мне. — Орк закончил шипеть, как масло на сковородке, положил на уже не кровоточащий бок чистую полотняную тряпочку и примотал ее крепко-накрепко. Затем он сел рядом с Арколем.

— Меня зовут Сыч. О тебе я знаю от Хэлдара… лорда Лотломиэль; он просил присмотреть за тобой. Вот только припозднился я малость. Как понимаю, камень уже тю-тю… — и орк сокрушенно покачал головой.

— Ну ничего, — продолжил он, — не все еще потеряно. Если они не подчинят его, то, скорее всего, будут продавать. В общем, время у нас есть, а уж как мы его потратим — решать будем не сейчас и не здесь. Завтра найду для тебя повозку покрепче и отправимся зализывать раны. А ты молодец… не ожидал такой прыти от подмастерья, — и Сыч не смог удержаться от улыбки, уловив в глазах Арколя совсем мальчишеское самодовольство.

… Они промелькнули по ночному Ньерду как пара грязноватых теней, в одном из закоулков, у берега Каджи их поджидала лодка. Даже не вспомнив об оставшихся в гостинице собратьях, двое сбежавших уселись на весла и поспешили прочь. Потом была темная пристань, силуэты кораблей — на один из них они попали без малейшего труда. Как оказалось, обладатель грязных замшевых сапог был на нем шкипером. Фолькета проводили во вполне приличную каюту, велели не высовывать носа, пока не запахнет морем и оставили одного. Подарочек, рассудив, что лучше уж корабельные собратья, чем разозленный маг, хотя бы и подмастерье, улегся спать.

Корабль, несколько претенциозно названный первым владельцем «Покорителем бури» (крысы название менять не стали), снялся с якоря и направился вниз по Кадже, в Эригонскую бухту, а оттуда — в море Покоя, к Муспельским островам.

Глава тринадцатая. Ночной огонь

Дорога до Серебряных ключей оказалась достаточно длинной для того, чтобы новоиспеченные супруги смогли толком поговорить. Они ехали в довольно неуклюжей на вид, но неожиданно удобной карете весь день, остановившись пообедать в придорожном трактире. Почти все время до этой остановки Амариллис проспала, Риго не стал будить девушку, памятуя о ее усталости. Она сидела, прислонившись головой к подушкам, приоткрыв рот и изредка совсем по-детски вздрагивая во сне; муж накинул на нее легкую накидку и, высунувшись в окно, потребовал у возницы ехать поосторожнее. Однако после того, как Амариллис с завидным аппетитом проглотила обильный обед, Риго категорически запретил ей спать («А не то бука приснится… и кроме того, что ты будешь делать ночью, проспав весь день?») и, чтобы помочь ей превозмочь дрему, принялся рассказывать о своем детстве, об учебе в Арзахеле, о своей службе. Амариллис слушала того, кто в одночасье стал ее супругом, и потихоньку начинала понимать, как ей повезло. Риго, вопреки ее опасениям, не был ни размазней, всецело подчиненным папеньке, ни бездушным распутником, относящимся к жене, как к племенной кобыле, ни занудой-книгочеем. Напротив, он оказался любезным, остроумным, тактичным собеседником, и чем дальше они уезжали от Эригона, тем больше девушка надеялась, что сумеет поладить с мужем.

— …Так вот и получилось, что я привык почти всегда быть в разъездах. Сожалею, но тебе придется привыкать к моему частому отсутствию; кстати, а к чему ты вообще привыкла? я ведь немного знаю о тебе, хотелось бы исправить сие досадное обстоятельство.

— Я полагаю, у нас будет на это время, — и Амариллис несмело и лукаво улыбнулась, — а что касается моих привычек, то за последние несколько лет они слишком часто менялись. Я привыкала к разному. В родительском доме, да будет благословенна его тень, я была любимой, балованной доченькой, не знала ни бедности, ни заботы, ни страха… и все меня любили, и я любила всех. Потом балованной дочке пришлось стать служанкой… не скажу, чтобы мне приходилось уж очень тяжко, но разница все же была. Потом — рабыня; как говорится, из огня да в полымя. Страху я, конечно, натерпелась нешуточного, но зато попала в Ирем, обрела названого брата, взамен потерянных, и могла бы обрести настоящего друга, если бы не оказалась вопиюще безмозглой. Потом школа Нимы… это слишком долгий рассказ, приберегу-ка я его до зимы.

— А каковы привычки знаменитой танцовщицы? — поинтересовался Риго.

— Любимая работа. Дорога. Публика разных степеней распущенности… извини. Уверенность в друзьях. Знаешь, Риго, я только в труппе Лимпэнг-Танга начала расставаться со своей самой страшной и навязчивой привычкой — с сиротством…

Риго протянул руку и осторожно коснулся щеки Амариллис:

— Теперь у тебя есть дом; ты стала частью нашей семьи. И не кажется ли тебе, что круг твоей судьбы замкнулся — ты снова любимая, балованная дочь… вот приедем, загляни в сундук с подарками своего свекра — и убедишься в истинности моих слов.

— Любимая дочь — это хорошо… но меня все-таки не удочерили, не так ли? Я постараюсь не быть тебе в тягость, Риго, и не стеснять твоих привычек…

— Не говори глупостей. — Риго даже нахмурился, — Тысячи мужчин удавились бы от зависти, узнав о моем счастье, и, не колеблясь, отдали бы деньги — повесомее моих! — и титулы — погромче моего! — лишь бы занять место рядом с тобой… что там такое?

Риго открыл дверцу и в карету хлынули чернила августовской ночи, послышался лай собак и приближающиеся голоса.

— Это Озерки, селение рядом с поместьем. Скоро приедем. — и Риго улыбнулся.

— Это хорошо. — судя по лицу Амариллис, она решила держаться со спокойным достоинством, под каковым замечательно скрывается трусость. — Буду очень рада познакомиться с твоим дедом и родней.

— Не трусь. — Риго все отлично понял и на спокойное достоинство не купился. — Дед мой хоть и чудак, но детей не обижает… извини. Главное, не забывай восхищаться садом и по грядкам не ходи. А родственники… ничего особенного, так, дальние и нестрашные. Мы по приезде сразу спать отправимся, а утром я тебя всем представлю. Ну, вот и приехали.

Поместье «Серебряные ключи» купил дед Риго, Арчеш Мираваль, и именно из-за красот этого места он в свое время отказался от ратманской мантии — ей старик предпочел садовничий фартук.

От других богатых сельских усадеб Серебряные ключи отличал редкий по красоте сад, центром которого были два маленьких родника с целебной водой, обширная оранжерея, в которой ухитрялись выживать даже растения из Нильгау, и сам хозяин. В остальном — двухэтажный дом с просторной верандой, деревянная резная мебель, смешные грелки на длинных ручках,

нелощеные, но приветливые служанки, простая и сытная еда, темнеющий в отдалении лес — все было вполне обычным. Чего опять же никак нельзя сказать о хозяине…

Арчеш Мираваль встретил свое восьмидесятое лето и, судя по всему, собирался встретить и девяностое. Старший в линьяже Миравалей, он был невысок, гордо носил круглое пузцо, волосы его цветом напоминали соль, в которую по неосторожности просыпали перец, а количеством… да так ли оно важно в восемьдесят лет? Лицом он походил на клевачего петуха, на него же походил и норовом; одевался же как простой садовник — полотняные просторные рубаха и штаны, деревянные сандалии, фартук. У старика была одна забавная особенность — он очень часто говорил пословицами, и выговаривал их своим ядовитым тонкогубым ртом как в ногу клевал, остро и больно.

Кроме Арчеша в господском доме проживали дальние родственники Миравалей: пожилая бездетная пара, старый холостяк, помешанный на рыбной ловле, вдова разорившегося торговца; слуги — экономка, кухарка, пара горничных, конюх, садовник (вернее, помощник Садовника) жили в пристрое. Народу в поместье было немного: до Эригона далеко, кругом дикие леса; красиво, спору нет, но уж очень безлюдно. Не считая Озерков, рядом с поместьем других селений не было.

Несмотря на поздний час, супружескую чету встречали все обитатели Серебряных ключей; перед крыльцом выстроились слуги, кланяясь и улыбаясь, в просторной зале первого этажа собрались новые родственники Амариллис. Когда они с Риго вошли, на минуту стало тихо… девушка почти физически ощущала любопытство, переполняющее устремленные на нее глаза, и не решалась поднять собственные. Молчание прервал Арчеш Мираваль:

— Добро пожаловать, дорогой внучек, и ты, невестушка… Гость добрый, да час поздний… Ступайте-ка все спать, завтра налюбуетесь, — и, к удивлению Амариллис, все послушно поднялись и отправились восвояси. — И вы ступайте, комната ваша приготовлена. К завтраку разбужу рано, не обессудьте, так уж у нас заведено.

Молодожены поклонились и направились в свои покои, расположенные в западном крыле дома; и уже вслед им старик добавил:

— Кстати, внучек, учти, грядки с тыквами я колючим вьюном обсадил… — и довольно захихикал.

К завтраку их разбудили действительно рано. Амариллис с недовольным ворчанием вылезла из-под одеяла, Риго, спавший на другом краю широкого ложа, малодушно предложил ей право

первого умывания. В столовую они спустились последними, все остальные уже сидели за длинным столом, во главе которого восседал свежий как огурчик Арчеш. Кушанья подавала экономка; к ужасу Амариллис первым блюдом оказалась каша — густая, на сливках, овсянка. Судя по выражению лиц всех завтракавших, они, глотая липкие, тугие комки, вспоминали счастливое детство. Проглотив пару ложек, девушка отодвинула тарелку. Затем подали омлет; кухарка, готовившая его, не поскупилась на зелень, да и взбить не поленилась. Вскоре перед Амариллис появилась тарелочка с ягодами черной смородины. При одном виде этих северных ягод у нее свело скулы и в памяти так некстати всплыли персики из сада аш-Шудаха… решив, тем не менее, не обижать садовника, девушка оглядела стол в поисках сахара. Тут она заметила, что все, включая ее супруга, вкушают сии дары природы без оного, один только Арчеш слегка присыпал черные бусины смородины желтоватым тростниковым сахаром.

— Не стоит… — прошептал жене на ухо Риго, — сахар здесь дороговат, а дед малость скуповат. Потерпи немного, в наших покоях целый кофр с шаммахитскими сладостями.

Однако Амариллис — на правах новобрачной — все же решилась на дерзость и, потянувшись через стол, зачерпнула ложечкой из серебряной сахарницы один раз. Ложечка была очень маленькой, высыпавшиеся из нее крупинки можно было пересчитать, поэтому девушка потянулась к сахарнице во второй раз.

— Милочка, возможно в тех местах, откуда вы родом, смородина не так сладка как в наших, — Арчеш говорил вежливо и дружелюбно, — однако у нас она вполне съедобна…

Амариллис подняла глаза, с достоинством встретила насмешливый, колючий взгляд старика, совершенно спокойно взяла обеими руками сахарницу и высыпала все ее содержимое себе в тарелку. После чего поставила пустую на стол и обратилась к оцепеневшей экономке:

— Уважаемая Клеми (имена слуг ей предусмотрительно сообщил Риго), у нас закончился сахар. Будьте любезны, восполните сей недостаток.

После чего изящно откопала ложечкой смородину из-под сахарного сугроба и отправила ее в рот. За столом было так тихо, что Амариллис слышала поскрипывание сахаринок у себя на зубах. Уловив краем уха сдавленный вздох, она посмотрела на Риго — сжав губы и выпятив подбородок, он давился от смеха.

— Я очень рад за тебя, внучок, — в отличии от внука, Арчеш Мираваль смеялся, ничуть не скрывая этого, — у нее есть характер. После завтрака я покажу вам сад, деточка. Возможно,

вы найдете там что-нибудь повкуснее этой кислятины.

— Это неслыханная милость, — шепнул Амариллис супруг, — чтобы дед вот так сразу пустил к себе в сад? да еще с правом выбирать, что повкуснее?! Сделай милость, принеси мне из оранжереи пару персиков…

— Еще чего, — так же шепотом ответила ему жена, — такую милость заслужить надо. Кушай-ка смородину, дорогой муженек.

После завтрака все разбрелись кто куда; Риго закрылся в кабинете, просмотреть привезенные с собою бумаги, Амариллис занялась было разбором привезенных вещей, но от этого занятия ее освободила служанка, пришедшая сказать, что господин Арчеш ожидают молодую госпожу в саду.

Обойдя дом, Амариллис оказалась перед входом в сад — невысокой аркой, искусно выращенной в живой изгороди. Помедлив, она шагнула вперед и оказалась в царстве господина Садовника. Сад Арчеша Мираваля был весьма велик и действительно прекрасен. Прихотливо вьющиеся, переплетающиеся дорожки были засыпаны желтым песком или мелкими круглыми камешками, сочно-зеленая, шелковистая трава — ровно подстрижена; на невысоком всхолмье возвышалась оранжерея, на постройку и обустройство которой Арчеш угрохал все фамильные драгоценности своей жены — стеклянные пластины таких размеров стоили очень дорого, да и саженцы из южных пределов Обитаемого Мира тоже были недешевы. Вдоль живой изгороди были высажены фруктовые деревья, в самом саду они располагались небольшими живописными группами. Всевозможные цветники — от маленьких, умещающихся в каменном вазоне, до настоящих цветочных озер — поражали тонким вкусом и умением Садовника, подобравшего цветы и цвета как вышивальщица подбирает нитки для вышивки. Причем Арчеш Мираваль не упражнялся в составлении геометрически правильных композиций и не высаживал белые махровые маргаратки в форме чайки. На одной из клумб он собрал больше десятка сортов настурций, так, что они являли собой подобие солнца, нежно-желтого в центре и истошно-оранжевого по краям; вокруг солнечных часов были высажены цветы, раскрывающиеся или благоухающие в определенное время суток — в точном соответствии с тенью на циферблате. В глубине сада было выстроено подобие каменного грота, в котором звенели две водяные струйки, стекающие по мраморному ложу в маленький бассейн с голубыми лилиями.

— Господин Арчеш, уж не возревновали ли вы к славе Калима Пышноцветного? — спросила Амариллис, подойдя к ожидающему ее Садовнику.

— Это кто? — недоуменно поднял брови старик.

— Это нильгайский бог, мне про него одна подружка в школе рассказывала. Бог-растение, желающий весь мир превратить в лес.

— А-а-а… Каких только богов не напридумывают. И где теперь твоя подружка?

— В храме Калима, она его жрица.

— Угу. Интересная, видно, школа была. Школа научит, а жизнь поправит… Ну, пойдем, невестушка, покажу тебе мои владения.

И они направились вглубь сада. Амариллис не уставала искренне восхищаться и не скупилась на похвалы; через полчаса в корзиночке, заботливо прихваченной Садовником, лежал свернутый фунтиком лист, наполненный поздней августовской клубникой, рядом с ним сизым огнем рдел десяток крупных слив, желтели медовыми мягкими боками груши. Когда же они подошли к грядкам с пряными и лекарственными травами и Амариллис обнаружила свои неплохие познания, почерпнутые из «Великого Флорария», старик Арчеш был заметно обрадован и тут же обещал допустить ее к сбору трав. В оранжерее девушка выдержала не более пяти минут, впрочем, все шаммахитские персики были уже обобраны, а других она не признавала. Наконец они подошли к гроту с целебными родниками; вошли внутрь, сели на каменную скамью. Амариллис была рада прохладе — после оранжерейной духоты, восхищена садом, и вода оказалась такой вкусной… она откинулась на спинку скамьи и разнеженно улыбалась.

— Чему это ты так радуешься? — вопрос был задан холодно и насмешливо.

Амариллис не сразу нашлась с ответом.

— Что молчишь? Придумываешь, что соврать?

— Я плохо вру, неправдоподобно. Чему радуюсь?.. пожалуй, что всему.

— Смотрите-ка… и вправду есть, чему. Выскочила замуж за принца Эригонского, из танцовщиц — прямехонько в знатные дамы, из нищей повозки — в денежный мешок… Ты мужа-то своего до свадьбы хоть разок видела? или все равно было, лишь бы взяли?

— Видела. И не раз. Но вы правы, это было неважно. Потому что меня все равно бы взяли. Зачем спорить с судьбой, когда она желает тебе добра? стерпится — слюбится…

— Это ты о ком?

— О Риго, конечно же. Сама-то я люблю его… безумно. — и Амариллис с вызовом посмотрела на старика. Тот поджал губы и ничего не ответил. Все радужное настроение Амариллис

улетучилось, в памяти всплывали все страшные сказки о злющих свекровях и свекрах, а также о вредных стариках; ликующая палитра сада поблекла… как и перспектива делить кров со старейшим из Миравалей.

— Ну, хватит рассиживаться, — Арчеш хлопнул себя по коленям и поднялся со скамьи. — Погуляли и будет. Советую тебе, невестушка, найти себе какое-никакое дело, соизмеримое, конечно, с твоим нынешним положением… при здешней публике голышом не попляшешь. Ты хоть что-нибудь делать-то можешь? кроме как задом вертеть?..

Амариллис словно ледяной водой окатили. «Летел как ангел, упал как черт… — подумала она про себя, — что это с ним?»

— Первая-то жена Риго рукодельница была, — мало что не издеваясь продолжал старик, — домовитая, да и образованная…

Амариллис встала, гордо задрала подбородок и, прищурившись, взглянула на собеседника.

— Я знаю три языка, кроме всеобщего, на каждом умею писать стихи; знаю историю, придворный этикет всех столиц, обучена началам медицины. И никто в Нижнем Свияре не вышивал лучше меня. Если вы позволите, для начала я займусь целебными травами вашего сада… да и лишние пяльцы в доме, я думаю, найдутся. А сейчас, с вашего позволения, я вернусь в дом.

— Ступай, — Арчеш кивнул, не сводя с девушки пристального взгляда. — Травы я тебе, пожалуй, доверю. Там, с южной стороны, сушильня… погляди при случае. Иди, иди… муж, небось, заждался.

Постояв с минуту в прохладном коридоре, Амариллис постучалась в дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, вошла.

— Ну, как сад? — поднимая голову от весьма почтенного на вид пергамента, спросил Риго.

— Чудесно. — она сказала это так, словно побывала не в саду, а на лобном месте.

— Что, попало от деда? Не переживай, он со всеми новоселами так; а привыкнет, так и замечать перестанет. Кроме того, не навеки же мы сюда приехали. Через пару месяцев все в Эригоне наладится… и вернемся домой.

Амариллис подошла к Риго, впервые так близко за все время после свадьбы, наклонилась и тихо поцеловала его. Риго не сделал никаких попыток продлить поцелуй, даже не обнял жену; он погладил ее по щеке и вновь занялся делом. Она не стала ему мешать и молча вышла из комнаты.

Прошло уже три дня, как молодые Миравали обосновались в Серебряных Ключах. Амариллис познакомилась со всеми домочадцами, обнаружила целую коллекцию рамок для вышивки

и немеряный запас ниток, начала пощипывать травные грядки (старик пару раз придрался, но вполне терпимо); смородину на завтрак больше не подавали, зато в большущих медных тазах, под сенью уже уставших от тепла и света августовских деревьев начали варить варенье — груши на меду, сливы с пряностями; томили в коричневой карамели маленькие пунцовые яблочки, уваривали густой виноградный сок с орехами. Было тихо, истомно-тепло, воздух, напоеннный ароматами перевалившего за половину лета, сделался густым и нежным.

В этот вечер Амариллис раньше обычного поднялась после вечерней трапезы в свои комнаты. Она бесцельно прошлась по спальне, отворила окна, выходящие в сад, прямо на розарий Арчеша, зашла в небольшую кладовку, где хранились все привезенные ею вещи. Присела на пол возле одного из сундуков и открыла его: аккуратно сложенные, в нем лежали все ее наряды, в плоских коробочках поблескивали украшения, в самой дорогой, на черном атласе покоился Хранитель мелодий. Амариллис осторожно достала браслет, надела его на левую руку… все пять цепочек привычно обвились вокруг пальцев, сам же кристалл едва слышно зазвенел, приветствуя хозяйку. Дыша тихо-тихо, девушка приподняла самую верхнюю из одежд — темно-синий шелк, расшитый разноцветными нитями, под юбкой — лиф, украшенный подвесками горного хрусталя… сердце Амариллис дрогнуло и сжалось. И она поспешила отложить этот наряд в сторону; вынула второй, третий… Вокруг нее уже вздымались пышные цветные груды шелка, тяжелого атласа, газа и кисеи, а она доставала все новые и новые, гладила их, целовала, любовалась ими, и плакала, плакала…

— Вот ты где…а я уж забеспокоился, не сбежала ли от меня жена.

Он стоял в дверях, судя по всему, уже довольно давно. Словно не замечая слез Амариллис, Риго сказал:

— Какие красивые… а вот это я помню, в этом платье ты танцевала на коронационных праздниках в Арзахеле. Амариллис, ты… станцуешь для меня?

Не поворачиваясь, она кивнула.

— Подождешь немного?

— Сколько тебе будет угодно. — И Риго вышел из кладовой.

С силой выдохнув, Амариллис решительно запустила руки по локоть в сундук и достала с самого дна платье — ярко-алое, длинное, откровенно обливающее грудь, талию и бедра и разливающееся книзу водопадами шелка; низкий вырез и подол были украшены бахромой. Из небольшой коробки она достала пару черных замшевых туфель на низких, звонко подкованных

каблучках. Никаких украшений к этому наряду не полагалось.

— …разве только живой цветок в волосах. — Под насмешливым взглядом госпожи Эниджи Амариллис и Муна стянули с себя все бронзовые побрякушки и положили их обратно в плоскую вазу, стоявшую в углу учебной залы.

Со времени их первого выступления прошло чуть больше полугода. Однажды госпожа Эниджа оставила двух своих учениц после вечернего класса, отпустив остальных пораньше. Как она им объяснила, девушкам предстояло освоить какой-то особенный танец.

— Но почему только нам? Зачем нам этот танец?

— Ответ в твоем вопросе. — Эниджа внимательно смотрела на Амариллис. — Ксилле, к примеру, и в голову не пришло бы задавать его мне. Надо — значит, надо. А у вас с Муной вечно зачем да почему. Послушайте меня, девочки. Ваш путь, в отличии от других учениц школы, невнятен. Куда и к кому вы отправитесь — неизвестно. Это умение вам не повредит… вы научились искусству шаммахитского танца, пленяющего желание мужчины. Сегодня я покажу вам, как отпустить на волю свое собственное желание.

Когда Эниджа начала танцевать, девушки сначала недоумевали: где же танец? Их наставница застыла, гордо подняв голову, чуть изогнув спину; жили только ее руки. Они то распахивались, словно крылья птицы, пробующей силу ветра, то взмывали вверх, подобно весенним древесным ветвям, дрожащим от сладкого сока, то маняще изгибались, зазывая, обещая… Но вот дрогнули ее плечи, пальцы подхватили подол, каблучки выбили дробь… шаг, поворот, повелевающее движение подбородка… ноги притоптывают, гвоздиками шагов вбивая в пол заносчивое «Я — так — хочу!»… платье взлетает, на секунду обнажая бедра, и опадает, закручиваясь водоворотом… шаг, еще шаг, носок очертит полукруг, каблучок поставит точку… Ученицы смотрели, не отводя глаз и едва дыша, как на их глазах всегда такая сдержанная Эниджа превращается в миниатюрный пожар.

…Амариллис научилась этому танцу очень быстро.

— …мне понадобилось меньше недели, чтобы справиться с ним.

Девушка стояла в кладовке, уже одетая. Не хватало только цветка; но она решила обойтись без него — в ее коротких волосах закрепить цветок было нелегко. Постояв с минуту, она напела несложную мелодию-ритм, напоминая ее Хранителю, и, постукивая каблучками, вышла к мужу.

Риго сидел у раскрытого окна; в просторной комнате, служившей им гостиной, было уже сумрачно. Амариллис

остановилась, выпустила из ладони кристалл, выждала паузу и начала танцевать.

Словно язычок пламени зажегся в полутемной комнате. Амариллис танцевала, обретая прежнее безмятежное счастье лучшей плясуньи Лимпэнг-Танга, танцевала, забыв о своем обязывающем положении и прочей мишуре. Сама того не замечая, она превратила изначальную мелодию в один из лоркиных напевов… «И лучшей в мире дорогой…» — и запрокинута, словно в изнеможении, голова… «До первой утренней птицы…» — и Амариллис проводит языком по внезапно пересохшим губам, будто пробует их на вкус… и заполошно, в такт каблучкам, бьется ее сердце, отчаянно всплескивают руки… шаг, поворот — и она замирает, опустившись на пол у ног Риго.

Он поднял — совсем отцовским жестом — ее лицо, и заглянув в черные холодные глаза, девушка увидела в них пляшущие огненные лепестки; дрогнули ресницы… в ее зрачках зажглось ответное огненное мерцание.

— Итак, ты убедила себя? — он улыбался одними губами, храня в глазах предгрозовое молчание.

— Что?.. — Амариллис подняла в недоумении брови.

— Амариллис, — он продолжал невыносимо улыбаться, — я очарован тобою… давным-давно, и меня убеждать тебе нет нужды. Ты повелеваешь… ты позволишь себе — меня?..

Она позволила — обжигающе легко, словно во сне, который потом можно забыть; это не было счастьем; но как устоять перед огнем, который ты сама же и зажгла?..

Освобожденная от длинного, тяжелого в подоле платья, Амариллис легла в руки Риго — беленькая, легкая, как очищенный от коры прутик. Так ложится на землю первый снег, прозрачный и нежный. Ее тело плавилось в его руках, как податливый воск; казалось, что вся она обратилась в горячую воду, еще чуть-чуть — и исчезнет, расплещется, утечет. Но он держал ее крепко, очень крепко, и отпускать не собирался; жаркое дыхание высушивало испарину на ее лице; пальцы, сжимавшие запястья Амариллис, сомкнулись с силой капкана, и даже если бы она и захотела вырваться — ничего бы у нее, беспомощной и всесильной, не вышло. От прикосновений его сухих, искушенных губ она вздрагивала, сминая пальцами простыни; а Риго целовал ее, не торопясь, почти истязая неспешностью… эти поцелуи отнимали у Амариллис последние остатки разумения, воли, памяти, превращая ее в дрожащую от нетерпения, вожделеющую плоть. И когда он взял ее, безжалостно и сладко, она задохнулась в протяжном кошачьем визге, а потом расслабилась и замурлыкала, тихонько покусывая его плечо… покоряясь и

владея. Длинные, тяжелые черные волосы перепутались с короткими светлыми, прохладный августовский воздух дрожал над их телами, и в густой тишине вязли их неровные вздохи.

Так ложится на землю первый снег… невесомые, призрачные пушинки, осыпавшиеся с ангельских крыльев, сначала редкие, осторожные, превращаются вдруг в настоящую вьюгу… но такую нестрашную, нехолодную… Уставшая, почерневшая от летних трудов земля ловит их жадными губами, слизывает, впитывает, а они все летят и летят, и нет им конца, и они ничуть не боятся падения — ведь дальше земли все равно не упадешь… Летят, чтобы прикоснуться к остывающему телу земли, прилечь на нем воздушными сугробами, покрасоваться в свой черед белизной и нежностью… и превратиться в грязь.

Они заснули уже под утро, и служанка, пришедшая будить их к завтраку, еле-еле увернулась от бокала, брошенного в нее господином Миравалем-младшим, и уже за дверью выслушала приказание принести его в спальню.

— Я есть хочу. — Амариллис наспех умылась и забралась в постель, безнадежно смятую и всклокоченную.

— А я и подавно. — Риго обнял ее, разгладил спутанные волосы. — И как только у меня терпения хватило…

— Просто ты не подозревал, что упускаешь… — в награду за такую нахальную самонадеянность девушка получила щелчок по носу и пару несильных шлепков.

— Вас что, специально учили выражению неблагодарности?

Назревающую первую семейную перепалку прервало появление служанки с тяжеленным подносом. Умудряясь лукаво отводить глаза и одновременно шарить ими по всей комнате, она поставила его на стол возле кровати и, пряча улыбку, удалилась.

С этого дня в покоях младших Миравалей часто звучала музыка — и под вечер, и в истомный полдень; к завтраку супруги спускались редко, под глазами Амариллис залегли легкие голубоватые тени, губы ее припухли и розовели так соблазнительно, что даже старый холостяк, существо безобидно-бесполое, увидев ее однажды идущей из сада в дом — в легком алом платье, с букетом поздних пионов — остановился как вкопанный, постоял с минуту, как-то плотоядно облизнулся, но потом махнул рукой и отправился к ручью удить рыбу. Риго совсем забросил привезенные бумаги, целыми днями гулял по саду, бездельничал, купался в небольшой заводи неподалеку от дома. И почти всегда рядом с ним была Амариллис. Он не отпускал ее от себя ни на шаг, смеялся ее немудреным шуткам, расспрашивал о прежнем житье-бытье, сам пускался в долгие запутанные повествования, и очень часто, внезапно прервав

разговор, брал своими длинными, сильными руками Амариллис за плечи, разворачивал ее к себе лицом и начинал целовать так жадно, что она поначалу даже пугалась. И когда много-много лет спустя он, Риго Мираваль, ратман Эригона Баснословного, вспоминал эти дни, перед глазами его всегда вставала одна и та же картина: ясный летний день — из тех благословенных дней, которые сами боги держат в ладонях и все не могут ими налюбоваться, — безымянный приток Каджи и переброшенный через него ствол дерева, а на нем сидит светловолосая девушка, болтая в воде голыми ногами, вздымая веера брызг и смеясь в тон звенящим каплям. В левом ухе у нее поблескивают серебряные колокольчики, легкая ткань платья спустилась с одного плеча и август спешит прикоснуться к нему, согреть, позолотить… Она оборачивается к нему, призывно машет рукой, говорит что-то… не разобрать… не слышно за пеной лет. Потом встает, удивительно легко балансируя на мшистом зеленом стволе, перебегает на берег и сама направляется к нему, улыбаясь так, что уже изрядно поседевший ратман Мираваль вздрагивает и с трудом переводит дыхание… и кажется ему, будто сердце его срывается и падает, куда-то… далеко-далеко… в бездну, полную ворохами цветочных лепестков, пышных и легких лепестков поздних пионов. И опускал свое лицо Риго Мираваль, ратман Эригона, закрывал глаза рукою и терпеливо ждал, когда уймется его сердце, когда избудет оно эти воспоминания — проклятые и благословенные…

Проходили дни, складывались недели; август вот-вот должен был уступить место сентябрю. Однажды утром Амариллис, оставив нетронутым принесенный завтрак (ей что-то не хотелось есть) и решив не будить спящего мужа, встала с постели и тут же была вынуждена схватиться за резной столбик, поддерживающий легкий полог, и присесть на край кровати — так сильно закружилась у нее голова. Головокружение скоро прошло, однако усилилась прежде едва заметная тошнота. Она недовольно покачала головой и вдруг растянно ахнула, прижав ладонь к щеке. Истомленная усладами последних недель, девушка совсем забыла о своих днях; и прежде они проходили быстро, почти не мешая ей, но на этот раз они уж слишком запоздали — уже на полтора десятка дней, машинально прикинула она в уме. Так же машинально она протянула руку, взяла с подноса чашку с медовым молоком, и выпила больше половины.

— Моя ранняя пташка уже проснулась? — сонный голос Риго вырвал ее из хоровода всполошенных мыслей. — Не забыла — сегодня должен приехать отец. Так что давай-ка вставать.

Амариллис рассеянно кивнула. В самом деле, еще вчера в

доме готовились к ратманскому приезду.

— Что, не выспалась? — если и была в голосе Риго насмешка, то очень теплая и ласковая. — Ничего, приляжешь после обеда. Подай-ка мне запеканку, дружок. И чаю налей.

Амариллис встала, налила из горячего глиняного чайника ароматного травяного чаю, и подняла крышку с серебряного блюда: на нем лежала капустная запеканка с мясом, политая коричневой подливой. Втянув носом густой, мясо-капустный аромат, девушка внезапно побледнела, выронила крышку; едва она успела отвернуться, как ее тут же стошнило только что выпитым молоком… прямо в домашние туфли супруга.

Кашляя и брезгливо утирая рот, Амариллис не знала, куда деваться. На плечи ее легла рука Риго.

— Что случилось? Болит что-нибудь? Что ты вчера ела? — судя по тону, он был искренне обеспокоен.

— Ничего не болит. Тьфу… ме-е-е… - и она помотала головой. Риго помог ей подняться и присесть на кровать. Он поглаживал ее по спине, успокаивающе, нетребовательно, как вдруг рука его замерла и он, взяв ее за подбородок, заглянул ей в лицо.

— А ты, часом, не… — казалось, он не решался выговорить это слово. — Когда последний раз были твои дни?

— Полтора месяца назад… ой… меня тошнит… — и Амариллис прижала ко рту ладонь. А Риго, не обращая внимания на ее судорожное булькание, обхватил ее, сжал крепко-крепко… и почему-то длинно и затейливо выругался.

Ратманская карета, в сопровождении нескольких солдат городского гарнизона (уж очень отдаленное было место), подъехала к дому уже под вечер. Сириан, терпеливо выслушав все приветствия, оглядел сидящих за вечерней трапезой.

— Благодарствую… Отец, вы по-прежнему отказываетесь стареть… молодеете вместе с садом. Риго, похоже здешний воздух пошел тебе на пользу, даже румянец появился. А где же твоя молодая жена?

— Ей… немного нездоровится, отец. Она прилегла отдохнуть.

И тут, словно в подтверждение этих слов, на лестнице, ведущей во второй этаж, послышались легкие быстрые шаги, за которыми торопились другие, более тяжелые.

— Да оставьте же меня в покое! Я вам уже сто раз сказала, что прекрасно себя чувствую!! — голос Амариллис звучал рассерженно и нетерпеливо.

Сидящие за столом подняли головы и увидели пару босых ног, стоявших на верхней ступеньке лестничного марша; ноги спустились на пару ступенек, волоча за собой какое-то длинное и

просторное одеяние и задержались, чтобы хозяйка их успела ответить на невнятно прозвучавший вопрос.

— Да, я знаю, что должна быть здоровой. А разве для этого все девять месяцев нужно потеть под одеялом?!

И ноги снова решительно зашлепали по ступеням.

Уложенная стараниями мужа в постель почти на целый день, под вечер Амариллис взбунтовалась. Отбившись от приставленной сиделки, роль которой с охотой взялась исполнять одна из служанок постарше, она накинула на легкую рубашку просторный платок и направилась прямиком в столовую: сообщить ядовитому стручку (так она называла про себя Арчеша), что пора сажать горный чеснок в зиму, попросить у Клеми смородины из ее запасов — да покислее! и поговорить с Риго. Спустившись, она не сразу поняла, что происходит: все смотрели на нее как-то странно, и почему-то молчали.

— Это правда? — Сириан крепко сжал пальцами подлокотники кресла, заглядывая в лицо сыну.

— Да. Надо, конечно, пригласить доктора, но… да, это правда. — Риго встал и подошел к стоящей на лестнице жене.

— Прости, я, кажется, перестарался. Но вот бегать босиком я тебе категорически запрещаю. Иди сюда, — с этими словами он подхватил ее на руки и понес обратно наверх. Когда они вновь спустились, Амариллис была одета в простое домашнее платье, обута в мягкие меховые туфли и выглядела удивительно уютно и мило. Она подошла к ратману, поцеловать по обычаю его руку, но Сириан сам встал ей навстречу, ласково взял за плечи и поцеловал в лоб.

— Здравствуйте, дитя мое, — Сириан усадил Амариллис в небольшое кресло рядом с собой. — Вот видите, я оказался прав — не прошло и месяца со дня вашей свадьбы, а вы уже готовы подарить мне внука. Риго, нечего закатывать глаза и качать головой, доживи до моих лет, тогда и поймешь, насколько внуки долгожданнее детей.

— Но… а если у меня родится девочка? — Амариллис невольно покраснела, словно сказала какую-то нелепость.

— Ни в коем случае, госпожа. — Стоявшая за креслом Арчеша Мираваля экономка возразила с достоинством и знанием дела. — Ни в коем случае. Вас тошнит по утрам, а это вернейший признак того, что это именно мальчик. Они вообще куда более капризны, уже и в утробе. От девочек не тошнит, наоборот, такой аппетит просыпается… только держись! А вы до обеда от одного запаха еды бледнели. Ничего, через месяц это пройдет.

Сириан посмотрел на экономку с благодарностью и перевел взгляд на Амариллис.

— Я останусь здесь на неделю. Риго, вернешься со мною в город, ты мне нужен. Не хмурься, я буду тебя отпускать повидаться с женой.

— Разве я не поеду вместе с Риго? — Амариллис вопросительно взглянула в глаза свекра. Тот покачал головой.

— Моя дорогая, по обычаю дома Миравалей вы останетесь в поместье. Ребенка лучше вынашивать вдали от суеты и соблазнов города, здесь вам будет спокойнее. Или вам здесь не нравится? Тогда мы можем перевезти вас в Вересковый Лог, это совсем близко к морю…

— Нет. К морю я не хочу. С вашего позволения, я останусь здесь.

Перед сном Риго зашел в комнату отца. Тот ждал его, сидя перед массивным письменным столом, кутаясь в просторный мягкий халат. Риго вошел, поклонился и протянул отцу кожаный кошель; ратман взял его, раскрыл, заглянул внутрь.

— Ты даже не распечатал их? — в его голосе прозвучало что-то, похоже на удивление.

— Именно так. Конечно, по части обаяния мне до вас далеко, отец, но… и я на что-то гожусь. Так что отдайте это мессиру Аурело, может, кому другому понадобится. Как наши дела в городе?

— Неплохо. Люди мало-помалу приходят в себя, похоронная команда уже две недели, как распущена; возвратились почти все уехавшие. Больницы потихоньку пустеют… кстати, мэтр Аурело уехал.

— И куда?

— Для начала — в Вересковый Лог. Потом — поближе к Арзахелю, помнишь, есть там одно местечко…

— Помню. Он дорого запросил?

— Ты меня удивляешь, сын. Ты бы еще спросил, солены ли по-прежнему воды морские. Конечно, дорого. Столько же, сколько в прошлый раз за книгу.

— И что он собирается с нею делать? — ни малейшей тревоги не было в тоне Риго, только интерес.

— А это уже не наша забота. Считай, что она уснула, как принцесса в сказках.

Риго покивал, усмехнулся, прошелся по комнате и присел рядом с отцом.

— Кстати, сын, что случилось с твоими манерами? Помнится, раньше ты никогда не забывал поблагодарить меня… или ты чем-то недоволен? хотя по тебе не скажешь, скорее наоборот… — и ратман, поигрывая бровями, улыбнулся.

— Я благодарен вам, отец. Так сильно, что боюсь, не

пришлось потом пенять, — Риго избегал смотреть отцу в глаза и поэтому не видел, как игривое поигрывание бровями перешло в хмурую складку у переносицы.

— Я вовремя приехал. Тебе пора… иначе, чего доброго, ты совсем размякнешь. Будем считать, что я ничего не слышал, кроме благодарности за приятно проведенные полмесяца. Не стоит благодарить, сынок, — ратман отечески потрепал Риго по плечу, — ты давно нуждался в отдыхе. А теперь поди, пообещай девочке, что привезешь кучу подарков по приезде, а то ее личико совсем вытянулось… Ступай, Риго, доброй ночи.

После отъезда Риго и Сириана прошел уже месяц. Вкрадчиво, на мягких сентябрьских лапках в сад старика Арчеша прокралась рыжая лисица-осень, каждое утро намекая ему на то, что пора готовить соломенные снопы, которыми укроют на зиму розы, или выкапывать особо редкие тюльпанные луковицы, или — дошло и до этого — начинать подметать дорожки. Амариллис иногда скучала; по Риго, а не от безделья. Ей хватало забот с травами, да и затеянная вышивка тоже не сразу задалась. Однажды сидение с пяльцами у раскрытого в сад окна ей окончательно надоело и она решила, что заслужила небольшую прогулку. Накинув теплый плащ (было еще почти по-летнему тепло, но выслушивать выговоры и уговоры всех обитателей Серебряных Ключей было выше ее сил), Амариллис вышла из дома, сказала встреченной экономке, что направляется пройтись немного… так, вокруг сада… и, не спеша, пошла по дороге, ведущей за пределы поместья. Увлекшись прогулкой, живописными окрестностями дороги, вольным воздухом, она сама не заметила, как зашла гораздо дальше, чем предполагала.

Серебряные Ключи давно скрылись за поворотом, темневший вдалеке лес надвинулся, заслоняя горизонт; облака лениво покачивались в остывающем небе, было тихо… только какая-то птица негромко посвистывала в траве. Амариллис свернула с дороги, дошла до сквозящего борка, не больше, чем в десяток сосен, и присела на толстый сухой мох, похожий на шерстяной ковер. Прислонилась к теплому сосновому боку, скрестила по-шаммахитски ноги, а правая рука как-то сама, инстинктивно, легла на живот. Она просидела так больше часа, в покое и умиротворении. Ее не тревожили воспоминания, не нудела над ухом забота, да и мыслей-то особых в голове не было. Прислушиваясь к тихому теплу, растущему в ней, Амариллис в кои-то веки чувствовала себя абсолютно правой; ни перед кем не нужно было оправдываться, и в виноватых объяснениях нужды не было. Домой она шла не спеша и вернулась уже в сумерках.

— Где это ты шлялась, мерзавка ты этакая?!

Арчеш Мираваль стоял посреди зала, злобно вытаращив глаза и только что не скаля зубы. От его крика, срывающегося на визг, Амариллис вздрогнула и остановилась.

— Куда тебя понесло на ночь глядя? в табор, что ли, вернуться решила?

— Какой табор? — недоумевая и уже злясь, спросила Амариллис.

— Да хоть какой! Отвечай сейчас же, куда тебя носило! — Арчеш таращился на нее, как кот, которому наступили на хвост, и загораживал лестницу. Так что сбежать Амариллис не могла.

— Я ходила погулять. К лесу, — и кивком головы девушка указала, куда именно ее носило. — Или это запрещено? И чего мне еще нельзя? Скажите уж сразу… — когда Амариллис обижалась, то становилась очень несдержанной на язык. — То, что с первой женой Риго мне равняться нельзя, это я уже поняла. Куда уж мне, с моим таборным прошлым. Сад ваш мне тоже не по носу — и это ясно. Травы срезаю бестолку, сушу так и вовсе без понятия, про варенья и говорить нечего — если какое пригорело, то непременно мое. Что еще? Ах да, нельзя рвать пионы без спроса. И как только в меня терпите, господин Арчеш? — и тут Амариллис, прервав свою язвительную речь, заглянула в лицо ядовитому стручку. И замолчала. Потому что увидела в его глазах слезы… и искреннее беспокойство. И вспомнила, как точно так же кричал на нее отец, когда она загулялась однажды с подругами и явилась домой уже после ужина.

— Простите меня, я виновата. Можно, я пойду к себе, я очень устала.

Арчеш молча посторонился, девушка бочком проскользнула мимо него и поспешила спрятаться в своей комнате. За окном было уже совсем темно, порывы ветра проносились с резкостью пощечины… и Амариллис порадовалась тому, что в комнате ее закрыты ставни и разведен огонь в камине. Она присела у огня; ей было жаль утраченной безмятежности, обретенной во время прогулки, и немного стыдно. Посидев еще немного, она поела, хотя есть особо не хотелось… но — это было нужно не только ей, да и еда, оставленная на столе, заботливо придвинутом к огню, была хороша. Отдохнув, Амариллис придвинула к себе рамку с почти завершенной вышивкой, зажгла свечи и принялась за работу. Вышивка всегда успокаивала ее, скольжение легких цветных нитей убаюкивало любые тревоги, а рождение яркой, переливчатой картинки радовало сердце. Вот две бабочки порхают над ярко-зеленой травой, глянцевая букашка ползет по широкому листку, и повсюду цветы — растрепанные, причесанные, кудрявые головы. Амариллис так увлеклась, что

позабыла обо всем, кроме возникающего под ее пальцами шелкового лета.

— Амариллис… тебе давно пора спать. — В голосе неслышно вошедшего Арчеша не было и тени давешней злости. Незваный гость вошел в комнату девушки, потрогал, хорошо ли закрыты ставни, и присел рядом. Амариллис поспешно накинула на вышивку кусок полотна.

— Ты уж прости меня… — начал было Арчеш, но девушка перебила его.

— Это вы меня простите, я не должна была уходить так надолго… просто я не привыкла к тому, что обо мне так заботятся.

— Да уж… Позаботились, ничего не скажешь. Оставили девчонку в глуши, среди стариков ди прислуги, как клушу какую. Да-а-а… замуж выходила за ратманского сынка, а угодила в деревню… красная ягодка, да на вкус горька. Ну, не мое это дело. Ты в сад сегодня не заходила? нет? то-то и оно. Эльфья трава свернулась, пожухла, пестроцветы все листья пороняли — и это за одно утро! да еще ветер сменился на северный… холода идут. Недаром на исходе весны почки с треском лопались, зима будет ранняя. И холодная.

Так что готовься хорошенько поскучать… хотя, ты вроде пока справляешься. — и старик с интересом взглянул на закрытую от его глаз вышивку. Амариллис смутилась, но тут же решительно сдернула полотно.

— Простите, невежливо было прятать ее. Просто я хотела сделать вам подарок. Это нарядная рубаха, — с этими словами она развернула рамку к старику Арчешу.

В рамке был закреплен перед белой рубахи, рукава свисали по обе стороны, как длинные лепестки, а по вороту и клином на груди шла наполовину законченная вышивка — пышное разнотравье, кусочек цветущего луга, пересаженный на дорогое полотно. Арчеш несколько минут молча рассматривал вышивку, осторожно прикоснулся к цветочным лепесткам, созданным из тончайшего переплетения розовых и карминно-красных нитей, и сказал:

— Зря я беспокоился. Скучать ты не будешь. Ты позволишь иногда приходить к тебе, посудачить по-стариковски, почитать тебе наставления? — и он улыбнулся, подмигнув девушке.

— Ну конечно, господин Арчеш, когда вам будет угодно, — поспешила ответить Амариллис; в самом деле, не говорить же ему: «Отстань, ядовитый стручок, и без тебя тошно…» Но Арчеш понимающе усмехнулся:

— Не бойся, надоедать не буду. А поучиться кое-чему тебе и

вправду не мешает. Например, куда можно одной ходить, а куда — нельзя. Ты ведь в сторону большого леса ходила, мимо борка, ведь так? А ты знаешь, что в той стороне болота? Зеленые такие, что твой лужок, цветочками поросли, кустиками ягодными… Ты ж ведь девочка резвая, неровен час, добежала б до них — и поминай, как звали! Трясина сожрет, не подавится. Так что ты гуляй себе, сколько душе угодно, только скажись сперва, куда идешь. А сейчас давай-ка укладывайся спать, поздно уже. Спокойной ночи, невестушка.

Когда на следующее утро Амариллис выглянула в окно, то не поверила своим глазам: выпал первый снег. Ночью он прокрался в сад, выбелил все дорожки, присыпал деревья и кусты; правда, он уже начинал подтаивать, собираясь в небольшие лужицы, но все равно — это был первый снег, в самом начале октября! Тут между розовых кустов, заботливо укутанных соломой, показался Арчеш. Он кивнул Амариллис и крикнул:

— Ну, что я говорил? Рановато, конечно, да что поделаешь?! Ничего, невестушка, выше нос — алмаз алмазом режется. Спускайся после завтрака, поможешь мне. — и заспешил по садовой дорожке, оставляя цепочку четких следов.

Глава четырнадцатая. Камень преткновения

Они стояли друг напротив друга, сжимая кулаки и со свистом выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы.

— Как ты мог допустить это?.. почему не предостерег ее? — судя по тону, Арколь задал этот вопрос уже не в первый раз.

— Ах вот что… Ты желаешь знать, как это я допустил это… так вот, мэтр Арколь, я скажу тебе, что я не просто допустил это, и не лег брюхом поперек порога, но я еще и посоветовал ей поторопиться со свадьбой, не дожидаясь, пока ты соизволишь благословить ее!

На плечо дернувшегося Арколя легла рука Орсона; он молча сбросил ее.

— А ты чего хотел? Чтобы девочка всю жизнь при тебе в приживалках состояла, детишек твоих нянчила? Нет уж, пусть лучше своими собственными обзаведется, да поскорее, пока ее прелести в цене и есть тот, кто в состоянии эту цену заплатить! И не таращься на меня так, будто я ее в рабство продал! Да за ратманского сына и герцогская дочка не то что пойдет, а вприпрыжку побежит! — и Лорка, как всегда, когда бывал зол, отпустил длинное и грязное ругательство. — Сам подумай, что ее ждет лет через десять? Замуж — да за кого?! При тебе оставаться?! А может, в монастырь пойти?!

— Идиот. — кратко сформулировав сей неутешительный для Лорки вывод, Арколь протянул руку — Дай письмо.

— Да возьми. — и Лорка протянул ему сложенный лист бумаги.

Пока Арколь читал письмо, все присутствовавшие при первой серьезной ссоре среди детей Лимпэнг-Танга, — сами артисты, старший брат Лорки, капитан Яго Бреттиноро, — молчали, тяжко, словно у постели умирающего. Наконец Арколь опустил лист на колени.

— Что мне делать, Венона? — он задал этот вопрос таким недоумевающим, беспомощным тоном, какого от него отродясь никто не слыхивал.

— Для начала успокойся. Раз девочка пишет, значит, жива и здорова. Раз пишет, что совершенно счастлива, — значит, по крайней мере, довольна. А раз зовет в гости — значит, это писала наша дуреха Амариллис… так нас и пустили в ратманские покои… да еще в качестве друзей будущей госпожи ратманши. Ей это пока, судя по письму, не объяснили.

Венона усмехнулась, но тоже не особенно весело, одними губами; глаза же ее, вновь бархатно-карие, благодаря медальону Лиусса, оставались грустными.

— Простите, что вмешиваюсь в ваши семейные дела, но чем вы, собственно, недовольны? — подал голос брат Лорки, — Насколько я понял, мезальянса особого не произошло: девица происходит из уважаемой семьи…

— Девица — круглая сирота. — сказал, как укусил Арколь.

— Да, но в посмертии ее отец ведь не превратился в золотаря, ведь нет? Уважаемая, некогда богатая семья, не без влияния в городе. А что Миравали? Только что богаты, а так… не королевской крови… даже не баронской. Смею напомнить вам, что матерью нашего нынешнего герцога была мизоанка, снизошедшая до великого герцога Арзахельского… между прочим, после очень долгих уговоров! Знатности в ней было — не больше чем в дворовой кошке, а какая была герцогиня… Весь Арзахель ей под ноги ковром стелился.

Яго, совершено не похожий на Лорку, говорил негромко и размеренно; в голосе его была привычка несуетливого повеления и спокойная уверенность в своей правоте. Был он невысок, смугл и абсолютно лыс; к Лорке относился снисходительно и ласково. В отличие от младшего брата, Яго примирился с майоратом, не считал зазорным водить отцовские корабли и получать за это жалованье… которое ему, сказать по правде, вечно не доплачивали. Именно в его дом Лорка привез своих друзей, спустя неделю после того дня, как золотой ветряк Эригона остановился.

Он не стал дожидаться возвращения Веноны и Арколя; собрал одну из актерских повозок, уложив Рецину и Лиусса и усадив близнецов и силача, запряг лошадей, сам уселся на своего Серебряного — и был таков. Не в привычках Лорки было долго раздумывать, и, кроме того, ему хотелось поскорее удрать из Эригона. Неделю с лишним ехали они по пустынному тракту, мало-помалу приходя в себя — не без помощи предусмотрительно купленных Лоркой зирэ — пока не остановились у ворот дома Яго Бреттиноро. Капитан, по счастью оказавшийся дома, принял их без излишних расспросов, пригласил для все еще мутноглазых Рецины и Лиусса врача. Артисты провели в его доме уже больше двух недель, когда однажды под вечер нежданно-негаданно явились Арколь и Венона.

Едва оправившись от полученных в Ньерде ран, Арколь наведался в Эригон, нашел Венону и, рассказав ей обо всем, без труда уговорил поехать с ним в дом Сыча. К сожалению, Венона помогла не многим — она совсем ничего не знала о повадках

корабельных крыс, а выглядела так, что Сова устроила Арколю настоящий скандал — как, мол, он посмел тащить в такую даль умирающую.

— Как же ты проглядела крысенка? — только и спросил Сыч.

— Слишком хорошо знала, что с их проклятым племенем покончено. Опять же, цверг… такой весь из себя несчастный… работящий… абсолютно ничего от крысы.

На этом месте их только что начавшийся разговор прервала Сова, сказав, что не позволит мучать допросами… умирающую, и увела Венону.

Утром следующего дня они сидели на просторном крыльце сычова дома — сам хозяин, его жена, Арколь, все еще неловко держащий левую руку, и Венона, выспавшаяся впервые за много дней.

— Что будем делать, милостивые государи и государыни? — нарушил молчание Сыч.

— Лорка как-то говорил, что один из его братьев — капитан. Денег у нас, после эригонских праздников, хватает… — принялся размышлять вслух Арколь.

— Можешь не продолжать, — прервал его Сыч, — посмотри лучше на мою госпожу.

Действительно, выражение лица Совы не сулило ничего хорошего предложившему морскую прогулку.

— А на аренду небольшой армии ваших денег хватит? — язвительно поинтересовалась она. — Или вы собрались штурмовать Муспельские острова втроем?

Арколь открыл было рот, но, не нашедшись ничего сказать, тут же его и закрыл.

— Остается только одно — ждать. Ждать, пока они не разобьют себе лбы об этот камень и не решат продать его.

— Почему ты думаешь, что они станут торговать таким артефактом? — и Арколь вопросительно воззрился на Венону.

— Как я поняла из твоих объяснений, корабельные крысы очень практичны. И если они не смогут подчинить себе алмаз темной крови — а скорее ты полюбишь Дочерей Добродетели — то попросту приторгуют его. На кой ляд им хоть такой, хоть разтакой артефакт, от которого нет никакого толку?! А денежка пригодится.

— Ты права. Придется ждать. — И Сыч досадливо поморщился. Он всегда предпочитал нападение обороне.

— Раз так, мы вернемся к друзьям.

— Сначала вы немного отдохнете. — Возражать Сове Венона не решилась. — Куда вы такие поедете? Вояки… Да вас мои брауни одолеют. Арколь, марш в дом, пора повязки менять.

Венона, выпей-ка меду и ступай спать.

— Все это очень разумно, — подал голос Арколь — но как мы узнаем, кому крысы будут продавать камень?

— Эх, мэтр Арколь, — ухмыльнулся Сыч — когда тебе хочется развлечься, ты ведь не на кладбище идешь, а в веселый дом, к девицам, ласковым и безотказным. А если кто поторговаться желает, так он идет к торгашам… в Эригон Баснословный. А не в Лис-Арден.

* * *

— Глянь-ка, опять у сиротинки ни хрена не вышло, — и кровоногий, просоленный не хуже вяленой рыбы моряк сплюнул на серые каменные ступени, точнехонько между двумя такими же жирными плевками.

— Ага… значит, опять за свежаком топать. О, щас блевать начнет… точно. Скока раз я ему говорил, не пей много неостывшей крови. Молод еще. — И второй, точно такой же матрос снисходительно усмехнулся.

Когда «Покоритель бури» благополучно пришвартовался у одного из Муспельских островов, Фолькет, всю дорогу не расставававшийся с половинкой лимона, выполз на берег с намерением никогда больше не подходить к морю. Его уже ждали. Фолькета отвели вглубь острова, оказавшегося вполне пригодным для жизни — за серыми скалами пряталась долина, поросшая душистыми травами и кустарником, вилась крошечная речушка, скорее ручей, бравший начало у скального родника. Несколько домов, сложенных из известняка, обставленных солидно и удобно, и никаких тебе трактиров и прочих заведений; как оказалось, здесь жили немолодые, респектабельные крысы… капитаны и банкиры. В пещерах, выдолбленных руками рабов и случайно получившихся у природы, хранилось оружие, товары со всего Обитаемого мира и, конечно же, золото. Очень много золота.

Фолькета привели в один из серых домов, где он имел продолжительный и содержательный разговор с высохшим, сморщенным стариком, перед которым все замолкали и расступались. Подарочку была предложена более чем почетная роль единственного мага Муспельских островов.

— Видишь ли, сынок, мы к магии ну совсем не способны… — и старик, словно извиняясь, разводил руками, а у Фолькета мурашки ползли по спине и почему-то вспоминался Кэдмон. — А ты, судя по всему, и поучиться успел, и сам не дурак. Камешек-то

при тебе? покажи…

Подарочек дрожащими пальцами вытащил кольцо из-за ворота.

— М-да… ты уверен, что не подобрал его в куче гравия? Ну-ну… шучу. В общем, так. Жить будешь в моих пещерах, я уже распорядился приготовить тебе и спальню, и кабинет. — И старик жутенько захихикал. — Инструменты твои все там… мои ребятки их прихватили. Рабочий материал получишь через месяц…

— Сколько? — осмелился поинтересоваться Подарочек.

— А сколько влезет. Это не твоя забота. Твое дело — раскрыть камень, хотя бы раскрыть… для начала. А там поглядим.

— А если не раскрою?.. — и Фолькет, вспомнив все предыдущие попытки, закусил губу.

— Ну и невелик наклад. И пес с ним, с алмазом этим. Продадим, и вся недолга. А ты нам нужен, хоть с ним, хоть без. Кэдмон тебя учил недолго, но раз он за тебя взялся, значит, ты того стоил. Я тут кое-какие книги припас, полистай, полюбопытствуй… — и старик протянул Фолькету пару книг в переплетах черной кожи. Тот схватил их и прижал к груди.

— Эй, отведите-ка нашего мага в его пещеру! — и двое одинаково кривоногих моряков, по всей видимости приставленных к Подарочку, повели его через зеленую, ухоженную долину к серым прибрежным скалам. В пещере царил полумрак, пол был усыпан мелкой галькой, по стенам змеились черные трещины. От небольшой площадки, выполнявшей роль передней, шли два коротких коридора; один приводил в маленький, неожиданно уютный покой с удобной мебелью и коврами, другой — в зал побольше, где в стены предусмотрительно были вбиты кольца с цепями, и был приготовлен алтарь. На тяжелом каменном столе подмигивали фолькетовы родные инструменты, в шкафах блестело стекло многочисленных склянок… Фолькет огляделся и умиротворенно вздохнул. Он был дома.

Первые недели своего мирного жития цверг посвятил книгам. Они оказались хороши; не настолько, впрочем, чтобы он продолжал тискать их в объятиях, но все же некоторые дельные советы в них нашлись. Вспомнив все проделанные и оказавшиеся неудачными опыты, Фолькет постарался сделать то, чему никогда не учил его отец: создать что-то вроде системы, хоть как-то упорядочить производимые изыскания. Кэдмон обучал его очень беспорядочно — таким заклинанием можно любой замок вскрыть, этим травяным сбором окурить — заснут все непробудным сном, а этими щипцами очень удобно… В книгах же все то же самое

было изложено стройно, строго и сопровождалось отличными иллюстрациями. Отныне Фолькет решил расстаться с образом чернокнижника-недоучки, ляпающего одно заклинание за другим — а ну как повезет? и действовать в духе полученных книг — не торопясь, постепенно усложняя приемы и не надеясь на успех, а методично его выгрызая. Как и следовало ожидать, подобный образ действий получил полное одобрение со стороны господина Брика (того самого старика), который уже через неделю потребовал у Фолькета отчета.

Почти месяц цверг упражнялся с пантаклями, коих вычертил великое множество — настроенных на звезды, на теллурические токи, на подземные реки… Потом наступил черед эликсиров; Фолькет ночами сидел возле перегонного куба, молитвенно взирал на кипящие в ретортах составы, смешивал потребные ингридиенты совершенно непотребного вида и запаха в небольшом свинцовом котле и, распевая заученные со слов матери заклинания, окунал туда камень. Однажды он решил на свой страх и риск смешать новый состав, им самим придуманный; за одной составляющей ему пришлось плыть в Пойолу и там самолично копаться в изгарной яме, куда выбрасывали околевших рабов; после этой экспедиции даже видавшие виды крысы морщились, учуяв Подарочка. Однако эликсир получился на славу: тошнотворно-густой, отливающий радужной медью, как брюшко жука-навозника, томно вздыхающий в свинцовых объятиях котла. От него исходили необычайно сильные, почти что видимые волны какой-то гнусно-ядовитой, подлой эманации; про себя цверг окрестил свое творение «отцеубийцей». Создавая его, он пустил в ход все свои знания, стараясь ничего не упустить; перебрал все известные яды, выбрав наиболее коварные и жестокие… трупные черви, содержимое кишков мертвеца, безумно дорогие порошки из самых маленьких баночек, ждавшие своего часа в шкафах «кабинета», целая пригоршня хнума… он корпел над эликсиром не меньше недели. И вот наконец, мелко дрожа от нетерпения, Фолькет взял кольцо щипцами и опустил в котел. Минуту-другую ничего не происходило, затем ржаво-глянцевая поверхность сморщилась, задрожала… и мгновенно вскипела, выхлестнув ввысь ядовитым фонтаном.

Фолькет пришел в себя спустя трое суток; к счастью — и своему, и господина Брика — он был на редкость живуч. Кожа толстым чулком сползала с обожженного лица и шеи, нарывала гортань, уцелевший правый глаз был похож на кровяной пузырь, на правой руке, которой маг держал щипцы, длинные ногти расплавились, залив костяными колпачками верхние фаланги пальцев, а от кожи осталось одно воспоминание. Шарахаться от

него перестали только через пару месяцев. Впрочем, на ноги он встал уже через четыре недели и только личный запрет господина Брика не позволил ему продолжить работу. Когда Фолькет перестал кашлять кровью и гноем, а правая рука его перестала быть похожа на культю прокаженного, старый крыс вызвал его к себе.

— Ну-ну… смотреть можно, хотя и малоприятно. Покажи руки. Так… неплохо. А теперь расскажи, чего такого особенного ты наварил в тот раз.

Фолькет рассказал, подробно описав принцип приготовления и состав эликсира.

— Экий ты, братец… — и Брик не без уважения глянул на цверга — сам, значит, лазил… Молодец.

— А что толку? — уныло вопросил тот — камню хоть бы хны…

— А вот и нет. Забыл, сколько раз ты его купал, в проверенных, стародавних составах — и вот тут-то толку и не было. Я так понимаю, в этот эликсир ты сам вложился — а? Этим и разозлил. Продолжай в том же духе. Постарайся вызвать силы алмаза вовне, пусть разъярится, раскроется — тут-то мы его и хапнем. Только придумай себе какой-нибудь шлем, что ли…

Через неделю после этого разговора в фолькетову пещеру привели молоденькую шаммахитку, пухленькую и некрасивую. Через сутки ее истерзанное тело помощники цверга вышвырнули в море, а сам маг, хорошенько отоспавшись, потребовал следующую порцию рабочего материала. В чем — в чем, а в этом отказа ему не было.

Цвергу пришлось выковать для алмаза темной крови небольшую темницу, поскольку после случая с эликсиром он не рисковал больше носить его на шее. Из стальных прутьев, закаленных в наговоренной воде, он сплел шар, в центре которого, продетое сквозь поперечный прут, висело кольцо. И с каждым разом, стоило Фолькету только приблизиться к жертве, камень начинал злиться все больше и больше, и маг, одновременно и торжествуя и отчаянно труся, всем собою чувствовал его ненависть.

— Эй, вы… — и Фолькет, отплевывась и хрипя, махнул рукой помощникам. — Чего уставились? А ну, тащите свежего!

Прошло полгода с тех пор, как он обосновался на Муспельских островах. Подарочек сильно изменился за это время: внешне — так почти неузнаваемо, но и внутренне — тоже немало. Исчезла его всегдашняя угодливость, взгляд потерял искательность, даже голос утратил мягкие ноты. Место застенчивого, предупредительного сиротки занял одержимый

изыскатель, чернокнижник-недоучка превратился в настоящего мага, сильного не столько книжным знанием, сколько немалым личным опытом и безмерной злобой. Говорил он теперь резко, все больше короткими, отрывистыми фразами, двигался быстро, его гибкие пальцы ювелира приобрели еще большую ловкость и силу и порой казалось, что кисти его рук — это самостоятельные живые существа, шевелящиеся, вздрагивающие… пара зачарованных пауков. Его даже стали побаиваться… но только не господин Брик и не помощники. Вот и сейчас они не спешили исполнить его приказание.

— Будет вам, мэтр… — успокаивая, протянул один. — Сами знаете, господин Брик не дозволяет вам так утруждаться. Вы уже третью ночь не спите, не ели ничего, кроме… хм-м-м… Ну куда это годится? Нас господин Брик по головке не погладит, если вы тут от усердия раньше времени загнетесь. Все, хватит, идете-ка отдыхать. А мы все сами приберем.

Обычно Фолькет реагировал на такие речи вполне мирно, умывался в ручье, шел на свою половину и валился спать. Но на этот раз он не послушался.

— Вы что, не поняли?! Бегом за мясом, голохвостые! А не то я вас самих выпотрошу… — тут Фолькет пошатнулся и без сил опустился на серые каменные ступени.

— И кого же вы собрались потрошить? И чем же они вам не потрафили? — к пещере Фолькета неспешно подходил сам господин Брик. Подойдя поближе, он с кряхтением уселся рядом с магом, кивком головы отослав помощников, и вытащил из-за пояса флягу.

— Вот, возьми-ка, глотни… злоупотреблять этим не стоит, но иногда можно.

Фолькет, все еще давясь, глотнул терпкой, едко-кислой жидкости, закашлялся, сплюнул комок вязкой, бурой слюны и на мгновение зажмурился. В голове у него взрывались шутихи и выли бесноватые флейты; однако уже через минуту ему действительно полегчало, исчезла дрожь в коленях, прояснилось зрение.

— А теперь говори. Я запретил тебе работать более суток без отдыха. Тебя что, на цепь посадить?

— Господин Брик. Сейчас нельзя. Останавливаться. — все еще с трудом переводя дыхание, выговорил Фолькет. — Камень вот-вот раскроется… я это чувствую. Мера его терпения переполнена. Он вот-вот лопнет. Как переспелый арбуз. Надо дожать… прямо сейчас.

Фолькет замолчал.

— Что тебе нужно? — только и спросил Брик.

— Нужна боль. Очень сильная, сильнее обычной… не просто телесная.

— А если ты прав, и камень раскроется, что будешь делать? — поинтересовался Брик.

— Все давно готово. Яд… скорее, дурман. Достанет и капли… и сопротивляться он больше не сможет.

— Понятно. Послушай, сынок, а ты не думал, что этот камень вообще невозможно подчинить? может, ты и вовсе зря силы тратишь?

Фолькет смотрел на старика и единственный его глаз наливался кровью.

— Как это нельзя?!..

— Да вот так. Нельзя, и все.

— Да?! Та белобрысая сучка — до сих пор жалею, что не попробовал ее! — вертела им, как хотела! Дура не знала об этом, ну и что? Камень слышал ее… услышит и меня.

— Ну, раз ты так уверен… — и Брик кивнул помощникам, стоявшим поодаль, — Эй, вы, топайте за свежаком. Возьмите ту, вчерашнюю, которая с брюхом.

За эти трое суток Фолькет совершенно потерял ощущение времени, бриково же питье не только прибавило сил, но и придало телу необыкновенную легкость; цвергу казалось, что он не ходит, а летает. Быстро приготовив все нужное, он остановился напротив алтаря, на котором стоял стальной плетеный шар. Камень, зависший в нем, уже не был похож на серый придорожный гравий, скорее он напоминал желудь цвета сукровицы, покрытый сетью трещин, готовый лопнуть от малейшего прикосновения.

Он был абсолютно уверен в успехе. Поэтому даже не спешил. Спокойно дождался ухода помощников, так же спокойно привел жертву в чувство, привычно бросил пару заклятий, которые отсылали всю ее боль камню и, поразмыслив пару секунд, взялся за нож. И не успел даже глазом моргнуть.

В пещере неожиданно резко запахло послегрозовой свежестью, что-то едва слышно прошелестело в воздухе… Фолькет поднял голову и увидел, что жертва бессильно повисла на цепях. Все еще не веря случившемуся, он метнулся к ней, рывком, за волосы поднял голову… она была мертва, и смерть взяла ее легко и тихо. Ошалев от неожиданности, цверг, забыв о привычных опасениях, схватил стальной шар, поднес его к лицу — в кольце, продетом сквозь поперечный прут, сидел все тот же серый, тусклый камешек, столь же послушный ему, как звезды небесные.

Что произошло потом, никто толком не понял. Задремавшие

на солнце помощники были разбужены жутким воем, однако они привыкли к подобным звукам и в пещеру не поспешили. А стоило. Ибо получилось так, что Фолькет дожал-таки себя самого. Отшвырнув шар в угол пещеры, он несколько минут стоял, застыв как статуя, а потом, испустив тот самый вой, принялся крушить все, что попадалось ему под руку. Он топтал свои инструменты, на книги, лежавшие на алтаре, прямо из воздуха лился поток нечистот, шкаф трясся как в лихорадке, звеня разбиваемым стеклом; но Фолькету было мало. Эта последняя неудача не просто вывела — вышвырнула его из себя. Он то начинал принимать звероформу, то возвращался в тело цверга, он шипел, лязгал зубами, изрыгал проклятия; его мерзкое маленькое могущество металось в тесноте пещеры. И когда это стало совсем невыносимым…

Над островом повеяло вдруг нестерпимой жарой, такой, от которой прямо на глазах стали желтеть травы и увядать цветы. Ветер лизнул долину раз, другой… и его раскаленный язык заполз в фолькетову пещеру. Он вытащил оттуда визжащий, плюющийся яростью комок, провез его по земле, приподнял на высоту велигорова роста и шмякнул о камни.

Спустя полчаса оба помощника, воняющие паленым волосом, клялись господину Брику, что они к сему делу непричастны, что магик сам виноват, зарвался… сиротинка хренова. Старик спокойненько выслушал их, ухмыльнулся…

— Будет вам, олухи. Сразу видно, ничего, кроме этой лужи — и он кивнул в сторону моря — вы и не видели. Это ж ветер Арр-Мурра. Ему я, пожалуй, уступлю…Жаль. Не удалось нам этот камешек приспособить. Кольцо-то хоть нашли? То-то.

И он посмотрел на сидящего рядом — в белоснежной рубахе с кружевными манжетами, в дорогих, хотя и запачканных замшевых сапогах, — и сказал:

— Готовь корабль. Отправляемся завтра. — И добавил, кивнув фолькетовым помощникам — Как хотите, но приведите его в чувство. Пусть с нами едет, а то удавится тут с досады, неровен час.

Так вот и получилось, что бедняга Фолькет, поклявшийся никогда более не ступать на корабельную палубу, вновь оказался в море, на борту «Исполнителя желаний», одного из кораблей господина Брика. Почти вся команда корабля состояла из крыс, исключая кока, боцмана и нескольких матросов; шли они налегке, погода благоприятствовала, а встречные корабли спешили удалиться на почтительное расстояние.

Эригон встретил их вполне радушно; город уже успел оправиться после тихого ветра, все положенные случаю слезы

были выплаканы, поминальные речи сказаны, а наследства поделены; пошатнувшуюся было торговлю заботливо поставили на ноги. Все шло своим чередом: в порту гремели якорные цепи, в лавках обсчитывали и приворовывали, у опустевших за время болезни домов уже появились новые хозяева, спешившие навести новый лоск на прежнюю роскошь… и господин ратман был, как всегда, занят делами города. Но для достойнейшего господина Брика нашлось время даже у такого занятого человека, как Сириан Мираваль.

Он принял их в кабинете. Поздоровался учтиво, осведомившись и о здоровье, и о торговле и лишь затем вежливо поинтересовался о причинах, приведших столь почтенного старца вкупе с его спутниками в его, ратмана, дом. Брик, покряхтев с минуту, заговорил.

— Господин Мираваль, не первый раз случается мне обратиться к вам за советом и остается лишь надеяться, что и сейчас вы снизойдете до моего ничтожества. Сами знаете, как я не люблю встревать в дела великих мира сего… домик с садиком, сытная похлебка да мягкий хлеб по зубам — вот и все, что надо старику.

Сириан слушал, прикрыв глаза, гася ресницами насмешливые искры: этот старичок держал в своих морщинистых лапах всю работорговлю, а его кораблей хватило бы на вполне приличный флот. Брик снова закряхтел, сидящий рядом одноглазый цверг поспешил подать ему бокал вина. Наливая его, он неприятно постукивал пальцами, и Сириан, вглядевшись, увидел, что на них надеты какие-то костяные колпачки. Цверг перехватил его взгляд и, поклонившись, пояснил:

— Последствия ожога, господин ратман. Я служу господину Брику скромными познаниями алхимика и, увы, не всегда успешно.

Брик наконец перестал кашлять и продолжил.

— Так вот, государь мой Мираваль, попал ко мне недавно некий камень. На вид ничего особенного, так, серенький осколочек в перстеньке; однако знающие люди приняли его за алмаз темной крови — правда, спящий. Говорили мне о неслыханной силе, о каких-то магических свойствах этого камешка… но мне это все ни к чему. Только магических штучек еще не хватало… и без них беспокойства хоть отбавляй. От пиратов житья совсем не стало, хоть совсем торговлишку прикрывай. Да… так о чем это я?.. Ах да. Может статься, вы, государь мой Мираваль, примете на себя заботу об этом алмазе, переймете бремя у старика? — и Брик блеснул глазами навстречу взгляду Сириана.

— Позвольте посмотреть на него, — попросил ратман.

Повинуясь кивку старика, цверг вынул из-за пазухи небольшую шкатулку и передал ее ратману. Тот поднял неожиданно тяжелую крышку и увидел кольцо светлого металла с небольшим камнем, более всего похожим на серый гравий, коим усыпают дороги. Если бы Сириану не приходилось уже несколько раз вести дела господина Брика, а пару раз — вести дела в м е с т е с ним, он решил бы, что старик выжил из ума… или жестоко издевается над ним, нарываясь на ссору. Повертев кольцо в руках, Сириан обратился к собеседнику:

— Я знаю, насколько щепетилен в делах господин Брик, и только поэтому позволю себе высказать некоторое сомнение в ценности этого…

Подчиняясь такому же короткому кивку, в разговор вступил цверг.

— Милостивый государь ратман, было бы странно и нелепо, если бы вы сих сомнений не высказали. Выглядит сей артефакт, прямо говоря, невзрачно. Такие кольца в базарный день телегами продают. Однако я могу похвастаться, что видел его в иные дни, когда он являл свой блеск миру и сила, заключенная в нем, дышала и бодрствовала. И буде вы пожелаете, то сможете своими глазами увидеть то же. Для этого нужно лишь приблизить кольцо к его прежней, нерадивой и недостойной хозяйке. Камень привык к ней и непременно отзовется.

— Помилуйте, сударь мой, где ж я найду вам эту особу? мир велик..

— Ее вы легко найдете. Она — танцовщица Амариллис, одна из детей Лимпэнг-Танга.

Твердый, красиво очерченный рот ратмана даже не дрогнул, не выдали его чувств холодные зеленоватые глаза, только брови чуть шевельнулись… ах вот как…

— Что ж… это меняет дело. С вашего позволения, я возьму камень. По слухам, дети Лимпэнг-Танга остановились на отдых где-то поблизости. Надеюсь, вы не будете возражать, если со мной будет ювелир… мастер Рилло, он истинный знаток редкостей.

— Ну что вы… берите, прошу вас.

— Благодарствую. Прошу вас, почтите мой дом своим присутствием, погостите, пока я успокаиваю свое любопытство. А как вернусь, мы с вами и потолкуем.

Спустя четыре дня Сириан вновь встретился с терпеливо ожидавшими его гостями. Отзвучали все положенные случаю любезности и замечания по поводу удивительно хороших дорог и затяжной весны; наконец, ратман кивнул в сторону стоящего на

столе ящичка и задал всего один вопрос:

— Сколько?

— Только для вас, государь мой ратман, памятуя все ваши советы и услуги… — и Брик назвал такую сумму, что портреты прежних Миравалей, висевшие по стенам кабинета и навидавшиеся всякого, вытаращили глаза и подались вперед, рискуя вывалиться из дорогущих раззолоченных рам. Однако Сириан и бровью не повел, словно и не предстояло ему расстаться с четвертью семейной казны.

— Чем предпочитаете получить?

Господин Брик заметно оживился. Судя по всему, он не ожидал такой покладистости.

— Сразу видно истинного дельца… значит, согласны. Что ж… сами знаете, сударь мой Мираваль, что я предпочитаю золото. Золото в слитка, с клеймом Тархины. Драгоценные камни предпочитаю брать в Гридде, а вот золото у цвергов не в пример чище. Погрузите на мой корабль. Как управитесь, мой помощник, — и Брик кивнул на цверга, — отдаст вам камень.

Они оба остались довольны. Старая крыса изрядно пополнила свои закрома, а ратман купил особенную игрушку для своего будущего внука; он рассудил, что раз уж камень слушается Амариллис (ему даже не пришлось надевать кольцо спящей девушке, от одного ее присутствия в доме камень оживал, глубина его прояснялась, вновь являли себя твердые очертания руны, врезанной в поверхность алмаза в незапамятные времена) — то скорее всего послушается и ее сына, и тогда линьяж Миравалей сможет вести разговор и с надменным Арзахелем, и с капризной Манорой, и даже с молодчиками с Муспельских островов — совсем в другом тоне… королевские династии начинались и с меньшим запасом могущества.

Фолькет тоже не терял времени даром. Фальшивку он изготовил уже давно, еще в то время, когда алмаз темной крови не вымотал все его терпение и оставалась способность рассуждать здраво. Так, на всякий случай… мало ли что. И, как оказалось, не зря. Фолькета погрузили на корабль на следущее утро после того дня, когда он непременно бы надорвался, если бы не ветер Арр-Мурра; в его сундук помощники пошвыряли, не глядя, все уцелевшие инструменты и снадобья, туда же отправилась и небольшая шкатулка со всевозможными камешками и мелкими поделками, на которые у Фолькета по первости еще хватало времени. Среди все этой дребедени колечко с прозрачным темным камешком было совсем незаметно; оборотная сторона камешка была мутно-серой.

Господин Брик был не просто дальновиден, временами он

становился чуть ли не провидцем. Но в случае с Фолькетом он просчитался. Брик принял магика за такую же крысу, какой был сам — расчетливую, острозубую, жадную… забыв о том, что малыш все-таки был цвергом — обидчивым, злопамятным и жутко упрямым. Да, Фолькет смирился с тем, что сам не сможет овладеть камнем, после того, как решил исполнить-таки завет отца и найти Черного Магистра — уж он-то непременно найдет управу на этого упрямца, кроме того, алмаз можно будет предложить в качестве платы за обучение.

Подменить кольцо в момент передачи его ратману не составило ни малейшего труда фолькетовым пальцам, способным распутать лошадиную гриву, сбитую в устрашающий колтун обозленным домовым, не дернув ни единого волоска. Разговаривая с господином Бриком, он выглядел немного удрученным — так, в меру, но вполне довольным жизнью. Еще с неделю он тихо-мирно жил в своей развороченной пещере, а потом удрал на одном из кораблей, идущих в Пойолу.

* * *

Спустя две недели после заключения во всех отношениях дорогого стоящей сделки Сириан Мираваль вновь принимал у себя лорда Лотломиэль. Эльф повторил прежнюю просьбу четырех королей — на этот раз более настоятельно. Сириан клялся всем святым, что и слыхом не слыхивал о такой диковине, но сделает все возможное, чтобы найти ее… камень совсем недавно был в городе? скажите на милость, чего только не навезут в Эригон. Конечно, он лично поговорит с главой гильдии ювелиров… и со смотрителем складов… и с главой таможни… будьте спокойны, лорд, если камень все еще в городе — его найдут.

-.. и с поклоном подадут. Можешь спокойно уезжать отсюда, Хэлдар, ничего у нас не выйдет.

Хэлдар и Сыч сидели в общем зале одной из эригонских гостиниц. Орк приехал вЭригон после того, как узнал от одного из своих родичей о крупной партии золота, купленной ратманом в Тархине; этот самый родич самолично возглавлял охрану груза. Сыч, не теряя времени, подался в Эригон, откуда дал знать о себе Арколю, гостящему вместе с труппой в одном из замков на юге Одайна. Дети Лимпэнг-Танга два месяца прожили в Шаммахе, приходя в себя после тихого ветра и восстанавливая силы; Лорка в это время искал труппе новую танцовщицу. Место Амариллис заняла Муна, которой наскучил помпезный Арзахель и соблазнил

дух странствий и приключений. Танцевала она не хуже Амариллис, но — по-другому; во всяком случае, Герана из свиты его величества Воды на выступлениях труппы более не замечали. Потихоньку все налаживалось; Муна не стремилась заменить или затмить свою бывшую подругу, поэтому ее приняли приветливо и дружелюбно; с помощью Веноны и Лиусс и Рецина окончательно поправились, Орсон снова с легкостью гнул подковы, близнецы-суртонцы придумали новый номер, что же касается Арколя, то он держал свои тревоги при себе и никому не докучал. Перед новой поездкой артисты навестили храм своего звонковолосого бога, заручившись его одобрением и приняв благословение. Все налаживалось… правда, писем от Амариллис больше не было.

— Камня в городе нет, — эльф, казалось, пропустил слова друга мимо ушей и разговаривал сам с собой. — в этом я уверен. Не понимаю… зачем он ратману? И где он его спрятал?

— У господина Мираваля большие возможности, — усмехнулся Сыч, — может, он возжелал еще больших?

— Все спорите? — к разговаривающим присоединился Арколь, с грохотом придвинув стул и усевшись рядом с ними. — Надоела мне эта невнятица. Чего вы с ним цацкаетесь? он же врет, как сивый мерин. В глаза не видел? а за что тогда подводу золота отдал? за новую мантию на рыбьем меху?!

— Не горячись, мэтр Арколь, — успокаивающе проговорил Сыч, — не стоит спешить. Как бы то ни было, сейчас камня в городе нет. И вообще, так сразу Сириан его не продаст, за какую угодно цену, сначала выждет, старый лис, принюхается… М-да… припозднились мы. Хэлдар, я так понимаю, в третий раз ваши короли просить не станут.

— Не станут. — эльф даже усмехнулся, представив лица королей, просящих в третий раз.

— Ну и хорошо. Сами разберемся, без эльфийских церемоний. Ты с нами?

Эльф отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Ясно. И куда на этот раз?

— На Иста-Ксиа-Утль.

Оба собеседника уставились на эльфа — так, как будто он сказал, что побывал за Краем Света.

— До войны Безумного Солнца чтитланы поклонялись идолам и у одного из них — если только летописец не лжет — глаза были из черно-прозрачного камня, сверкающего подобно алмазу и способного порождать молнии.

— Ну и что? — возмутился Арколь. — Храмы чтитланов сравняли с землей более полувека назад! Не веришь мне, спроси у

Лиусса. Там даже руин не осталось!

— Я знаю. Но остались жрецы.

Арколь открыл было рот, чтобы снова возразить, но, вспомнив, кем был Лиусс до бегства с Иста-Ксиа-Утль и призвания к детям Лимпэнг-Танга, закрыл его и закусил губы.

— И весьма вероятно, что они сохранили свои реликвии… не все. Но попытаться стоит. — эльф вздохнул, допил бывшее в бокале вино.

— Ясно… — орк кивком головы подозвал слугу. — Эй, у нас вино закончилось, а на столе хоть пляши. Давай-ка исправь это недоразумение, да поживее. Ну а ты, мэтр Арколь, куда намылился? зря, что ли, коня торговал?

— Домой, — и Арколь улыбнулся. — В Ирем. Засиделся я в бродячих подмастерьях, пора учиться… дальше. Замену я себе подыскал, переманил одного замкового шута; даровитый мальчик, далеко пойдет. А ты куда, Сыч?

— Тоже домой. Весна нынче затяжная, холодная, надо за пчелами присмотреть.

Все трое переглянулись, Сыч наполнил бокалы терпким арзахельским вином и сказал:

— Что ж… игра еще не закончена. И кому-то из нас придется ее доигрывать… пожелаем ему удачи. — и поднял бокал.

Глава пятнадцатая. Благодарность господина ратмана

Как и предсказывал старик Арчеш, зима оказалась ранней, скорой и тяжелой на руку. За какую-то неделю холодный воздух, пришедший не иначе как с глетчеров Краглы, изгнал остатки осеннего тепла, дочерна сжег оставшиеся на ветвях листья и выстудил дом. Это было неслыханным делом, но топить — по крайней мере в покоях Амариллис и старика Мираваля — приходилось дважды, утром и вечером; нелишними оказались и драгоценные меха, привезенные Риго уже после первых снегопадов. Он приезжал достаточно часто, чтобы Амариллис не чувствовала себя заброшенной и нелюбимой, постоянно привозил подарки — и дорогие, как сюрко, подбитое серебристым соболем и отороченное похожим на северное сияние мехом белой лисы, или зеркало, сделанное из полированной пластины девственного серебра и оправленное черным золотом, и просто забавные, вроде говорящего попугая из нильгайских лесов. Этот зелено-желтый тип восседал в серебряной клетке с важностью императора, клевал только отборные пшеничные зерна и очищенные от коричневой кожицы лесные орехи, а выражался так, что портовые грузчики умерли бы от зависти. К Амариллис Перышко сразу же проникся доверием, вылезая из клетки, без церемоний усаживался к ней на плечо, похлопывал крылом по щеке и что-то поваркивал на ухо. А вот кого он резко невзлюбил, так это почтенную экономку: едва завидев ее, бил крыльями, шипел, чуть ли не плевался, а потом разражался целым потоком отборной ругани, а однажды так даже нагадил бедной Клеми на чепец.

Когда срок Амариллис перевалил за половину и ее симпатичный кругленький животик стал заметен даже в просторной зимней одежде, Риго привез целый сундук тканей — тонкого полотна, нежной фланели, рулон суртонского шелка, и госпожа Мираваль засела за рукоделие. Праздничная рубаха для Арчеша была к этому времени давно готова и вызвала немало восторженных охов и ахов у всех обитателей Серебряных Ключей, вслед за ней Амариллис принялась вышивать воротник мужу — золотом на вишневом бархате, и, завязав последний узелок и припрятав рукоделие до дня рождения Риго, принялась за шитье маленьких, на вид совсем игрушечных вещичек — платьиц, штанишек, чепчиков, а одна из служанок рядом с нею кроила и подшивала пеленки.

Время в Серебряных Ключах текло тихо и спокойно, как река

подо льдом. Амариллис просыпалась, заслышав шаги служанки, пришедшей растопить камин, высовывала нос из-под одеяла и тут же прятала его обратно; по комнате тянуло морозным запахом дров, фыркала береста и пламя начинало потрескивать так весело, что девушка наконец не выдерживала и вставала. Одевалась — пока что сама — и садилась поближе к огню завтракать. Теперь на ее аппетит не мог пожаловаться сам Сириан Мираваль; в первые приезды он очень уж убивался, видя бледное, осунувшееся личико невестки, присылал ей самые невероятные лакомства (вроде варений из нильгайских фруктов или нежно-розовой вяленой рыбы из Северных морей) и заметно расстраивался, когда она отказывалась их есть. Теперь же за один присест Амариллис съедала столько, сколько прежней танцовщице Лимпэнг-Танга хватало на весь день, а то и на два; она полюбила сваренную на сливках пшеничную кашу, щедро политую медом и маслом, густые супы, сваренные из нескольких сортов мяса, с пряностями и овощами, знаменитый «сыр под одеялом», который мастерски готовила экономка — конверт из румяного хрустящего слоеного теста, где нежился в тепле растопленный, мягкий острый сыр. Навестивший ее на исходе декабря Сириан одобрительно потрепал девушку по заметно округлившейся щечке и затем, за обедом, с умилением следил, как она в очередной раз тянется за розовым ломтем ветчины, попутно прихватывает моченой брусники, а потом хрустит зимним яблоком. И была еще одна пара глдаз, следивших за ней с не меньшим удовольствием: девушка и не подозревала об этом, но Арчеш Мираваль самолично каждое утро надоедал кухарке советами, что бы такое повкуснее приготовить, чем бы еще порадовать обожаемую невестушку. Он даже снизошел до собственноручного приготовления соусов (в чем, признаться, был настоящим мастером: до сада страстью Арчеша была кухня…) и засахаривания кисточек рябины, отдавших свою горечь утренним заморозкам.

Позавтракав, Амариллис отправлялась на прогулку; иногда — одна, чаще — со стариком Арчешом. Не спеша, они прогуливались по расчищенным садовым дорожкам, порой доходили до ближнего леса. Старик все норовил потеплее укутать шею Амариллис и немедленно тащил ее домой, стоило ей хоть раз шмыгнуть носом. Он не разрешал девушке говорить на холоде, поэтому ей поневоле приходилось молчать и слушать его рассказы — весьма интересные, к счастью. Потом все домочадцы обедали возле огромного камина в зале и шли отдыхать, а Амариллис садилась за шитье и короткий зимний день, уходя, видел ее склоненной над чем-то светлым и мягким. Вечером

Арчеш шить ей не разрешал, но позволял читать или играть в махшит (кстати, он тоже знал эту игру и они постоянно что-нибудь друг другу проигрывали — то колечко, то туфлю, то ночной колпак, то любимую подушечку…). На ужин Амариллис подавали легкий молочный пудинг, творог с медом и травяной чай, который она сама и готовила; кровать ей согревали медная грелка и толстый кот; одеяла были теплыми и нетяжелыми… три раза в неделю — ванна с с эликсиром илори… а в белоснежных, отороченных кружевом подушках жили сонмы легких и беззаботных снов.

И Амариллис жилось так же, как и спалось — легко и беззаботно; единственное, что расстраивало ее по временам — так это отсутствие писем от прежних друзей, особенно от Арколя. Но однажды Арчеш, кряхтя и запинаясь, дал ей понять, что у детей Лимпэнг-Танга все наладилось, все живы и здоровы, а ее они попросту оставили в покое, не желая лишний раз смущать ее прошлым. Амариллис не очень поняла, чем прошлое может ее смутить и какое может быть беспокойство от тех, кого любишь, но тосковать перестала. Она действительно прижилась в доме Миравалей, и даже нашла настоящего друга — в лица ядовитого стручка. Арчеш чем-то трудноуловимым напоминал ей отца: то ли чрезмерной заботой, то ли манерой задорно наскакивать на собеседника, то ли умением давать точные и убийственные характеристики. Вдову торговца, пожилую и отчаянно молодящуюся особу, приходящуюся Сириану троюродной сестрой, он обозвал однажды «лысой Нимой», после чего Амариллис ее по-другому и не называла; старого холостяка они промеж собой именовали «властителем Мизоана» — его, смертельно боявшегося женщин! а одну из своих племянниц, пожилую, сухопарую и жеманную особу строгих правил поименовал с неподражаемой интонацией — «кикиморец!..»… Амариллис иногда пробовала повторить этот его выговор, но каждый раз терпела неудачу и заливалась смехом. А когда Арчеш осторожно клал ладонь на живот невестки, то еще неродившийся правнук тут же отвечал ему, толкаясь почем зря, радостно молотя по животу своей мамочки; отцу он отвечал далеко не всегда.

Но как бы ни было хорошо Амариллис в Серебряных Ключах, она всегда была рада видеть Риго и действительно скучала по нему. Писала письма… даже плакала. Когда Риго приезжал, Амариллис вела себя с достоинством, подобающим замужней даме, не визжала и не бросалась ему на шею, напротив, выходила степенно и чинно, волоча за собою шлейф теплого плаща, подавала мужу руку для поцелуя и так же чинно шествовала к своему креслу. Но в глазах ее загорались радостные огоньки, на

щечках обнаруживались хорошенькие ямочки и Риго, усевшись у ее ног на низенькую скамеечку, не мог на нее насмотреться. И ему стоило очень большого труда не переутомлять ее ночью…

Уже ближе к весне, когда день заметно удлинился и тени на плотном, слежавшемся снегу приобрели фиолетовый оттенок, Риго тайком от отца купил поместье — за эльфийскими лесами, близ Краглы… очень далеко от Эригона. Большой сад, дом, службы, неподалеку — городишко; места красивые и тихие, почти что полусонные. Он бывал там однажды, в гостях у прежнего хозяина Кутхальта — так называлось это поместье. Подписывая купчую, Риго усмехнулся: если бы отец узнал…

Прочитав эту самую купчую, Сириан покачал головой: а если бы я н е узнал?! молод ты еще, сынок… и глупее, чем я думал. Небрежно кинув секретарю Риго туго набитый кошель, ратман плотно уселся в кресло, укутал ноги меховой полостью и задумался. Поначалу он хмурился, однако поразмыслив, решил, что поводов для беспокойства нет — еще одно поместье линьяжу не помешает, к концу весны Риго ожидает долгая поездка в Шаммах, девица здорова и всем довольна, от мэтра Аурело вести вполне утешительные… еще три месяца, и он, Сириан Мираваль, выиграет еще одну большую игру. А если подумать о том, какую игрушку он недавно купил для своего внука… ратман чуть не засмеялся вслух и, позвонив, приказал слуге принести горячего вина.

Воистину, этот год оказался одним из самых неудачных для вечного везунчика Эригона. Сначала — тихий ветер, за ним — небывало ранняя, холодная зима, похожая на прикатившую без спросу двоюродную тетку, ханжу и блюстительницу приличий… и вот уже третий месяц как сидит она в самом удобном кресле у камина, отравляя существование всем домочадцам своими бесконечными придирками и нытьем, а уезжать в ближайшее время не собирается… Но — в доме появляется еще один гость, и не сказать, что ему очень рады, но тетка все же вынуждена собрать манатки и катить восвояси, а он — долговязый, белесый, тощий тип с хрящеватыми ушами и вечным насморком, усаживается на ее место, вытягивает ноги поближе к огню и заводит разговор серый и длинный, как та колбаса из задумавшейся требухи, которую продают самые горластые торговки на рынке Свиной Башки. Давным-давно, в незапамятные времена этого типа окрестили Мартом (сам он произносит свое имечко с изысканным подгнусавливанием… или это нескончаемый насморк виноват?..) и только одно в нем хорошо — глаза, ледяные и ласковые. А так… сизая клякса, не более.

Удивительно, но только к концу апреля в Эригон пришла

настоящая весна. Арчеш уже несколько раз собирался высаживать свои знаменитые тюльпаны и гиацинты, но все как-то раздумывал, и, как оказывалось, не зря… ночи по-прежнему были холодными. Старик просто землю рыл от нетерпения, и развлекался по большей части тем, что то снимал соломенные чехлы с роз, то вновь их нахлобучивал. В середине мая, когда земля наконец образумилась и прогрелась настолько, что Арчеш не побоялся высадить свои драгоценные саженцы в открытый грунт, в Серебряные Ключи приехал Риго.

Амариллис вышла навстречу супругу с большей, чем обычно, степенностью, опираясь на руку экономки. Риго остановился у крыльца, глядя на нее так, словно впервые увидел… а она была так красива… В Амариллис не осталось почти ничего от той заносчивой и нетерпеливой девчонки, какую Риго Мираваль взял в жены. Сейчас перед ним стояла молодая женщина, похожая на только-только распустившийся цветочный бутон, словно светящаяся изнутри. Глаза ее сияли, но мягко и умиротворенно, губы улыбались чуть смущенно и радостно. Риго поднялся по ступенькам, опустился на колено и поцеловал край платья Амариллис…

— Что с тобой?.. — она засмеялась смехом прежней девчонки. — Или я действительно стала похожа на толстую важную королеву? Обними меня, я так ждала тебя!..

Риго осторожно обнял ее, ткнулся носом в шелковистые теплые волосы… «Ну как я ей скажу, что уезжаю?! да еще сейчас!…»

Они сидели в покоях Амариллис, в кои то веки вместе встречая закат. Заглядывающий в комнату ветер похолодел, из сада поднимался остро-свежий запах молодой листвы; Риго встал и накинул на плечи жены накидку, отороченную лебяжьим пухом. Амариллис накрыла его руку ладонью, задержав тонкие, сильные пальцы на своем плече.

— Так надолго?.. — задав вопрос, она поспешно умолкла, подозрительно заморгав глазами.

— Я вернусь как только смогу и клянусь, что все слоны Шаммаха меня не задержат! — Риго сжал ладони жены и покаянно наклонил голову. — Не печалься, радость моя, не огорчай малыша… Пойми, я не принадлежу себе, я — часть линьяжа.

— Я понимаю… — Амариллис попыталась улыбнуться, но безуспешно. — Я… просто я хотела, чтобы ты был рядом, когда…

Голос ее пресекся и она заплакала. Успокоившись, Амариллис все еще нетвердым голосом сказала:

— Я боюсь, Риго. Нет, ты сперва выслушай. Я знаю — будет

здесь и доктор, и повитуха, и еще невесть кто. Кроме тебя. Так что я уж заранее скажу все, что приготовила. Если со мной что-то случится… не перебивай!.. если что-то пойдет не так, главным будет ребенок — понятно?

«Дурочка… она думает, что может быть как-то еще…»

— Обещай мне, что его назовут… — и Амариллис прошептала имя на ухо мужу. Тот удивленно поднял брови, но обещание дал.

Через два дня Риго уехал, впервые в жизни чувствуя в груди противную пустоту. А еще через две недели, в последний день мая, ближе к вечеру Амариллис почувствовала первые, пока что осторожные схватки.

Амариллис не спеша прогуливалась по саду, время от времени подходя к Арчешу, который опять — в который раз! — укрывал соломой особо хрупкие растения.

— Ну что ты будешь делать! — почти с отчаянием обратился он к невестке, — Ты посмотри! — и повел рукой. — Эльфья трава только что вылезла, а уже скукожилась. Лопушки в трубочку свернулись, хоть дуди в них. На суртонской вишне кора побелела… ох-хо-хо…

— Опять холода? — уныло спросила девушка.

— Угу. Ночью будет заморозок, и не слабый. Ума не приложу, что мне с маргаритками делать, все сроки давно прошли, не в июле же их высаживать! Знал бы, что эдакая погода случится, заказал бы саженцы из Краглы — неказисты они, никто не спорит, но хоть что-то в саду бы росло! А я-то, дурень, шаммахитские розы выписал. Дружочек, принеси мне попить.

Амариллис направилась к родникам; взяла один из стоящих на приступке бокалов и наклонилась к воде. Серебристая, слегка пузырящаяся влага стекала в мраморный бассейн; бокал давно уже наполнилась, вода бежала через край, по пальцам Амариллис, а она все стояла и смотрела на свое отражение, неясное, зыбко покачивающееся меж голубых лилий. Выпрямляясь, она внезапно почувствовала как ребенок, что-то притихший с утра, как будто опустился вниз. Ей сразу стало гораздо легче дышать, она расправила плечи, потянулась… и тут ее живот словно кто-то сжал изнутри, сжал несильно, нестрашно. Амариллис замерла, прислушиваясь к голосу своего тела; ничего не происходило. Она еще немного постояла на месте и повернулась, чтобы идти к Арчешу. И тут вкрадчивая боль вновь опоясала ее.

— Что случилось? — заждавшийся Арчеш сам спешил к роднику. Ему хватило одного взгляда на Амариллис, чтобы самому ответить на этот вопрос.

— Хвала богам, пришел твой день… — старик взял бокал из рук невестки, и потянул ее к дому. — Пойдем-ка в дом, негоже тебе по саду бегать.

— Это еще почему? — Амариллис, похоже, пришла в себя. В конце концов, Венона ей обо всем очень подробно рассказывала и — теоретически — сама девушка была готова принять роды. И она хорошо помнила, что самое неразумное, что можно сделать, так это улечься в постель в самом начале схваток.

— Лежать сейчас нельзя, — объясняла она старику, — надо ходить. Не бегать, а ходить.

— Может, ты еще песни петь будешь? — язвительно поинтересовался Арчеш.

— А почему нет? — и, опираясь на руку Арчеша, Амариллис спокойно направились по дорожке, напевая незамысловатую песенку.

Терпения и сил Арчеша хватило на пару часов, потом его сменила экономка. Почтенная женщина пыталась уговорить девушку поберечь силы, но безрезультатно: та продолжала мерять шагами садовые дорожки, время от времени останавливаясь, чуть приседая, покачиваясь, и снова шла вперед. Лишь когда в саду окончательно стемнело, Амариллис согласилась вернуться в дом.

Ее усадили, почти уложили в кресло, напоили медовым молоком. Арчеш присел рядом.

— Амариллис, ты, верно, ничего не знаешь о здешних обычаях? — он заметно смущался и на помощь ему пришла та самая вдова, «лысая Нима».

— Дитя мое, у нас не принято, как то делается у диких народов, выставлять таинство рождения напоказ. Когда придет время, ты удалишься в отдельные покои… одна. И до того, пока не раздастся первый крик твоего сына, никто не будет вправе разделить твою боль. Потом… потом тебе помогут, но не раньше.

— Вот как… значит, ни доктор, ни повивальная бабка женщинам линьяжа Миравалей не погагаются. А я думала, здесь принято бережно относиться к имуществу… — Амариллис пыталась шутить, но на душе у нее было скверно. Она-то надеялась на помощь хотя бы многоопытной Клеми. Но — ничего не поделаешь, кто она такая, чтобы в одночасье изменить традицию? Спустя час после полуночи Амариллис отправилась в родильные покои. Под них ей отвели самую дальнюю комнату в западном крыле дома, проветренную, натопленную, чисто вымытую; там стояла кровать с высокими спинками, застеленная льняной простыней, стол с кувшином воды — и все. Девушка огляделась и вздрогнула: она услышала, как поворачивается в замке ключ. Она осталась совершенно одна.

Поначалу все было не так страшно. Боль пробовала ее тело тупыми зубами все настойчивей и чаще, но терпения пока хватало. Она то принималась ходить, раскачиваясь как гусыня, приседая, держась за спинку кровати и грозя самой себе кулаком, то укладывалась на бок, обхватив руками живот и шепотом уговаривая ребенка не спешить. Потом она вдруг поняла, что ходить больше не в силах и постаралась улечься поудобнее; кровать была жесткой и прохладной; Амариллис сняла домашнее платье и осталась в одной недлинной сорочке. Судороги, проходившие по ее телу, становились сильнее; ее словно растягивали на дыбе… наконец, перерывы между схватками исчезли и боль полилась сплошным потоком. Глубоко вдохнув, Амариллис нырнула в нее, вырвалась, пытаясь открытым ртом захватить почему-то ставший густым и невкусным воздух, но поняла, что не может. Время остановилось для нее; она не знала, ночь или день на дворе и сколько часов она изо всех сил старается не кричать.

— Мама…. мама… мне больно… — Амариллис лежала, вцепившись пальцами в простыни, опираясь спиной на жесткую, почти деревянную подушку. — Мама, мне страшно… Мама…

Ее согнутые в коленях, разведенные ноги дрожали от напряжения, словно госпожа Эниджа добрый час продержала ее в глубоком плие, по вискам стекали струйки пота, по щекам — слезы.

— Что за варварский обычай! — стоявший у изголовья Амариллис высокий, золотоглазый орк обращался к стоящей рядом с ним женщине, светловолосой и кареглазой.

— Бедная девочка… — в голосе женщины прорывалась искренняя боль; она наклонилась и провела бесплотной рукой по лицу роженицы.

— Мама… — Амариллис выпустила это имя из плотно сжатых губ и вдруг почувствовала на щеке легчайшее, еле ощутимое дуновение. С этого момента боль стала стихать и она поняла, что согласно всем трактатам по акушерству сейчас ей предстоит изрядно потрудиться. «Помни, девочка, — говорила ей Венона, — роды это самая тяжелая работа в мире. Молотобоец от такой работы надорвется, а женщина ничего, справляется.»

Она не слышала ни петушиного истошного крика, ни осторожных шагов за дверью, ничего — кроме своего хриплого дыхания, казавшегося таким оглушающе громким в бездонной тишине вечности. И она спустилась туда, на самое дно, через бесконечную, темную боль, и взяла там новую жизнь, и, стараясь изо сех сил, стала карабкаться обратно, к дневному свету, к теплому времени. Стоявшие у изголовья тени замерли,

прислушиваясь… и вот тишину разорвал сначала слабый, а потом набравший силу требовательный, сердитый плач.

Так, ранним утром, самым первым утром наступившего лета, Амариллис родила сына.

— Ах ты бедняжка… и ребеночек-то совсем плох…, - Амариллис услышала над собой чей-то голос, с трудом открыла глаза и в какой-то туманной дымке с трудом различила лицо «лысой Нимы». Потом она почувствовала, как по ее лицу провели влажной тряпкой, затем приподняли ей голову и она увидела небольшую чашку с водой. Ничего не соображая, она потянулась к ней пересохшими, розово-серыми губами и жадно глотнула… и закашлялась, ибо ссохшееся горло отказалось вот так просто принять что бы то ни было. Кашель так сильно дернул ее за плечи, что лбом она ударилась прямо об чашку, расплескав ее содержимое.

— Ну что ты будешь делать!.. — в голосе, по-прежнему исходившем из неясной дымки, послышалось раздражение. Голову Амариллис отпустили и она со стуком опрокинулась на жесткую подушку.

— …потеплее… да поторапливайся же! Ну?! — после этих слов и без того неясное сознание стало стремительно покидать обессилевшее тело Амариллис и последнее, что она услышала, был отзвук истошного, заполошного вопля.

Когда ранним вечером первого июньского дня Сириан Мираваль приехал в Серебряные Ключи (ратман на всякий случай решил приехать недельки на две пораньше, проследить, как и что… сын-то в отъезде…), его встретила глубокая тишина, такая, какая бывает после бурных слез и криков. Войдя в дом, он первым делом спросил:

— Где Амариллис? И мой отец?

— Господин мой брат… — из сгрудившихся подобно насмерть перепуганным овцам домашних выползла молодящаяся вдовица, — Великое несчастье постигло наш дом…

— Говорите яснее! — приказал ратман, усаживаясь в кресло.

— Язык мой отказывается повиноваться мне… пойдемте, и вы все увидите своими глазами… — и вдова указала рукой в сторону родовых покоев.

Пройдя по длинному коридору, Сириан оказался перед запертой дверью. Сопровождавшая его вдова окрыла ее массивным ключом и застыла, всем своим видом показывая, что внутрь заходить еще раз не собирается. Сириан перешагнул порог.

Посреди комнаты стояла кровать, на которой лежала девушка. Совершенно неподвижная. Голова бессильно свесилась

набок, из-под ресниц поблескивают белки закатившихся глаз. Ее бедра окровавлены… но и лицо ее, и руки по локоть тоже в крови. А на высокой спинке кровати висит что-то тонкое, длинное, сизо-сукровичного цвета… а по кровати, да и по полу разбросано такое же кровавое рванье… ошметки… огрызки…

С минуту ратман стоял неподвижно. Затем отступил, закрыл дверь и, не говоря ни слова, запер ее. И вернулся к домочадцам.

— … ведь я говорил Риго, предупреждал его… женщины с темной кровью могут быть опасны… — Сириан, сгорбившись, сидел в кресле, озабоченно потирая лоб ладонью. — Так ведь нет, не послушал меня. Привел в дом эту особу, наперекор Морелле. Вам, небось, сказал, что она умерла? Так это он со зла. А я-то, дурак, ему поддакивал, думал, он так скорее угомонится. Морелла уезжала к отцу, в Манору — и к лучшему, преждала там тихий ветер… ребенка спокойно выносила.

— О, господин мой брат!.. — вдовица вся подалась вперед, услышав столь радостную весть, — неужели?!

— Да… — совсем не так радостно протянул ратман, — Морелла родила на днях сына. Да какие поздравления… — и он отмахнулся от родственников. — Что мне с этой… делать?!

— Но она… мертва. — строго сказала племянница Арчеша. — И любые сожаления и промедления сейчас неуместны. И если мне будет позволено высказать свое мнение, то я скажу, что семейная усыпальница Миравалей — не место для упыриц. — И она так брезгливо поджала губы, как будто упырица — это что-то вроде жирного пятна на скатерти.

Наконец, Сириан решительно встал и обратился к застывшей в дверях экономке, которая утирала слезы кончиками фартука.

— Немедленно пошлите в Озерки за братьями Брейс.

Клеми вздрогнула: братья Брейс были живодерами.

— Вы так и не сказали мне, что с моим отцом.

— Вашему отцу вчера стало дурно, он очень волновался из-за… Я дала ему успокаивающего настою. — Вдовица искательно заглянула ратману в глаза. — Он все еще спит.

— Что ж… это к лучшему. Не будите его.

Над Серебряными Ключами уже нависли сумерки — не густо-голубые, как полагается летним сумеркам, а лиловые, холодные сумерки заморозка — когда из ворот поместья выехала небольшая телега, запряженная пегой лошаденкой. На козлах сидел коренастый, лысоватый мужчина, второй, очень похожий на него, примостился на краю телеги, поплевывая в придорожную пыль. В телеге лежало что-то, завернутое в грубую холстину, на которой проступали темные пятна. Они направились прямиком той дорогой, за прогулку по которой Амариллис однажды сильно

влетело от старика Арчеша.

— Ты деньгу-то пересчитал? — сиплым голосом поинтересовался плюющийся.

— А то… К Поганому болоту даже я задарма не поеду, да еще на ночь глядя, — ответил второй, хлестнув вожжами чересчур неторопливую лошадь.

— А что хоть везем-то? Что за убоина?

— Не наше это дело. Кажись, девка какая-то. Тебе-то что? Шваркнем в болотину, как приказано, и всего делов. А потом в трактир… отогреемся. Ну и холодина, брат Брейс, аж яйца звенят!

— И не говори, брат Брейс. Лето, мать его… — и он снова сплюнул.

После отъезда живодеров вдова зашла к Сириану, пожелать ему спокойной ночи. Ратман принял ее, вопреки всем приличиям, уже лежа в кровати и не собираясь даже привстать.

— Господин мой брат, всем ли вы довольны?

— Не всем. Вашего сына я встретил по дороге… там все благополучно. Чудесный малыш, крепкий, здоровый… и черный глазищи Риго. А вот с девицей вы оплошали.

— Как? — всполохнулась вдова.

— А так. Когда я ее увидел, она была еще жива. Еле-еле, но все-таки… Почему? — вопрос был задан очень спокойно, но у вдовы немедленно подогнулись и задрожали колени.

— Но… она закашлялась, и так сильно… я не успела бы принести новую порцию, нужно было срочно падать в обморок, в комнату уже спешила эта проныра экономка…

Сириан молча смотрел на родственницу.

— Хорошо. Пусть так. Теперь это уже не имеет значения. Итак, наш договор вступает в силу. Дом в Эригоне, оговоренная сумма в золоте и ценных бумагах, вашему сыну — место смотрителя складов Мизинца. И еще… от меня лично. Возьмите там, — и ратман кивнул на каминную полку. Вдова взяла небольшой ящичек, раскрыла его и радостно охнула — на темном шелке переливалось, поблескивало, посмеивалось алмазное ожерелье.

— О брат мой!.. Сколь вы щедры, сколь великодушны!… - но ратман прервал благодарственные излияния родственницы, сославшись на крайнюю усталость. На следующее утро он уехал. Вдовица же со своим пожилым сыном уже через два дня оказались на дороге в Эригон, до которого, впрочем, не доехали: их нашли в придорожной канаве, с перерезанными от уха до уха шеями и только что не раздетыми… а темный ящичек, подбитый шелком, валялся рядом. Уж очень глухие были места.

…и еще одна удача чернокнижника-недоучки

Фолькет стоял, чуть не плача от счастья, не веря собственным глазам. Он был один и на многие мили вокруг не сыскалось бы ни единой живой души, потому что так близко к Арр-Мурра подходили только собиратели зирэ — а сейчас было не их время. Цверг огляделся вокруг зудящим, налитым кровью глазом (никакие маски не спасали от мельчайших песчинок, которыми швырялся раскаленный ветер) — позади — пустыня, впереди — отвесная стена, ржаво-бурые скалы, иззубренные как пила. Тихо, радостно вздохнув, он направился к ним.

…Сначала он добрался до Пойолы. Корабли с Муспельских островов ходили туда часто и беспрепятственно; на одном из них цверг и купил место — подешевле, прямо на палубе (поближе к бортам, ибо моряк из Фолькета был некудышный, с самой первой минуты плавания мучимый морской болезнью). В Пойоле он поотирался с неделю, якобы присматривая партию рабов подешевле, а затем, услышав от сведущих людей все, что они знали о хождениях в Арр-Мурра, отправился прямиком в Шибальбу — небольшое селение на побережье моря Покоя, западнее Пойолы. Лет сто назад Шибальба называлась совсем другим именем и была одним из главных городов империи чтитланов; Война Безумного Солнца не пощадила и ее. С течением времени развалины города облюбовали охотника за дарами пустыни, худо-бедно обжили их, приспособив под свои нужды. А нужно им было немного: добротная пристань, паратройка трактиров поразухабистее, постоялые дворы, пастбища для приземистых, кривоногих лошадок местной породы, прекрасно переносящих жару и жажду, возможность пополнить запасы продовольствия и воды, и проводники (для охотников помоложе, те, что постарше, обходились собственным разумением и чутьем). Имя же своего пристанища охотники заимствовали у прежних обитателей: Шибальбой чтитланы называли царство мертвых… Здесь Фолькет купил пару лошадок, обычный запас продовольствия и присоединился к одному из караванов, идущих сначала вглубь материка, а затем — краем пустыни на запад; время от времени такие вполне обычные караваны проходили через Шибальбу. Дойдя до края пустыни, цверг без особых церемоний покинул спутников и один направился к безумной земле. На третий день пути одну из его лошадей утащили песчаные волки — малорослые, тощие существа со странно

изогнутыми, как щипцы для орехов, челюстями; через неделю издохла вторая. Фолькет продолжал путь с упорством, достойным лучшего применения, не чувствуя ни малейшего сомнения по поводу правильности избранного пути; ноги сами несли его, и даже во сне он продолжал ползти к заветной цели. Заплечный мешок его становился все легче и легче, пока не опустел вовсе, и Фолькет равнодушно отшвырнул его. Через день после этого он увидел перед собою ржавые пограничные скалы Арр-Мурра.

Через два часа неустанной работы Фолькет понял, что все его познания бессильны перед этими камнями. На них не действовали ни разрыв-чары, ни заклинания прямого пути, заклятие же переноса не затрагивало его самого. Фолькет опустился на песок и тихо, злобно завыл. Впрочем, сдаваться он не собирался. У него был один козырь, не в рукаве, а за пазухой.

Фолькет снял с шеи массивную цепочку, сквозь которую было продето кольцо — настоящее. Постояв немного, он протянул руку с кольцом вперед и прокричал:

— Вот мое право и моя плата! А если этого мало, скажи, что тебе нужно!

И стал ждать. Его упрямство, достойное цверга, было вознаграждено.

На расстоянии десяти шагов от него песок взвихрился, повис дрожащей занавесью и осыпался. Глаз Фолькета узрел Его — почти велигорова роста, с длинными черными волосами, забранными в высокий хвост, спадающий до середины спины, тонкие черные губы улыбаются, обнаженные руки и грудь украшены странным рисунком — словно неглубоко под оливково-серой кожей ползают серебряные и золотые змеи… а за спиной неторопливо движутся огромные крылья — черные, как у нетопыря.

— Черный Магистр… — и цверг почтительно преклонил колени.

— Встань. Вот уж не думал, что ты окажешься таким почтительным сыном.

Фолькет в недоумении вытаращил на собеседника единственный глаз.

— Ну как же, — пояснил тот, — ведь тебе именно Кэдмон завещал найти меня… — тут он усмехнулся, — и украсть мои книги… — а после этих слов засмеялся.

— Ну и потеха… Так что же тебе от меня нужно… если не считать книг?

— Возьмите меня… нет, не в ученики, такой чести я недостоин… в слуги, в привратники!..

— Понятно. А в качестве вознаграждения я получу кусочек

кремня?.. ну-ну, не обижайся. Знаешь, а мысль о привратнике не так уж и плоха. Да и камушек этот мне пригодится. Держи его пока что у себя, когда освоишься, посмотрим, что с ним можно сделать. Ну что ж, Фолькет, выкормыш Кэдмона, следуй за мной. Только сделай милость, не величай меня Черным Магистром… высокопарно и глупо. Достаточно будет Господина. И еще — как устроишься, непременно напиши Брику, чтобы старик не преживал за тебя, успокой его и поблагодарить не забудь.

Он небрежно махнул рукой и ржавые скалы с отвратительным скрежетом расступились, освободив проход шириной не более метра. Фолькет с замирающим сердцем двинулся вперед, чуть поодаль от него плыла крылатая тень. Преодолев с полкилометра каменистой дороги, огражденной скалами, цверг вышел на открытое место. Он стоял на вершине холма и перед ним расстилались земли Арр-Мурра.

Глава шестнадцатая. Амариллис, боль моя

… Она приходила в себя медленно, время от времени возвращаясь в милосердное забытье; ослабевшее, измученное родами тело отказывалось повиноваться, не хотело даже поднять веки или шевельнуть губами. Вокруг все покачивалось… Амариллис казалось, что она вновь в своем «девчачьем домике», едет куда-то… и поскрипывают колеса, и совсем рядом чьи-то голоса. Потом все пропадало под густой пеленой темно-серого тумана; ее словно укутывали толстым слоем войлока… лицо-то зачем, дышать тяжело, убери…

Телега братьев Брейс остановилась; вместе с нею закончилась и дорога. Дальше простирался заленый, поросший пестроцветами луг, изредка оживляемый кустами или тоненькими деревцами. Над лугом, несмотря на холодную погоду, стлался плотный — ну ни дать, ни взять молочный пудинг! — туман, и даже для позднего часа было как-то уж чересчур тихо. Шагах в десяти от кромки луга росла тощая ива, пяток прутиков толщиной не более камыша; она располагалась на почти незаметном всхолмии, обведенном канавкой воды. Удивительное дело — посреди цветущего луга эдакий остров… да только местные жители слишком хорошо знали, что это не луг, а болото, а ива, которую они называли Плакальщицей, служила им пограничным знаком: увидел его — разворачивайся и дуй восвояси. Ну, а уж если ты к Плакальщице прикоснулся, да еще Скулёжницу услышал — так прозвали какую-то неведомую птицу, якобы живущую на ветвях ивы и издающую тоскливые, плаксивые трели — садись и составляй завещание, но не надейся, что его когда-нибудь прочитают. Ходили слухи, что этот холмик порою переползает с места на место, то приближаясь к самому сердцу Поганого болота, то прижимаясь к дороге, но — подтвердить их, само собою, было некому.

Тот Брейс, что сидел на козлах, тяжело спрыгнул на землю, за ним последовал и второй. Вдвоем они подошли к краю болота, присмотрелись, пока не различили в туманной пелене островок с лещиной.

— Ну что, дошвырнем до воды? — спросил лысоватый.

— Да какая разница?! Тут через два шага уже топь! Давай-ка побыстрее, муторно здесь… — и второй подошел к телеге, вытащил из нее куль, легко взвалил его себе на плечо и вернулся к брату.

— Ну, взяли… — они взялись за куль, качнули его пару раз и, как следует размахнувшись, зашвырнули шагов на восемь в болото.

— И всего делов-то… Чистоплюи господские, ни курицу зарезать, ни ни мертвяка утопить… — братья вернулись к телеге и через час были уже в деревенском трактире.

От удара о землю веревка, стягивавшая холстину, лопнула и сверток, попавший в Поганое болото, поплыл, разползаясь в бесформенное пятно. Давно уже стихло поскрипывание живодеровой телеги, потревоженная было тишина вновь улеглась в туманные перины. Сверток вдруг дернулся, резко, судорогой, и из него показались руки и голова девушки.

Амариллис пришла в себя от холода, проснулась, чтобы согреться. Честно потрудившееся тело настоятельно требовало заслуженного ухода и удобств; однако поначалу пошатнувшееся сознание оставалось абсолютно глухо к его голосам; наконец, телу надоело терпеть и оно, минуя бестолкового посредника, решило действовать само. Встрепенуться… выбросить руки вперед… потянуться за ними… глотнуть свежего воздуха… Ну вот, так-то лучше. Просыпайся.

— Кто-нибудь… помогите… — куда подевались все слуги?.. Амариллис пыталась позвать кого-нибудь из домочадцев, но пересохшее ее горло не издало ни звука. Приподнявшись на локтях, девушка осмотрелась; ее разум, оглушенный питьем милосердной вдовицы, работал медленно, мысли путались в узлы причудливых форм. Перекатившись на спину, девушка отважилась сесть; от усилия у нее перед глазами поплыли кровавые круги, перехватило дыхание, но упрямая темная кровь подгоняла, и вот, наконец, ей удалось присесть на колени. Отдышавшись, она провела рукой по телу — мокрая, липнущая короткая рубашка, не прикрывающая даже колен, и почему-то плоский живот… Амариллис застонала, вспоминая… но не понимая.

… комната с кроватью… одиночество и боль… остальное память милосердно не сохранила. Потом — голос… чей? ах да, вдовы… и этот крик. И чашка с питьем!

По-прежнему отказываясь понимать случившееся, не думая и не рассчитывая, Амариллис собрала все силы и встала; пошатываясь, она шагнула в сторону каких-то кустов. И тут болоту надоело притворяться. Шагнув, девушка по пояс провалилась в трясину. Несколько минут она лежала неподвижно, вытянув руки, лбом уткнувшись в сырой мох; потом попыталась шевельнуться — бесполезно. Вздрогнув, она повторила попытку, еще и еще раз… и затихла, даже с каким-то облегчением. Через

какое-то время ей уже не было холодно, боль, сводившая живот, отпустила, зато голова прояснела на удивление. Вернулись в прежней остроте зрение и слух, сами собой развязались узлы на мыслях. Вот тебе и жена ратмана… получила?! Да нет, не то… за что? и зачем?.. ах да, ребенок с темной кровью. Мой ребенок!.. я даже не увидела его… Тут она закричала. Крик, вырвавшийся из пересохшего, уже сутки не пробовавшего воды горла был более похож на клекот или хриплый вой; уже успокоившаяся и смирившаяся девушка билась в вязкой пасти болота с яростью обездоленной женщины. Внезапно она почувствовала на ногах тепло, стекающее от бедер к лодыжкам: от резких движений она вновь закровила… еще сильнее прежнего.

Через несколько минут Амариллис услышала тихое хихиканье; здесь этот звук был совершенно неуместен, и мог только померещиться. Но хихиканье не унималось, а приблизилось вплотную к девушке, взяв ее в кольцо, после чего она стала чувствовать на коже слабое покалывание. На лодыжках, под коленками, на животе. Потом закружилась голова; и постепенно Амариллис начала охватывать слабость — не прежняя слабость усталого тела, а какая-то опустошенность… так засыпает на жаре срезанный, но не попавший в букет цветок. Девушка дышала ровно, редко, мокрый мох даже не потеплел под ее щекой, только пальцы еще слегка вздрагивали. Внезапно она подняла голову и еле слышно застонала: ее затягивало — и не просто болото. Амариллис почувствовала, что вокруг ее ног обвились тугие, ледяные петли и тянут, тошнотворно медленно тянут вниз.

…Тебя же предупреждали, что будет больно. Бедный, бедный бельчонок!.. и жила — ляп за ляпом, дурость за дуростью, и умрешь некрасиво, бестолково. Твое дитя вырастит другая женщина, и ее — а не тебя — твой сын назовет мамой. А ведь знала, что не дело делаешь: иначе зачем было столько раз просить прощения у семьи, которой давно и на свете-то нет? Ну-ну, не плачь, все уже, все… Что? небо? небо как небо. Ты пришла в мир — оно было, и уйдешь — там же оно и останется. Ему не впервой отражаться в мертвых, зеркальных глазах. И какая разница, где? неужели в фамильной усыпальнице Миравалей тебе было бы уютней? гнить среди подлецов и выжиг вроде Сириана…а здесь ты хоть кого-нибудь накормишь… Успокойся и отдыхай, уж что-что, а отдых ты заслужила.

— А ну, не смей! Куда это ты собралась? Не нажилась еще! — э т и х голосов она не слышала уже целую вечность. Фрон и Трай, ее старшие братья. Откуда?! Рывком Амариллис подняла голову, грязной рукой стирая с глаз тину, пыталась хоть что-нибудь

разглядеть в белесой пелене… ничего. Но голоса звучали, настойчиво, сердито, и девушка почувствовала, что они тянут ее наверх — живи, дуреха, живи!

— Зачем?.. — скучающим голосом осведомился кто-то рядом. — Стоит ли?

— Заткнись, уродина! Не слушай ее, сестра, живи!

Амариллис сжала кулаки и рванулась наверх. Ей казалось, что от такого усилия тело ее вылетит из болота, как пробка из бутылки, на деле же она лишь самую малость подалась вперед. Глупая, упрямая темнокровка, она не сдавалась… хихиканье усилилось и за ноги подергивали все ощутимее. Девушка ударила рукой по склизкой, пружинящей моховой подстилке и закричала.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите!.. — этот крик не потревожил бы и спящего капризного младенца, ибо громкостью своею не превосходил шепота.

* * *

Он торопился. И хотя даже здешние неприютные места были во сто крат милее иссушенных земель Иста-Ксиа-Утль, он все же спешил поскорее оставить их за спиной. Важных новостей в этот раз у него не было, разве что новое разочарование. Поэтому он мог себе позволить задержаться и по дороге в Лис-Арден заглянуть к Сычу.

Чуткий и беспристрастный ко всем природным голосам, Хэлдар ненавидел томные, лживые вздохи болота. Вот и Искрень как-то раздраженно тряхнул гривой и ускорил галоп: ему тоже было не по себе. Эльф успокаивающе потрепал коня по шее, продолжая прислушиваться к плотной, словно скрывающей что-то тишине. Тоскливый птичий свист… хлюпанье тухлой воды в бочажинах… мертвые голоса болотных трав… ничего. Ничего?

— … помогите… — этот шепот, тихий, как последний вздох умирающего, ударил его с силой колокольного звона. Тишина. Плюхнулась на болото белесым брюхом, придавила все звуки, мутноглазая, недобрая. Эльф остановил коня, спрыгнул на землю, постоял, мучительно прислушиваясь… и пошел вперед по неширокой дороге, на которой виднелся след тележных колес.

Дорога вскоре кончилась; оборвалась у гостеприимно зеленой кромки болота. Туман. Белыми рыхлыми хлопьями повис на скудной иве, прячет, ревниво закрывает от непрошенных глаз собственность болота. Хэлдар, ни минуты не раздумывая, шагнул на зеленую топь. Немногие из эльфов воздуха могли ходить, почти не опираясь на землю, пружиня на сминаемом стопой

воздухе; это не требовало знания специальных заклинаний, но отнимало очень много сил и давалось далеко не всем и не всегда.

Он осторожно продвигался вглубь болота, мешал туман, липнущий к ресницам, и неприятное ощущение множества тупых и веселых глаз, размазывающих по нему свои взгляды. Через десять шагов, давшихся ему немалым усилием, эльф увидел на сыром мху вытянутые руки, голову и плечи человека, уже по грудь ушедшего в трясину.

…Амариллис ненавидела, когда ее рано будили. Братья об этом хорошо знали и частенько, отправляясь на рыбалку, не упускали случая насолить сестре. Вот и сейчас, ей, разнежившейся под пуховым одеялом, что-то мурлычущей по секрету любимой подушечке, Фрон прыснул в лицо ледяной водой, а Трай кинул на спину вместо стащенного одеяла мокрую простыню. От такого способа будить нежно любимых младших сестер у Амариллис просто дух захватило, она рывком поднялась с кровати…

…и увидела лиловый ночной воздух, перемешанный с ледяным туманом. Впереди что-то темнело… кто-то приближался, медленно-медленно… и его глаза слабо светились в темноте. И по мере того, как он подходил к ней, бестрепетно и неторопливо, мерзкое хихиканье слабело, пока не прекратилось вовсе, а тот, кто с наслаждением наматывал на свой многосуставчатый палец водоросли, обвивавшие ее лодыжки, с обиженным хлюпаньем захлопнул пасть и убрался восвояси.

Он подошел вплотную к ней, склонился, крепко взял за руки, повыше перемазанных в грязи кистей, и потянул на себя. Поначалу тело девушки показалось эльфу намертво замурованным в трясине, но через несколько минут оно начало подаваться, а еще через полчаса он ступил на твердую почву, держа ее на руках. Хэлдар завернул девушку, больше всего похожую на грязный осколок льда, в дорожный плащ, вскочил в седло, крепко прижимая ее к себе и попросил:

— Искрень, лес и ручей!

Конь, все это время терпеливо переминавшийся с ноги на ногу и тревожно вытягивавший шею в сторону ушедшего хозяина, согласно кивнул, тряхнул белой гривой и сорвался с места как стрела, пущенная искусной рукой, унося седоков прочь от гиблых мест. Но уже через несколько минут он почувствовал, как натягиваются поводья, приказывая остановиться. Недоумевая, конь встал как вкопанный. Эльф спустился, придерживая завернутое в плащ тело девушки, уложил его наземь, раскрыл плащ… он резко выдохнул, а пальцы его помимо воли сжались в кулаки. Поспешно схватил он одну из седельных сумок и

вытащил из нее небольшой, продолговатый металлический футляр, в котором оказался камень, закрепленный в металлическом же гнезде. Кончик камешка рдел оранжевым огоньком — это был огненный кремень, от одного прикосновения которого вспыхивали ясным пламенем даже безнадежно сырые, осенние дрова. Хэлдар наклонился к неподвижному телу, покрытому тиной, ошметками мха, какими-то темными каплями… эти-то последние и привлекли его внимание. Они выглядели неприятно живыми на ледяной, застывшей коже, шевелились и росли. Эльф прикоснулся к одной из капель кремнем: раздалось шипение, треск и пиявка, поспешно вытянув хоботок из тела Амариллис, свернулась тугим клубочком; эльф стряхнул ее на землю. Он снимал пиявок одну за другой, некоторые из них, сворачиваясь, тут же и лопались, поскольку эти твари сытости не знали и наслаждались до тех пор, пока их не разрывало ими же выпитой кровью. Поглядев на результат своих усилий, Хэлдар застонал сквозь стиснутые зубы — перед ним лежала замерзшая до синевы, залитая кровью девушка, жизнь которой теплилась не сильнее грошовой свечки. Смахнув последнюю пиявку, эльф бросил на шевелящуюся кучку пучок травы и поджег ее; завернул Амариллис в плащ, и на этот раз попросил коня:

— Быстрее!..

Оказавшись в лесу (это был сосновый бор, темневший западнее дороги в Эригон), на берегу ручья, эльф развел костер, подогрел воду и, уложив девушку, по-прежнему бесчувственную, на хвойную подстилку, прикрытую попоной, снял с нее грязную, окровавленную рубаху и стал вытирать неподвижное тело горячей водой. Он смыл остатки трясины с застывшего лица; вода в котелке быстро темнела и ему приходилось часто ее менять. Наконец, он освободил девушку от грязи и засохших кровяных потеков, одел на нее свою рубаху, проложив между бедрами другую, разорванную на полосы, и закутал в наскоро очищенный плащ. Сам уселся спиной к вековой сосне, взял Амариллис на руки, прижимая к себе так крепко, что вскоре холод ее промерзшего тела передался ему и он вздрогнул от внезапно охватившего его озноба. Рядом стоял, сочувственно дыша, Искрень. Потрескивали в костре сосновые сучья, сгорая, они взвивались в воздух золотыми нитями, спеша хоть на секунду украсить черно-лиловый бархат холодной ночи. Эльф откинул голову назад, упираясь затылком в чешуйчатый, теплый ствол и вновь, как полвека назад, ощущая присутствие всегда незваной гостьи.

«Кого ты позовешь теперь?» — тон этого вопроса не был ни

оскорбителен, ни озлоблен; она интересовалась — и только. И в самом деле, кого?!.. Самому ему не справиться: эльфийская медицина на темную кровь не рассчитана, так что даже обычного кровоостанавливающего он ей дать не может… а она кровит, кровит не переставая. Дурень, возразил он сам себе, так и полагается, после пиявок… Ну да, продолжил все тот же бесстрастный голос, а также полагается топить девчонок в болоте. И когда только ты научишься смиряться с неизбежным?!.. А если тебе уж так необходимо во всем видеть светлую сторону, то прими во внимание, что твоими усилиями она будет похоронена на берегу ручья, в вольном лесу, а не в поганом болоте. Тебе не впервой оставлять лесу самой дорогое… ведь так? А если так, то почему ты прижимаешь этот почти невесомый, недвижный сверток все крепче и крепче, словно надеясь поделиться с ним своей жизнью, почему укачиваешь его, как задремавшего ребенка, зачем зовешь?..

Хэлдар заглянул в лицо девушки, слабо освещенное отблесками костра, и вздрогнул — ему показалось, что она не дышит; дыхание ее было почти неслышно, легче ряби на воде. Он наклонился, касаясь губами ее лба и прошептал:

— Амариллис… где ты? не уходи, фириэль, вернись…

Темные, слипшиеся ресницы дрогнули. Девушка смотрела на эльфа совершенно ясными глазами, словно повстречала его где-нибудь средь цветущего сада, потом слабо улыбнулась и сказала:

— Ты уж прости, я тебе весь плащ перемазала… — и пожаловалась:

— Мне холодно…

После этих слов голова ее бессильно запрокинулась, сознание вновь покинуло измученное, настрадавшееся тело.

«Отпусти ее» — гостья не настаивала, она советовала. «Девочка совсем измучилась, ей нужен покой. В ней жизни осталось не больше, чем в полудохлой белке, — на что ты надеешься? Оставь ее, отдай мне. Так будет лучше для всех…»

«Не отдам. Замолчи. Убирайся!..» — так резко он не говорил ни с кем. Не добавив более ни слова, эльф встал, подозвал коня, сел в седло, не выпуская закутанной девушки, и приказал:

— Быстрее ветра!..

Оставшаяся у догорающего костра незваная гостья снисходительно усмехнулась, покачала головой — как будто от нее можно удрать! даже и на хваленом эльфийском скакуне! — но решила не спешить, уж она-то всегда успеет… тем более, что этот кусочек плоти она уже пробовала на зуб. Тогда он был явно незрел; может, на этот раз окажется повкуснее.

Ранним июньским утром Сова проснулась, потревоженная

резким стуком. Вглядевшись попристальней в сумрак спальни, она увидела Сыча, поспешно ставившего на место прикаминное кресло. Он был совершенно одет, и, судя по сбитому ковру, уже немало времени расхаживал по комнате.

— Что стряслось? — спросила Сова, вставая.

— Пока не знаю. — Сыч подошел к постели, сел на край одеяла. — Ты ложись пока, рано еще. Да не смотри на меня так, никуда я не собираюсь… без спроса. Что-то не по себе мне.

Сова сидела молча, прислушиваясь к теням звуков, доступным ее тонкому слуху; затем встала и потянулась к лежащему на комоде платью:

— Ты прав. Кто-то спешит.

— Кто-кто… пойду-ка я вниз, открою ворота.

Не более чем через полчаса у дома остановился заметно уставший конь, с него, пошатываясь, спустился эльф и, крепко прижимая к себе кого-то, закутанного в плащ, поднялся на крыльцо. Сыч, не задав ни единого вопроса, распахнул перед ним дверь. Эльф вошел в комнату, опустил свою ношу на широкую лавку, стоявшую вдоль стены, отвернул край плаща, из-под которого показалось совершенно белое лицо девушки лет двадцати, и тихо сказал:

— Она должна жить. Брат, помоги… — он пошатнулся и упал бы, не подхвати его крепкая рука орка.

Сова подошла к скамье, распахнула плащ, оглядела девушку, потом бросила всего один взгляд, полный жалости, на эльфа. Но, взяв себя в руки, подозвала топтавшихся у порога встревоженных брауни, велела им побыстрее разжечь огонь в очаге, нагреть воды и принести побольше чистых простыней. Потом обратилась к мужу:

— Сыч, усади Хэлдара к огню. И принеси сюда весь свой запас пчелиного молочка… и мои травы.

— Что, все?

— Да. Хватило бы.

Через несколько минут Амариллис лежала на столе, накрытом чистой простынью и придвинутом поближе к камину, в котором трещал щедрый огонь. Сова чуткими, длинными пальцами ощупывала живот девушки, хмурясь все больше и больше. Она повернулась к сидевшим поодаль мужчинам:

— Судя по всему, во время родов ей дали отраву. Поэтому она почти не кровит и это очень плохо. Уходите. Вам нельзя на это смотреть. Сыч, уведи его подальше, она скоро придет в себя… от боли. Уходите!..

Сова напрасно опасалась. Действительно, от ее травяного уксуса и от живительного тепла Амариллис вскоре очнулась и

смогла даже выпить целую чашку пчелиного молока, разведенного горячим медом. Но закричала она всего один раз, да и то, когда Сова приказала ей кричать, боясь, что девушка потеряет сознание под ее руками и из этого забытья уже не вернется… Но когда брауни с трясущейся бородой выносил таз, полный кровавых тряпок и черно-красных сгустков, а Сова мыла по локоть окровавленные руки, Амариллис, уже вымытая, одетая в чистую рубашку, приподняла голову и спросила:

— Где мой ребенок?

Сова молчала, не зная, что ответить. Амариллис закрыла глаза, замолчала; потом послушно выпила приготовленный Совой настой и уснула, прямо на столе, так что в постель Сыч пренес ее уже спящую.

Уложив Амариллис в одной из спален и приставив к ней в качестве сиделки маленькую брауни, орки спустились к эльфу, сидевшему у камина.

— Она поправится? — спросил он, не поворачивая головы и по-прежнему пристально глядя в огонь.

— Не знаю, — честно ответила Сова, останавливаясь рядом.

— Почему? Она жива…

— Да, но надолго ли… Хэлдар, я не хочу обманывать, тем более, если эта девушка дорога тебе. Первые роды и сами по себе испытание не из легких, а тут еще столько всего… Отраву я обезвредила, она, к счастью, оказалась не из опасных: так, сок непентеса, даже не концентрированный… то ли не старались особо, то ли не успели. Но холод… она пробыла в болоте несколько часов, лихорадки теперь не миновать. И пиявки… ума не приложу, как ты смог привезти ее живой, в ней крови осталось… — Сова заметила, как вздрогнули плечи эльфа и осеклась.

— Как ее зовут, брат? — спросил Сыч, неловким вопросом прерывая тягостное молчание.

— Зачем это тебе? чтобы знать, какое имя выбить на могильной плите? — Хэлдар сидел сгорбившись, бессильно опустив руки; длинные светлые волосы, намокшие в предутреннем тумане, свисали как седые нити лишайников.

— Она молода и в ней есть наша кровь. — Сыч тряхнул эльфа за плечо. — Если она захочет жить — силы найдутся. Или тебе будет спокойней, если она умрет?

Хэлдар встал, повернулся к Сычу.

— Ты умеешь утешить… Ее зовут Амариллис. Совушка, не плачь… дай мне умыться с дороги.

Серые предрассветные часы уступили место раннему, звонкому от птичьих голосов утру; в приоткрытое окно комнаты

Амариллис врывался прохладный, бодрящий ветерок, несущий запахи просыпающейся земли. Хэлдар неслышно вошел, молча кивнул брауни, укрывающей девушку вторым одеялом, придвинул к постели небольшое кресло и сел. Осторожно, словно опасаясь обжечься, взял руку Амариллис; ее пальцы вскоре согрелись в его ладони, это немного успокоило и утешило его.

Такая… маленькая, почти не видная под одеялами, беззащитная, глупая фириэль… Подарившая счастье и укравшая его, бессердечная, легконогая плясунья, что мне сделать, чтобы ты жила? Как позвать, чтобы ты услышала и захотела вернуться — сюда, где тебе причинили боль, где тебя предали и оклеветали… и где я жду тебя…

Он сидел, сжимая ее руку, неотрывно глядя на нее, и не замечая, как наливается силой день, как накидывает на него свой сумеречный плащ вечер, как спускается на землю ночь. Трижды приходила Сова с мужем, но он не замечал и их; Сова меняла Амариллис повязку, растирала ей живот какой-то мазью, поздним же вечером Сыч развел огонь в камине, зажег свечи и они ушли, оставив их вдвоем (вернее, втроем, поскольку брауни тоже наотрез отказалась покинуть девушку).

Возвращайся, Амариллис… Этот мир потускнеет без тебя, опустеет… как моя душа, потерявшая тебя. Я виноват, я оставил тебя без защиты и помощи… что с того, что ты не просила о них, ты в них нуждалась — и этого довольно. Я виноват. Потому что слишком привык видеть мир только своими глазами. И забыл о том, что для тебя год — это так много… «мастер ельф» не успел даже как следует поразмыслить, что же это за напасть такая с ним приключилась и как ему должно себя вести, а ты успела и струсить, и обидеться, и и забыть… Фириэль… я видел тебя, в начале зимы. Ты играла в снегу с какими-то мальчишками, а старик все унимал тебя, отряхивал, закутывал; ты показалась мне такой веселой, даже счастливой. Арколь ничего не говорил о тебе, видно, считал себя не вправе вмешиваться, и когда я узнал, что старый паук Мираваль взял тебя в семью… — тут Хэлдар оборвал свои мысли, потому что Амариллис, не просыпаясь, тихо заплакала. Эльф присел на край кровати, по-прежнему держа девушку за руку, приложил ладонь ко лбу — он пылал, вся голова была охвачена сухим, нездоровым жаром. Маленькой брауни было достаточно одного его взгляда и она поспешила за Совой. Та пришла, вернее, прибежала, встревоженная и растроенная; трудно было сказать, кого она жалеет больше — умирающую девушку или эльфа. Им удалось напоить Амариллис болеутоляющим отваром, рецепт которого Сова получила от своего отца, с добавлением черного меда, изгоняющего лихорадку; это помогло,

жар унялся… надолго ли?..

Девушка спала; она не просыпалась после того вопроса о ребенке, словно отгородившись сном от возможного ответа. Хэлдар только под утро забылся коротким, тревожным сном, который был прерван приходом Совы, решительно потребовавшей, чтобы он отправился отдыхать. В ответ эльф только покачал головой. Три дня и три ночи он не отходил от Амариллис, застывшей между сном и явью, между жизнью и смертью, и ей, уставшей и измученной, было так сложно выбрать — куда идти, где остаться. Мир, оставшийся за спиной, был опасен и неблагодарен, а где-то совсем рядом были мама с отцом, братья… и хотя они ее к себе не звали, — видно, не ждали так скоро, — она их чувствовала… И только чей-то настойчивый голос мешал ей, отказавшись от всего, спокойно пойти им навстречу. Несколько раз она пыталась повернуться спиной к утомившей ее боли и направиться туда, где ей уже ничто не будет угрожать, но всякий раз ее словно брали за плечо — мягко, но настойчиво, — и разворачивали обратно. На четвертый день Амариллис пришла в себя.

Она открыла глаза, глядя перед собой с вполне понятным недоумением, потом перевела взгляд на эльфа — он сидел рядом с кроватью, держал ее за руку и, похоже, не сразу понял, что она проснулась.

— Где я?

— Амариллис? Ты проснулась… — он провел свободной рукой по лицу, стирая усталость и страх, попытался улыбнуться. — Ты в доме моего друга, Сыча. Его жена вылечит тебя… нет, прошу тебя, лежи спокойно.

— А у тебя глаза действительно в темноте светятся, или мне показалось? — от этого неожиданого вопроса, заданного к тому же с неподдельным любопытством, эльф опешил.

— Что? Глаза?… нет, не всегда, все зависит от темноты. Прошу тебя, не двигайся, — и он придержал привставшую было Амариллис за плечо. Она послушно опустила голову на подушку и, протянув тонкую руку, несмело прикоснулась к плечу эльфа.

— Надо же… ты все-таки поквитался со мной… — и, видя его недоумение, девушка пояснила — ну как же, тогда ты в воду свалился, а я над этим и посмеялась… над чем, спрашивается?.. А вот пришел и мой черед свалиться, и надо мной потешились… а ты опять подставил плечо.

В эту минуту в комнату вошла Сова. Увидев разговаривающую Амариллис, она растерянно остановилась, потом немедленно прогнала Хэлдара, чтобы осмотреть и обо всем расспросить девушку. В эту ночь обитатели дома впервые уснули

спокойно, ибо Сова с удивлением и радостью убедилась, что хотя за жизнь ее подопечной еще придется поспорить с незваной гостьей, но теперь в этом споре будет звучать голос самой Амариллис.

Спор продлился еще четыре долгих недели. Трижды к девушке возвращалась лихорадка, трепля ее тело своими сухими, обжигающе горячими пальцами, щипая ее за щеки и оставляя на них воспаленные красные пятна; Сове долго не удавалось остановить ставшее опасным кровотечение — в конце концов, на свой страх и риск она отважилась использовать сильное кровоостанавливающее средство, созданное эльфийскими медикусами, и, как оказалось, вполне успешно; иногда давали о себе знать последствия отравления: Амариллис засыпала более чем на сутки, а во сне плакала, кричала, разговаривала с кем-то… разбудить ее мог только Хэлдар. Однако незваная гостья всегда с уважением относилась к достойным противникам и поэтому на исходе июня она покинула дом Сыча.

День, когда Сова впервые разрешила своей подопечной покинуть постель и выйти в сад, был безветрен и тих; начавшийся июль спешил наверстать упущенное холодной весной и скупым июнем, работал, не покладая рук и не отвлекаясь на развлечения. Амариллис, уже одевшись — пока не без помощи брауни — попросила у жены Сыча зеркало, она долго смотрела на себя, потом усмехнулась и сказала:

— Надо же… как с гуся вода. Я-то думала, что по крайней мере поседею, или в лице что-нибудь этакое появится. А тут на тебе — все та же бесстыжая девчонка… хоть завтра снова в пляс пускайся.

Она опустила лицо в ладони и заплакала. Сова молча присела рядом, обняла ее вздрагивающие плечи и, дав слезам выплакаться, попыталась утешить девушку:

— Не надо, Ами, не укоряй себя. В произошедшем твоей вины нет… за что ты казнишь себя? за то, что чудом осталась жива?

— За что? Я скажу тебе, за что. Сова, мой ребенок умер. — Губы Амариллис искривились, она с трудом подавила рыдание. — Он был… так долго был во мне… я знала, какие он любит песни, и что жареную рыбу терпеть не может, и он ворочался, и толкался… А теперь я ничего не чувствую, Сова… ничего. Мой ребенок мертв, а я так и не поняла, чего же мне жаль — его ли? или умершей во мне матери? — Амариллис прижала ладонь к груди. — Так пусто здесь… так пусто. Даже не больно.

— Послушай меня, — Сова говорила медленно, обдумывая каждое слово, — я не знаю, правильно ли делаю, что рассказываю тебе от этом… но и смолчать не могу. Твой ребенок жив.

Выслушай сперва. Я такими словами не бросаюсь. Довольно и того, что мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы перехитрить твое тело; твоя грудь знала, что ребенок жив, и голоден — и старалась вовсю. И еще. Сыч неделю назад вернулся из Эригона, помнишь, он привез тебе илори и целую гроздь зирэ — ума не приложу, где он ухитрился их добыть, после тихого-то ветра… Так вот, в городе только и разговоров о счастье дома Миравалей — говорят, жена ратманова сына благополучно переждала отраву у манорской родни, там и разрешилась от бремени долгожданным сыном. Эригон всегда отличался вольными нравами, но не настолько же, чтобы второй женой обзаводиться — при беременной первой; все-таки не Шаммах.

Амариллис выслушала Сову молча, покусывая губы; потом она рассеянно потянула тесемку, стягивающую ворот легкого платья, распустила ее и подошла к кровати, уже застеленной хлопотливой брауни. Все так же молча девушка улеглась поверх покрывала, отвернувшись от окна; она поджала колени к животу и сказала глухим, как будто не своим голосом:

— Я не пойду гулять. Можно, я побуду одна? — и, когда Сова уже выходила из ее комнаты, Амариллис прибавила:

— И я никого не хочу видеть, кроме тебя. Никого. Никого. Никого… — и потянула на голову покрывало.

Она не выходила из комнаты еще неделю. И ни с кем, кроме Совы, не встречалась. Когда же та упомянула имя эльфа, откладывавшего свой отъезд, не решающегося уехать, не повидавшись с Амариллис, то она отчаянно замотала головой, отвернулась от Совы и беззвучно заплакала.

— Да что с ней такое?! — в сердцах спросил Сыч, видя растроенное лицо жены, спускавшейся из комнаты Амариллис. — Что, передумала жить?!

— Не горячись. — Хэлдар подошел к другу; оседланный Искрень уже ждал эльфа у крыльца. — Совушка, что скажешь?

— Скажу, что она почти здорова… телесно. Еще месяц, и хоть снова на сцену. Но что у нее в душе творится… ох, и подумать страшно. Ты прав, Сыч, жить она не хочет. Но вовсе не из-за того, что неблагодарна. Она не может простить — ни себя, ни тех… ни нас. Хэлдар, мне жаль, но пока ты здесь, она не поправится. Она боится тебя.

Хэлдар ничего не ответил, только согласно кивнул головой; на прощание он расцеловал Сову, крепко стиснул руку Сыча… тот, в свой черед, сжал друга в своих медвежьих объятиях; и они расстались.

Глава семнадцатая. Линьяж

— Господин Арчеш, право, не стоит так волноваться… — вдова умильно улыбалась, заглядывая в глаза всерьез обеспокоенного старика. — Девочка она сильная, выносливая. Другие криком кричат, слезами заливаются, а она знай ходит себе да пританцовывает. Она справится… а если вы будете так переживать, я заставлю вас выпить успокоительного! — и она шутливо погрозила пальцем. Шутка ее, впрочем, не имела даже тени успеха; Арчеш мрачно посмотрел на нее и продолжил мерять шагами гостиную.

— Сильная, говоришь… — наконец, старик прервал молчание. — может быть, и так. Но я все же предпочел бы видеть рядом с нею хорошего врача. Или хотя бы знающую повивальную бабку. Клеми, — обратился он к экономке, — помнится, ты говорила, что в Озерках есть такая?

— Как же… — заторопилась с ответом женщина — есть. Сестра моя старшая, она еще в школе обучалась… Господин Арчеш, позовите ее!

— М-да… а ну их, обычаи эти! — старик решительно повернулся к экономке. — Вели повозку запрячь. Я сам за ней поеду… так вернее будет, — добавил он, покосившись на вдову.

Когда Арчеш Мираваль уже защелкивал под подбородком резную фибулу теплого плаща, к нему подбежала вдовица, держа в руках бокал подогретого вина с пряностями, которое она делала действительно мастерски (только за это Арчеш и терпел ее в своем доме) и протянула его старику.

— Подкрепитесь перед дорогой, холодно-то как! — ароматный парок вился над бокалом, приятно щекоча ноздри. В открытую слугой дверь ворвался ветер — холодный, пронизывающий до костей, вдохновляющий разве что на выпивку, но уж никак не на прогулку. Арчеш машинально протянул руку, хлебнул разок, другой… закашлялся и выпил все до дна.

— Благодарствую… — и он решительно вышел из теплого дома в сизый вечер; вскоре послышался удаляющийся перестук копыт.

В доме было тихо. В отсутствие Арчеша никто не смел и близко подойти к покоям роженицы, слуги перешептывались по углам, домочадцы разбрелись кто куда. Потрескивали в камине дрова, за окнами сгущалась тьма. От внезапно раздавшегося треска все вздрогнули — это раскололось в огне полено, и вдруг в ночи вновь раздалось цоканье подков о мерзлую землю. Через несколько минут в дом вошел слуга.

— Что случилось? — ахнув, экономка бросилась ему навстречу. Слуга осторожно уложил в кресло Арчеша, которого он на руках внес в гостиную, и повернулся к ней.

— А? Не знаю… плохо господину стало в дороге. Закашлялся сперва, потом чуть наземь не упал. В себя так и не пришел… — и слуга опечаленно покачал головой.

— А ведь я говорила господину Арчешу, что ему необходимо поберечься! — вдова озабоченно поджала губы и приказала: — Отнесите господина в его покои и не тревожьте его! Я присмотрю за ним.

Пока Арчеша Мираваля укладывали в постель, пока вдова прикладывала ему на лоб какие-то примочки, пока снаряжали гонца в Эригон, — ночь перевалила за половину.

…Арчеш Мираваль с тудом, кряхтя и морщась, встал, скинул на пол одеяло, сунул босые ноги в меховые туфли и закашлялся — сильно, чуть не до рвоты. Потянул на плечи теплый плащ, лежавший на сундуке близ постели, и попытался встать. Но как только он оказался на ногах, глаза его заволокла мутная пелена, рот наполнился горькой слюной, а голова закружилась так сильно, что старику показалось, будто стены комнаты крутятся вокруг него. Как ярмарочная карусель. Он едва удержался, чтобы не упасть… сделал шаг… второй… Пошатываясь, добрел он до стены, держась за нее, дошел до дверей, открыл их. И все так же медленно, время от времени сгибаясь от мучительного кашля, спустился вниз. «Где же слуги?» — мелькнуло у него в голове… но тратить силы на призывание нерадивых служанок Арчеш не хотел, куда важнее было сейчас добраться до комнаты, в которую, словно прокаженную, заперли Амариллис. Старику было плохо; он почти не различал пальцев вытянутой руки, все плыло и качалось перед глазами, в голове шумело. Вот и дверь. Он толкнул ее, даже не успев удивиться, что она открылась, заскрипев как щипцы зубодера, вошел, шатаясь, почти падая.

— Амариллис!

Сидевшая на краю кровати девушка обернулась на его голос. Она была одета в белую рубаху, слишком просторную для такой худышки, потускневшие волосы висели бесформенными прядями вдоль бледных щек, а глаза казались двумя темными провалами. Старик неловко присел рядом, на край кровати, стараясь не раскашляться снова.

— Как ты? Плохо, видать, раз молчишь… Ну ничего, все обойдется. Ты не бойся, я за доктором послал, — тут он почувствовал, как его руку сжали холодные, влажные пальцы девушки.

— Ну что ты? Никуда я не уйду… не бойся, я тебя не оставлю.

Не бойся…

…Клеми, прослужившая экономкой в Серебряных Ключах уже больше десяти лет, никого не подпускала к господину Арчешу. Она самолично выхаживала его, пораженного какой-то непонятной хворью — так и не успев выехать за пределы поместья, старик вот уже вторые сутки лежал в горячке, не приходя в себя и бредя. На дом Миравалей обрушилось столько событий, что почтенная экономка, рассудив, что со всеми ей не совладать, оставила за пределами своего внимания и страшную смерть новорожденного и бесславный уход его матери, и обретение линьяжем наследника, и визит господина ратмана. Она осталась рядом с тем, кого искренне почитала и любила, кому служила не за страх, а за совесть; Клеми неотлучно сидела у постели старика Арчеша. Старик все время спал, неспокойным, неглубоким сном, в котором он — судя по отрывистым словам, срывавшимся с его губ, — разговаривал с Амариллис, утешал ее, успокаивал. А на следующий день после того, как ратман уехал в город, к Арчешу вернулось сознание.

Обложенный подушками, переодетый и умытый, выпивший невесть сколько укрепляющего отвара, Арчеш Мираваль наблюдал, как экономка хлопочет у камина, разводя огонь пожарче.

— Рассказывай, что произошло. — Клеми вздрогнула и замерла.

— Рассказывай. — тон был таков, что ослушаться не посмел бы никто. Запинаясь, не умея соврать и боясь сказать правду, экономка путанно объяснила, что произошло в доме во время болезни хозяина. Арчеш выслушал ее, не прерывая. Помолчал немного, потом спросил:

— Кто первым вошел в покои роженицы?

— Племянница ваша, вдовая… я с вами была, господин, да она меня и не подпустила бы.

— Хорошо. Мой сын уже уехал? Уехал… Где он распорядился похоронить… ее?

— Да не хоронили ее, господин… — экономка не выдержала и всхлипнула. — Братья Брейс ее Поганому болоту отдали.

Арчеш, не отрываясь, смотрел на огонь. Он не то, чтобы постарел, просто погрустнел, сник; он, всегда глядевший задиристым петухом, сейчас больше всего напоминал раскисшего в подушках голубя. Клеми никогда не видела его таким… да и сейчас насмотреться не пришлось. Потому что в глазах старика сверкнула — нет не искра, а, пожалуй, настоящая молния, — он весь подобрался, сел, так что одеяло вздыбилось на коленях острым углом, и повелительно махнул рукой.

— Одеваться. И позови-ка ко мне племянницу.

Спустя несколько минут в комнату Арчеша вплыла вдовица, умильно и снисходительно улыбаясь.

— Как, вы уже встаете? Господин Арчеш, я так рада вашему выздоровлению… и мне совсем не хочется, чтобы вы снова слегли! А это случится, случится непременно, если вы вот так сразу вскочите… ну куда, скажите на милость, вам спешить?

— Не твоего ума дело. — Арчеш не счел нужным соблюдать приличия, и натягивал штаны на тощие ноги прямо под носом вдовы. Он встал, затянул тесемки на поясе и протянул руку за теплой рубахой.

— Сядь. — И старик мотнул подбородком на стул возле окна. Вдовица, видимо, решив быть снисходительной к старческим немощам, прошла и, все так же улыбаясь, села на указанное место.

— Выйди. — Экономка, подав хозяину подшитое мехом сюрко, вышла, закрыв за собою дверь.

Арчеш подошел к окну, сел на деревянный ларь, так, что свет резко обозначил черты его лица — запавшие глаза, острый нос, тонкие ядовитые губы. Вдовица, сама не зная, отчего, поежилась.

— Что это было? Непентес или сон-трава? Непентес сам по себе не дает таких отчетливых видений, но в сочетании с горячим вином… А сон-трава слишком резко пахнет… но, опять-таки винные пары…

— О чем вы, господин Арчеш? — вдова хлопала подведенными глазами.

— Ну, да это не важно. — Старик даже не слушал ее. — Не важно. Хотя, скорее всего, именно непентес. Значит, так. Я отпущу тебя подобру-поздорову, и даже разрешу забрать с собой то, чем с тобой расплатился мой сын. Но за это ты расскажешь мне все, что знаешь сама. Нет? А ты еще глупее, чем я думал. Ну, посуди сама: любой слуга в доме подтвердит, что после поднесенного тобою питья я, Арчеш Мираваль, свалился в жестокой горячке и выжил по чистой случайности. А тем временем экономка найдет в твоих сундуках немало пропавших во время оно вещиц, а в одной из шкатулок обнаружится кое-что из фамильных драгоценностей дома Миравалей. Смекаешь?! Тогда по моему распоряжению братья Брейс отвезут тебя вместе с сыночком в Эригон. А нынешний судья — что уж скромничать — очень многим мне обязан и вряд ли подвергнет сомнению предложенные мною методы дознания. Кстати, хочу тебя заверить, что отравительниц в нашем городе почему-то особенно недолюбливают.

— Но… — глаза вдовы бегали, пальцы суетливо перебирали

кружево на манжетах, — но господин ратман, мой брат, не допустит подобного варварского обращения, — она даже попыталась выпрямиться.

— Сириан? — старик чуть ли не засмеялся. — Да, плохи дела дома Миравалей, раз столь щекотливые дела поручаются в нем таким непроходимым дурам… Да мой сын будет не просто рад — а прямо-таки счастлив, узнав, что вы угодили в камеру смертников. Тому, что ты выложишь под каленым железом, никто не поверит, там и не такое рассказывают, лишь бы ублажить дознавателя. А вместе с вами исчезнут единственные свидетели этой темной истории… так что я даже облегчу ему жизнь.

— Ка-каленое железо? — трясущимися губами пролепетала вдова.

— А ты как думала? Придется же выяснять, где ты раздобыла потребное зелье, и кто был твоим сообщником… а ты будешь упрямиться, не так ли? Или сразу скажешь, что непентес добыл твой вороватый сынок?

Арчеш говорил спокойно, только губы у него совсем побелели. И тут вдовицу словно прорвало. Захлебываясь, брызгая слюной, она спешила все рассказать господину судье.

— Я… меня вынудили, заставили! господин Сириан настаивал, говорил, это необходимо для блага линьяжа, а если я откажусь, он выкинет нас на улицу, нищенствовать! Велел присмотреть за девицей, чтобы была довольна и здорова. Потом, когда… дать вам снотворное, чтобы… — она осеклась, не зная, можно ли повторить слова, услышанные от ратмана.

— Не путался под ногами? — старик мрачно усмехнулся. — Ясно. Дальше?

— Дальше… да, так вот. Девицу… — взгляд Арчеша хлестнул по ее лицу, как свежая розга, и она сорвалась на визг — Да, он велел отравить ее! Чтобы никто не смог обвинить господина Риго в двоеженстве и чтобы у линьяжа появился законный наследник!

— Что ты сделала с этой несчастной девчонкой?

— Нет, это не я! клянусь вам, я не делала этого, я не успела! Она расплескала все питье, отпила всего глоток! Потом… — снова заторопилась вдова — потом мы переправили ребенка в Эригон, туда как раз должны были привезти госпожу Мореллу. А девицу ваш сын велел…

— Знаю. — оборвал ее старик. — Знаю.

Помолчав с минуту, он бросил:

— Убирайтесь.

Вдова, вскочив, принялась было слезливо благодарить его, сама не зная, за что, но, увидев выражение лица старика, почла за лучшее удалиться как можно быстрее. Через час из поместья

выехала карета, правил которой вдовицын сын; Арчеш запретил слугами сопровождать бывших домочадцев. А еще до наступления сумерек хозяин Серебряных Ключей и сам выехал из ворот, направив спокойную гнедую кобылу прямиком в сторону Поганого болота.

Он доехал до границы болота, спешился и присел на древнем, поросшем зеленым мхом пне, запахнул плотнее полы плаща. По всему было видно, что эти места знакомы ему и он не испытывает ни малейшего страха перед трясиной.

… Арчеш встретил ее в те далекие времена, когда молодые девушки звали его не «ядовитый стручок», а «красавчик Арчеш», а еще — «златоуст Арчеш», и было это чистейшей правдой, потому как он тогда мог уговорить, улестить самую неприступную красотку. Звали ее Осока (в их семействе всем давали такие имена — сестру ее звали Вьюной, мать — Крапивой, бабку — Таволгой… а отцов в тамошнем хозяйстве не водилось), жила она на другом конце болота и могла, при необходимости, перейти его играючи. Арчеш застал ее однажды в господском лесу, куда она явилась без приглашения и без разрешения, нимало тем не смущаясь. У нее были темно-рыжие, с отливом в зелень волосы, и он принял ее поначалу за лесного духа, принявшего телесное обличие. Заговорив с ней, Арчеш с изумлением понял, что Осока ничуть не боится его и не смущается его господским величием. Более того, она с презрением отвегла его притязания, а предложенный золотой небрежно повертела в пальцах, испачканных травяным соком, и уронила ему же под ноги. А когда Арчеш — молодой тогда и горячий — попытался схватить ее, то девушка попросту исчезла, отступив за дерево, она как сквозь землю провалилась. Порасспрашивав в Озерках, Арчеш узнал, что семейство Осоки исстари промышляло знахарством, пользовало окрестных жителей от всяких болезней, а поскольку эти женщины открыто не признавали над собой мужской власти, жили наособицу, и много знали — слава о них шла весьма дурная. Ведьмы, одно слово.

Он стал каждый день ходить в тот самый лес, в надежде снова увидеть Осоку. И увидел. И не один раз. Он влюбился в нее со всем пылом молодости; в ней было что-то… настоящее, подлинное, что несказанно трогало и заставляло трепетать его сердце. Они были счастливы совсем недолго… Арчеша призвал отец. Попеняв сыну за бесцельное прозябание в глуши, он сообщил ему, что пора браться за ум и начинать служить не только своим прихотям — на что тебе, сын мой, было дано немало времени, — но и благу линьяжа. Ты ведь закончил арзахельский университет, сын… и это недешево обошлось нам.

Тебя ожидает судейская мантия… с твоей природной пытливостью и недоверчивостью это занятие как раз по тебе. А чтобы твой новый дом не показался тебе таким уж холодным и неприветливым, женись. Да поскорее. Благо невеста уже есть.

Арчеш выслушал отца, не перебивая и не споря; он знал, что рано или поздно ему придется подчиниться его воле. Но последние слова застали его врасплох. Он не был против послужить линьяжу, расплатившись за все удовольствия разгульной жизни, был готов отдать свое время и знания… но не свободу.

Ты удивляешь меня, сынок, сказал отец. Он не сердился, не упрекал, говорил спокойно и размеренно. Мантия городского судьи на дороге не валяется, мэтр судья сам выберет себе преемника. А ты взамен женишься на его дочери. Девушка славная, милая и добрая. Свадьба назначена на первый день осени, как раз через неделю. Успеешь приготовиться.

Арчеш испросил позволения уехать на пару дней, чтобы уладить оставшиеся дела. Отец не отказал, даже предложил денег, чтобы дела были улажены поосновательнее.

… Я должен уехать, сказал он Осоке. Я не принадлежу себе. Но я тебя не брошу… не бойся. Подожди, все еще уладится, я буду часто приезжать… ведь я с ума без тебя сойду!

Она слушала Арчеша, прижимая его голову к груди, гладя каштановые тогда волосы; это она успокаивала его и утешала. Ну конечно, я буду ждать тебя, я всегда буду ждать тебя, говорила она. Потому что люблю.

Проведя последнюю, сумасшедшую ночь в ее хижине на краю болота, Арчеш уехал. Странное чувство не покидало его, будто он предает самого себя, отказывается не от безвестной травницы, а от чего-то такого, что есть средоточие его души. Смехотворно банальная история: молодой повеса и деревенская красавица… да только Арчешу казалось, что он первым в Обитаемом Мире переживает ее. Потом началась полная забот жизнь городского судьи, Арчеш вошел во вкус новой роли, всецело погрузившись в судейские обязанности. Об Осоке он вспомнил только через месяц; и, улучив случай, отправился в поместье. Слуги рассказали ему, что последний раз знахарку видели, когда она отправилась, на ночь глядя, собирать на болоте сумеречные травы, те, что раскрывают свои соцветия только после того, как зайдет солнце. Она делала это не раз, зная все тропки в трясине и не боясь ее ловушек. Но в этот раз болото не отпустило Осоку.

И спустя многие годы, Арчеш так и не узнал, что же случилось с его возлюбленной. То ли подвели ее всегда такие зоркие глаза и она ступила не на ту тропку, то ли сознательно

выбрала она болото как последнее свое пристанище… Так ли уж важны причины? Его единственная ушла, оставив по себе пустоту и запоздалое раскаяние. Арчеш не был счастлив с женой. И не ее в том была вина; она прилагала все старания, чтобы понравиться ему. И еще она старалась, чтобы он не заметил, не почувствовал, не заподозрил…

Иногда, размышляя о характере своего сына, Сириана Мираваля, о его успехе и тех средствах, которые он использовал при его достижении, Арчеш оправдывал сына, обвиняя себя. Ибо каким еще может быть, спрашивал старик сам себя, ребенок, зачатый во лжи и принуждении? Ни отец его, ни мать не любили друг друга, оба лгали — лгали самим себе, вот что страшно…. Они поступили так, как того требовали традиция и приличия. Предпочли Жизни — мертвую букву закона. Такая вот история…

— Такая вот история… — сам себе сказал старик, сидящий на бархатно-зеленом пне у самой кромки болота. Вскоре он встал и сделал несколько шагов навстречу трясине.

— Ну что, опять пришлось свидеться? — никто не ответил на его вопрос, только где-то в глубине болота жалобно засвистала птица. Старик стоял, словно прислушиваясь к еле ощутимым вздохам тишины.

— Экое же ты ненасытное, — Арчеш усмехнулся, — ты и старость мою решило обездолить? Забрало мой цветочек… — он неторопливо пошел вдоль обманно-зеленого дерна.

— Да чтоб тебе лопнуть!.. — пожелал Арчеш в сердцах, пнув подвернувшуюся под ногу палку. Остановившись, он пригляделся к следам, которые, благодаря сухой и холодной погоде оставались вполне четкими. Вот колея от телеги братьев Брейс, вот следы копыт их клячи. Старик сделал несколько шагов в сторону и заметил еще одни отпечатки подков… но явно не лошади Брейсов. И подкова совсем другая, да и не могла же лошадь сама выпрячься и отойти от болота подальше, а телегу, мол, сами хозяева пусть везут. Арчеш опустился на колени. Его глаза, ничуть не потерявшие остроты, осматривали примятые былинки, отмечали форму подков стоявшего здесь коня, и странный характер следов. Наконец, старик встал и, вопреки всем доводам рассудка, направился прямо к болоту, сделал несколько шагов вглубь. Постоял, глядя под ноги и что-то обдумывая, повернулся и пошел к ожидавшей его гнедой.

Вернувшись в поместье, Арчеш — видно, чтобы успокоиться — отправился в сад. Старик бесцельно бродил по тропкам, без нужды поправляя соломенные шалашики на розовых кустах, прибежавшую было экономку он прогнал, нетерпеливо замахав на нее руками. Здесь, в саду, его и застал Риго.

Арчеш смотрел на торопливо подходящего к нему внука безо всякого выражения, чуть ли не тупо, молча пожевывая губами.

— Как она? — задыхаясь, выговорил Риго. — Как моя жена? она уже…

— Уже. — Выплюнул слово старик, — уже. Он смерил внука яростным взглядом и, не в силах более сдерживаться, заорал:

— Да как ты посмел здесь появиться? Ты… ты… недоумок!!! Вон отсюда!!! Чтобы ноги твоей здесь не было!

Риго попятился было от столь неожиданного натиска, но все же остановился и нашел в себе мужество спросить:

— Что случилось, дед? Я, признаться, плохо соображаю… три дня не спал, все ночи в седле провел… — он покачнулся. — Что с моей женой?

На лице Арчеша Мираваля застыла горько-насмешливая гримаса. Он двинулся на Риго, словно намереваясь силой выгнать из сада.

— Твоя жена… — старик намеренно подчеркнул это слово, — жена в Эригоне, где ей и полагается быть. Поздравляю тебя, внучек, — подойдя вплотную к Риго, дед с силой ткнул его в грудь своими длинными, сильными пальцами, — у тебя родился сын!

Снова удар. Риго отступил, не сводя с деда изумленных глаз.

— Прекрасный сын, достойный наследник славы линьяжа Миравалей!!!

Еще один удар, такой силы, что Риго отшатнулся.

— Жена твоя жива и здорова, и, надо полагать, несказанно счастлива! Еще бы — родил репейник яблочко, это ж надо, какое чудо!!!

Старик наступал, обличая и язвя, сам не замечая того, что по морщинистым щекам его текут слезы.

— Так что марш отсюда!!! — Арчеш кричал во весь голос.

— Что с моей женой? — тихо спросил Риго, словно не слыша деда.

— Да ты никак оглох?! Я ж сказал тебе — в Эригоне она, сына новорожденного нянчит!

— Амариллис увезли в Эригон? — в голосе Риго было изумление… и испуг.

Арчеш вытаращил на внука глаза и рассвирипел окончательно. В воздухе раздался сухой треск пощечины.

— Это чтобы тебе уши прочистить! Жена твоя — слышишь ли?! Ж е н а! — В Эригоне, будь он проклят! А Амариллис…

— Что с ней?! — Риго подался навстречу старику, схватил его за плечи, — Где моя Амариллис?

Арчеш, глядя прямо в глаза внука, процедил сквозь зубы:

— В Поганом болоте… — ухмыльнулся он, — твоя Амариллис.

Он оттолкнул Риго и, ссутулившись, направился к дому. Риго догнал его, пошел рядом.

— Ты сердишься на меня, дед? — примирительно заговорил он. — Я впрямь виноват перед ней. Нельзя было ее одну оставлять… Ты знаешь, я и до границы-то не доехал, тоска меня забрала. А неделю назад совсем невмоготу стало… и я вернулся. Знаю, отец меня со свету попреками сживет… ну и пусть. Ты уж не пугай меня так. Что она? Здорова ли? — Риго шагал рядом с дедом, заглядывая ему в лицо.

— Я сказал тебе, — тихо повторил Арчеш, не поворачивая головы, — Амариллис в Поганом болоте. Она, — старик остановился и размеренно заговорил, — упокоилась с миром… и линьяж Миравалей помог ей в этом. А потом ее — как и полагается жене будущего ратмана — достойно погребли, вышвырнув, как дохлую кошку, в болото. Но ты не печалься, внучек. Поезжай-ка домой, в Эригон, скажешь, мол, предчувствовал такую для себя радость, потому и поездку прервал. Порадуйся с женой, с отцом — да про подарки не забудь! А коли поиздержался в дороге, так ты повнимательнее посмотри, может, что и осталось от нее — истрепать вещички она не успела… — Арчеш сглотнул… — Будь ты проклят, Риго Мираваль! Что толку от твоего возвращения, убирайся, не береди мне душу! Ты опоздал… навсегда.

Риго застыл, не веря услышанному. Вся его дипломатическая выдержка испарилась в мгновение ока, он сильно побледнел и был не в силах сказать хоть слово. Арчешу вид внука почему-то напомнил о самой неприглядной стороне его судебной практики: иногда, в особых случаях, он был вынужден присутствовать на допросах с пристрастием. И теперь лицо Риго живо напомнило ему лица приговоренных к пытке — та же мертвенная бледность, та же недоверчивость и полыхающий в глазах ужас. Старик отвернулся и направился к дому.

Экономка, накрывая стол в покоях хозяина, сказала Арчешу, что Риго закрылся в бывшей его и Амариллис спальне и никого туда не пускает. Старик отмахнулся было, но, отужинав и собираясь уже ложиться спать, он помедлил и, выругавшись вполголоса, отправился на половину недавних счастливых супругов. Но, прежде чем пойти туда, взял небольшой сверток из прикроватного сундука. Пройдя по коридору и остановившись перед запертой дверью, он постучал и крикнул:

— А ну, открывай! Не хватало только, чтобы в моем доме кто-нибудь повесился! Открывай, кому говорю! Или я дверь в щепки

разнесу… — он не успел докончить.

— Входи… — открывший дверь Риго казался постаревшим лет на десять. Он вернулся в свое кресло у окна, дед сел рядом.

— Холодно здесь… — поежился Арчеш.

Риго кивнул; было видно, что ему совершенно все равно, покроются ли резные ручки кресла инеем, или вспыхнут от невыносимого жара. Он так и не переоделся с дороги, и изрядно запыленный плащ пачкал теперь дорогую обивку. Рядом, на подоконнике, стояла почти пустая бутылка вина. Арчеш помолчал с минуту, затем развернул принесенный сверток и протянул его внуку.

— Возьми… она приготовила это к твоему дню рождения, — в руках Риго оказался воротник густо-вишневого бархата, вышитый золотым шелком, и такие же манжеты. Он держал их осторожно, словно они были живыми.

— Я купил поместье, подальше отсюда, за Одайном. Хотел увезти, когда… когда отец получит долгожданного наследника и оставит ее в покое. И меня тоже. Думал, смогу ездить туда… к ней… — Риго рассматривал узоры на бархате и говорил совсем спокойно, только пальцы его вздрагивали… а глаз он не поднимал.

— Понятно. Получается, и ты свою игру вел… только неудачно. Обошел тебя отец. — Арчеш констатировал сей факт без малейшего злорадства, но и без сочувствия. — А о девочке ты подумал? Плохо же ты учился, малыш, если так и не понял, что, коли уж включаешь в игру Миравалей дорогого тебе человека, то надо сперва позаботиться о его безопасности! Поместье он купил… Ты оставил ее тут совсем одну, на растерзание линьяжу… дурак ты, внучек. А не дипломат.

— Но… — Риго впервые взглянул в глаза деду. — Но с ней оставался ты. Я думал…

— Что? Что я смогу защитить ее? — старик горестно усмехнулся. — Я, внучек, давно уж от этих забав отошел. Ну какой из меня игрок?! Старый, выживший из ума земляной червь, ковыряющийся на грядках… А если бы я и попытался что-то сделать, так эту возможность твой отец тоже предусмотрел… и позаботился, чтобы меня убрали со сцены.

— Как?! — изумился Риго.

— А вот так. Ну, это уже мое дело… а ты? Что надумал?

— Ничего, — покачал головой Риго, — ничего. Поеду обратно в Шаммах. Дел там много, глядишь, задержусь на пару лет. Потом… еще куда-нибудь. Не знаю.

— Понятно. — кивнул Арчеш. — Удираешь, значит.

Старик встал, направился к выходу. И у самой двери спросил:

— А как же сын? Ее… и твой? Так и отдашь его… линьяжу?

Риго смотрел на деда черными, тусклыми глазами; потом он что-то вспомнил, на лице его появилась тень улыбки.

— Сын… — он судорожно сглотнул, — Амариллис просила меня, чтобы его назвали твоим именем. Ты не против? Еще один Арчеш Мираваль…

— Не против. — Глаза старика заблестели. — Тем более, что я собираюсь забрать его к себе. Ты… не против?

— Нет. — Риго отвернулся к окну. — Если можешь, возьми с ним вместе Мореллу… она поможет.

— Знаю. А ты все-таки не уезжай в Шаммах. Отдохни здесь неделю-другую, и отправляйся в Эригон. Ничего, стыд не дым, глаза не выест. Справишься.

Спустя четыре дня Арчеш Мираваль ранним утром въехал в ворота Эригона Баснословного; вместо того, чтобы поехать к дому на Фонтанной площади и отдохнуть с дороги, он направился в квартал ювелиров, затем к банкиру Миравалей, почтенному седобородому гному, с которым имел продолжительный разговор. Потом старик направился к дому городского судьи (эту должность занял старший сын прежнего судьи, умершего на исходе тихого ветра), где также пробыл более часа и вышел преобразившимся — на Арчеше была парадная судейская мантия, та, которую одевают во время вынесения приговоров по особо важным делам. Он снова сел в свою карету и поехал в дом Сириана.

Когда Сириан Мираваль, задержавшийся в ратуше, вернулся домой, то был изрядно удивлен известием о приезде отца. Он прошел в свой кабинет, открыл дверь и остолбенел. Вместо маленького старичка, одетого в полотняный садовницкий фартук и озабоченного только своими саженцами, в его, Сириана, кресле сидел облаченный в судейскую мантию величественный старец. Холодно глянув на вошедшего сына, Арчеш бросил прислуге, суетившейся возле него:

— Пошли вон… А если под дверью застану — язык вырву.

После этого он обратился к Сириану.

— Садись.

Сириан, все еще недоумевая и явно не зная, как себя вести, послушно сел на указанное отцом седалище, коим оказался скромный высокий табурет.

— Отец, я очень рад…

— Помолчи. — брезгливо оборвал его Арчеш. — Ты будешь говорить, когда я разрешу. Итак, я вижу, ты весьма доволен собой. Хотел бы я тебе сказать: хвалю, мол, сынок, славную партию разыграл… да не могу. Потому как хреновый из тебя

игрок, Сириан.

Арчеш выпрямился в кресле, казалось, он даже вырос и раздался в плечах. Перед ратманом сидел истинный судья, судья по воле богов, видящий в душе подсудимого и читающий его мысли.

— Ты пренебрег главным правилом, сын мой: нельзя, чтобы в игре одного Мираваля пострадал другой. Ты чуть не убил меня…

— У меня и в мыслях не было… — попробовал было запротестовать Сириан.

— У тебя, быть может, и нет… хотя я и не уверен. А вот у вдовицы, может, и было. Мне нет дела до твоих орудий, сын, ты волен как угодно использовать людей во благо линьяжа. Но ты осмелился поднять руку на меня. — Старик смерил ратмана холодно-презрительным взглядом. — Да как ты посмел, сын мой?

Последние слова прозвучали как проклятие. Сириан поежился; он не знал, что ответить отцу.

— Добро бы ты отнесся ко мне как ко старому, но все же уважаемому игроку, сказавшему не последнее слово в истории линьяжа. Ты должен был рассказать мне о своем замысле, а не превращать меня в няньку для этой девицы.

Сириан глянул на отца; тот смотрел по-прежнему холодно и невозмутимо.

— Вместо этого ты опаиваешь меня какой-то дрянью, после которой я мог и не проснуться… Ты посмел поднять руку на отца, Сириан. По законам Эригона отцеубийцу заживо закапывают в могилу убитого. А кто чтит закон более ревностно, чем ратман?!

Судья замолчал, глядя на подсудимого, как на мелкое, кусачее насекомое.

— Теперь ты мой должник, сын. Навсегда. Даже не до конца моих дней, и не надейся. Навсегда. Я тебя и из гроба достану, ибо такие долги не прощаются и не выплачиваются. Это первое.

Сириан поднял глаза на отца — какую еще напасть приготовил ему старик? Арчеш встал, прошел к окну, волоча за собой мантию, обернулся.

— Да и нельзя мне помирать, сынок, — сказал он издевательски-заботливым тоном. — Никак нельзя. Сам посуди, кто тогда убережет линьяж от дурости моего сына?

Отец подошел к Сириану и тихо спросил:

— Ты когда подводу золота за придорожный камень отдавал, фамильный склеп замуровал, что ли? Иначе стоны предков весь Эригон бы услышал. Что вытаращился? Нет, Сириан, нельзя мне умирать… получается, тебя любой рыночный воришка вокруг пальца обвести может? Получается, за тобой присматривать надо? — и старик издевательски захохотал.

Сириана словно иголкой кольнули; он вскочил, метнулся было к двери.

— Это ты куда? За крысами вдогонку? Поздновато… Они тебе фальшивку впарили, да и давай бог ноги. Или камень проверить? Надеть колечко малышу… уже надевал, сынок. Хе-хе-хе… — Арчеш не скрывал своего злорадства. — Морелла еще подивилась — эдакий невзрачный камнишка.

Сириан остановился и вернулся на прежнее место; тяжело плюхнулся на табурет и уставился прямо перед собой невидящим взглядом.

— Мало того, что ты опозорил линьяж, подняв руку на отца. Ты еще и ограбил его… это ж надо, треть казны крысам отвалил! Экий ты, сынок, щедрый! А только придется тебе за это расплатиться. Твои последние приобретения я одобрить не могу, зато вот прежние были весьма неплохи.

Арчеш вновь уселся в кресло на возвышении и тоном, не предполагающим возражений, отчеканил:

— Все доходы с серебряных рудников, а также с суртонских шелкопрядилен с сегодняшнего дня будут поступать в казну линьяжа. Тебе достанет и процентов с личного счета, а коли мало покажется — не обессудь, сам виноват. Возместишь утрату — тогда посмотрим.

Сириан не удержался и волком посмотрел на старика; Арчеш перехватил этот взгляд и зловеще улыбнулся одними губами.

— Что, не нравится, когда тебя как пешку двигают? Ты поосторожнее, сынок… не больно глазами-то сверкай. Глава линьяжа пока что я. И завещание я могу переписать.

Сириан молчал.

— Распоряжение наш банкир уже получил. Мне здесь делать больше нечего, так что после обеда я уезжаю. И, пожалуй, заберу с собой правнука. Уж очень нехороший у вас тут воздух, прямо дуреют с него люди. В Серебряных Ключах не в пример здоровее будет. Так что ты распорядись насчет младенца.

— Что я скажу Морелле? — только и спросил ратман.

— Да что хочешь. Я ее не неволю, захочет — пусть со мной едет, нет — пусть здесь остается. Мне все равно. Ступай, Сириан, разговор закончен. И считай, что дешево отделался. Узнай кто со стороны — позору не оберешься, и кто тогда с нами дела вести будет?

После отъезда отца, забравшего с собой Мореллу с малышом, ратман закрылся у себя в кабинете и открыл самый надежный тайник в доме, давным-давно показанный ему отцом. Так и есть — в простой шкатулке лежит кольцо с камешком-замухрышкой, а рядом копия с отцовского распоряжения, непререкаемая сила

которого лишала ратмана львиной доли его личных денег.

Глава восемнадцатая. Обретение

В нескончаемых трудах и хлопотах июль и не заметил, как на смену ему пришел август; с радостью принялся он заканчивать начатое братом. Поливал, мотыжил, собирал, выкапывал… Амариллис уже давно свободно расхаживала по всем угодьям Сыча, даже побывала вместе с ним в бору, в гостях у пчел — с благодарностью за мед и чудесное молочко; она помогала всем — и Сове, и чете брауни; правда, ей не позволяли не то что утомиться, но даже и войти во вкус работы — сразу гнали отдыхать. Она больше ни разу не заговорила о том, что было прежде ее появления в доме орка, словно здесь она и родилась и ничего более в жизни не видела. Хозяйство, погода, урожай — ни о чем другом она не упоминала, а однажды прямо спросила у Совы, не нужна ли ей служанка.

— Нет, моя радость, служанка мне не нужна, — улыбаясь, покачала головой хозяйка сычова дома, — но вот от дочушки я бы не отказалась. Знаешь, мой младшенький с самого начала характерный был, шел спинкой — ух… Хорошо, что Сыч меня как раз к родам перевез к отцу с матерью, одна я бы не выжила. Но — с мечтой о дочке пришлось расстаться. И хотя я считаю, что такая жизнь не по тебе… ну, по крайней мере, пока, — если хочешь, оставайся. Как дочь.

— Я останусь. Не знаю, как я смогу отблагодарить вас… я никто. Ни родных, ни друзей, ни денег… девица с мутным прошлым и невесть каким будущим.

— Постой-ка, — и Сова отложила в сторону длинную деревянную шпильку, которой выдавливала ядрышки из темно-красных, почти черных вишен: сегодня вечером они будут варить варенье, а пока им предстояло очистить пару здоровенных корзин вишни, — постой. Это что же такого ты натворила, что стыдишься прожитых дней? Своего искусства? Друзей? Или того, что не сбежала из Эригона в дни тихого ветра? Ах вот оно что… немного неопрятный брак с ратманским сыном.

— Если бы немного… — Амариллис с ожесточением ткнула шпилькой в ягоду, так, что багряный сок брызнул ей на лицо, — если бы…

— Что ж. Я так понимаю, ты пошла за Мираваля-младшего потому, что это была неплохая возможность устроить свои дела. Так?

— Ага. И дела устроить, и поблестеть всласть, и нос кое-кому утереть. Вот, мол, побрезговал танцовщицей — так полюбуйся теперь на госпожу ратманшу… да только издалека, эдакое

лакомство не про тебя. Дура!!!… Дела устроить… да что там, это я себе давно простила, есть-пить всякому надо, жизнь особо рассусоливать не станет, когда я постарею. Но идти замуж за одного, чтобы кольнуть в сердце другого… — и девушка закусила губу, криво, нехорошо усмехаясь.

— И именно из-за этого ты оттолкнула Хэлдара? — тихо спросила Сова.

— Не знаю. Я ничего не понимаю, Сова. Когда я просто вспоминаю его, даже мельком — у меня словно земля из-под ног выходит. Но когда он был тут, я чувствовала себя какой-то мелкой, нечистой тварькой, мне казалось, что я вымазалась в грязи с ног до головы. И он видит эту грязь. Зря он меня вытащил. Ехало бы его лордство мимо… всем было бы лучше.

— Ну вот что. — Сова протянула руку, взяла Амариллис за плечо, пачкая платье соком вишни, и резко тряхнула ее, как будто приводя в чувство. — Прекрати сейчас же. Его лордство… не забывайся, Амариллис. Хэлдар — эльф, не человек. Чего ты не можешь ему простить? Что не побрезговал тобой, из болота вытащил? Земля из-под ног уходит… А ты и не привыкла! Тебе привычнее, когда от твоего вида шалеют, всякое разумение теряют!

Сова встала и принялась шагать по траве, время от времени потрясая перед носом Амариллис указательным пальцем.

— Ишь ты… выискалась! Мало тебя, видно, учили… ничего-то ты не поняла. Глупая девчонка! Как можно было так унизить эльфа…

— Да чем?! — с отчаянием в голосе прервала ее Амариллис.

— Да тем!.. Кто из окошка под утро вылез?! Ты, голубушка, его с кем-то спутала — уж если он принял тебя… или ты думала, тебя брезгливо выпроводят? И теперь! Стыдно ей, видите ли!

— Да! — подавшись вперед, сжав кулаки, выкрикнула Амариллис. — Да!!! Мне стыдно! И… и… я хотела не так!

— Конечно! Подолом пыль пустить! Как ты не понимаешь, не нужна ему эта людская мишура!.. Ему ты нужна. Зачем только, ума не приложу… дура этакая. — Постепенно успокаиваясь, Сова снова села и взялась за ягоды.

— Послушай меня, девочка… дочка. Его любовь примет от тебя все — и радость, и страдание, и даже грязь. К нему она не липнет; глядишь, и от тебя отстанет. Но твое сомнение для него больнее любого оскорбления, тяжелее любой обиды. Хэлдар привез тебя сюда почти что мертвую — и сам был готов умереть, лишь бы не оставить тебя одну… в смерти. Амариллис… с любовью не шутят, это не забава для капризной и заносчивой девицы.

— А я, я кто? — спросила девушка совсем тихо, подозрительно шмыгая носом. — Он тогда даже не взглянул на меня…

— А ты была готова к тому, чтобы он на тебя взглянул?

— Да… нет… все равно он уехал… — тут Амариллис выронила шпильку и, некрасиво сгорбясь, заплакала.

В этот момент среди обобранных вишневых деревьев показалась фигура Сыча.

— Совушка, так мед нужен или… о великие драконы! Опять?! Да сколько же в тебе слез, дева?! На тебе плесень вырастет, если будешь так реветь! — он сердито выговаривал Амариллис, не обращая внимания на жену, которая махала на него рукой, приказывая уйти и не вмешиваться.

— Эх ты! А еще темнокровка! — тут он осекся, поскольку увидел выражение лица жены. Не найдясь ничего сказать, Сыч потоптался с минуту на месте и потихоньку удалился.

Амариллис закончила плакать, вытерла слезы красной от вишневого сока рукой, отчего лицо ее приобрело устрашающий вид и решительно потянулась за следующей ягодой.

— Он прав, госпожа моя приемная мать. Я ведь все-таки темнокровка, хоть на сколько-то. — Она старалась говорить твердо, не впуская в голос дрожащих всхлипов.

— Надо же, опять все сначала… — она даже попыталась улыбнуться, — И сколько раз мне вот так рождаться заново?

* * *

Неспешно наступающая осень характером оказалась мягка и нежна, она как будто извинялась за резкость старшей сестры и хотела загладить нанесенные тою обиды. Дни стояли настолько теплые, что ночи даже радовали своей свежестью; вода в пруду близ сычова дома оставалась по-летнему согретой, и когда у Совы и ее приемной дочери заметно поубавилось дел, они целыми днями просиживали на желтом песке, купались… А потом созрели осенние яблоки. Даже изобильный сад Совы никогда не дарил своей хозяйке такого урожая; с самого начала сентября яблоки были повсюду — в сушильне, в погребе, в корзинах на полу, под деревьями… В огромном деревянном чане бродил, бунтовал сидр; в медных тазах попыхивала пастила, и брауни, довольно ухмыляясь в бороду, таскал на скотный двор целые мешки падалиц.

Амариллис разровняла угли под треногой, на которой гордо возвышался таз с пастилой, с удовольствием облизала лопаточку,

облипшую кисло-сладкой, прозрачно-золотистой массой и, взяв из корзины яблочко порумянее, направилась в дом, сказать Сове, что пора заполнять очередной противень ароматным варевом, где оно и застынет… а потом его свернут в трубки, обваляют в сахарной пудре и подвесят в погребе. Она подбрасывала яблоко на ладони, ловко ловила его, снова подбрасывала… выйдя из сада Амариллис увидела белоснежного коня, стоявшего у крыльца. Он, заметив ее, вскинул голову, узнавая и приветствуя… и тут же повернулся к хозяину, выходившему из распахнутой двери дома.

Амариллис застыла на месте, сжимая яблоко; она смотрела растерянно, даже испуганно, и, казалось, вот-вот развернется и убежит в спасительную тень сада. Эльф, направившийся было к ней, заметил это и остановился. Он ждал. Пальцы Амариллис дрогнули, разжались… яблоко, с глухим стуком упав в траву, покатилось. А она, не думая — просто забыв думать — о том, что же она делает, сорвалась с места стрелой, тоненькой, легкой, сладостно-гибельной стрелой… в его сердце.

Они стояли, обнявшись, молча; Амариллис вцепилась в темно-зеленые рукава, уткнулась лицом куда-то под плащ и, судя по всему, намеревалась простоять так весь остаток своих дней. А Хэлдар держал ее, тихо гладя светлые волосы, по-прежнему взъерошенные и короткие. И Госпожа Любовь, в чьей великой и непостижимой стране они едва не заплутали, обратила на них свой царственный взор и простерла над их головами руку жестом защиты и покровительства. Стало так тихо вокруг, что Амариллис, вздрогнув от ставшего слышным перестука собственного сердца, подняла голову и глаза ее встретили взгляд эльфа.

Не боишься больше? — Нет!.. Иди ко мне, я жду… — Я иду… Всего один шаг, вперед, безоглядно… и вот сейчас она сорвется в пропасть, обжигающе-ледяную бездну, и погаснет ее беспомощный крик, и исчезнет, истает в неоглядной глубине ее тело… Ну, давай!.. Всего один шаг — и вот она летит, взмывает ввысь, запрокинув голову и раскинув руки, и ликующая, звенящая синева омывает ее, пронизывая все ее существо — и бесследно растворяется сидящая тупой занозой в сердце боль… и уползает, разгневанно шипя, терзавший ее стыд… и страх, свивший такое уютное гнездышко в укромном уголке ее сознания, не без сожаления покидает его. Невозможное, уязвимое, сумасшедшее счастье… колючее небо марта, сияющее в эльфьих глазах — и ее душа, легкокрылая птица, впервые взлетевшая так высоко, что впору бы испугаться, если бы не эти руки, спокойные и крепкие, ждущие внизу, готовые принять ее любую — с любовью..

.

Амариллис казалось, что она молчит целую вечность; но это не было в тягость. Слова рождались и умирали непроизнесенными — и все же услышанными. Она чувствовала руки эльфа, окружившие ее кольцом служения и покровительства, а ее такой неровный, срывающийся сердечный перебой успокоился и принял совсем другой — не ее, чужой, но такой долгожданный тон. Наконец Хэлдар взял ее лицо в ладони, наклонился и, улыбнувшись, легко поцеловал Амариллис… прикосновение эльфа показалось ей дуновением ветра.

— Амариллис… я не должен торопить тебя. Я знаю это. Но ждать — не могу. — Эльф коротко вздохнул и снова поцеловал ее, на сей раз так крепко, что у Амариллис закружилась голова и она еще сильнее сжала пальцы на зеленых рукавах, опять ища опоры. Хэлдар снова отстранился, по-прежнему не выпуская девушку.

— Меня трудно принять, фириэль. Возможно, я уже потерял твое сердце… — он с силой прижал ее к себе, будто кто-то действительно грозился отнять у него это сокровище.

— Послушай, — голос девушки звучал немного невнятно, — если ты сейчас скажешь, что у тебя нет на меня никаких прав и ты готов уйти и предоставить меня кому-то еще… — она подняла голову и взглянула прямо в светло-синие глаза. — Я убегу отсюда подальше, найду место поглуше, где тебе меня не отыскать, и утоплюсь!

— С чего ты взяла, что я скажу такую чепуху? — засмеялся Хэлдар. — Я хочу, чтобы ты была со мной — и не когда-нибудь потом, и не в памяти, и не в будущей жизни… сейчас, Амариллис. Я хочу тебя сейчас и никому не собираюсь тебя уступать, фириэль. Никому… — объятия его стали невыносимо крепкими, недвусмысленно подтверждая эти слова. — Ты должна это понять… а уж всем остальным я сам объясню.

Не дожидаясь ответа, он подхватил девушку на руки, усадил на коня, сел сам и Искрень прянул вперед, унося седоков от порога сычова дома.

Весь день они пропадали в светлом сосновом бору, там, где ноги по щиколотку утопали в серебристом мху и теплые стволы ловили их пальцы ароматными потеками смолы. Лес привел их в маленькую, укрытую от ветра ложбину меж двух всхолмий, поросших можжевельником. Эльф расстелил на земле плащ; Амариллис было так отрадно просто лежать рядом с ним, слушая его дыхание, и закрывать глаза, когда он целовал их. А он, осторожно и терпеливо, помогал ей заново обретатать себя — ту давнюю, прежнюю Амариллис, канувшую в безвестность смерти, ушедшую раньше срока, не оставив ни следа. Эльф возвращал девушке ее саму, сохраненную до поры его любящим сердцем;

каждое прикосновение Хэлдара оживляло ее, воскрешая к новой жизни.

И она была так щедра в ответ, что уже очень скоро оба они стали одним, единым даром — друг другу. Так тихо было вокруг… можно было услышать, как падают на землю высохшие сосновые иглы. И, прижимаясь щекой к груди Хэлдара, чувствуя совсем рядом биение его сердца, Амариллис вдруг заплакала — не надрывно и яростно, как плакала она совсем недавно, а тихо и умиротворенно. Слезы лились сами по себе, ничуть не мешая ей; так — безболезненно, спокойно — тает снег, уходя в землю, превращаясь из грязноватого невзрачного комка в прозрачный ручей.

— Ну, будет… довольно слез. — Эльф взъерошил ее затылок. — Слышишь? Я больше не хочу печали, фириэль. Я люблю тебя.

На следующий день Хэлдар вновь увез Амариллис — еще дальше, к цветочным лугам Каджи; он смог помирить ее с рекой и девушка полдня провела, шлепая босыми ногами по еще теплой воде, отыскивая речных улиток и распугивая греющихся на солнце ящериц. Купаться она, правда, вот так сразу не отважилась, и эльфу пришлось брать ее на руки и вносить в воду. Посередине Каджи выставил спину островок, поросший ивняком и лопушками мать-и-мачехи; они доплыли до него, выбрались на белый песок, отдышались. Мокрые волосы Амариллис топорщились смешными вьющимися иголками, а губы стали совсем сизыми… но щеки горели румянцем.

— А что, если река решит забрать этот остров с собой? — поинтересовалась девушка, сосредоточенно закапывая правой ступней левую. — Подпихнет его чуть-чуть, и поплывет он… в дальние дали.

— Ты так думаешь? — эльф с интересом наблюдал, как постепенно растет белый сыпучий холмик. — Ну, если ему повезет найти в дельте рукав пошире, и миновать Эригон… может, он и выйдет в море.

— Нет уж, — мириады песчинок покатились по склонам и пальцы вырвались на волю, — пусть лучше сидит здесь. Нечего по морям шастать. Должно же быть что-то… неизменное, — она глубокомысленно покивала головой, — именно здесь, где все утекает сквозь пальцы.

— Как скажешь, — согласился эльф, ложась на спину, заложив руки за голову. Помолчав минуту, он добавил:

— Удивительно, но ты одобрила постоянство… — и засмеялся.

Этот островок так пришелся им по душе, что они

возвращались к нему не раз. Легко добирались вплавь, благо течение здесь было спокойным, даже ленивым, обсыхали на теплом прибрежном песке, слушая голос ветра, шелестящего узкими ивовыми листьями. Хэлдар вспоминал все свои ребяческие забавы, и, повинуясь эльфу воздуха, ветер так высушивал волосы Амариллис, что она становилась похожей на одуванчик, потом взвихрял белый песок десятком смерчей высотой в метр и заставлял их плясать вместе с девушкой. А то запевал на несколько разных голосов… или поднимал завесу радужных водяных капель, нежную и искрящуюся, и неожиданно обрушивал ее на разморившуюся на солнце Амариллис.

Они очень мало говорили; Амарилис казалось, что Хэлдар если не слышит, то чувствует ее мысли, и сама она удивительно тонко ощущала его настроения — все было так, словно два звучащих в унисон голоса вели мелодию удивительной песни.

Сыч и Сова, удивительно деликатные и понимающие, не донимали их расспросами, не вызывали на откровенность; они умели радоваться счастью друзей, не вмешиваясь и не смущая его. Но у мужа Сова спросила однажды, что все-таки собирается делать лорд Лотломиэль (она почти никогда так не называла Хэлдара…).

— Не знаю, — честно ответил орк. — И я не могу ни советовать, ни сочувствовать.

— Я полюбила Амариллис, — сказала Сова, — и оставила бы ее здесь, навсегда… признаюсь тебе, я думала, что скоро должен приехать Глитнир… — она смущенно улыбнулась.

Сыч покачал головой — ох уж эти женщины, ну никогда не устоят они перед соблазном устроить чье-нибудь счастье.

— Исключено. — усмехнулся орк.

— Знаю. Достаточно один раз взглянуть на них. Будь что будет — так? — Сыч только кивнул и больше они к этому разговору не возвращались.

А Хэлдара и Амариллис будущее, похоже, вовсе не волновала. Они жили, погруженные друг в друга; время остановилось для них.

На исходе сентября, в один из нескончаемых теплых вечеров они сидели на крыльце сычова дома, ожидая хозяина, отправившегося в бор проведать своих подопечных; Сова хлопотала в саду. Амариллис дремала, положив голову эльфу на колени, укрытая его плащом, пальцы Хэлдара гладили, перебирали ее волосы.

Внезапно вечернюю тишину смутили какие-то нестройные звуки — перестук копыт, перекликающиеся голоса и тихий, тишаший, едва заметный звон. Амариллис вздрогнула, но не

головы не повернула. Хэлдар улыбнулся и тихо сказал ей на ухо:

— За тобой приехали, фириэль…

Она привстала и осторожно глянула из-за плеча. И увидела, как у дома останавливаются три таких знакомых повозки, а из них на ходу выпрыгивают люди, и замирают, увидев их. Встают, переглядываются, не решаясь заговорить и помешать им… Темнокожий беловолосый Лиусс держит за руку жену, готовую вот-вот заплакать, близнецы суртонцы, как всегда, скромно прячут глаза, боясь совершить бестактность, Орсон переминается с ноги на ногу и улыбается как дитя при виде дешевой пестрой конфеты; скрестив руки, тепло усмехается мизоанка Рецина, за ее спиной прячется кто-то рыжий, и, без особого успеха стараясь казаться строгим, стоит впереди всех ее брат Арколь. На мгновение прижавшись к Хэлдару еще крепче, Амариллис вдохнула побольше воздуха и, восторженно заверещав, бросилась к друзьям. Подпрыгнув, она повисла на шее у Арколя, чуть не задушив его, что-то несвязно спрашивала, невпопад отвечала; потом ее обнимали, целовали, кружили на руках… Наконец, мало-помалу придя в себя, Амариллис оглянулась — эльф спустился с крыльца и стоял неподалеку. Светлые серебристые волосы, подсвеченные закатным солнцем, казались ослепительно белыми, в уголках губ таилась… улыбка? горечь? Поймав ее взгляд, Хэлдар рассмеялся — неожиданно весело и легко — и подошел к ней, обнял, прижимая к себе; он не казался чужим среди вольного актерского люда, и она, успокоившись, снова ухватилась рукою за его рукав.

— Звонковолосый велел передать тебе, что твое отсутствие затянулось, — сообщил довольным голосом Лиусс, — пора возвращаться, Амариллис. Мы передохнем здесь немного и — в путь.

— Куда? — все еще неуверенно спросила Амариллис.

— В Арзахель. А потом — в Краглу.

— Вы с ума сошли, там же холодища!..

— И коронация впридачу. Нас приглашал новый помазанник лично, так что, сама понимаешь, отказать было невозможно.

Амариллис подняла глаза на эльфа; он наклонил голову и сказал:

— Лиусс совершенно прав. — И еще тише добавил, крепко обнимая ее:

— Живи.

Глава девятнадцатая. Коронация

Крагла была на месте и вся ее холодища — тоже. Огромные каменные башни, выстроенные на основании двух монолитных скал, венчающие широкие — десяток всадников свободно мог проехать — городские ворота казались серебристыми из-за покрывавшего их инея. Под ногами горожан поскрипывал снег, морозец нежно пощипывал их за щеки; целый лес труб, произрастающий над городом дымил, кто во что горазд. В королевской резиденции полным ходом шли приготовления к скорой коронации: повара приводили в съедобное состояние все, что попадалось им под руку (ходили слухи, что один чрезмерно увлекшийся кулинар залил ланспигом зазевавшегося поваренка, а другой, еще более ретивый, испекся сам…); придворные выколачивали пыль из парадных парчовых мантий, жутко тяжелых и неудобных — но достаточно помпезных, чтобы создать настроение возвышенное и трепетное; слуги сбивались с ног, готовя все свободные апартаменты, комнаты, комнатушки и клетушки для гостей всевозможных рангов и самолюбий; герольды вопили во всю глотку, смущая окрестных петухов, и стараясь как можно отчетливей и звонче провозглашать высокие имена; управляющий церемониалом в сотый раз перепроверял правильность убранства пиршественной залы, очередность и точность развешанных по стенам стягов и гербов, порядок гостей за королевским столом и чистоту салфеток. А сам будущий монарх, а пока что наследный принц Огма целыми днями пропадал в кузнице, где наперегонки с Орсоном гнул подковы и плел косички из гвоздей.

Амариллис же занятий тоже хватало. Устроив по прибытии в северную столицу, по выражению Арколя, тряпочный бунт, они, на пару с Криоллой, порастрясли кошельки братьев и чуть не свели с ума пару портних своими безумными заказами; кроме того, ей понадобились новые украшения… она ведь вернулась к детям Лимпэнг-Танга, что называется, в первозданной прелести. Единственное, что ей не пришлось покупать (да это и не представлялось возможным) — так это Хранителя Мелодий; пока она была в Арзахеле, кто-то прислал ей из Шаммаха точно такого же. Почти все время, проведенное в славном герцогстве, она потратила на долгие, выматывающие репетиции, а рядом с нею почти неотлучно находилась Муна. Красавице северянке кочевая жизнь не подошла, так что Амариллис совершенно спокойно заняла свое прежнее место; девушки искренне радовались встрече и Муна действительно помогла подруге вернуть былое

мастерство. Запершись в одном из дворцовых залов, они танцевали с утра до ночи; однажды Муна сказала:

— Знаешь, цветочек, что-то в тебе появилось новое. Ты и раньше танцевала блистательно, может, даже чересчур… блеск глаза резал. А теперь… мягкость какая-то неуловимая, и жест стал плавнее.

— Ну вот, — расстроилась Амариллис, — я превратилась в размазню.

— Да что ты! Я же говорю — вся выучка при тебе осталась, и твой знаменитый четкий рисунок никуда не делся. Подожди, подумаю, как объяснить. Так. Раньше был жест, движение, поворот… и все. Все равно, что сказать ясно и звонко: «Да!». Теперь — тот же шаг, взмах, изгиб… а за ним — шлейф согретого твоим поющим телом воздуха, и дрожащие, мерцающие тени твоих движений… то же «да», но сказанное легким шепотом… на ухо. Да ну тебя! я не поэт, чтобы называть словами то, что я могу станцевать. Спроси лучше своего эльфа, он лучше скажет.

— Эльф, который, к слову сказать, не может быть ничьим, вчера уехал.

— Куда? — заметно удивилась Муна.

— В Краглу. На коронацию. Зачем-то ему надо быть там раньше остальных эльфов…

— А ты?.. — осторожно поинтересовалась танцовщица, стирая пот со лба мокрым полотенцем.

— Я?.. я тоже туда еду. Ну, начали? — и она выпустила из ладони кристалл.

Венона потихоньку выглядывала из-за тяжелого занавеса, отделявшего сцену от пиршественного зала, рассматривала сидящую по ту сторону рампы публику и делилась сведениями с Амариллис и Криоллой.

— Ну и король, чудо неизреченное!.. ему бы в кузне молотом махать, ой!.. скипетр погнул. Эльфы… смотрите-ка, этот, из свиты Воды явился; и лорд Хэлдар. Амариллис, я ведь тебе говорила!.. может, изменим танец? ну, как знаешь. Народу… больше, чем на площади, экая громадина этот дворец. А это кто? О-о-о… — и Венона отпрянула от занавеса.

— Что такое? — подошел к ней Лиусс.

— Сам посмотри. Похоже, Амариллис сегодня отдыхает.

— А-а. Ты права. Ами, беги в наши комнаты, запрись покрепче, как смогу, пришлю к тебе Орсона.

— Да что такое? — уже возмущенно спросила девушка, которую подталкивали к выходу.

— Твой бывший супруг явился, будь он неладен.

— Ну и что?! Я о нем уже вчера знала. Пусть себе сидит. Мне

он не мешает.

— А ты ему? — покачал головой Лиусс.

— Чем? Я — Амариллис, танцовщица Лимпэнг-Танга, и я не имею ничего общего с его безвестной любовницей, утонувшей в Поганом болоте.

— А в глаза ему посмотришь? — серьезно спросила Венона.

— Посмотрю. Я его в болоте не топила.

— Но… здесь лорд Лотломиэль, — не сдавался Лиусс, — вряд ли он одобрит такое легкомыслие. Подумай сама, это ему не понравится…

— А мне-то что!… - передернув плечами, возразила Амариллис и отправилась одеваться в новый наряд, только утром доставленный от портнихи.

Он сидел и смотрел, как актеры являют миру блеск своих дарований; вспоминал, как нашел их в Маноре и как хватило нескольких его слов, чтобы они, все оставив, бросились на помощь к Амариллис. Шелестит тяжелый занавес, густеет воздух, оплывают свечи… Вот снова Лиусс поколдовал, и сцена превратилась в подобие костра, воздух над полом дрожал, вился алыми сполохами. И прямо в сердце этого огненного цветка появилась тонкая, черная фигурка, застывшая в странной, изломанной позе. Но вот ожили ее руки, взметнулись, как потревоженные птицы, подхватили тяжелый, обшитый драгоценными кружевами подол, опять уронили его… Краем глаза Хэлдар видел, как нервно Геран облизывает пересохшие губы; по щеке его царапнула чья-то тоска, вырвавшаяся из подсердечного плена, метнувшаяся летучей мышью под потолок… эльф чуть повернул голову — там, вжавшись спиной в кресло, сидел Риго Мираваль.

Риго отправился на коронацию с поздравлениями от имени Эригона, с которым северные земли связывали давние торговые отношения. Он был рад возможности уехать подальше от дома, где ему уж слишком много приходилось притворяться. В Крагле ему отвели вполне достойные посла апартаменты, грамоты с торжественными поздравлениями он вручил принцу Огме лично, половину подарков — ему же, а другую половину передал со всевозможными церемониями на половину невесты, видеть которую до дня свадьбы никому не дозволялось. Судя по тому, что вечером того же дня ему прислали приглашение посетить будущую королеву после торжеств, подарки понравились…

Сидя за пиршественным столом, Риго с тоской ожидал того момента, когда на сцену выйдет новая танцовщица Лимпэнг-Танга. Но когда она появилась… Риго решил, что это наваждение, еще одна из иллюзий Лиусса. Он смотрел и не понимал, не знал,

что и думать. Это была она — его Амариллис, легконогая плясунья, милость и наказание. «Она погибла…» — говорил он себе. «Она жива» — говорили ему глаза, неотрывно следящие за сценой. Сердце было готово выпрыгнуть у него из груди, он мучительно кусал губы, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. Возможно ли, что Амариллис смогла спастись из тенет Поганого болота — совсем одна, обессиленная и измученная? Или он видел призрак, явившийся, чтобы мучить его? Риго даже не допускал мысли, что на сцене была какая-то другая танцовщица, ибо слишком хорошо помнил он этот танец и ту, что подарила его.

…Она танцевала в огне, не сгорая, ибо сама была огнем. Хэлдар видел, как тело Амариллис превращается в один из красно-золотых лепестков, свиваясь и кружась. Шаг, еще шаг… поворот, и выгибается спина как у рассерженной кошки, и руки приказывают и отстраняют. Ближе, ближе… как горячо… черно-алый водоворот взвихряется вокруг ее ног, то обнажая их, то ревниво пряча. И музыка… смеется и рыдает, обещает и отвергает… переливы гитарных струн, задевающие сердце, оплетают руки Амариллис, как цветочные гирлянды и вспыхивают, и осыпаются золотыми искрами. Пощади, королева… возьми все, все, то хочешь — сердце, душу, саму жизнь… А она улыбается, бросая ему такой взгляд, что он невольно опускает веки, боясь обжечься, и кончики ресниц его золотятся, опаленные. И уходит, уходит в самое сердце огня, замирает на миг, обернувшись к зрителям — и волей Лиусса гаснет иллюзорное пламя, и сцена погружается в кромешный мрак. По залу прокатывается согласный изнемогающий вздох, за которым следует взрыв восторга… вновь вспыхивают все светильники, на сцену летят живые цветы, немыслимая редкость для зимней Краглы, звенят, подпрыгивая и вертясь, золотые монеты, падают несколько кожаных кисетов, брошенных руками гномов, и сам новоиспеченный король встает и провозглашает хвалу дивной танцовщице и пьет за ее счастье. Хэлдар, лорд Лотломиэль, тихо улыбается, прикрыв глаза ладонью; Геран что-то говорит ему, но он не слышит.

Не дождавшись конца представления, Риго Мираваль выбрался из пиршественной залы размером с хорошую площадь. Он торопливо миновал ряды пышно накрытых столов, едва отвечая на приветствия знакомых и незнакомых людей, вышел в прохладный коридор и попытался успокоиться. Сердце все еще колотилось как сумасшедшее, отдавясь гулом в висках. Риго должен был во что бы то ни стало отыскать детей Лимпэнг-Танга, сегодня же, несмотря на всю коронационную суматоху.

В одной из парадных комнат дворца, открытых для осмотра,

куда Риго заглянул наудачу, ему посчастливилось встретить старого знакомого по арзахельскому университету, отдыхавшего в тишине от шумного пира. Они приветствовали друг друга, мало-помалу разговорились; очень скоро Риго понял, что его знакомый, ставший одним из советников герцога Арзахельского, тот еще поклонник артистов, осчастлививших коронацию. Он без устали восхвалял их несравнимые достоинства, пересказывал сплетни, одна другой невероятнее. Как бы невзначай, Риго поинтересовался, нельзя ли увидеть артистов поближе, принести свою дань восхищения, а заодно и пригласить провести зиму в Эригоне.

— Это какую зиму? — посмеиваясь, спросил советник. И тут же пояснил, что за право пригласить артистов Риго придется изрядно поспорить с десятком претендентов, да и то только на следующей зимой.

— А что касается личной встречи, то, может статься, все не так безнадежно. Я когда-то помог их вольтижеру выкрутиться из весьма щекотливой ситуации, так что они ко мне благоволят. Пойдем, попытаем счастья.

Они вышли в ярко освещенный коридор, поднялись по центральной лестнице, и направились в западное крыло дворца, где, по сведениям советника, и разместили детей Лимпэнг-Танга. Счастья, впрочем, они там не нашли: все двери были заперты, что было вовсе неудивительно — пиршество только-только разгорелось, и вернуться артистам предстояло еще нескоро. По предложению советника, они вернулись в огромную залу, где уже изрядно подкушавшие гости надсаживались от смеха, наблюдая за стычкой Арколя и Лорки, переодетых базарными торговками. Риго подобрался поближе к сцене, но безрезультатно — проход к двери, ведущей в кулисы, был загорожен длиннющим столом, за которым восседали особы сплошь королевских кровей, так что лезть через него не представлялось возможным. Вскоре его спутника пригласил к важному разговору какой-то эльф из прибывшей делегации, и Риго опять остался в одиночестве. Время шло. Коронационный пир медленно, но верно приближался к тому моменту, когда треть гостей сама покидает залу, отправляясь либо на покой, либо на поиски приключений, другую треть выносят слуги, а третья остается мирно досыпать под столами, никому не доставляя хлопот. Сцена опустела, артисты, с блеском отработав представление, исчезли.

Риго решил сам найти детей Лимпэнг-Танга. В конце концов, он видал и не такие дворцы, куда запутанней и темнее этого, и ничего, не терялся. Он вновь вышел на центральную лестницу, поднялся на два пролета и вышел в длинный коридор. Но как

только он сделал шаг в направлении комнат артистов, резкий порыв ветра загасил все факелы, все светильники и коридор погрузился в кромешную тьму.

Опешив — откуда взяться такому ветру, ведь окон здесь нет! — Риго попытался идти ощупью. Держась правой рукой за стену, он медленно шагал вглубь, надеясь нащупать дверную ручку. Напрасно. Он шел уже довольно долго, когда впереди него неслышно отворилась дверь и затеплился огонек.

— Вы что-то потеряли? — вежливо осведомился эльф, стоя на пороге комнаты и держа серебряный светильник, наполненный светляками. Парадной одежды на нем не было, значит пир он покинул довольно давно.

— Да… — не успев подумать, ответил Риго. Он стоял, щурясь от света и пытаясь вспомнить, говорил ли ему советник, что артистов разместили рядом с делегацией эльфов. При всем уважении к детям Лимпэнг-Танга, это было маловероятно.

— Да, я потерял своего приятеля… — и Риго сбивчиво объяснил, что разминулся в советником в зале, но видел, что тот уходил с эльфом.

— Вы правы. — вежливо кивнул эльф. — Ваш друг действительно дал неплохой совет одному из моих сородичей. Но он давно уже отправился в свои комнаты, в восточное крыло. Вас проводить?

— Мой друг собирался повидаться со своими друзьями, храмовой труппой, — солгал Риго. — Не укажете ли вы мне к ним дорогу?

— Простите, — тон остался таким же вежливым, но понизился до температуры глетчера. — Не имею чести знать, где разместились вышеупомянутые особы. — И эльф отступил назад, закрыв дверь.

Риго вновь остался в непроглядном мраке, проклиная эльфийскую заносчивость. Он повернул назад, с трудом добрался до лестницы, где свет тоже изрядно потускнел, и задумался. Искать человека во дворце, в ночь коронационного пира — хуже, чем иголку в стоге сена, ведь стог, по крайней мере, не набросится на тебя с пьяными угрозами или еще с чем похуже. Но Риго все же решил рискнуть и хотя бы попытаться разыскать артистов; произошедшее с ним в галерее он счел лишь досадным недоразумением, не более, хотя в другое время, несомненно, серьезно бы задумался.

Чуть больше часа Риго Мираваль бродил по дворцу, наудачу открывая двери и расспрашивая встреченных слуг. Наконец, золотая монета помогла протрезветь какому-то из лакеев и он смог указать Риго дорогу к детям Лимпэнг-Танга. Артисты

разместились все-таки в восточном крыле, в одном из обширных помещений на самом верху. На стук из комнаты вышел храмовый шут, высокий, худощавый эльф-полукровка.

— Доброй ночи, милостивый государь. Чем обязаны? — вежливо поинтересовался он, не приглашая Риго зайти.

— Доброй ночи и вам. Я ищу девушку, танцевавшую сегодня. Где она? — Риго старался говорить вежливо и по возможности скрыть снедавшее его нетерпение.

— Наша танцовщица? — шут удивленно поднял брови. — Вы ищете нашу танцовщицу?

— А почему бы и нет? — Риго уже ничинал терять терпение.

— Эй, Арколь, кто это там? — мизоанка вышла из комнаты и остановилась на пороге. — Вы что-то потеряли, мессир?

— Вы напрасно ищете ее здесь. — Шут внимательно глядел на Риго. — Нашу танцовщицу пригласили эльфы… не устояли перед ее искусством.

— Так что отправляйтесь-ка спать, мессир, — добавила Рецина, меряя непрошенного гостя безразличным взглядом, — Вряд ли вы ее найдете.

Не было сказано ни одного обидного или злого слова, но Риго чувствовал, как отталкивают, как отвергают его эти люди. Он понял, что от них не добьется более ни слова и, резко повернувшись, зашагал прочь. Он шел, сжимая в бессильной ярости кулаки, не зная, что делать; коридор вывел его в просторную галерею, нависавшую над одним из дворцовых залов. Риго остановился и присел на порог стенной ниши. Было прохладно, он поежился и плотнее запахнул плащ. Ночь коронации близилась к завершению, скоро должно было наступить утро; дворец затих, празднество иссякло. Риго прислонил пылающую голову к каменной стене, прикрыл глаза; он уже порядком выбился из сил, но сдаваться не собирался. Все эти «вы что-то потеряли?» злили его, заданные наугад и из вежливости, они били в самую точку. Риго Мираваль понимал, что может обыскать весь дворец, но так и не найти этой девушки, и все это время кто-то будет водить его на незримом поводке, не давая приблизиться к ней слишком близко. «Может, оставить все?..» — эта мысль заглянула к нему в голову, но надолго не задержалась. Поразмыслив еще с минуту, Риго встал и направился вниз, в помещения дворцовой гвардии.

Ему не составило особого труда, предъявив свои посольские полномочия, поднять капитана, вырвав его из предутренней дремы, и потребовать у него сопровождения в виде троих стражников. Уже вчетвером они поднялись в эльфийские апартаменты; свет в коридоре горел ровно и не было даже намека

на сквозняки. Риго постучал в дверь и отступил.

— Что привело вас сюда, сударь Мираваль? Потеряли что-нибудь? — вышедший из комнаты эльф прикрыл за собою дверь и встал к ней спиной.

Будь Риго помоложе, он взорвался бы — сговорились, что ли, все во дворце, задавать ему один и тот же вопрос?! Вместо этого сударь дипломат вежливо, но твердо ответил, что да, потерял, но потеря его может быть возмещена, ибо находится сейчас, по его сведениям, у господ эльфов. А господа эльфы не склонны присваивать себе чужое, не так ли, лорд Лотломиэль? Эта девушка… Риго сглотнул… танцовщица храмовой труппы, он должен увидеть ее и поговорить с ней.

— Это невозможно. — эльф говорил ровно, не отрывая взгляд от переминавшейся с ноги на ногу стражи.

— Я должен ее увидеть, — Риго повысил голос, — она знает нечто, чрезвычайно важное для Эригона. Вы не смеете мне препятствовать!

— Это невозможно, — повторил эльф. — И вы совершенно напрасно побеспокоили стражу, ведь не собираетесь же вы силой пробиваться в наши комнаты? Не думаю, что его величество Огма захочет начинать свое правление с войны… — после этих слов страже было достаточно одного жеста, чтобы дружно топая, удалиться на покой.

— Мне плевать, чего хочет Огма! — Риго Мираваль не выдержал. Он шагнул навстречу эльфу, намереваясь оттолкнуть того от дверей. Лорд Лотломиэль перехватил его руку, отбросил ее.

— Уходите. У вас нет права быть здесь.

— Нет, есть. — Риго не отступил ни на шаг. — Эта девушка — моя жена.

— Ваша жена умерла.

— Я так не думаю. Это была она… это не мог быть никто, кроме нее.

— Та, кого вы видели, не имеет никакого отношения ни к вам, ни к вашей семье. Я повторяю, сударь Мираваль, ваша жена умерла. Но если вы попытаетесь убить мою… — эльф не договорил. Риго почувствовал, как чудовищная рука поднимает его и сжимает все сильнее и сильнее, пока сдавленный стон не вырывается у него из горла. Все плыло у него перед глазами, в ушах раздавался погребальный звон колоколов, и он не мог даже пальцем пошевелить, между тем как вокруг него не было ничего, кроме воздуха. Внезапно незримая длань разжалась и отпустила его. Стоя на коленях, опираясь на руки и хрипло дыша, Риго с ненавистью посмотрел на эльфа; не разделенные ничем, они были

словно враги по разные стороны каменной крепостной стены.

— Уходите. — повторил эльф. В его голосе не было угрозы или вызова, он словно указывал Риго на единственно возможный для него путь. И тому не оставалось ничего, кроме как подчиниться.

Эпилог

Поздней ночью заканчивается празднество. Хэлдар идет в свои покои, минуя длинные запутанные коридоры, освещенные по случаю торжеств, отпирает дверь, входит в комнату… в большом кресле, придвинутом к окну, кто-то сидит, поджав ноги и зябко обхватив их руками.

— Окно было закрыто… — он не удивлен, он улыбается.

— Конечно, в такие холода. Оставь его открытым, и тут можно будет в снежки играть. Да и по ледяным стенам я лазать не мастерица. Это Хадор. Уж не знаю, что он там себе вообразил, но я себя чувствовала почти принцессой. Явился с такими церемониями, чуть не на руках сюда донес, все порывался остаться — а ну как я заскучаю?

— Негодник… я всего лишь попросил его проводить тебя… — она чувствует, как он улыбается, и готова заплакать от счастья.

Он подходит к ней, легко поднимает ее на руки, прикасается губами к светлым волосам… и вдруг сжимает ее в объятиях так сильно, что у нее перехватывает дыхание.

— Сама напросилась, фириэль… — и целует ее приоткрытые губы, и видит, как бессильно опускаются ее ресницы, и снова подхватывает легкое тело танцовщицы на руки. Воздуху ли бояться Огня? Огню ли страшиться Воздуха?

Холодная, бесстрастная северная ночь, окутавшая королевский замок роскошной, блестящей мириадами морозных искр мантией, замечает одинокий огонь, бьющийся в одном из окон. Она приближается, смотрит на него — и вдруг ей становится… как-то странно, непонятное ощущение удивляет ее, и она понимает, что… согрелась. Ночь растерянно улыбается, подхватывает мантию, поднимается наверх, на островерхую крышу, садится там и затихает, прислушиваясь к собственным мыслям, длинным-предлинным…

Конец первой книги

2005 год.